05 ол

Исторический вестник

1890 январь

05 246022
И 90 Истор.
вестник
1890 Т. 39
5.09.85 гд

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
С.-П. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ВІБЛІОТЕКА УНС

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЯНВАРЬ, 1890 г.

стр.

I. Отъ редакціи 7

II. За чьи грѣхи? Повѣсть изъ временъ бунта Разина. Гл. I—IV. **Д. Л. Мордовцева** . . . . . .

III. Петербургъ въ сороковыхъ годахъ. (Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ). Гл. I и II. **В. Р. Зотова** 29

IV. Потревоженныя тѣни. (Изъ одной семейной хроники). «Въ раю». **С. Н. Терпигорева** 54

V. Воспоминанія о Н. Н. Муравьевѣ. Гл. I и II. **К. А. Бороздина** . . 86

VI. Шемякинъ судъ. По рукописи XVII вѣка. **К. Н. Льдова** 102

Иллюстраціи: 12 факсимиле лубочныхъ картинокъ съ текстомъ, изданнымъ Обществомъ Любит. Древн. Письменности.

VII. Декабристъ князь Е. П. Оболенскій. (Пять не изданныхъ писемъ и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія). **М. В. Головинскаго** 115

VIII. Воспоминанія о Н. Д. Хвощинской. **А. А. Виницкой** 146

IX. Александръ Дмитріевичъ Градовскій. (Опытъ характеристики). **Б. Б Глинскаго** 156

Иллюстраціи: Портретъ А. Д. Градовскаго.

X. Могила князя-шута. **П. Н. Полевого** 171

Иллюстраціи: Могила князя М. А. Голицына въ селѣ Братовщинѣ.

XI. Радищевскій музей въ Саратовѣ. **А. Л. Куща** 175

Иллюстраціи: Радищевскій музей въ Саратовѣ.

XII. Критика и библіографія: Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы I и II. Литературные очерки и портреты. Спб. 1889. **С. Т—чева.**—Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., біографическіе очерки А. В. Экземплярскаго. Т. I. Спб. 1889. **А. Б—ва.**—Тверь въ XVII в. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова. Тверь. 1889. **В. Б.**—Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей проф. Н. Я. Грота. При участіи Московскаго Психологическаго Общества. Годъ I. Книга I. Москва. 1889. **С.**—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LXVI, LXVII и LXVIII. Спб. 1889. **С. Т—чева.**—Учебникъ исторіи проф. А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. Спб. 1889. **А. К.**—Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141 — 1173), изслѣдованіе Константина Грота. Варшава. 1889. **А. Б—ва.**—Генеральный планъ Императорскаго Воспитательнаго, для приносныхъ дѣтей, Дома и госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ. (1763—1767 гг.). Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889. **В. М.**—Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб. 1889. **С. Т—чева.**—Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ; соч. Н. И. Шишкина. Касимовъ. 1889. **А. Б—ва.**—Пензенскія Губернскія Вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838—1888 гг. Отдѣлъ неоффиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатели. Составилъ И. И. Василевъ. Пенза. 1889. **С. Тр—ва.**—Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889. **В. Б.**—Около трона, романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкихъ аристократовъ. Н. А. Попова. Спб. 1890. **А. Б—ва.**—Исторія Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888), составилъ М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889. **А. Б—ва** 186

XIII. Заграничныя историческія новости 212

XIV. Изъ прошлаго: I. Буддійская молитва за царя, установленная въ память о чудесномъ спасеніи Ихъ Величествъ въ день 17 октября 1888 года. Сообщено **В. Птицынымъ.**—II. Страничка изъ исторіи нашихъ сношеній съ Персіей въ 1829 году. Сообщено **А. П. М.**—III. Портретъ. (Шуточное стихотвореніе). Сообщено **С. С. Жихаревымъ** 220

XV. Смѣсь: Десятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».—Празднованіе пятисотлѣтія русской артиллеріи.—Чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ Обществѣ.—50-тилѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна.—Стодвадцатипятилѣтняя годовщина Академіи Художествъ.—Записки русскихъ людей.—Некрологи: С. П. Боткина, А. Д. Градовскаго, А. А. Ильина, А. С. Лашкевича, Н. И. Григоровича. 227

XVI. Замѣтки и поправки: I. По поводу біографіи Н. И. Хмельницкаго. **К. А. Бороздина.**—II. Библіографическая рѣдкость. **Е. А. К.** 237

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **А. С. Суворина.** 2) Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ **И. Фіорентини.** Переводъ съ итальянскаго **Н. А. Попова.** Гл. I—V. (Съ двумя иллюстраціями). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. 4) Объявленія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XXXIX

I ФИЛИАЛ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ма 139

05
И90

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXIX

1890

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР
ЗВІРЕНО 1961 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1890

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1890 году.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается **въ 1890 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе десять лѣтъ (1880—1889).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Въ настоящее время приступлено къ составленію **„Систематическаго Указателя содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы“**, т. е. за десять лѣтъ изданія. **„Указатель“** будетъ отпечатанъ (въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) въ теченіе первой половины 1890 года, и составитъ книгу объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Гг. подписчики на **„Историческій Вѣстникъ“**, желающіе получить **„Указатель“**, благоволятъ прилагать къ подписной платѣ **одинъ рубль.** Въ отдѣльной продажѣ цѣна **„Указателя“** будетъ **два рубля.**

„Историческій Вѣстникъ“ за **1889 годъ** разошелся весь по подпискѣ, а потому дальнѣйшія требованія журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы **въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Перваго декабря прошлаго 1889 года, исполнилось десять лѣтъ со дня основанія «Историческаго Вѣстника». Въ этотъ день я удостоился со стороны многихъ лицъ такого вниманія, которое не часто выпадаетъ на долю скромныхъ литературныхъ тружениковъ. Мною было получено множество телеграммъ и писемъ съ поздравленіями и добрыми пожеланіями не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ; мнѣ были сдѣланы разные подарки, и цѣнные и незначительные, но дорогіе по сопровождавшимъ ихъ привѣтствіямъ. Само собою разумѣется, что я не могу отнести оказанную мнѣ честь лично къ себѣ; она всецѣло принадлежитъ журналу и отражается на мнѣ лишь потому, что я слишкомъ тѣсно связанъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ петербургскимъ и иногороднымъ сотрудникамъ и читателямъ «Историческаго Вѣстника», которые сочувственно вспомнили день его десятилѣтія [1]).

Редакторъ «Историческаго Вѣстника» **С. Шубинскій.**

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ изложены въ отдѣлѣ «Смѣсь», въ замѣткѣ Десятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

I.

Царское сидѣнье.

ВЪ ГРАНОВИТОЙ палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами «сидѣнье».

Это было 5-го мая 1664 года.

Съ ранняго утра, которое выдалось такимъ яркимъ и теплымъ, обширная площадь около дворца запружена каретами, колымагами и боярскою дворовою челядью съ осѣдланными конями въ богатой сбруѣ. Экипажи и кони принадлежатъ московской знати, нахлынувшей во дворецъ къ царскому сидѣнью: обширное постельное крыльцо, словно маковое поле, пестритъ цвѣтною и золотною одеждою площадныхъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ.

Эта пестрая и шумная толпа поминутно разступается и поклонами провожаетъ знатныхъ и близкихъ бояръ, которые черезъ постельное крыльцо проходятъ прямо въ царскую переднюю. Это уже великая честь, до которой стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ высоко, какъ до креста на колокольнѣ Ивана Великаго.

Но и передняя уже давно полна: кромѣ бояръ, въ ней толпятся, по праву, окольничіе, что̀ удостоиваются великой чести быть иногда «около» самого государя, равно думные дворяне и думные дьяки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наконецъ, въ самой столовой избѣ, въ «комнатѣ», — высшая знать московская, самые сановитые бородачи. Тутъ же и великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи. Онъ сидитъ въ переднемъ углу, на возвышеніи со ступенями. Подъ нимъ большое золоченое кресло. Столовая изба такъ и блеститъ золотомъ и серебромъ изящной, а чаще аляповатой московскэй работы: на одномъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ, красуются рядомъ четверо серебряныхъ часовъ-курантовъ; у того же окна—серебряный стѣнной «шандалъ»; на другомъ окнѣ—большой серебряникъ съ лоханью, а по сторонамъ его—высокіе разсольники; на третьемъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ—другой серебряный разсольникъ, да серебряная позолоченая бочка, «мѣрою въ ведро». На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ, постланы дорогіе персидскіе ковры; около столпа, упирающагося въ потолокъ столовой избы — поставецъ: на немъ ярко горятъ подъ лучами весенняго солнца всевозможные драгоцѣнные сосуды—золотые, серебряные, сердоликовые, яшмовые.

Едва царь усѣлся въ кресло, какъ на постельномъ крыльцѣ произошло небывалое смятеніе. Послышался смѣшанный говоръ, изъ котораго выдѣлялись отдѣльные голоса:

— Хохлы! хохлатые люди ѣдутъ!

— Это черкасы, гетмановы Ивана Брюховецкаго посланцы на отпускъ къ великому государю.

— Смотрите! смотрите! какй усищи!

— И головы бриты, словно у татаръ.

— Только у татаръ хохловъ нѣту, а эти съ хохлами.

Дѣйствительно, изъ-за каретъ и колымагъ, запружавшихъ дворцовую площадь, показалась небольшая группа всадниковъ. Это и были гетманскіе посланцы, всего пять человѣкъ. Ихъ сопровождалъ стрѣлецкій сотникъ, а почетную свиту ихъ составляли три взвода стрѣльцовъ отъ трехъ приказовъ, только безъ пищалей, какъ полагалось по придворному церемоніалу. Своеобразная, очень красивая одежда и вся внѣшность украинцевъ, столь рѣдкихъ въ то время гостей на Москвѣ, не могли не поражать москвичей. Высокія смушковыя шапки съ красными верхами, лихо заломанныя къ затылку и на бекрень; выпущенные изъ-подъ шапокъ, словно дѣвичьи косы, чубы-оселедцы, закинутые за ухо и спускавшіеся до плечъ; длинные, ниспадавшіе жгутами, черные усы; яркіе цвѣтные жупаны, отороченные золотыми позументами; такія же яркія, только другихъ, еще болѣе кричащихъ цвѣтовъ шаровары, пышныя и широкія какъ юбки и убранныя въ желтые и красные сафьянные сапоги съ серебряными «острогàми» и подковами,—все это невольно бросалось въ глаза, вызывало удивленіе москвичей.

Посланцы сошли съ коней и направились къ постельному крыльцу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Потѣснитесь малость, госпòда стольники и стряпчіе!—дайте дорогу посланцамъ его ясновельможности гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго,—говорилъ стрѣлецкій сотникъ, проводя посланцовъ чрезъ постельное крыльцо.

— Добро пожаловать, дорогіе гости!—слышались привѣтствія среди толпившихся на крыльцѣ.

Посланцы вступили въ переднюю, а изъ нея введены были въ столовую избу предъ лицо государя. Ихъ встрѣтилъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Бояре, чинно сидѣвшіе въ избѣ и почтительно уставившіе брады свои и очи въ свѣтлыя очи «тишайшаго», такъ же чинно повернули брады свои и очи къ вошедшимъ. Полное, добродушное лицо царя и особенно глаза его освѣтились едва замѣтною привѣтливою улыбкой.

Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правыхъ рукъ дотронулись до полу. Это они ударили челомъ великому государю, по этикету. Но всѣ молчали.

Тогда выступилъ Алмазъ Ивановъ и, оборотясь къ лицу государя, громко возгласилъ:

— Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Запорожскаго гетмана Ивана Брюховецкаго посланцы, Гарасимъ Яковлевъ съ товарищи, вамъ великому государю челомъ ударили и на вашемъ государскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.

Посланцы снова ударили челомъ.

— Гарасимъ! Павелъ!—снова возгласилъ дьякъ, обращаясь уже къ посланцамъ:—великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ: тебѣ, Гарасиму—отласъ гладкой, камка, сукно лундышъ, два сорокà соболей да денегъ тридцать рублевъ.

Гарасимъ ударилъ челомъ на государскомъ жалованьѣ и поправилъ оселедецъ, который словно дѣвичья коса перевѣсился съ бритой головы на крутой лобъ запорожца.

— А тебѣ, Павлу,—продолжалъ дьякъ, обращаясь къ Павлу Абраменку, товарищу Гарасима,—тебѣ—отласъ, сукно лундышъ, сорокъ соболей да денегъ двадцать рублевъ.

И Абраменко ударилъ челомъ.

— А васъ, запорожскихъ казаковъ (это дьякъ говорилъ уже остальнымъ тремъ запорожцамъ, стоявшимъ позади посланцевъ) и твоихъ посланныхъ людей (это опять къ Гарасиму) царское величество жалуетъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ казны.

И остальные ударили челомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Царь, сидѣвшій до этого времени неподвижно въ своемъ золотномъ одѣяніи, словно икона въ золотой ризѣ, повернулъ лицо къ Алмазу Иванову и тихо проговорилъ:

— Сказывай наше государское слово.

И дьякъ возгласилъ заранѣе приготовленную и одобренную царемъ и боярами рѣчь:

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ сказати: пріѣзжали есте къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, по присылкѣ гетмана Ивана Брюховецкаго и всего войска запорожскаго съ листомъ. И мы великій государь тотъ листъ выслушали, и гетмана Ивана Брюховецкаго и все войско запорожское, за ихъ службу, что о нашей царскаго величества милости ищутъ, жалуемъ, милостиво похваляемъ, и пожаловавъ васъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить къ гетману и ко всему войску запорожскому. И посылаемъ съ вами къ гетману и ко всему войску запорожскому нашу царскаго величества грамоту. Да къ гетману жъ и ко всему войску запорожскому посылаемъ нашего царскаго величества ближнего стольника Родіона Матвѣевича Стрѣшнева да дьяка Мартемьяна Бредихина. И какъ вы будете у гетмана у Ивана Брюховецкаго и у всего войска запорожскаго, и вы ему гетману и всему войску запорожскому нашу царскаго величества милость и жалованье разскажите.

Проговоривъ это, Алмазъ Ивановъ, по знаку царя, приблизился къ «тишайшему» и взялъ изъ рукъ его грамоту, и тутъ же передалъ ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцѣловавъ ее и печать на ней, бережно уложилъ въ свою объемистую шапку.

Затѣмъ дьякъ, опять-таки по знаку царя, обратился снова къ посламъ:

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ, посланцевъ гетмана и всего войска запорожскаго, къ рукѣ.

«Гарасько—бугай», какъ его дразнили въ Запорожьѣ товарищи за его воловью шею и за такое же воловье здоровье, тихо, но грузно ступая по полу своими желтыми сафьянными сапожищами съ серебряными острогами, приблизился къ ступенямъ, которыя вели къ государеву сидѣнью, осторожно поставилъ ногу на первую ступень, какъ бы боясь, что она не выдержитъ воловьяго груза, потомъ на вторую, и перегнувшись всѣмъ своимъ массивнымъ корпусомъ, бережно приложился къ бѣлой, пухлой, «якъ у матушки игуменьи» (подумалъ онъ про себя), выхоленной царской рукѣ, словно къ плащаницѣ. За нимъ приложились и остальные посланцы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Только послѣдній изъ нихъ, Михайло Брейко, поцѣловавъ царскую руку и почтительно пятясь назадъ, оступился на ступенькѣ и грузно повалился на полъ у подножія государскаго сидѣнья.

— Оце лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!— невольно вырвалось у него.

Наивность запорожца разсмѣшила «тишайшаго», а за нимъ разсмѣялась и вся столовая изба.

Молодецъ, однако, скоро оправился и сталъ на свое мѣсто, а дьякъ Алмазъ снова выступилъ съ отпускной рѣчью.

— Гарасимъ!—возгласилъ онъ:—Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ—въ стола мѣсто кормъ.

Посланцы въ послѣдній разъ ударили челомъ на государевѣ жалованьѣ—на корму—и удалились.

— Какіе молодцы! — весело сказалъ Алексѣй Михайловичъ, когда за казаками затворилась дверь:—съ такимъ народомъ любо жить въ братской пріязни и любительствѣ.

Въ это время изъ-за широкихъ боярскихъ спинъ, съ задней скамьи, поднимается стройный молодой человѣкъ и выступаетъ на середину избы. Одежда на немъ была богатая, изысканная, какую носила тогдашняя золотая молодежь. Изъ-подъ кафтана темномалиноваго бархата ярко выдѣлялся зипунъ изъ бѣлаго атласа съ рукавами изъ серебряной объяри; къ вороту зипуна пристегнута была высокая, шитая, разукрашенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями «обнизь»—родъ стоячаго воротника. Кафтанъ, скорѣе—кафтанецъ, на немъ былъ такой же щегольской: запястья у рукавовъ кафтанца были вышиты золотомъ, по которому сверкали крупныя зерна жемчуга, а разрѣзъ спереди кафтанца и подолъ оторочены были золотною узкою тесьмою съ серебрянымъ кружевомъ; шелковые шнуры съ кистями и массивныя пуговицы съ изумрудами дѣлали кафтанецъ еще нарядиѣе.

При видѣ нарядиаго молодого человѣка Алексѣй Михайловичъ привѣтливо улыбнулся. Тотъ истово ударилъ челомъ—побожески: поклонился до земли и коснулся лбомъ пола.

— А—это ты, Иванъ Воинъ,—привѣтствовалъ его государь.

Молодой человѣкъ поднялся съ полу и откинулъ назадъ курчавые волосы. Лицо его рдѣло отъ смущенія, хотя онъ и отвѣтилъ улыбкой на улыбку царя.

— На отпускъ пришелъ?—спросилъ послѣдній.

— На отпускъ, великій государь,—былъ отвѣтъ.

Алексѣй Михайловичъ обратился къ Алмазу Иванову.

— Все готово къ отъѣзду?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Все, государь,—отвѣчалъ дьякъ,—все въ посольскомъ приказѣ.

— И грамоты къ посламъ, и наша царская казна?

— Все, великій государь, какъ ты указалъ и бояре приговорили.

— Хорошо.—Поѣзжайте же (Алексѣй Михайловичъ обратился къ молодому человѣку)—поѣзжай съ Богомъ, да кланяйся отъ меня отцу.—Простись со мной—и ступай съ Богомъ.

Молодой человѣкъ поднялся къ царскому сидѣнью и горячо поцѣловалъ государеву руку. Алексѣй Михайловичъ поцѣловалъ его въ голову какъ родного сына.

— Учись у отца служить намъ великому государю,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ столовой избы весь взволнованный.

II.

А соловей-то заливается!..

Вечеромъ того же дня, съ котораго началось наше повѣствованіе, по одному изъ глухихъ проулковъ, выходившихъ къ Арбату, осторожно пробиралась закутанная въ темный охабень высокая фигура мужчины. Легкая соболевая шапочка такъ была низко надвинута къ самымъ бровямъ, и воротъ охабня такъ поднятъ и съ затылка и выше подбородка, что лицо незнакомца трудно было разглядѣть. По всему видно было, что онъ старался быть незамѣченнымъ и неузнаннымъ. По временамъ, онъ осторожно оглядывался—не видать ли кого-либо сзади. Но переулокъ, скорѣе проулокъ, былъ слишкомъ глухъ, чтобъ по немъ часто могли попадаться пѣшеходы, особливо же въ такой поздній часъ, когда Москва собиралась спать или уже спала.

Но сѣверныя весеннія ночи—предательскія ночи.—Онѣ не для тайныхъ похожденій: ни для воровъ, ни для влюбленныхъ. Впрочемъ, глядя на нашего незнакомца, смѣло можно было сказать, что это не воръ, а скорѣе—политическій заговорщикъ или влюбленный.

По обѣимъ сторонамъ проулка, по которому пробирался таинственный незнакомецъ, тянулись высокіе каменные заборы, съ прорѣзами на верху, оканчивавшіеся у Арбата и загибавшіеся одинъ вправо, другой влѣво. И тотъ и другой заборъ составляли ограды двухъ боярскихъ домовъ, выходившихъ на Арбатъ. При обоихъ домахъ имѣлись тѣнистые сады, поросшіе липами, кленами, березами и высокими рябинами, только на дняхъ начавшими покрываться молодою яркою листвой. Изъ-за высокой ограды сада, тя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нувшагося съ правой стороны, по которой пробирался ночной гость, неслись переливчатыя трели соловья. Незнакомецъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться. Но не трели соловья заставили его остановиться: до его слуха донесся черезъ ограду тихій серебристый женскій смѣхъ.

— Это она,—беззвучно прошепталъ незнакомецъ,—видно, что ничего не знаетъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился у едва замѣтной калитки, продѣланной въ оградѣ праваго сада. Онъ еще разъ остановился и прислушался. Изъ-за ограды слышно было два голоса.

— Только съ мамушкой... Господи благослови!

Тихо, тихо щелкнулъ ключъ въ замочной скважинѣ, и калитка беззвучно отворилась, а потомъ такъ же беззвучно закрылась. Незнакомецъ исчезъ.—Онъ былъ уже въ боярскомъ саду.

Русскія женщины, особенно же жены и дочери бояръ XVI и XVII вѣка, жили затворницами. Онѣ знали только теремъ да церковь. Ни жизни, ни людей они не знали. Но люди—вездѣ и всегда люди, подчиненные законамъ природы. А природа вложила въ нихъ врожденное, роковое чувство любви. Любили люди и въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ они любятъ въ XIX-мъ и будутъ любить въ XX-мъ и даже въ двухсотомъ столѣтіи. А любовь—это божественное чувство—всемогуща: передъ нею безсильны и уединенные терема, и «свейскіе замки», считавшіеся тогда самыми крѣпкими, и высокія каменныя ограды, и даже—монастырскія стѣны!

А если люди любятъ—а любовь божественная тайна,—то они и видятся тайно, находятъ возможность свиданій, не смотря ни на какія грозныя препятствія.

Не даромъ юная Ксенія Годунова, заключенная въ царскомъ терему и ожидавшая постриженія въ черницы, плакалась на свою горькую долю:

«И не мнѣ постритчися не хочется,
«Чернеческаго чина не здержати,
«Отворити будетъ темна келья—
«На добрыхъ молодцовъ посмотрити»...

Хоть посмотрѣть только!—да не изъ терема даже, а изъ монастырской кельи...

— Воинушко! свѣтъ очей моихъ!—тихо вскрикнула дѣвушка, когда, сбросивъ съ себя охабень и шапку, передъ нею словно изъ земли выросъ тотъ статный молодой человѣкъ, котораго утромъ мы видѣли въ столовой избѣ и котораго царь Алексѣй Михайловичъ назвалъ Иваномъ Воиномъ.

Дѣвушка рванулась къ нему. Это было еще очень юное существо, лѣтъ шестнадцати—не болѣе. На ней была тонкая бѣлая сорочка съ запястьями, вышитыми золотомъ, и унизанными круп-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нымъ жемчугомъ. Сорочка виднѣлась изъ-за розоваго атласнаго лѣтника съ широкими рукавами—«накапками», тоже вышитыми золотомъ съ жемчугами.

— Вотъ не ждала—не гадала...

Пришедшій молчалъ. Онъ какъ-будто боялся даже заговорить съ дѣвушкой, и потому обратился прежде къ старушкѣ-мамушкѣ, вставшей со скамьи при его появленіи.

— Здравствуй, мамушка,—тихо сказалъ онъ.

— Здравствуй, соколъ ясный! Что давно очей не казалъ?

Пришедшій подошелъ къ дѣвушкѣ. Та потянулась къ нему и, положивъ маленькія ручки ему на плечи, съ любовью и лаской посмотрѣла въ глаза.

— Что съ тобою, милый?—съ тревогой спросила она.

— Я пришелъ проститься съ тобой, солнышко мое!—отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Какъ проститься?—для чево?—испуганно заговорила дѣвушка, отступая отъ него.

— Меня государь посылаетъ къ батюшкѣ и къ войску,—отвѣчалъ тотъ.

Дѣвушка, какъ подкошенная, молча опустилась на скамью. Съ розовыхъ щочекъ ея медленно сбѣгалъ румянецъ. Она безпомощно опустила руки словно плети.

Теперь она глядѣла совсѣмъ ребенкомъ. Голубые ея съ длиннымъ разрѣзомъ глаза, слишкомъ большіе для взрослой дѣвушки, смотрѣли совсѣмъ подѣтски, а поблѣднѣвшія отъ печали губки также подѣтски сложились, собираясь повидимому плакать вмѣстѣ съ глазами.

— Для тово я такъ давно и не былъ у тебя,—пояснилъ пришедшій,—таково много было дѣла въ посольскомъ приказѣ.

Дѣвушка продолжала молчать. Губы ея все болѣе и болѣе вздрагивали. Пришедшій приблизился къ ней и взялъ ея руки въ свои. Руки дѣвушки были холодны.

— Наташа!—съ любовью и тоской прошепталъ пришедшій.

Дѣвушка заплакала, и, высвободивъ свои руки изъ его рукъ, закрыла ими лицо.

— Наташа!—продолжалъ онъ съ глубокой нѣжностью,—если ты любишь меня...

При этихъ словахъ дѣвушка быстро встала, какъ ужаленная...

— А ты этого не зналъ?—глухо спросила она, вся оскорбленная въ своемъ чувствѣ этимъ «если».

— Прости, радость моя!—мое сердце кровью исходитъ, умъ мутится,—быстро заговорилъ пришедшій,—силъ моихъ нѣту оторваться отъ тебя... Коли ты любишь, ты все сдѣлаешь.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на него. Но онъ повидимому не рѣшался продолжать и стоялъ, потупивъ голову, словно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бы прислушиваясь къ соловью, который изливалъ свою безумную любовь въ страстныхъ треляхъ любовной мелодіи.

— Наташа! обвѣнчаемся нынѣ же, сейчасъ!—и поѣдемъ вмѣстѣ къ батюшкѣ!—вырвалось у него признаніе, какъ порывъ отчаянья.

Дѣвушка, казалось, не поняла его сразу. Только глаза ея разширились.

— Я уже и священника знакомаго условилъ,—продолжалъ пришедшій,—я уже совершенъ возростомъ—могу дѣлать, что̀ Богъ на душу положитъ; а мнѣ Богъ тебя далъ, сокровище безцѣнное! Мы обвѣнчаемся и поѣдемъ къ батюшкѣ—онъ благословитъ насъ: онъ знаетъ тебя.

Безумная радость блеснула въ прекрасныхъ глазахъ дѣвушки, но только—на мгновенье. Русая головка ея, отягченная огромною пепельнаго цвѣта косою, опять безпомощно опустилась на грудь.

— А мой батюшка?—съ тихимъ отчаяньемъ прошептала она,—какъ же безъ батюшкова благословенья?

— Твой батюшка опосля благословитъ насъ.

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Бѣжать отай изъ дому родительскаго... отай вѣнчаться безъ батюшкова—безъ матушкова благословенья... да такова грѣха не бывывало, какъ и свѣтъ стоитъ,—говорила она словно во снѣ.

Молодой человѣкъ опять взялъ ея холодныя руки.

— Не говори такъ, Наташа.—Вонъ въ Польскомъ государствѣ—сказывалъ мнѣ мой учитель, изъ польской шляхты—въ ихнемъ государствѣ молодыя боярышни всегда такъ дѣлаютъ: òтай повѣнчаются, а послѣ вѣнца—прямо къ родителямъ: повинную голову и мечь не сѣчетъ. Ну—назадъ не перевѣнчаешь—и прощаютъ, и благословляютъ.—Такъ водится и за моремъ, у всѣхъ иноземныхъ людей.

Дѣвушка грустно качала головой.

— Али я бусурманка?—али я поганая еретичка?—тихо шептала она:—бѣглянка—соромъ-отъ, соромъ-отъ какой!—Какъ же потомъ добрымъ людямъ на глаза показаться?—Да за это косу урѣзать мало—такого сорому и грѣха и чернеческая ряса не покроетъ.

— Наталья! не говори такъ!—недовольнымъ голосомъ перебилъ ее молодой человѣкъ:—это все московскія забобоны—это тебѣ наплели старухи да потаскуши-странницы.—Мы не грѣхъ учинимъ, а пойдемъ въ храмъ Божій, къ отцу духовному: коли онъ согласенъ обвѣнчать насъ—какой же тутъ грѣхъ и соромъ?.. А коли и грѣхъ-то, на его душѣ грѣхъ, не на нашей.—Ты говоришь—соромъ!—соромъ любить! коли самъ Спаситель сказалъ: любите другъ друга, любитесь! Ноли соромъ то, что мы съ тобою любилися—въ этомъ саду, аки въ раю, сердцемъ радовалися! Ахъ, Наташа, Наташа!—ты не любишь меня...

Дѣвушка такъ и повисла у него на шеѣ.

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Милый мой! Воинъ мой! свѣтъ очей моихъ!—я ли не люблю тебя!

— Такъ идешь со мной?

— Хоть на край свѣта!

— Наташа! идемъ же...

— Куда, милый?—не помня себя, спохватилась дѣвушка.

— Въ церковь, къ вѣнцу.

— Къ вѣнцу!—Дѣвушка опомнилась.—Безъ батюшкова благословенья?

— Да, да! нонѣ же, сейчасъ, со мной, съ мамушкой!

— Нѣтъ! нѣтъ!—И дѣвушка въ изнеможеніи упала на скамейку.

Молодой человѣкъ обѣими руками схватился за голову, не зная, на что рѣшиться.

А соловей все заливался въ сосѣднихъ кустахъ. Пѣсня его, счастливая, беззаботная, рвала, казалось, на части сердца влюбленныхъ. Мамушка сладко спала на ближайшей скамьѣ, свѣсивъ на бокъ сѣдую голову.

— Наташа! ласточка моя!—снова заговорилъ молодой человѣкъ, нагибаясь къ дѣвушкѣ и кладя руки на плечи ей:—Наташечка!

— Что, милый?—какъ бы во снѣ спросила она.

— Всемогущимъ Богомъ заклинаю тебя!—святою памятью твоей матери молю тебя!—будь моею женой—моимъ спасеньемъ.

— Буду, милый мой, суженый мой!

— Такъ идемъ же—разбудимъ мамушку.

— Нѣтъ! нѣтъ!—не тяни моей душеньки!—Охъ, и безъ того тяжко... Владычица! сжалься!

— Такъ нейдешь?

— Милый! суженый!—оохъ!

— Послѣднее слово?—ты гонишь меня на прощанье?

— Воинушко! родной мой!—не уходи!

Дѣвушка встала и протянула къ нему руки. Но онъ уклонился съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

— О! проклятая Москва!—ты все отняла у меня... Прощай же, Наталья, княженецка дочь!—словно бы прошипѣлъ онъ:—не видать тебѣ больше меня!—прощай!—жди другого суженаго!

И схвативъ охабень и шапку, онъ юркнулъ въ калитку и исчезъ за высокой оградой.

Дѣвушка протянула было къ нему руки—и упала на-земь какъ подрѣзанный косою полевой цвѣтокъ.

А соловей-то заливается!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

Батюшка и сынокъ.

Молодой человѣкъ, собиравшійся похитить дѣвушку изъ родительскаго дома и такъ презрительно отзывавшійся о московскихъ обычаяхъ, былъ сынъ извѣстнаго въ то время царскаго любимца Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, по имени Воинъ.

Воинъ представлялъ собою только-что нарождавшійся тогда въ московской Руси типъ западника. До нѣкоторой степени западникомъ былъ уже и отецъ его, любимецъ царя, Аѳанасій.

За нѣсколько времени до того, Нащокинъ посланъ былъ на воеводство въ Псковъ, въ его родной городъ. А по тогдашнимъ обычаямъ московскимъ, воеводство—это было въ буквальномъ смыслѣ «кормленіе»: такого-то послали воеводою туда-то «на кормленіе», другого—въ другой городъ, третьяго—въ третій, и все это—«на кормленіе»: и вотъ для воеводы дѣлаются всевозможные поборы, и хлѣбомъ, и деньгами, и рыбою, и дичью; даже пироги и калачи сносились и свозились на воеводскій дворъ горами.

Нащокинъ первый возсталъ противъ этихъ «приносовъ» и «привозовъ». По тому времени это уже было «новшество», нѣчто даже богопротивное съ точки зрѣнія подъячихъ и истинно-русскихъ людей.

Мало того, Нащокинъ перевернулъ въ Псковѣ вверхъ дномъ весь строй общественнаго управленія, урѣзавъ даже свою собственную, почти неограниченную, воеводскую власть.

Ему жаль было своего родного города, когда-то богатаго и могущественнаго, гордаго союзника и соперника «Господина Великаго Новгорода». Какъ пограничный городъ, стоявшій на рубежѣ двухъ сосѣднихъ государствъ — Швеціи и Польши, Псковъ еще недавно богатѣлъ отъ заграничной торговли съ этими обоими государствами. Войны послѣднихъ лѣтъ почти убили эту торговлю. Между тѣмъ вся экономическая жизнь города и его области сосредоточилась въ рукахъ кулаковъ, богатыхъ «мужиковъ-горлановъ», положительно не дававшихъ дышать остальному населенію страны.

— Я не хочу только кормиться отъ моей родины,—я самъ хочу ее кормить! — говорилъ новый воевода въ съѣзжей избѣ во всеуслышаніе.

— Какъ же ты ее, батюшка воевода, кормить станешь?—лукаво спрашивали «мужики-горланы».

— А вотъ какъ, госпòда старички: съ примѣру стороннихъ, чужихъ земель...

— Это съ заморщины-то, отъ нехристей?—ухмылялись въ бороды лукавые старички.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Съ заморщины и есть: за моремъ есть чему поучиться. Такъ вотъ я и помышляю въ разумѣ, что какъ во всѣхъ государствахъ славны тѣ только торги, которые безъ пошлины учинены, то и для Пскова-города я учиню такожде: быть во Псковѣ-городѣ безпошлинному торгу разъ съ Богоявленія по день преподобнаго Евѳимія Великаго, сирѣчь по 20-е число мѣсяца января; другой разъ — съ вешняго Николы по день мученика Михаила Исповѣдника.

— Такъ, батюшка воевода, такъ! Да какая же намъ-отъ съ той безпошлины корысть будетъ?—да и казнѣ-матушкѣ?—лукаво спрашивали горланы-мужики, по нынѣшнему консерваторы.

— А вотъ какая корысть!—то, что вы нонѣ, стакавшись промежъ себя, продаете въ три-дорога молодшимъ и чорнымъ людямъ и рольникамъ, то у иноземныхъ гостей они купятъ за полцѣны.

— Что жъ, батюшка воевода, — это корысть токмо подлымъ людишкамъ, смердьему роду, а казнѣ-ту-матушкѣ пошлинная деньга плакала,—твердили свое старыя лисицы.

— И казну не обойду,—отражалъ ихъ доводы ловкій воевода.— Нонѣ, вѣдомо вамъ буди, по всей матушкѣ Русіи торговые люди плачутся на иноземныхъ гостей: гости-де, стакавшись промежъ себя, какъ и вы вотъ, мошной своей—а у нихъ мошна не вашей чета!—мошной своей всѣхъ нашихъ торговыхъ людей задавили. Вы сами не лѣвой ногой сморкаетесь...

— Хе-хе-хе!—отвѣчали на шутку воеводы старики, — шутникъ ты!

— Нѣтъ, я не шучу; а вы сами вѣдаете, что иноземные гости, чтобы проносить ложку съ русской кашей помимо вашихъ ртовъ, стакались съ вашимъ же братомъ, которые побѣднѣе, задаютъ имъ деньги впередъ, на вѣру, а то и по записи, и на эти-то деньги вашъ братъ, который побѣднѣе, и скупаетъ на торгахъ, и по пригородамъ, и по селамъ товаръ малою цѣною — и все это имъ же, толстосумымъ гостямъ. Вотъ отъ такого-то неудержанія русскіе люди на иноземцевъ, на ихъ корысть, торгуютъ ради скуднаго прокормленія. и оттого въ послѣднюю скудость приходятъ, а которые псковичи и свои животы имѣли, то и они отъ своихъ же сговорщиковъ съ нѣмцами для низкой цѣны товаровъ — также оскудѣли.

— Правда, истинная правда, бояринъ,—соглашались старички и удивлялись:—и откуда это ты, бояринъ, въ нашемъ торговомъ дѣлѣ таково сталъ дотошенъ?

— Откуда?—Я не изъ княжаго роду, не изъ богатыхъ бояръ: знавалъ и я, почемъ ковшъ лиха, да и нонѣ цѣны тому ковшу не забылъ.

— Такъ-такъ... Да какъ же ты, бояринъ, этого ковша изведешь,—чтобы насъ то-есть нѣмцы не заѣдали?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А вотъ какъ: чтобъ не было такого тайнаго сговора съ нѣмцами, чтобъ маломочные псковичи не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и не роняли цѣны русскимъ товарамъ, вы, старички и молодчіе, лутчіе торговые люди, распишите сами, по свойству и по знакомству, во Псковѣ-городѣ и по пригородамъ, всѣхъ маломочныхъ людей, распишите ихъ по себѣ, и вѣдайте ихъ торговлю и промысли, а во мѣсто того, что они брали деньги у нѣмцевъ и на нихъ работали, на ихъ колеси воду лили,—будемъ давать имъ ссуду изъ земской избы. Когда такимъ изворотомъ маломочные люди на земскія деньги накупятъ товару, то пущай везутъ его во Псковъ, къ примѣру, въ декабрѣ мѣсяцѣ, сдаютъ товаръ въ земскую избу, въ амбары, гдѣ и записываются всѣ подвозы въ книги, а вы, лутчіе люди, должны принимать тотъ товаръ каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ и давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія, и чтобы съ маю мѣсяцу они накупали новыхъ товаровъ—къ самому никольскому торгу; послѣ же торгу вы, лутчіе люди, продавши товары сваломъ иноземцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

— Ну, и дóка же нашъ воевода,—твердили послѣ этого псковичи.

Но Нащокинъ въ своихъ преобразованіяхъ пошелъ еще дальше, урѣзавъ свою собственную власть, и опять-таки по образу западному—«съ примѣру стороннихъ, чужихъ земель».

Собравши въ земской избѣ всѣхъ «лутчихъ людей» Пскова, онъ держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Господа псковичи, лутчіе люди! увѣрились ли вы, что я хочу добра Пскову-городу?

— Увѣрились! увѣрились!—послышались голоса:—въ торговомъ дѣлѣ ты уже утеръ носа нѣмцамъ.

— Спасибо! такъ сотворите теперь сами доброе дѣло Пскову-городу и пригородамъ. Доселѣ воевода судилъ васъ во всѣхъ дѣлахъ и обидахъ; но воевода не всевѣдущъ; вы свои дѣла и обиды лучше знаете. Такъ выберите изъ себя пятнадцать человѣкъ добрыхъ людей на три года, чтобы изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ. Эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, а ко мнѣ, къ воеводѣ, отводить толко въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Ежели же случится тяжба между дворянинамъ и посадскимъ, то судить дворянину—кто будетъ у судныхъ дѣлъ—съ выборными посадскими людьми. Пошлины же съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ.—Люба ли вамъ моя рѣчь?—закончилъ воевода.

— Люба-то, люба,—только дай намъ малость подумать,—былъ отвѣтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Думайте, думайте.

За этими думами Псковъ раздѣлился на двѣ партіи: меньшіе люди всѣ примкнули къ «новшеству» Нащокина, «лутчіе»—уперлись на старинѣ, что̀ для нихъ было выгоднѣе.

Такъ и въ иномъ другомъ Нащокинъ шелъ нѣсколько впереди своего вѣка. За это его и не любили старые бояре и подъячіе.

Оттого, когда сегодня утромъ молодой Нащокинъ, Воинъ, шелъ изъ столовой избы черезъ переднюю, его провожало злобное шипѣнье приверженцевъ старины:

— Вонъ—изъ молодыхъ да ранній!—весь въ батюшку.

— А что̀ батюшка!—отъ него старымъ людямъ житья нѣтъ: все бранится, всѣхъ укоряетъ—все, по его, дѣлается не хорошо—толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что̀ въ чужихъ земляхъ!

— Знамо!—А каки-таки эти порядки?—Что̀ онъ завелъ во Псковѣ? Пріѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего, всѣмъ владѣютъ мужики!

— Да что̀ жъ будешь дѣлать!—Великій государь его жалуетъ: грамоты шлетъ ему прямо изъ приказа тайныхъ дѣлъ, и онъ, Аѳонька, пишетъ туда же. Ужъ коли заведенъ приказъ тайныхъ дѣлъ, такъ всякому бы можно писать великому государю, что̀ хочетъ, обносить кого хочетъ—никто не свѣдаетъ.

— И чему дивиться! былъ бы изъ честнаго стараго роду, а то откуда взятъ?

— Умный человѣкъ!—ядовито замѣчаетъ кто-то.

— Умный!—Никто у него ума не отнимаетъ,—да какъ будто всѣ другіе глупы?

— Ну, а сынокъ, поди, шагнетъ еще выше! вонъ и сейчасъ у великаго государя у ручки былъ.

Дѣйствительно, сынокъ пошелъ дальше отца, только нѣсколько въ другомъ родѣ.

Во многомъ приверженецъ Запада и его общественныхъ порядковъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, проникнутый благоговѣніемъ къ европейскому образованію, пожелалъ и сыну своему, Воинькѣ, дать по возможности отвѣдать этого роскошнаго плода. Но какія были средства для этого въ тогдашней московской Руси?—Ни университетовъ, которыми давно гордилась Европа, ни высшихъ, даже среднихъ образовательныхъ училищъ, ни даже учителей—ничего этого не было на Руси. Даже для царскихъ дѣтей приходилось брать учителей изъ Малороссіи. Но Малороссію Ординъ-Нащокинъ не любилъ. Онъ былъ приверженецъ монархическихъ порядковъ. Не будучи самъ знатнаго рода, онъ душою льнулъ къ древней родовитости, къ аристократизму. Онъ презрительно отзывался даже о Голландіи и ея республиканскомъ управленіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Голанцы—это наши псковскіе и новгородскіе мужики-вѣчники, тѣ же горланы!—отвѣчалъ онъ Алексѣю Михайловичу, когда тотъ желалъ знать его мнѣніе о союзѣ французскаго и датскаго королей съ голландцами противъ Англіи.

Понятно, что онъ не долюбливалъ и Малороссію съ ея выборнымъ началомъ.

— Эти хохлатые люди еще почище нашихъ вѣчевыхъ горлановъ!—говорилъ онъ о запорожскихъ казакахъ,—они своихъ кошевыхъ атамановъ и гетмановъ кіями бьютъ, словно своихъ воловъ.

Зато сердце его лежало къ полякамъ—къ аристократической націи по преимуществу.

И вотъ изъ поляковъ, попавшихъ къ русскимъ въ плѣнъ, Ординъ-Нащокинъ выбралъ учителей для своего балованнаго сына Воина. Не удивительно, что, вмѣстѣ съ мечтательной любовью къ Западу, учителя эти посѣяли въ сердцѣ своего пылкаго и впечатлительнаго ученика презрѣніе къ Москвѣ, къ ея обычаямъ и порядкамъ, даже къ ея вѣрованіямъ. Все московское было для него или смѣшно, или противно.

Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ возрѣній на жизнь онъ рѣшился на самый отчаянный по тому времени шагъ—похитить любимую имъ дѣвушку. Однако, всѣ усилія его разбились въ прахъ объ унаслѣдованное московской боярышней отъ матерей и бабушекъ понятіе о женской чести и стыдливости. Ни любовь, ни страхъ вѣчной разлуки, ни страданія оскорбленнаго чувства—ничто не могло заставить дѣвушку переступить роковую грань обычая. Она не перенесла страшнаго момента разлуки—и потеря сознанія облегчила на нѣсколько минутъ ея муки, ея ужасное горе—первое послѣ потери матери великое горе въ ея молодой жизни.

Когда она пришла въ себя, то увидѣла склонившееся надъ нею, ужасомъ искаженное, лицо мамушки.

— Гдѣ онъ? что съ нимъ?—были первыя ея слова.

— Не знаю, дитятко,—словно онъ сквозь землю провалился.—А что съ тобой, мое золото червонное!

— Я ничего не помню, мамушка: только онъ сказалъ, что мы больше съ нимъ не увидимся.

— Ахъ онъ злодѣй!—да какъ же это такъ?—встревожилась старушка:—что тутъ у васъ вышло? чѣмъ онъ тебя обидѣлъ, ласточка моя?

— Онъ ничѣмъ меня не обидѣлъ: онъ только сказалъ, что намъ больше не видаться на семъ свѣтѣ.

— Владычица!—всплеснула руками старушка:—да что съ нимъ, съ окаяннымъ, подѣялось?

Дѣвушка молчала. Даже старой мамкѣ своей она не могла выдать того, что она считала святою великою тайной.

А соловей все заливался...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Таинственное исчезновеніе молодого Ордина-Нащокина.

Прошло недѣли двѣ послѣ 5-го мая, и по Москвѣ, среди бояръ и придворныхъ, разнеслась вѣсть, что молодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, пропалъ безъ вѣсти.

Стало также извѣстно, что царь лично отправилъ его съ важными бумагами и большою суммою денегъ къ отцу, который вмѣстѣ съ другими боярами, съ князьями Долгорукими и Одоевскимъ, находился на польскомъ рубежѣ для переговоровъ съ польскими послами о мирѣ.

Одни говорили, что молодой Нащокинъ кѣмъ-либо на дорогѣ былъ убитъ и ограбленъ. Враги же Нащокиныхъ распускали слухъ, что Воинъ, прельстясь деньгами, которыя были ему довѣрены царемъ, и будучи ученикомъ коварныхъ польскихъ панковъ, съ царскими денежками и съ важными бумагами улизнулъ за рубежъ и тамъ протираетъ глаза этимъ денежкамъ.

Извѣстіе объ исчезновеніи молодого Нащокина, естественно, очень смутило Алексѣя Михайловича, и онъ тоже началъ думать, что молодой человѣкъ былъ увлеченъ въ сѣти злоумышленниками и погибъ безвременно. Онъ даже упрекалъ себя въ томъ, что далъ серьезное порученіе такому неопытному юношѣ и ему же довѣрилъ значительную сумму денегъ. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ приказалъ отправить гонцовъ во всѣ концы; но все напрасно: молодой человѣкъ словно въ воду канулъ.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть дѣвушку, съ которою онъ видѣлся наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы. Она винила себя въ гибели своего возлюбленнаго. Точно окаменѣлая бродила она по переходамъ своего терема и по саду, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ и гдѣ, казалось, на дорожкѣ, ведущей отъ скамейки къ калиткѣ, оставались еще слѣды его ногъ. Какъ безумная припадала она къ этимъ кажущимся слѣдамъ и все звала своего милаго. Она глухо кляла теперь свой напрасный страхъ, свою нерѣшительность. Что для нея людскіе толки и пересуды, если бъ около нея былъ ея суженый? Тогда она боялась идти съ нимъ подъ вѣнецъ; а теперь съ нимъ охотно бы пошла на плаху.—Зачѣмъ же ей теперь жить?—для кого?—Вѣдь только для него свѣтило это солнце, для него синѣлъ этотъ сводъ неба, для него раздавались эти трели соловья.—А соловей пѣлъ и тогда, въ тотъ чудный и ужасный вечеръ, когда она, безумная, оттолкнула его отъ себя.

Она не могла даже плакать, не могла молиться. По цѣлымъ часамъ она сидѣла на той скамейкѣ, на его мѣстѣ, неподвижная, холодная.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Старая мамушка насильно увела ее изъ саду и уложила въ постель. Къ вечеру дѣвушка вся разгорѣлась, а ночью бредила, говорила безсвязныя слова, или вздрагивала, прислушиваясь къ трелямъ соловья.

Больше недѣли оставалась она такимъ образомъ между жизнью и смертью. По ней служили молебны, кропили ее крещенскою водою; къ ней приносили изъ церквей чудотворныя иконы, приводили знахарокъ со всей Москвы.—Все напрасно!

Страшно поразило отца исчезновеніе любимаго сына. Онъ также думалъ, что его Воинъ погибъ отъ руки злоумышленниковъ. Въ нѣсколько дней онъ осунулся, постарѣлъ. Переговоры его съ польскими послами о мирѣ шли вяло—онъ, казалось, утратилъ сразу и умъ, и энергію, и находчивость, и даръ слова, которому прежде всѣ завидовали.

Между тѣмъ розыски пропавшаго безъ вѣсти производились самымъ тщательнымъ образомъ. Изслѣдованъ былъ весь путь отъ Москвы вплоть до польскаго рубежа, до того мѣстечка надъ рѣкою Городнею, гдѣ отецъ пропавшаго, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, и другіе русскіе послы вели переговоры съ польскими комиссарами о мирѣ. Разспрашивали въ каждомъ попутномъ селѣ, въ каждой деревенькѣ, по кабакамъ и корчмамъ—не проѣзжалъ ли въ такіе-то и такіе дни такой-то, на такой-то лошади, съ такими-то примѣтами. И почти вездѣ отвѣчали, что видѣли такого-то, проѣзжалъ-де, а кто такой—того не вѣдаютъ. И вдругъ слѣдъ его пропалъ какъразъ у рубежа, въ пограничномъ лѣсу, гдѣ змѣились три расходившіяся въ разныя мѣста дорожки. Тутъ онъ исчезъ безслѣдно. За рубежомъ, на польской землѣ, его уже не видали.

Какъ и чѣмъ объяснить это таинственное исчезновеніе?—Всѣ теряли головы и никто не могъ ничего придумать.

Несчастный отецъ остановился на одной ужасной мысли: сына его убили.

Но гдѣ убійцы?—кто?—для чего?—для грабежа?—Но кто зналъ, что у него деньги?—Вѣдь гонцы часто ѣздили и изъ Москвы, и въ Москву,—и ни одинъ не пропалъ.—Пропалъ его единственный сынъ, гордость и утѣха его старости, его надежды!

Онъ убитъ—и Аѳанасій знаетъ, кто его убійца. Враги отца, завистники—они наложили злодѣйскую руку на его сына. Они видѣли, какъ 5-го мая великій государь жаловалъ его къ рукѣ. Они знали, куда онъ ѣдетъ и съ какими порученіями. Съ нимъ были бумаги изъ ненавистнаго имъ приказа тайныхъ дѣлъ. Надо захватить эти бумаги и отмстить высокомѣрному отцу въ его единственномъ сынѣ.

Они подослали убійцъ къ невинной жертвѣ. За нимъ слѣдили по пятамъ до самаго рубежа, и въ послѣднюю ночь, въ этомъ порубежномъ лѣсу—убили, зарѣзали!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но гдѣ же трупъ несчастнаго?—Трупъ зарыли или бросили въ Городню съ камнемъ на шеѣ.

— «Это тебѣ, Аѳанасій, за твою гордыню, за царскія милости, за приказъ тайныхъ дѣлъ!»

Вотъ что теперь они говорятъ промежъ себя, усмѣхаясь въ бороды. А у Аѳанасія сердце кровью исходитъ, мозгъ сохнетъ подъ черепомъ.

Не даромъ этотъ «Тараруй»—князь Хованскій—все теперь передѣлываетъ на свой ладъ во Псковѣ, что̀ сдѣлалъ тамъ онъ, Аѳанасій. Такъ этого мало—надо сына отнять!

Хоть бы кости его найти да похоронить по-христіански!

И Нащокина часто видѣли бродящимъ въ лѣсу, гдѣ—онъ былъ увѣренъ—зарѣзали его сына.

Разъ онъ набрелъ тамъ на старика, сдиравшаго лыки на лапти.

— Здравствуй, старичекъ!—сказалъ онъ:—Богъ въ помощь.—Ты здѣшній будешь?

Старикъ былъ глуховатъ, и не разслышалъ словъ незнакомаго боярина. Онъ только кланялся. Нащокинъ заговорилъ громче и повторилъ свой вопросъ.

— Тутошній, тутошній, батюшка боляринъ,—отвѣчалъ старикъ,—грѣшнымъ дѣломъ лычки деру на лапотки—только лапотками и кормлюсь.

— Доброе дѣло,—ласково заговорилъ Нащокинъ:—Богъ труды любитъ.

— Чаво баишь, боляринушко?—не разслышалъ старикъ.

— Богъ—говорю—любитъ труды,—а ты вотъ трудишься.

— Тружусь, батюшко,—кормлюсь лапотками.—А ты, чаю, на зайчика?

— На зайчика, дѣдушка.

— Воръ зайчикъ—молоденьку корочку грызетъ—божье деревцо портитъ зря.

— А что, дѣдушка,—не опасно здѣсь на рубежѣ, въ лѣсу?—Не шалятъ, бываетъ, польскіе, а то и русскіе людишки тутъ?

— Бываетъ, батюшко, бываетъ—пошаливаютъ.

— И убивства случаются?

— Попущаетъ Богъ—убиваютъ.—Вотъ и нонѣшней весной—сказывали—убили тутъ боярскаго сынка.

Нащокина словно что̀ ударило подъ сердце.

— Боярскаго сына—говоришь—убили?—спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Убили, боляринушко,—попустилъ Богъ. Я, поди и злодѣевъ-ту этихъ видѣлъ, да невдомекъ мнѣ было, что это злодѣи. Опосля ужъ смекнулъ—да поздно.

— Разскажи же, дѣдушка, когда и какъ это дѣло было?—На-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щокинымъ овладѣло страшное волненіе.—Припомни, дѣдушка:—можетъ, злодѣи и сыщутся.

— А такъ было дѣло, боляринушко.—Однова этта весной, передъ вешнимъ Миколой, замѣшкался я въ лѣсу съ лычками—ночь захватила.

— Такъ передъ вешнимъ Миколой, говоришь?—перепросилъ Нащокинъ.—«Такъ—передъ Николой и должно быть», съ ужасомъ соображалъ онъ.—Ну, что же?

— Позамѣшкался я этта тоды въ лѣсу, надралъ лычекъ эдакъ свѣженькихъ охапочку, да грѣшнымъ дѣломъ и ковыляю домой. Анъ глядь—вонъ тамъ изъ лѣсу и выѣзжаютъ на коняхъ невѣдомые люди, да туда вонъ прямо за рубежъ и повѣялись.

— Трое, говоришь?

— Трое, боляринушко, трое.

— А обличья ты ихъ не разглядѣлъ?

— Гдѣ разглядѣть, батюшко!—далече ѣхали.—А что меня въ сумленье ввело, батюшка,—дакъ конь у нихъ, у злодѣевъ, лишній: два, какъ и слѣдъ, верхами, а одинъ—отъ злодѣй—одвуконь—другово-ту коня въ поводу велъ. Для-че имъ лишній конь? Знамо—не ихъ конекъ, а изъ-подъ тово боярскаго сынка, что они, злодѣи, убили въ лѣсу и ограбили: теперича этта я такъ мекаю, а тоды—и не вдомекъ было—украли, думаю, конька, злодѣи, да и за рубежъ. А дѣло-ту вышло во-како:—душегубство, а окаянныхъ-ту злодѣевъ и слѣдъ, чу, простылъ.

Теперь для Нащокина стало несомнѣннымъ, что то были убійцы его сына, убійцы, подосланные его врагами изъ Москвы. Ясно, что они слѣдили за нимъ по пятамъ, до самого польскаго рубежа, и тутъ, совершивъ свое гнусное злодѣяніе, перебрались за рубежъ, чтобъ воротиться въ Москву уже другою дорогою. Лошадь убитаго они не могли оставить въ лѣсу, а увели ее съ собою и, вѣроятно, продали въ какомъ-нибудь польскомъ мѣстечкѣ.

Нащокинъ далъ старику нѣсколько алтыновъ и пошелъ къ тому мѣсту лѣса, гдѣ, по его мнѣнію, былъ убитъ его сынъ. Но и тамъ не нашелъ онъ никакихъ слѣдовъ преступленія—ни подозрительной земляной насыпи, ни слѣдовъ борьбы или насилія.

А лѣсъ между тѣмъ жилъ полною жизнью, какою только можетъ жить природа въ весеннее время, когда говоромъ и любовнымъ шопотомъ, кажется, звучитъ отъ каждаго куста, когда говорятъ вѣтви и листья на деревьяхъ и трава съ цвѣтами шелеститъ любовнымъ шопотомъ. Все такъ полно жизни, блеска и радости, все дышетъ любовью и счастьемъ, которое слышится въ этомъ неумолчномъ говорѣ птицъ, въ этомъ жужжаньи пчелъ, въ этомъ беззаботномъ гудѣніи и какомъ-то дѣтскомъ лепетѣ неуловимыхъ глазомъ живыхъ тварей,—и среди этой жизни, среди этого бла-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

женства природы—смерть, наглая, ужасающая смерть въ самомъ расцвѣтѣ молодой жизни!

«И за что, Боже правый!» шепталъ несчастный старикъ:—«не за его—за мои прегрѣшенія!»

«За что же его, а не меня, Господи!»

Онъ упалъ лицомъ въ траву и беззвучно плакалъ.

А надъ нимъ было такое голубое небо, такое ласковое утреннее солнце.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

I.

Значеніе сороковыхъ годовъ.—Мои записки и воспоминанія.—Различіе первыхъ и послѣднихъ годовъ пятаго десятилѣтія XIX вѣка.—XI выпускъ лицея.—Канцелярія военнаго министерства.—Баронъ Вревскій.—Ротное ученье на французскомъ языкѣ.—Секретныя и кавказскія дѣла.—Перемѣны на Кавказѣ и въ канцеляріи.—Клейнмихель и Брискорнъ.—Типы чиновниковъ.—Д'Андре и его помощникъ.—Ссыльные въ Сибирь и заключенные въ Шлюссельбургской и Петропавловской крѣпости.—Секретные расходы.—Чернышевъ и Уваровъ.—Популярность Перовскаго.—Апатія общества.—А то такъ и не надо.—Новый директоръ канцеляріи.—Исторія одного секретаря.—Приготовленія къ экспедиціи въ Сербію.—Мундтъ и Позенъ.—Успѣхи Шамиля.—Послѣдній Хеакъ.—Мои театральные дебюты.

СОРОКОВЫЕ годы играли важную роль въ исторіи русской культуры — это давно признано писателями всѣхъ направленій. Шестидесятые годы имѣли больше вліяніе на развитіе общества, но въ литературѣ, за немногими исключеніями, оставили гораздо менѣе глубокіе слѣды. Всѣ болѣе или менѣе крупные дѣятели послѣпушкинской эпохи родились въ двадцатыхъ годахъ и въ сороковыхъ начали свое поприще большею частью блестящими дебютами. Движеніе началось въ Москвѣ, въ кружкѣ Аксаковыхъ, Герцена, Грановскаго, но, съ основаніемъ «Отечественныхъ Записокъ», перешло въ Петербургъ, гдѣ уже одной колоссальной фигуры Бѣлинскаго достаточно было, чтобы наполнить собою все десятилѣтіе. Исторія его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

составить любопытныя страницы въ хроникѣ нашего умственнаго, эстетическаго и общественнаго развитія, но не смотря на то, что мы вступаемъ уже во вторую половину столѣтія съ той эпохи, она все еще близка къ намъ и мы не имѣемъ возможности говорить объ ней все, что знаемъ. Многіе изъ лицъ, начавшихъ въ то время свою дѣятельность на разныхъ поприщахъ служенія обществу, продолжаютъ ее и теперь, и людямъ сороковыхъ годовъ остается пока собирать матеріалы и отдѣльные эпизоды для будущихъ историковъ той эпохи. Нѣкоторыя черты ея, хотя бы не крупныя, но имѣющія значеніе въ общей картинѣ эпохи, въ ея характеристикѣ, я хочу передать по моимъ воспоминаніямъ и запискамъ того времени. Автобіографическія замѣтки часто появляются въ нашихъ журналахъ—значитъ интересуютъ публику. Какъ коренной петербуржецъ, родившійся и надѣющійся умереть въ Петербургѣ, я оставлялъ его только на короткое время и слѣдилъ за его общественной жизнью въ теченіе полувѣка; поэтому я буду говорить только о Петербургѣ, гдѣ все-таки центръ умственной жизни Россіи, хотя иные утверждаютъ, что онъ не знаетъ ея. Но одно развитіе здѣшней журналистики, притягивающей къ себѣ не однѣ столичныя, но и лучшія провинціальныя силы, доказываетъ несправедливость этого мнѣнія. Какъ старый, хотя и не крупный работникъ на журнальномъ поприщѣ, я встрѣчался на немъ съ личностями, замѣчательными по многимъ отношеніямъ, и сохранить для потомства черты ихъ кажется мнѣ не безъинтереснымъ. Къ сожалѣнію, при этомъ приходится говорить о самомъ себѣ—хотя это уже неизбѣжное неудобство всякихъ мемуаровъ и воспоминаній. Недостатокъ общаго интереса въ моихъ запискахъ выкупается ихъ правдивостью. Я могъ ошибаться въ своихъ убѣжденіяхъ, иногда и мѣнялъ ихъ съ теченіемъ времени, когда ближе узнавалъ лица и факты, или когда они сами измѣнялись. Но я не собиралъ ложныхъ слуховъ и сплетенъ и если осуждалъ кого-либо, то дѣлалъ это на основаніи убѣжденія. Мелкія характеристики у меня могутъ быть неполны, односторонни, но не пристрастны. Мелкіе факты объясняются вообще слабо развитыми общественными интересами того времени.

Начало сороковыхъ годовъ рѣзко отличается отъ конца ихъ. Когда, въ іюлѣ 1841 года, двадцать восемь вышедшихъ изъ стѣнъ закрытаго заведенія молодыхъ людей вступили со школьной скамьи въ общественную жизнь, передъ ними открывалось широкое поприще самой разнообразной дѣятельности. Собственно насъ готовили въ чиновники, какъ и во всѣхъ гражданскихъ заведеніяхъ николаевскаго времени, но за ревностное служеніе отечеству принялись не всѣ изъ насъ и не вдругъ. Бо́льшая часть разъѣхалась по провинціи, къ роднымъ, отдохнуть отъ экзаменовъ, продолжавшихся почти мѣсяцъ. Въ столицѣ изъ всего курса осталось чело-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣкъ десять. Лѣтомъ мы продолжали часто видѣться другъ съ другомъ, по осени разбрелись по разнымъ департаментамъ и канцеляріямъ. У отца былъ хорошій знакомый, Брискорнъ, директоръ канцеляріи военнаго министерства, онъ предложилъ взять меня къ себѣ на службу. Мнѣ было все равно, гдѣ ни числиться—о томъ, чтобы не служить вовсе, никто, въ то время, не могъ и подумать. Приходилось, только-что снявъ куртку и мундиръ съ краснымъ воротникомъ, надѣвать сюртукъ съ такимъ же воротникомъ и свѣтлыми пуговицами и отправляться всякій день въ канцелярію отъ Большого театра въ домъ Лобанова, мимо церкви Исаакія, которая по словамъ пессимистовъ должна была вѣчно строиться, какъ теперь она вѣчно чинится. Служба была не тяжелая: собирались часу въ 12-мъ, уходили въ четвертомъ. Я былъ въ отдѣленіи, гдѣ сосредоточивались кавказскія и такъ называемыя секретныя дѣла, получались еженедѣльныя донесенія съ театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, составлялись, для представленія государю, ежемѣсячныя вѣдомости о декабристахъ, съ показаніемъ, гдѣ находится каждый изъ нихъ, чѣмъ занимается и т. п. Начальникомъ отдѣленія былъ полковникъ баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, блестящій, образованный аристократъ, объяснявшійся съ нами, молодыми чиновниками, большею частью по-французски. Дѣла у насъ было такъ немного, — мы составляли вчернѣ исходящія, переписываемыя писарями,—что Вревскій занималъ насъ работою, не входившею въ кругъ нашихъ обязанностей. Такъ мнѣ онъ поручилъ перевести для какого-то французскаго военнаго агента «уставъ о ротномъ ученьи» и я нѣсколько мѣсяцевъ провозился надъ этою совершенно не подходящею къ моимъ мирнымъ знаніямъ и наклонностямъ работою, усердно переводя въ мою «Ecole de peloton» техническіе термины ружейныхъ пріемовъ и ротныхъ построеній. Элегантный полковникъ очень извинялся, поручая мнѣ трудъ, «за который бы долженъ взяться офицеръ, но, къ сожалѣнію, наши офицеры, знающіе ротное ученье, плохо были знакомы съ изученіемъ французскаго языка, а въ лицеѣ этотъ языкъ въ такомъ же ходу, какъ и въ лучшемъ обществѣ». Къ тому же баронъ зналъ, что я занимаюсь литературою, а ротный уставъ принадлежитъ также къ литературѣ, хотя и военно-технической. Я долженъ былъ удовлетвориться этими резонами и перевелъ цѣлую книгу безъ особаго труда, скоро освоившись съ французскими выраженіями, отвѣчающими нашимъ терминамъ. Не знаю, что сдѣлалъ потомъ мой любезный начальникъ съ моимъ переводомъ, который можетъ быть былъ знакомъ и тому французскому начальнику, изъ чьего отряда, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ, роковое ядро оторвало голову барону Вревскому. Но кто же могъ думать, въ началѣ сороковыхъ годовъ о томъ, что произойдетъ въ началѣ пятидесятыхъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Служебная карьера моя началась довольно удачно: въ 1842 году я былъ уже помощникомъ секретаря и получилъ награду къ святой. На слѣдующій годъ мнѣ однако ничего не дали: переводъ мой былъ уже конченъ, а Вревскому нужны были самому деньги для вояжа на Кавказъ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ, что-то обозрѣвать или провѣрять послѣ смѣны тамошняго главноначальствующаго Головнина Нейдгартомъ. Эта перемѣна отразилась и на канцеляріи. Управляющимъ министерствомъ на время отсутствія Чернышева былъ назначенъ Клейнмихель, уже и тогда имѣвшій большую силу. Само собою разумѣется, что вступивъ въ управленіе, онъ вездѣ, гдѣ только могъ, противорѣчилъ планамъ и распоряженіямъ Чернышева, путалъ дѣла, распоряжаясь всѣмъ самовольно, а главное внесъ въ сношенія съ подчиненными такіе грубые пріемы, какихъ никогда не позволялъ себѣ европейски образованный Чернышевъ. Клейнмихель, въ личныхъ объясненіяхъ съ сослуживцами, съ генералами равными ему чиномъ—конечно, не со всѣми, а съ зависѣвшими отъ него лицами, позволялъ себѣ рѣзкія выходки, называя ихъ солдатскою откровенностью, тогда какъ это была мужицкая грубость. Онъ не стѣснялся и на бумагѣ въ подобныхъ выраженіяхъ и одному изъ директоровъ департамента написалъ прямо, что чиновники его берутъ взятки. Нѣкоторые приказы его, гдѣ онъ съ армейскими остротами соединялъ турецкое правосудіе, ходили по городу, какъ драгоцѣнный памятникъ правительственнаго слога. Петербургъ сильно не долюбливалъ этого аракчеевскаго ставленника, но говорилъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ. Слухамъ этимъ повѣрилъ директоръ его канцеляріи, перешелъ на сторону новаго фаворита и, чтобы подслужиться ему, началъ бранить Чернышева. Это былъ поступокъ необдуманный, на который могъ рѣшиться только пустой человѣкъ, какъ Брискорнъ, почти совсѣмъ не занимавшійся дѣлами и рѣдко бывавшій въ канцеляріи, куда по цѣлымъ мѣсяцамъ забывалъ даже передавать дѣла, требовавшія немедленнаго исполненія. Вечера онъ проводилъ за картами, ведя крупную игру. Понятно, что Чернышевъ, вернувшись съ Кавказа и узнавъ обо всемъ, уволилъ тотчасъ же своего директора въ отставку «по прошенію», но не предваривъ его объ этомъ. Это такъ поразило Брискорна, что онъ рѣшился подать просьбу, въ которой заявлялъ, что никогда не думалъ объ отставкѣ и не знаетъ за что уволенъ. Увольненіе все-таки состоялось, только Клейнмихель выхлопоталъ Брискорну другое мѣсто «съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ», единственный пунктъ, къ которому стремились чиновники во всѣ времена. Директоромъ канцеляріи назначенъ былъ Николай Николаевичъ Анненковъ, бывшій впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

За перемѣною начальства послѣдовала и смѣна нѣкоторыхъ мелкихъ подчиненныхъ. Мнѣ было больше всего жаль секретаря 2-го стола д'Андре. Новый директоръ призвалъ его и сказалъ: «я слышалъ, что вы хотите уходить отъ насъ. Подавайте же скорѣе въ отставку. У меня уже есть чиновникъ на ваше мѣсто. Въ короткое время вашей службы при мнѣ, я имѣлъ уже изъ-за васъ много непріятностей». Это была правда, но все-таки слѣдовало бы предупредить человѣка, а не подносить ему такіе экспромты. Д'Андре былъ изъ лицейскаго пансіона, очень образованъ, но чиновникъ плохой, не любилъ работать и всѣ дѣла исполняли два его помощника. Одинъ изъ нихъ Арг—еръ долженъ былъ также уйти вмѣстѣ съ д'Андре, угрюмымъ, неразговорчивымъ, охотникомъ покутить, но въ сущности добрымъ малымъ. Гораздо оригинальнѣе былъ этотъ Арг—еръ. Нѣкогда учитель русскаго языка, поступившій въ канцелярію по протекціи Брискорна, онъ въ ней почти ничего не дѣлалъ; его считали ниначто не способнымъ, хоть онъ былъ далеко не глупъ. Добрѣйшаго характера, онъ вскорѣ дошелъ до того, что вся канцелярія начала поступать съ нимъ, какъ съ игрушкой. Его толкали, дергали за волосы, дурачили, давали ему щелчки, выдергивали изъ-подъ него стулъ—и онъ сносилъ все съ величайшимъ хладнокровіемъ. Въ послѣднее время, видя что его выживаютъ, онъ вообразилъ себѣ, что это все происки его секретаря, началъ браниться съ нимъ, писать на него пасквили и, ослѣпленный ненавистью, сдѣлалъ даже нечестный поступокъ, едва ли не единственный въ его жизни, такъ какъ этотъ добрякъ былъ не способенъ сдѣлать сознательно гадкое дѣло. Д'Андре, не смотря на то, что былъ не красивъ, маленькаго роста и очень смуглъ, сватался за дочерью извѣстнаго богача Бер...., которому Арг—еръ послалъ анонимное письмо съ совѣтами не выдавать свою дочь за человѣка тутъ же описаннаго дурными красками. Узнавъ, что канцелярія негодуетъ за это письмо, бѣднякъ даже удивился, такъ какъ поступилъ дурно—просто по глупости. Вскорѣ послѣ этого онъ и исчезъ изъ канцеляріи. Изъ другихъ сослуживцевъ моихъ я ближе всѣхъ былъ съ моимъ товарищемъ по лицею, Андреемъ Николаевичемъ Кирилинымъ, бывшимъ потомъ въ военно-походной канцеляріи, изъѣздившимъ всю Европу въ свитѣ Николая I и Александра II и кончившимъ свое поприще директоромъ канцеляріи императорскаго двора. Изъ писателей въ канцеляріи служили—хотя не долго: Кульчицкій, рано умершій, даровитый беллетристъ, А. В. Дружининъ, М. Е. Салтыковъ, М. Н. Лонгиновъ и Д. И. Каменскій, переводчикъ байроновскаго «Сарданапала» и авторъ «Руководства къ цвѣтоводству», умершій членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Дѣла у насъ, какъ я уже говорилъ, были очень интересные. Въ первомъ отдѣленіи сосредоточивались, кромѣ кавказскихъ—всѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣла бывшей секретной экспедиціи, всѣ преступленія государственныя и судимыя военнымъ судомъ. Наказанія за нихъ опредѣлялись самыя тяжкія. Тѣ, кто ссылались въ Сибирь, на каторгу, были гораздо счастливѣе тѣхъ, кто томился на Аландѣ, въ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, или сидѣли въ казаматахъ петербургской и шлиссельбургской крѣпости. Незадолго до этого времени прислали въ Шлиссельбургъ на всю жизнь двухъ контролеровъ и одного счетчика польскаго банка, уличенныхъ въ подлогѣ при тиражѣ польскихъ облигацій. Преступленіе конечно важное, нарушающее народное довѣріе къ правительству и государственный кредитъ, но и наказаніе было тяжелое. Поляковъ увезли ночью изъ Варшавы, оторвавъ отъ ихъ семействъ; они просили позволенія написать къ женамъ и отцамъ, чтобы извѣстить родныхъ о постигшей ихъ участи и выпросить какое-нибудь облегченіе хоть въ матеріальномъ отношеніи—присылкою средствъ къ существованію. Но имъ было объявлено, чтобы они не смѣли просить ни о чемъ и что они «должны быть забыты». Тогдашнее правосудіе, наказавъ преступника, съ большимъ трудомъ и противъ своего желанія облегчало его наказаніе, а напротивъ иногда усиливало судебный приговоръ. Такъ въ то время, съ 1836 года, сидѣлъ въ петербургской крѣпости несчастный Павловъ, убившій Апрѣлева, хотя былъ осужденъ на ссылку въ Сибирь. Конечно, онъ лучше согласился бы копать тамъ руду, чѣмъ сидѣть здѣсь въ казематѣ.

Хотя въ канцеляріи преобладали дѣла о военныхъ людяхъ, но встрѣчались также и о статскихъ, даже о дамахъ. Такъ почти въ одно время съ выдачею двадцати тысячъ рублей на подъемъ Нейдгардту при его отправленіи на Кавказъ, получила тысячу рублей серебромъ дѣвица Тур—ая неизвѣстно за военныя или статскія услуги. (Съ 1842 года начали считать на серебро и цифра секретныхъ расходовъ по военному министерству за этотъ годъ—371,812 рублей съ копѣйками и 4,100 червонцевъ, не казалась вовсе огромною). Получилъ также пособіе для отправленія въ Парижъ одинъ изъ адъютантовъ Чернышева, по особенному случаю. Сестра его, проживъ нѣсколько лѣтъ, въ полномъ счастіи, которому всѣ завидовали, должна была отправиться путешествовать въ Италію, чтобы дать время поумолкнуть, въ Петербургѣ, уже слишкомъ распространившимся слухамъ о ея необыкновенномъ счастьи. Отъ перемѣны положенія, отъ разлуки съ родиной, отъ обманутыхъ ли надеждъ, или отъ извѣстія, что ея счастіе выпало на долю другой,—а можетъ быть и отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ,—только несчастная сошла съ ума и ее привезли въ Геную въ припадкахъ бѣшенства. По неимѣнію тамъ хорошихъ докторовъ, порѣшили свезти ее въ Парижъ. Братъ сталъ проситься туда же, чтобы повидаться съ сестрою. Его отпустили, хотя и неохотно, но дали ему черезъ Нес-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сельроде курьерское порученіе, чтобы въ Парижѣ не думали, что онъ пріѣхалъ туда по своей волѣ.

Чернышева вообще не любили, не только въ обществѣ, но и въ народѣ: въ Малороссіи его проклинали публично, за то что онъ отнялъ у народа даже человѣческія права. Общую нелюбовь раздѣлялъ съ нимъ и министръ просвѣщенія Уваровъ, гонитель мысли и науки. Своими крутыми мѣрами онъ достигалъ только того, что положеніе дѣлъ ухудшалось. Въ началѣ 1843 года, онъ уволилъ въ отставку одного дерптскаго профессора, вся вина котораго состояла только въ томъ, что по случаю его юбилея студенты поднесли ему серебряный кубокъ. Это несправедливое увольненіе заслуженнаго ученаго повело только къ тому, что четырнадцать его товарищей-профессоровъ также подали въ отставку. Это взволновало, впрочемъ, только интеллигентныя сферы и не касалось вовсе народа, о развитіи котораго и не помышляли въ николаевское время. Но народъ относился съ благодарностью и къ тѣмъ, кто заботился о его матеріальномъ благосостояніи. Такъ онъ очень любилъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго за то, что тотъ ввелъ таксу на говядину и, при продажѣ припасовъ, приказалъ взвѣшивать ихъ безъ бумаги. Конечно, эти нововведенія скоро же исчезли, такъ какъ борьба съ нашими торгашами очевидно намъ не подсилу и мы черезъ полстолѣтіе благополучно переплачиваемъ лишнія копѣйки за мясо, а при покупкѣ сахара головами, напримѣръ, платимъ за два фунта веревокъ и толстой синей бумаги столько же какъ и за сахаръ; но въ то время даже и кратковременная попытка хоть немного обуздать алчность нашего купечества дѣлала человѣка популярнымъ. Петербургъ былъ также благодаренъ Перовскому за то, что съ помощью Синицына онъ захватилъ въ городѣ огромную шайку воровъ и мошенниковъ, жившихъ обществомъ и имѣвшихъ свои законы, свой условный языкъ и своего начальника. Въ крѣпость посадили 84 человѣка. Само-собою разумѣется, что при тогдашнемъ, полномъ отсутствіи гласности, публика ничего не узнала ни о ходѣ, ни о результатахъ слѣдствія по дѣлу, которое, казалось бы, затрогивало ея интересы.

А впрочемъ и къ интересамъ своимъ она оставалась во всѣ времена достаточно равнодушна. И тогда уже говорили, что въ жизни нашей руководящую роль играютъ три завѣтныя слова: «авось, небось и какъ-нибудь». Мнѣ кажется, что забываютъ еще одно типическое выраженіе, играющее едва ли не бо́льшее значеніе въ жизни русскаго человѣка, очень скоро примиряющагося со всякою дѣйствительностью, какъ бы ни противорѣчила она его первоначальнымъ планамъ и надеждамъ. Это фраза: «а то такъ и не надо», выражающая полнѣйшую покорность судьбѣ и начальству. Въ моемъ дневникѣ записана слѣдующая просьба одного

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

купца къ полиціймейстеру: «Государь мой, господинъ полиціймейстеръ! Есть у меня слуга Петька, мужикъ хорошій, работящій, только цѣлый день лежитъ на печи и ничего не дѣлаетъ. Конечно, трудъ—дѣло доброе и хорошо, кто трудится,—ну, а то такъ и не надо. Когда я заставляю его работать, онъ работаетъ, ничего—хорошо, а то такъ и не надо. Теперь онъ захворалъ, здоровье воистину необходимо, а то такъ и не надо. Но дома я больного держать не могу и если онъ точно боленъ, что вамъ знать лучше—возьмите его пожалуста въ больницу—а то такъ и не надо». Конечно, это анекдотъ, но въ немъ заключается философія народнаго духа и характера. Хорошо, когда жизнь наша идетъ свѣтло и гладко, какъ зерно по бархату—а то такъ и ненадо. Вотъ какой-то Громницкій застрѣлился Богъ весь изъ-за чего. Вотъ покончили съ жизнью двое родственниковъ: она замужняя женщина, выданная замужъ насильно, онъ ея двоюродный братъ; они любили другъ друга, но не могли соединиться. Тогда она ушла отъ мужа и братъ застрѣлилъ сначала ее, потомъ себя. Подобные случаи повторяются въ теченіе полувѣка и до нашего времени.

Новый директоръ канцеляріи былъ человѣкъ вполнѣ дѣловой и дѣятельный, хотя и не выходилъ изъ уровня общаго типа высшихъ чиновниковъ николаевскаго времени. Принадлежа къ высшему кругу, онъ довольно хорошо говорилъ по-французски, иногда дѣлалъ замѣчанія остроумныя и деликатныя, а въ другое время отпускалъ армейскія остроты и даже грубости, то не обращалъ вниманія на застегиванія крючковъ и пуговицъ, то привязывался къ пустымъ мелочамъ. Въ бумагахъ, поправлялъ слово сверхъ, и приказывалъ писать сверьхъ. Канцелярскія дѣла велъ съ умомъ и толкомъ, но иногда выкидывалъ странныя колѣнца. Получивъ донесеніе изъ Берлина о какой-то перемѣнѣ въ обмундировкѣ одного прусскаго полка и не понявъ какого-то термина нѣмецкаго портняжнаго искусства, онъ вздумалъ послать фельдъегеря съ приказаніемъ привезти въ канцелярію нѣмецкаго портного для объясненій. Фельдъегерь объѣхалъ нѣсколько портныхъ и вернулся съ извѣстіемъ, что всѣ они больны и не могутъ оставить свое дѣло, а одинъ прямо объявилъ, что боится ѣхать, потому что его могутъ отправить съ фельдъегеремъ прямо въ Сибирь. Въ маѣ 1843 года въ канцеляріи прибавилось новое, четвертое отдѣленіе и начальникомъ его сдѣланъ Устряловъ, братъ историка. Вышли въ отставку другой начальникъ отдѣленія фон-Дервизъ и секретарь Ав—овъ. Послѣдній былъ маленькій, рябенькій, вертлявый, неказистый человѣчекъ, немножко грязненькій и достаточно смѣшной, типъ мелкаго чиновничества, покорный, скромный, молчаливый, работящій и пустой. Отличительное его качество, за которое ему больше всего доставалось, была—разсѣянность. За нее ему дѣлали часто выговоры, но онъ приглаживалъ свои рѣдкіе, бѣлесовато-рыженькіе во-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лосы, грызъ ногти и отмалчивался. Онъ былъ, впрочемъ, добрый человѣкъ, готовый оказать услугу безъ корыстныхъ видовъ. Въ канцеляріи любили его, хоть и смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ изъ купеческаго званія и, получивъ къ святой Станислава, дававшаго тогда дворянство, былъ внѣ себя отъ восторга и, должно быть изъ благодарности, низачто не хотѣлъ оставить благодѣтельной канцеляріи, дающей такія блистательныя награды. Только предложеніе лучшаго мѣста у Перовскаго заставило его подать въ отставку. Вмѣсто него секретаремъ вступилъ Александръ Карловичъ Баумгартенъ, прекрасный человѣкъ, съ которымъ я близко сошелся.

Въ то же время канцелярія была завалена работою по случаю приготовленій къ экспедиціи въ Сербію, гдѣ возникли безпорядки при избраніи князя. Три недѣли, днемъ и вечеромъ, два начальника отдѣленія, Петровъ и Вольфъ, сидѣли за бумагами, писали приказанія для сформированія 24-хъ-тысячнаго отряда, но потомъ было приказано остановить всѣ приготовленія. Зачѣмъ собирались, почему отказались? никто тогда объ этомъ и не спрашивалъ. Политикою въ то время не занимались не только публика, но и тотъ кто близко стоялъ къ ней. Все вѣдало, обо всемъ заботилось одно высшее начальство. Полковникъ генеральнаго штаба Вольфъ былъ одно время моимъ прямымъ начальникомъ, за отсутствіемъ Вревскаго. Это былъ очень деликатный и образованный человѣкъ, любимецъ министра и большой театралъ. Не таковъ былъ Шау—съ, бывшій начальникъ секретной экспедиціи. Съ непривлекательной наружностью онъ соединялъ еще болѣе непріятное обращеніе. Любя задавать тонъ, онъ въ бумагахъ старательно исправлялъ то, что вовсе не требовало никакихъ поправокъ. Почти всѣ въ канцеляріи имѣли съ нимъ непріятныя столкновенія, а я съ первыхъ словъ разошелся съ нимъ и даже пересталъ кланяться, приходя въ должность раза два въ недѣлю, пока онъ временно завѣдывалъ отдѣленіемъ. Николай Петровичъ Мундтъ, бывшій переводчикомъ при театрѣ и товарищъ моего отца, перейдя къ намъ въ канцелярію вскорѣ же такъ поссорился съ Шау—сомъ, что вышелъ отъ насъ и поступилъ къ генералу криг-комисару Храпачеву, даже противъ его воли, но потому, что такъ было угодно Позену. Этотъ временщикъ, еврейскаго происхожденія, былъ въ то время въ большой силѣ въ военномъ вѣдомствѣ и въ высшихъ сферахъ. Выйдя въ люди изъ ничтожества, онъ быстро сдѣлался почти всевластнымъ лицомъ въ администраціи—зачто и почему? этого никто не зналъ. Награды, раздаваемыя имъ своимъ приверженцамъ, были баснословны. Онъ давалъ блестящіе вечера и обѣды, любилъ, чтобы у него было много народа, чтобы объ немъ всѣ говорили. Я былъ у него на двухъ вечерахъ, но съ перваго же визита и онъ самъ и его семейство, состоявшее изъ глухой жены, бывшей его экономки, и двухъ некрасивыхъ дочерей—такъ мнѣ не понравились, что я

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прекратилъ съ ними знакомство, хотя оно могло быть мнѣ очень полезно по службѣ. Мундтъ потому и сдѣланъ былъ правителемъ канцеляріи Храпачева и пошелъ дальше, что былъ поклонникомъ и прихлебателемъ Позена.

Къ обязанностямъ помощниковъ секретарей и чиновниковъ, прикомандированныхъ къ канцеляріи, принадлежало дежурство. Раза два въ мѣсяцъ приходилось проводить въ ней весь день до другого утра. Это, впрочемъ, соблюдалось не строго, и обыкновенно дежурный, заглянувъ подвечеръ въ канцелярію и, посидѣвъ тамъ съ часокъ, благополучно отправлялся, куда ему было надобно. Я обыкновенно уходилъ въ театръ, но иногда и оставался читать интересовавшія меня кавказскія дѣла, непринадлежавшія къ моему столу. Въ 1843 году дѣла эти были далеко не въ блестящемъ положеніи. Шамиль взбунтовалъ всю Аварію и перерѣзалъ множество народа, не признававшаго его власть. Онъ занялъ всѣ аварскія укрѣпленія, кромѣ Хунзака, гдѣ заперся генералъ Клюки фон-Клюгенау, отрѣзанный отъ всякой помощи. Горцы вторгались даже въ чисто русскія области: въ октябрѣ они захватили въ плѣнъ адъютанта Нейдгарта, Глѣбова, на большой дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ставрополя. Въ стычкахъ съ горцами погибло много нашихъ, особенно молодыхъ офицеровъ, присланныхъ изъ разныхъ полковъ. Всѣ наши укрѣпленія въ Аваріи и Дагестанѣ были взяты или разрушены. Весь правый флангъ поднялся и въ нашей власти остались только обѣ Кабарды. Лѣвый флангъ и Черноморію также охватило волненіе. Клюки фон-Клюгенау погубилъ даромъ массу войска. Нейдгардтъ потребовалъ его въ Тифлисъ. Шестой пѣхотный корпусъ былъ назначенъ на Кавказъ. Съ этимъ корпусомъ, число войскъ на Кавказѣ дошло до 80 тысячъ.

Знакомство мое съ Кавказомъ дало мнѣ поводъ написать поэму изъ его недавняго быта. Написавъ ее недѣли въ двѣ, я издалъ ее въ маѣ 1842 года. Основою ея послужила печальная судьба одного горскаго племени хеаковъ, отрасли Адиге, существовавшаго около полутораста лѣтъ, но истребленнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ чумою, занесенною изъ Анапы, и набѣгами шапсуговъ. Хеаки занимали земли на сѣверъ отъ Доба, гдѣ было Кабардинское укрѣпленіе и жили отъ Цемеса до Кубани, селясь преимущественно по рѣчкамъ Мескагѣ и Анапка. Они явились въ этой странѣ послѣ генуэзцевъ и признавали князьями предковъ Сефиръ-бея-зан-Оглу. Ихъ обратили въ рабство болѣе сильные и многочисленные ихъ сосѣди—натухайцы и шапсуги. Исторію, конечно вымышленную, послѣдняго представителя племени хеаковъ я разсказалъ въ своей поэмѣ, прошедшей незамѣтною и разошедшеюся всего въ сотнѣ экземпляровъ. Только Сенковскій, въ своей «Библіотекѣ для Чтенія», нашелъ, что я достойный и прямой преемникъ Лермонтова. Не любя нашего великаго поэта, онъ радъ былъ случаю сравнить

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ его безсмертными произведеніями очень слабую поэму, въ которой только вѣрно изображены нравы и своеобразный бытъ двухъ горскихъ племенъ, хищныхъ и воинственныхъ враговъ Россіи, исповѣдующихъ странную вѣру—смѣсь язычества съ христіанствомъ, не признающихъ никакихъ обрядовъ и поклоняющихся Богородицѣ (Мерьем-Анши). Обрядъ ихъ богослуженія, подробно описанный въ началѣ поэмы, едва не подвергся исключенію: цензура находила неприличнымъ описаніе этого обряда и искаженіе имени Богородицы. По счастью цензоромъ поэмы былъ Петръ Александровичъ Корсаковъ, человѣкъ умный, и отстоялъ въ комитетѣ эту главу. Изъ этой поэмы я составилъ въ томъ же году либрето оперы, которую хотѣлъ написать небездарный музыкантъ Ушаковъ, братъ смазливенькой хоть и плохой танцорки, пользовавшейся одно время вниманіемъ театраловъ. Какъ большинство русскихъ людей, Ушаковъ съ жаромъ принялся за работу, быстро написалъ три очень недурныхъ нумера, но потомъ охладѣлъ къ ней, забросилъ, взялся за что-то другое и умеръ, ничего не окончивъ и не сдѣлавъ.

Въ ряду сороковыхъ годовъ 1843-й былъ типичнѣе другихъ и потому я дольше остановлюсь на немъ и отчасти на 1844-мъ, прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ этого десятилѣтія, такъ рѣзко отличающимся отъ его начала. При соблюденіи хронологическаго порядка въ замѣткахъ придется по временамъ повторяться, но это уже неизбѣжное неудобство всѣхъ мемуаровъ. О своихъ произведеніяхъ постараюсь говорить словами другихъ. Вотъ что отмѣтилъ А. И. Вольфъ, въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ», начиная обзоръ сезона 1842—1843 года: «Къ небольшому кружку присяжныхъ театральныхъ тружениковъ присоединился въ 1842 году В. Р. Зотовъ, только-что вышедшій изъ лицея. Дебютировалъ онъ «Святославомъ», историческою драмою въ стихахъ. Драма выдержала только два представленія, хотя отличалась исторической правдой и звучными стихами. Слѣдующія произведенія В. Зотова, какъ оригинальныя такъ и переводныя «Наука и женщина», «Король Энціо», «Учитель», «Первый дебютъ»—удались гораздо лучше перваго. Въ «Учителѣ» главное лицо—молодой человѣкъ, попавшій прямо со школьной скамейки въ провинціальный омутъ, было удачно снято съ натуры и пьеса имѣла бы конечно еще большій успѣхъ, еслибы не страдала вялостью дѣйствія». Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго хроникера нашей сцены и хотя написалъ для нея, въ короткое время, болѣе сорока пьесъ, но непридавалъ имъ большого значенія и, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, совсѣмъ отказался отъ драматическаго поприща, на которомъ работалъ больше изъ любезности, по знакомству съ артистами, въ бенефисы которыхъ шли почти всѣ мои произведенія. Потомъ они дѣлались собственностью дирекціи, а я получалъ за нихъ въ вознагражденіе, отъ актрисъ—сладкія улыбки, отъ актеровъ—була-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вочки въ галстукъ или предложеніе поужинать въ модномъ ресторанѣ. Подобныя предложенія дѣлались особенно охотно, такъ какъ всѣ знали, что я никогда не принимаю ихъ, не умѣя пить и кутить. Григорьевъ 1-й, которому я написалъ въ бенефисъ «Жизнь Мольера» такъ и умеръ, продолжая въ теченіе 5-ти-6-ти лѣтъ спрашивать при встрѣчѣ со мною: «а когда же мы съ вами поужинаемъ у Беранже?» (ресторанъ у Полицейскаго моста). Такъ и остался за нимъ этотъ ужинъ—до новой встрѣчи на томъ свѣтѣ.

II.

Театралы.—Смерть Головина.—Балетныя корифейки.—Андреянова и Смирнова.—Люсиль Гранъ.—Значеніе балета.—Александрійскій театръ.—Режисеръ Куликовъ и его эпиграмы.—Семейство Самойловыхъ.—Равнодушіе публики къ Гоголю и Глинкѣ.—Русская опера.—Французскій и нѣмецкій театры.—Нѣмецкая опера.—Театральная цензура.—Магнитическіе сеансы и лекціи Лемольта.—Рубини и итальянская опера.—Рубинштейнъ и Листъ.—Бросаніе цвѣтовъ.—Театральная школа и генералъ Дубельтъ.—Комета 1843 года.—Генералъ Головачевъ.—Цензурный проектъ Михайловскаго-Данилевскаго.—Строгость Александра I и довѣрчивость Николая I.—«Булочная» и фельетонистъ «Русскаго Инвалида».—Волконскій и Кавелинъ.—Общественные толки при отсутствіи гласности.—Революція въ Греціи.—Европа въ 1843 году.

Въ молодые годы я былъ страстный театралъ, и почти всякій вечеръ проводилъ въ театрахъ. Тогда, впрочемъ, театралами называли собственно поклонниковъ балета, величаемыхъ нынче балетоманами; я чаще всего посѣщалъ оперу, русскіе, французскіе, нѣмецкіе спектакли, а балетъ смотрѣлъ потому, что его давали тогда и послѣ оперы. Но хорошенькія танцорки производили и на меня впечатлѣніе и я воспѣлъ Сысоеву, Рюхину, Горину и особенно Колосову въ юмористическомъ стихотвореніи «Театралъ», изданномъ отдѣльной книжечкой съ прекрасными рисунками Тимма. Тамъ было и нѣсколько портретовъ тогдашнихъ театраловъ, участь которыхъ не всегда была пріятна и завидна. Такъ, въ началѣ 1843 года, умеръ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ посѣтителей балета, двадцатилѣтній Головинъ. Онъ былъ влюбленъ въ танцорку Ду—ну, бывшую еще воспитанницей театральной школы. Онъ провожалъ ее всякій разъ послѣ спектакля и она сама начала кокетничать съ нимъ, дѣлая ему глазки со сцены, пока за ней еще никто не ухаживалъ. Когда же у нея объявился богатый и важный поклонникъ, она откровенно сказала Головину, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ. Когда же онъ началъ описывать ей всѣ мученія отвергнутой любви, расчетливая дѣвица просто отправила его къ чорту. Сцена эта происходила послѣ спектакля, у театраль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наго подъѣзда, когда карета воспитанницъ готова была отвезти ихъ въ школу. Головинъ вцѣпился въ окно кареты и его съ трудомъ могли оттащить. Въ ту же ночь онъ слегъ въ постель, прохворалъ два мѣсяца и умеръ, какъ говорятъ, отъ аневризма. Хоронили его въ одинъ день съ митрополитомъ Серафимомъ, но въ то время, когда Невская лавра ломилась отъ народа, Головина провожало на Волково человѣкъ 12 молодежи. Шли мы за гробомъ вовсе не въ печальномъ настроеніи: однимъ театраломъ стало меньше—явятся другіе! Сначала шли разговоры о случаяхъ, подходящихъ къ настоящему. Я припомнилъ о судьбѣ молодого герцога Бомонъ, умершаго отъ любви къ пѣвицѣ Мире и о появленіи на его великолѣпномъ памятникѣ, на кладбищѣ отца-Лашеза, шести нотъ: la, mi, re, la, mi, la, надъ которыми долго ломали голову, пока не разгадали, что они означаютъ: La Miré l'a mis là. Потомъ начали говорить уже не о смерти, а о театрѣ и, больше всего, о балетѣ и танцоркахъ, спорили о достоинствахъ Андреяновой и Никитиной, наконецъ стали хохотать надъ моими замѣчаніями о Шлефохтъ, Миловой и Гравертъ. Первая является всегда передъ публикой съ приторной гримасой. Государь какъ-то замѣтилъ, что у нея—милая улыбка и Шлефохтъ съ тѣхъ поръ носитъ ее постоянно и никогда не снимаетъ. Что же касается до двухъ остальныхъ танцорокъ, то ноги Гравертъ и руки Миловой до того похожи между собою, что если Гравертъ будетъ танцовать на рукахъ Миловой, а Милова подниметъ къ небу ноги Гравертъ, то никто этого и не замѣтитъ. Кто-то нашелъ, что подобныя бесѣды не ведутся у гроба и свѣжей могилы, но большинство рѣшило, что театралу и мертвому пріятны разговоры о театрѣ.

Корифейки того времени не отличались красотою и что всего страннѣе, многія изъ нихъ были очень похожи другъ на друга, точно были вылиты по одной формѣ; такое сходство встрѣчалось прежде у солдатъ одного набора и одной роты. Лица Яковлевой, Шлефохтъ, Костиной, Даниловой, Миловой, Коростинской 2-й были чисто русскія: пухленькія, свѣженькія, полненькія, курносенькія, при видѣ которыхъ приходила охота взять ихъ за щечки какъ ребятъ. Танцовали онѣ пожалуй и не дурно, но безжизненно, автоматически, движеніями напоминали маріонетокъ. Изъ первыхъ балеринъ, у Андреяновой носъ былъ такъ длиненъ, что поднявши ногу, она боялась всегда задѣть за него. Смирнова танцовала съ такимъ сердитымъ видомъ, что хотѣлось сказать ей:—«возьми хоть еще полтора рубля за кресло, только пожалуйста не сердись». У Андреяновой и вообще была такая непривлекательная наружность, что положительно становилось непонятнымъ, чѣмъ она могла плѣнить Гедеонова. М. Л. Неваховичъ постоянно рисовалъ ее въ своемъ «Ералашѣ» даже не въ карикатурѣ. На одномъ рисункѣ она изображена передъ прилавкомъ моднаго магазина.—«Покажите ма-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

теріи, которыя были бы мнѣ къ лицу», — говоритъ она. — «Извините-съ, такихъ еще не привезли!»—отвѣчаетъ приказчикъ съ выпученными глазами.

30 января, дебютировала въ балетѣ «Жизель» хореграфическая знаменитость, Люсиль Гранъ, замѣнившая Тальони, съ которою Петербургъ простился на масляницѣ 1842 года. Дебютантка не произвела особеннаго впечатлѣнія, хотя была хорошая танцорка. Но замѣнить Тальони было не легко и второстепенная балерина не могла увлечь нашу публику. Вмѣстѣ съ Гранъ явился къ намъ изъ Гамбурга Бергъ со своимъ звѣринцемъ и георамой; послѣдняя, впрочемъ, скоро закрылась, такъ какъ была не панорамой земли, а простымъ собраніемъ ландкартъ, за созерцаніе которыхъ не находилось охотниковъ вносить 30 коп. серебромъ. Страсть къ увеселеніямъ и зрѣлищамъ была и тогда, какъ теперь, очень велика въ Петербургѣ, но въ то время онъ не зналъ еще прелестей оперетки и шансонетки, еще не достигшей и въ Парижѣ своего развитія.

Заговоривъ о балетѣ, я скажу нѣсколько словъ объ этомъ родѣ зрѣлищъ, чтобы потомъ не возвращаться къ нему. Гранъ, протанцовавъ три мѣсяца въ Петербургѣ, оставила его незамѣтно, не простившись съ публикой, принявшей ее довольно холодно. А между тѣмъ это была танцорка хорошей школы, въ ней было много искусства, чистоты, отчетливости, но нѣкоторые рѣзкіе жесты и позы разрушали всякое очарованіе. У нея были большіе выразительные глаза, но вообще суховатая фигура съ некрасивыми ногами и безконечными руками была непривлекательна. Она танцовала здѣсь «Сильфиду», «Герту», «Тѣнь» и Елену въ «Робертѣ», но ни въ одной изъ этихъ ролей не понравилась. По ея отъѣздѣ, Андреянова вздумала съиграть «Жизель»; въ ней были и страсть, и увлеченіе вовсе ненужныя въ этой роли; движенія были неловки, рѣзки, угловаты: въ танцахъ у нея не было ни крѣпости въ ногахъ («стального носка», какъ выражаются теперь), ни апломба, ни пируета, ни рон-де-жамба и эти недостатки не выкупались смѣлостью позъ — ея единственнымъ достоинствомъ, выражавшимся особенно въ характерныхъ, вакхическихъ па, гдѣ смѣлость эта переходила въ наглость. Такого рода испанскій танецъ былъ у нея во второмъ актѣ балета «Герта» и въ этомъ балетѣ Гедеоновъ показывалъ свою фаворитку всѣмъ пріѣзжавшимъ сюда гостямъ. Такъ въ іюнѣ, хотя и при почти пустомъ театрѣ, она танцовала для Мекленбургъ-Шверинскаго герцога. Изъ корифеекъ нравились еще публикѣ Прихунова, Левкѣева и Ришаръ, — послѣдняя оставила, впрочемъ, Петербургъ и перешла на парижскую сцену, а Левкѣева вступила въ труппу Александринскаго театра. Ей сначала покровительствовалъ скопецъ Солодовниковъ, потомъ генералъ Дубельтъ. Одно время за кулисами возбуждало большой смѣхъ ухаживаніе за нею В. А. Каратыгина, привозившаго ей даже конфекты, не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смотря на всю свою скупость и писавшаго ей стихи. Новыхъ балетовъ въ сезонъ не ставили. Кромѣ тѣхъ, которые я называлъ выше, давали: «Дѣву Дуная», «Гитану», «Озеро волшебницъ». Въ концѣ года возобновили «Воспитанницу Амура» — единственный балетъ, гдѣ еще была древняя миѳологія. Прошлогодняя попытка возобновить «Зефира и Флору» Дидло и «Марса и Венеру» Блаша— не имѣла успѣха. На сценѣ преобладала миѳологія средневѣковая съ ея феями, сильфидами, виллисами и чертями. Вообще балетъ не смотря на то, что онъ долженъ занимать послѣднее мѣсто въ ряду сценическихъ зрѣлищъ, стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ дирекціи театровъ и лицъ извѣстнаго положенія въ свѣтѣ второй и даже третьей молодости, находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобы любоваться полускромными позами полуобнаженныхъ полудѣвицъ. Въ то время не писали глубокомысленныхъ и мнимоученыхъ дисертацій о пользѣ балета, но также горячо отстаивали его пластическое и даже эстетическое значеніе, хотя стремились въ балетъ съ болѣе или менѣе порнографическими цѣлями. Послѣ гастрономическаго обѣда съ тонкими винами и ликерами это было очень пріятное развлеченіе, удовлетворявшее эпикурейскимъ наклонностямъ всегда присущимъ сытому человѣчеству. Вотъ почему балетъ всегда процвѣталъ въ эпоху упадка всѣхъ другихъ стремленій и наклонностей, какими бы софизмами балетоманы всѣхъ временъ ни оправдывали своей страсти къ этому роду зрѣлищъ.

Первое мѣсто въ ряду сценическихъ представленій принадлежало, конечно, драмѣ и комедіи, и нашъ Александринскій театръ въ этомъ году, какъ и въ слѣдующемъ, стоялъ въ апогеѣ своего блеска. Поставили «Женитьбу» Гоголя и нашей мало развитой публикѣ пьеса понравилась не съ перваго раза. Характеры дѣйствующихъ лицъ находили карикатурными, развязку—неестественною. Слышно было даже шиканье, когда Подколесинъ выскочилъ въ окно. Комедію сыграли всего шесть разъ въ этотъ сезонъ, тогда какъ «Ломоносовъ» Н. Полевого шелъ 19 разъ и даже его «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами» 11 разъ. Куликовъ сдѣлалъ тогда пьесу и изъ «Мертвыхъ душъ», вышедшихъ въ свѣтъ въ томъ же году, но передѣлка оказалась очень неудачна. Не оцѣнила публика и Мартынова, явившагося въ мольеровскомъ Гарпагонѣ еще болѣе великимъ артистомъ, чѣмъ въ Подколесинѣ. Театръ потерялъ даровитаго хотя нѣсколько холоднаго актера Брянскаго, оставившаго сцену по неудовольствіямъ съ Гедеоновымъ, но пріобрѣлъ хорошую актрису на первыя роли— Вѣру Самойлову; сестра ея Надежда и братъ Василій уже давно пользовались любовью публики; даже ихъ мать Софья считалась Самойловой 1-й, хотя и не являлась уже на сценѣ. Была у нихъ еще старшая сестра Любовь, не являвшаяся на сценѣ, но заботившаяся объ артистическомъ развитіи сестеръ. На этомъ основаніи она

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

играла своего рода роль за кулисами и до того надоѣдала съ разными требованіями режиссеру Куликову, что онъ писалъ на нее эпиграммы въ такомъ родѣ:

«Хотя я Вѣру не люблю,
«Но если съ ней соединюся,
«Тогда съ Надеждой примирюся,
«Любовь же къ... Софьѣ я пошлю».

Въ другой эпиграммѣ Куликовъ осмѣиваетъ жалкаго конторскаго чиновника Крутицкаго, бывшаго на побѣгушкахъ у Гедеонова и подслуживавшагося Самойловымъ, въ чаяніи отъ нихъ всякихъ благъ:

«Крутицкій не щадитъ по дружбѣ всѣ усилья,
«Бѣжитъ, кричитъ, зоветъ предъ публику Василья.
«Въ немъ бѣготня такъ взволновала кровь,
«Что выпустивъ Надежду, Вѣру,
«Разъ сгоряча, забывъ и стыдъ и мѣру,
«Онъ чуть не выпустилъ предъ публику Любовь».

Этотъ Крутицкій пользовался незавидною репутаціею при театрѣ, но нажилъ себѣ три дома, поставленный наблюдать за сборами театральныхъ кассировъ. На него Куликовъ написалъ слѣдующую эпиграмму съ каламбуромъ, основаннымъ на закулисныхъ сплетняхъ, не имѣвшихъ, повидимому, достаточнаго основанія:

«Мужъ къ ловлѣ денежной приставленъ,
«Чрезъ мужа и женѣ добро.
«Мужъ ловитъ злато и серебро,
«Женѣ—самой ловъ предоставленъ».

Въ русской оперѣ, въ этотъ сезонъ, была поставлена «Русланъ и Людмила». Нечего и говорить, что большинство публики отнеслось къ ней также равнодушно, какъ къ «Скупому» Мольера и «Женитьбѣ» Гоголя. Если успѣхъ такихъ драматическихъ произведеній можетъ быть спорнымъ, то что же сказать объ успѣхѣ музыки, для пониманія которой необходимо обладать еще бо̀льшимъ эстетическимъ развитіемъ. Сколько умныхъ людей не только не любятъ, но и вовсе не понимаютъ музыки. Мы пришли однажды слушать «Руслана» съ моимъ товарищемъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся министромъ, которому никто не откажетъ ни въ умѣ, ни въ дарованіи. Я долго доказывалъ, что музыку Глинки нельзя оцѣнить съ перваго разу, такъ она оригинальна и мѣстами геніальна. Вотъ что отвѣчалъ мой собесѣдникъ:

— Геній не всегда бываетъ оригиналенъ, оригинальность далеко не всегда геніальна. Прислушаться можно ко всему, также какъ присмотрѣться. Отъ долгой привычки можетъ быть только два послѣдствія: или вещь понравится, или отъ нея получишь отвращеніе. Середины тутъ быть не можетъ. Можно присмотрѣться къ красавицѣ и она надоѣстъ, можно привыкнуть къ некрасивой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

женщинѣ и она понравится. Мотивъ музыкальный, сначала казавшійся страннымъ, можетъ показаться пріятнымъ отъ частаго повторенія; если онъ даже очень обыкновененъ—ухо будетъ стараться найти въ немъ что-нибудь особенное. Что же это за опера, которую начинаешь понимать послѣ десяти представленій? Можно написать такую, что ее не поймутъ и послѣ сотни спектаклей. Стало быть такая опера вѣчная и мы слушая ее будемъ все надѣяться, что когда-нибудь созрѣемъ для ея пониманія. Я увѣренъ, что Глинка началъ писать «Руслана» съ похмелья, надѣясь: авось что-нибудь да выйдетъ.

И это мнѣніе раздѣлялось многими, хотя большинство публики слушало оперу, если не съ увлеченіемъ, то съ любопытствомъ. Въ теченіе сезона ее дали 31 разъ, не смотря на довольно слабое исполненіе. Главными персонажами русской оперы были: цыганъ Петровъ, французъ Шарпантье (Леоновъ) и итальянецъ Този. Только въ этомъ году присоединились къ нимъ баритонъ Артемовскій и теноръ Михайловъ, завербованные въ Малороссіи. Женскій персоналъ состоялъ изъ превосходнаго контральто Петровой и двухъ сопрано: очень рѣзкаго—Степановой и очень жидкаго—Семеновой.

Наша французская труппа была блестящая и пьесы исполнялись съ рѣдкимъ ансамблемъ, но между ними не было ни одной выдающейся. Особенный, рѣдкій успѣхъ имѣла бульварная мелодрама «Les mémoires du diable» передѣланная изъ романа Сулье: ее дали 22 раза въ сезонъ. «Анджело» Виктора Гюго играли подъ названіемъ «La comédienne de Venise». Цѣломудренная цензура не хотѣла, чтобы ее заподозрили въ томъ, будто она можетъ позволить въ Россіи какую-нибудь драму Гюго. Когда въ «Ломоносовѣ» княгиню Дашкову приказывали назвать: княгиня NN, а Шувалова передѣлывали въ Меценатова—это еще можно было какъ-нибудь объяснить, но когда даже во французской комедіи «La fille de Figaro», цензура передѣлывала Жозефину Бонапарте въ госпожу Леклеркъ—это было уже выше всякихъ соображеній: почему на сцену можно было вывести сестру Наполеона, а не жену его? Въ пустомъ водевилѣ, данномъ въ бенефисъ Аллана, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «l'homme-c'est l'image de Dieu». — «Oui, mais en laid», отвѣчаетъ другое. И тутъ цензура разрѣшила эту фразу только съ измѣненіемъ Бога въ божество. Нѣмецкая труппа была также очень недурна и раздѣлялась на оперную и драматическую, но пьесы игрались невозможныя. Большой успѣхъ имѣла, напримѣръ, комедія «Странное родство» (Die seltsame Verwandschaft), написанная четырехстопнымъ риѳмованнымъ ямбомъ. Сюжетъ ея въ томъ, что дочь немолодой женщины выходитъ замужъ за отца своего жениха, котораго она считаетъ убитымъ, а женихъ, вернувшись женится съ досады на матери своей бывшей невѣсты. Только нѣмцамъ можетъ придти въ голову составить

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пьесу изъ такого запутаннаго родства. Лучшею драматическою актрисою была Лилла Леве, очень хорошенькая, имѣвшая много поклонниковъ, но она скоро уѣхала и ее замѣнила мамзель Граафъ, aus Riga, тощая, худощавая, но не безъ дарованія. Въ оперѣ примадонами были Нейрейтеръ съ большимъ голосомъ, но безъ малѣйшаго чувства, и Валькеръ, хорошая, но уже устарѣвшая пѣвица, толстая, коротенькая, игравшая Ромео въ усахъ и съ бородкой, намалеванныхъ жженой пробкой. Что за антиэстетическія понятія у этихъ нѣмцевъ!

Кромѣ театровъ, въ Петербургѣ было мало другого рода зрѣлищъ. Какъ теперь, въ нѣкоторыхъ кружкахъ его свирѣпствуетъ спиритизмъ, такъ полвѣка назадъ господствовалъ животный магнетизмъ. Главнымъ жрецомъ его была придворная особа—оберъ-егермейстеръ Пашковъ, не знаю, родня ли современному изобрѣтателю новаго религіознаго ученія. Я напрасно старался проникнуть въ тайны магнетическаго усыпленія таинственными пассами—со всѣхъ сеансовъ меня изгоняли какъ невѣрующаго. Въ семействѣ моего цензора и хорошаго пріятеля, Михаила Александровича Корсакова, была одна особа, дѣвушка нервная и впечатлительная, не разъ усыпляемая Пашковымъ. Она сама пригласила меня на одинъ сеансъ, который сама назначила въ магнетическомъ снѣ, но когда я явился, чтобы быть свидѣтелемъ чудесъ—угадыванія мыслей присутствующихъ, чтенія писемъ положенныхъ на животъ и рецептовъ на латинскомъ языкѣ, не зная его вовсе (все это, говорятъ, она продѣлывала прежде), она начала метаться въ креслѣ и кричать, чтобы я ушелъ, такъ какъ я смѣюсь въ душѣ надъ великими тайнами. Мнѣніе мое она могла конечно знать и безъ магнетическаго предвидѣнія, но мнѣ все-таки не удалось даже посмотрѣть, при какой обстановкѣ совершаются всѣ эти фокусы. И тогда ученые возставали всѣми аргументами истинной науки противъ увлеченія этою магіею. Въ посту Лемольтъ читалъ на французскомъ языкѣ публичныя лекціи о гальванизмѣ и магнетизмѣ обыкновенномъ, неорганическомъ и животномъ. Дѣйствительность послѣдняго была положительно отвергнута Лемольтомъ, допускавшимъ существованіе одного сонамбулизма, какъ болѣзненное исключеніе, аномалію человѣческаго организма. Признаніе важности месмерическихъ и магнетическихъ чудесъ было бы опроверженіемъ всѣхъ научныхъ знаній и общественныхъ отношеній.

4-го марта, Петербургъ услышалъ наконецъ въ концертѣ знаменитаго Рубини. Онъ пріѣхалъ еще на масляницѣ и слушалъ въ театрѣ «Руслана и Людмилу». Трудно дать понятіе современному поколѣнію о томъ, что такое этотъ великій пѣвецъ. Зала Дворянскаго Собранія была наполнена чуть не до верху волнующеюся массою изъ головъ, лентъ, эполетъ, голыхъ плечъ, локоновъ, перьевъ, тюрбановъ, прекрасныхъ нарядовъ и некрасивыхъ жен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щинъ. Не слышавъ Рубини, нельзя представить себѣ, до какой степени можетъ достигнуть искусство и человѣческій голосъ и какъ артистъ умѣетъ употребить ихъ. У него были ноты, потрясавшія до глубины сердца, какъ въ аріи изъ «Марино Фальери». Первая арія Пиччини, представлявшая наборъ руладъ, трелей, переливовъ и полосканій голоса не произвела впечатлѣнія, хотя и поражала голосовой эквилибристикой. Голосъ у этого уже не молодого пѣвца не обширенъ, но въ немъ нѣтъ не только ни одной фальшивой, но даже сомнительной ноты. А между тѣмъ, еще въ 1842 году устарѣвшая Паста угощала насъ такими звуками, отъ которыхъ приходили въ ужасъ даже лица, не знающія что̀ значитъ детонировать. Черезъ три дня, при гораздо меньшемъ стеченіи публики, былъ концертъ тринадцатилѣтняго піаниста, котораго и тогда уже сились произвести въ наши доморощенныя знаменитости. Рубинштейнъ игралъ хорошо, бѣгло, чисто и вѣрно, но смѣшно было требовать жизни и чувства отъ ребенка. На святой недѣлѣ пріѣхалъ Листъ и давалъ концерты лѣтомъ, но не смотря на это публика стекалась слушать блестящаго виртуоза. Въ послѣднемъ концертѣ своемъ, 2-го іюня, въ Большомъ театрѣ, онъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій, особенно послѣ исполненнаго имъ марша изъ «Руслана и Людмилы». Въ концертѣ участвовали лучшіе пѣвцы и артисты и Листъ самъ акомпанировалъ всѣмъ лучше всякаго оркестра. Увертюру изъ «Вильгельма Телля» и фантазію на мотивы «Роберта» онъ игралъ на изобрѣтенномъ Лихтенталемъ piano-orchestre. Это изобрѣтеніе не вошло однако въ употребленіе. Верхняя клавіатура устроена на подобіе органа и издаетъ въ стаккато звуки, похожія на жидовскія цимбалы. Съ полнымъ звукомъ струннаго инструмента никакъ не гармонируютъ духовые аккорды. Въ концѣ спектакля изъ всѣхъ ложъ четвертаго яруса, вмѣстѣ съ цвѣтами и букетами, посыпались на сцену листочки бѣлой, розовой и голубой бумаги, на которыхъ въ изысканныхъ французскихъ фразахъ выражалась просьба еще разъ пріѣхать въ Петербургъ. Это было нововведеніемъ, потому что еще въ 1842 году было запрещено бросать букеты Тальони и если теперь вошло въ обычай бросать цвѣты Рубини, то потому что первый букетъ къ ногамъ пѣвца упалъ изъ царской ложи. Въ благодарность Листъ съигралъ свой хроматическій галопъ. Въ концертѣ игралъ еще Блазъ на кларнетѣ. Этотъ лысый фламандецъ сдѣлалъ изъ своей дудки удивительный инструментъ и игралъ на немъ съ такимъ чувствомъ, что приводилъ въ восторгъ. Рубини пѣлъ дуэтъ изъ «Велизарія» и изъ «Роберта» Девере, тріо изъ «Лукреціи Борджіа» съ Элизою Мерти и баритономъ Чіабата.

Въ апрѣлѣ начались итальянскіе спектакли съ Рубини, игравшимъ съ русскими и нѣмецкими оперными артистами. Съ каждою новою оперою восторгъ публики все увеличивался. Въ «Отелло»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выходная арія, дуэтъ съ Яго, послѣдняя сцена, увлекали публику; въ «Лучіи» дуэтъ перваго акта, финалъ второго и арія третьяго заставляли самаго холоднаго зрителя расчувствоваться и волноваться. 31-го мая было послѣднее 17-е представленіе. Энтузіазмъ публики дошелъ до послѣднихъ границъ. 18-го октября нѣмецкая опера простилась съ Петербургомъ и никогда болѣе въ немъ не возобновлялась, а 13-го октября открылась итальянская, въ которой я абонировалъ ложу № 1 четвертаго яруса и просидѣлъ въ ней чуть не сорокъ лѣтъ до закрытія у насъ итальянской оперы. Началась она «Пиратомъ», плохою оперою Беллини, изъ которой ничего не сдѣлалъ и Рубини, тѣмъ болѣе, что пѣвшая съ нимъ примадонна Тадини была тоже плоха, а баритону Тамбурини негдѣ было развернуть свои силы. Другая примадонна Ассандри, дебютировавшая въ «Нормѣ», также не понравилась, какъ теноръ Пазини, но нельзя же всѣмъ быть Рубини. За то Віардо-Гарсія произвела фуроръ особенно въ «Сонамбулѣ». Въ финалѣ третьяго акта, когда женихъ упрекаетъ ее въ измѣнѣ, а она увѣряетъ въ своей невинности—плакали не только дамы, но и мужчины. Въ «Отелло» пѣсня объ ивѣ приводила въ восторгъ. Въ «Севильскомъ цирюльникѣ» арія «una voce poco fa», вставные нумера въ урокѣ пѣнія, особенно алябьевскій «Соловей» доводили публику до крайнихъ предѣловъ энтузіазма. Холоднаго Петербурга нельзя было рѣшительно узнать.

За неимѣніемъ другихъ развлеченій я ходилъ въ посту въ театральную школу смотрѣть спектакли воспитанниковъ. Давали большею частью старый хламъ въ родѣ «Шалости влюбленныхъ», «Мужъ какихъ много» и т. п.; играли въ массѣ—скверно, но между учениками, готовящимися къ сценѣ, попадались иногда замѣчательныя дарованія, которыя легко было бы развить, еслибы въ школѣ обращали хоть какое-нибудь вниманіе на драматическое искусство. Въ то время особенно выдавались положительнымъ талантомъ воспитанники Аббе и Вальдекъ. Куда они потомъ дѣвались и вышло ли изъ нихъ что-нибудь—не знаю; вѣроятно, не перенесли борьбы за существованіе, при полнѣйшемъ равнодушіи театральнаго начальства, заботившагося только о подготовленіи танцорокъ. Но и этихъ балетныхъ жрицъ развивали больше для практическихъ цѣлей въ жизни, чѣмъ для достиженія совершенства въ хореграфическомъ искусствѣ. Хорошіе учителя являлись только въ практическомъ направленіи. Однимъ изъ ревностныхъ развивателей субъектовъ неопытныхъ на житейской сценѣ былъ генералъ Дубельтъ, другъ директора и всего дома. Онъ приходилъ въ школу во всякое время запросто, въ старомъ сюртукѣ, заглядывалъ для наблюденія за порядкомъ—и въ классныя, и въ уборныя, и въ дортуары, бесѣдовалъ со всѣми равно благосклонно, бралъ всѣхъ безразлично за подбородокъ, и смазли-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

венькихъ и дурнушекъ, и всѣ находили совершенно естественнымъ такое отеческое вниманіе. Даже любящій сплетни и пересуды Петербургъ не находилъ ничего страннаго въ такомъ явномъ покровительствѣ тайной полиціи высокимъ цѣлямъ сценическаго искусства.

Столицѣ не было никакого дѣла до интимной исторіи театра: она знала только то, что происходитъ по сію, а не по ту сторону кулисъ. Ее гораздо больше занимала, напримѣръ, въ это время комета, неизвѣстно откуда-то вдругъ появившаяся, въ концѣ марта, вмѣстѣ съ такими морозами, какихъ не было во всю зиму. Комета эта, загнувшая хвостъ на 42 градуса, то есть почти на четверть горизонта, исчезла недѣли черезъ три также неожиданно. Достигни она двадцатью четырьмя днями позже своего перигелія, земля непремѣнно попала бы въ хвостъ ея и вторженіе этой странной свѣтящейся матеріи въ нашу атмосферу могло бы произвести въ ней какой-нибудь переворотъ. Это было громадное свѣтило съ ядромъ, въ тысячу семьсотъ разъ большимъ чѣмъ земля, съ хвостомъ въ шестьдесятъ мильоновъ миль. Если бы наклоненіе хвоста было всего восемью градусами ниже, онъ задѣлъ бы землю, можетъ быть смахнулъ бы съ нея половину царствъ и обитателей. Любопытно, что тогда дѣлали бы остальные?.. Астрономы увѣряли, что это была та самая комета, которая потопила землю при Ноѣ; но не предусмотрѣвъ ея появленія, они не предсказали и эпохи ея возвращенія въ нашу солнечную систему. Что же касается до ея неожиданнаго появленія на небѣ, то собственно петербуржцевъ не могло особенно поразить это обстоятельство, потому что они и у себя на землѣ привыкли ко всякимъ неожиданностямъ. Такъ въ одинъ день съ появленіемъ кометы состоялось публичное разжалованіе въ канонеры генералъ-маіора Головачева, начальника охтенскаго порохового завода, за его безчеловѣчное обращеніе съ солдатами. Что именно дѣлалъ этотъ генералъ—объ этомъ не публиковалось, но самый обрядъ публичнаго исполненія приговора уже доказывалъ, что вина была не маловажная. Впослѣдствіи, при разжалованіи военныхъ лицъ не упоминалось, за что именно они наказываются, а печаталось просто: за преступленіе предусмотрѣнное такою-то статьею военнаго положенія,—поди, отыскивай эту статью.

Не представлялъ особенной неожиданности и предложенный въ то же время извѣстнымъ историкомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ проектъ—подвергать военной цензурѣ всѣ вообще статьи и разсужденія, гдѣ говорится хотя бы нѣсколько словъ о военномъ искусствѣ; всѣ біографіи полководцевъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, даже анекдоты объ нихъ. Уваровъ—это было также довольно неожиданно—отвергнулъ этотъ проектъ, сказавъ, что въ такомъ случаѣ надо подвергнуть военной цензурѣ всѣхъ древнихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

классическихъ писателей и даже лѣтопись Нестора. Проектами ревностныхъ сыновъ отечества завалены были въ особенности всѣ военныя учрежденія. Такъ капитанъ Грибергъ, составляя правила отступленія отъ непріятеля, совѣтовалъ для избѣжанія преслѣдованія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пойдетъ непріятельская артиллерія, зарывать неглубоко въ землю магниты, которые притягивали бы къ себѣ колеса пушекъ, обитыхъ желѣзомъ и задерживали этимъ ихъ движеніе. Генералъ Тишинъ предлагалъ вооружить всѣ госпитали на Кавказѣ, дабы больные, вслучаѣ неожиданнаго нападенія горцевъ, могли сами защищать себя. Какъ ни дики подобные проекты, но пусть бы лучше генералы сочиняли ихъ, чѣмъ поступать какъ Головачевъ или Нильсенъ, избившій въ то же время ногами до полусмерти станціоннаго смотрителя, ни въ чемъ не повиннаго. А между тѣмъ государь не допускалъ безчеловѣчнаго обращенія и приказалъ сдѣлать строгій выговоръ генералу Тулубьеву за то, что тотъ въ своемъ донесеніи, употребляетъ выраженіе пара арестантовъ, «приличное только воламъ и другимъ животнымъ». Находили, что государь не прощалъ тѣмъ, кто однажды обманулъ его довѣріе, но въ этомъ отношеніи его снисходительность была бы уже слабостью. Въ подобномъ случаѣ Александръ I былъ еще суровѣе. Вотъ два малоизвѣстные факта его біографіи.

При восшествіи на престолъ онъ произвелъ одного изъ своихъ любимцевъ въ генералъ-маіоры и далъ ему вслѣдъ за тѣмъ мѣсто генерала квартирмейстера по морской части. Тотъ отыскалъ гдѣ-то, въ старинномъ регламентѣ Петра I, что генералъ квартирмейстеръ долженъ быть въ то же время и генералъ-лейтенантомъ и потому явился благодарить государя за милость въ генералъ-лейтенантскомъ мундирѣ. Александръ I назвалъ это школьнической выходкой, утвердилъ его въ чинѣ, но черезъ три мѣсяца лишилъ мѣста и, не смотря на всѣ просьбы, никогда никуда не опредѣлялъ и не давалъ ему пенсіи, которой онъ и не выслужилъ по закону. Наказаніе это, кажется, совершенно справедливо. Вотъ другой случай. Послѣ сраженія при Лейпцигѣ французы начали быстро отступать. Одна деревня вблизи города была еще занята ими. Александръ I, объѣзжая свои посты, встрѣтилъ полковника Мандрыкина, возвращавшагося съ небольшимъ отрядомъ съ поля сраженія и приказалъ ему сдѣлать рекогносцировку—занята ли деревня французами и намѣрены ли они очистить ее. Полковникъ отправился на развѣдки, но не доѣзжая еще до деревни, замѣтилъ разставленные никеты и патрули и потому заблагоразсудилъ—обойти деревню лѣсомъ и сдѣлать свои наблюденія стороною. Но попавъ въ лѣсъ, онъ заблудился тамъ и долгое время то не могъ найти дороги, то боялся выйти изъ лѣса, чтобы не попасться французамъ. Наконецъ черезъ нѣсколько часовъ онъ выбрался изъ лабиринта и отправился прямо къ государю съ донесеніемъ, что взять деревню

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она занята непріятелемъ. «Если полковникъ считаетъ насъ непріятелями,—отвѣчалъ Александръ,—то онъ правъ, но за то онъ никогда не будетъ генераломъ». И государь сдержалъ свое слово. Дѣло въ томъ, что пока полковникъ плуталъ въ лѣсу, русскіе, получивъ извѣстіе съ другого фланга объ очищеніи деревни французами, заняли ее безъ выстрѣла. И въ этомъ случаѣ, полковникъ какъ неоправдавшій довѣрія государя, былъ наказанъ подѣломъ.

Императора Николая можно скорѣе упрекнуть въ томъ, что онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ къ лицамъ, стоящимъ близко къ нему и не допускалъ мысли, чтобы они могли злоупотреблять его довѣріемъ. Такъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ оберъ-полиціймейстера Кокошкина, вздумалъ обревизовать его канцелярію, государь не позволилъ этого потому, что Кокошкинъ—генералъ-адъютантъ. Изъ Польши нѣкто Петрашко три года писалъ доносы на злоупотребленія Погодина, генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, доказывая, что онъ съ товарищами обкрадываетъ казну. Прося нарядить комисію для изслѣдованія дѣла, Петрашко отдавалъ въ залогъ справедливости своихъ обвиненій, свою честь, жизнь и имущество, но доносъ его оставили безъ разслѣдованія: Погодинъ былъ любимецъ Паскевича, а кто же тогда осмѣливался сомнѣваться въ безкорыстіи и справедливости варшавскаго проконсула?

Къ литературѣ, особенно драматической, государь относился снисходительно. Водевиль «Булочная», написанный въ этомъ году, былъ сначала вовсе запрещенъ къ представленію по настоянію полиціи. Потомъ, цензура III-го Отдѣленія позволила пьесу, но съ такими урѣзками и сокращеніями, что П. Каратыгинъ не согласился поставить ее въ искаженномъ видѣ и упросилъ князя Волконскаго доложить объ ней государю. Тотъ прочелъ водевиль, приказалъ съиграть его во дворцѣ и въ Александринскомъ театрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ и прислалъ перстень автору ея, Каратыгину. Въ то же время фельетонистъ «Русскаго Инвалида» Сорокинъ, былъ посаженъ, по высочайшему повелѣнію, на недѣлю на гауптвахту, за то что онъ написалъ статью о спектаклѣ итальянской оперы, въ которой Віардо Гарсіа получила два букета при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики,—а спектакль въ этотъ вечеръ былъ отмѣненъ. Сорокинъ оправдывался тѣмъ, что онъ писалъ не о представленіи оперы, а о ея репетиціи, но и это оправданіе было достаточно глупо, потому что на репетиціяхъ не аплодируютъ и не бросаютъ букетовъ. Министра двора однако разсердило это оправданіе и онъ приказалъ не пускать никого изъ постороннихъ лицъ на репетиціи.

Волконскаго публика не любила точно также, какъ и всѣхъ другихъ министровъ (кромѣ Перовскаго) въ особенности за то, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ давалъ слишкомъ много воли Гедеонову. Не пользовался любовью Петербурга и его генералъ-губернаторъ Кавелинъ, формалистъ до педантизма и вдобавокъ фразеръ. Въ праздникъ Преполовенія онъ провожалъ крестный ходъ вокругъ крѣпости и увидѣлъ вдали въ нѣсколькихъ саженяхъ, человѣка, который шелъ стороною, не снимая шляпы. Кавелинъ велѣлъ взять его на гауптвахту, не смотря на то, что это былъ статскій совѣтникъ, человѣкъ больной, нарочно отошедшій далеко отъ крестнаго хода и надѣвшій шляпу, чтобы не простудиться въ сильный вѣтеръ. Не разузнавъ ничего, не разспросивъ ни о чемъ, Кавелинъ началъ кричать при всѣхъ окружающихъ:—«Это французское вольнодумство! Какъ смѣть наносить иностраннаго песку на нашъ благодатный русскій черноземъ!» Объ этихъ словахъ какъ и вообще обо всемъ, что дѣлалось не только въ столицѣ, но и во всей Россіи, общество узнавало чрезвычайно быстро, не смотря на совершенное отсутствіе журнальной и всякой другой гласности. Такъ, въ Петербургъ тотчасъ же пришло извѣстіе о дуэли въ Москвѣ между князьями Долгорукимъ и Голицынымъ изъ-за флигель-адъютантскаго мундира, причемъ Долгоруковъ былъ раненъ въ ногу. Говорили, что юнкеръ Ордынскій попался съ фальшивыми ассигнаціями, но такъ какъ онъ увѣрялъ, что нашелъ ихъ, то его разжаловали въ солдаты за утайку найденнаго и сослали въ дальній гарнизонъ. Узнали также скоро, что въ государя стрѣляли въ Познани, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ Суковкинымъ, что въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ были безпорядки и волненія, окончившіяся по счастію безъ кровопролитія. Понятно, что печать не могла сообщить о такихъ происшествіяхъ, но она молчала и о томъ, что дѣлалось въ Европѣ. Такъ сентябрская революція въ Греціи разсказана была въ «Сѣверной Пчелѣ» такъ, что нельзя было ничего понять изъ ея разсказа. А между тѣмъ это была одна изъ оригинальныхъ революцій, безъ смутъ, безпорядковъ, безъ пролитія крови. Болѣе десяти лѣтъ греки переносили автократическіе эксперименты своего нѣмецкаго короля-католика, женатаго на протестанткѣ, но наконецъ потеряли терпѣніе. 3 сентября 1843 года въ два часа ночи аѳинскіе граждане вмѣстѣ съ войскомъ собрались передъ дворцомъ Оттона и громкими криками требовали конституціи. Король, ничего не знавшій о единодушномъ заговорѣ своихъ подданныхъ, вышелъ на балконъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, потребовалъ, чтобы ему дали время для сочиненія конституціи. Ему отвѣтили, что все уже готово, министры его смѣнены, назначены новые, государственный совѣтъ уже разсуждаетъ о положеніи Греціи, составляя проектъ конституціи, а ему остается только подписать ее и созвать для ея утвержденія народное собраніе. Оттонъ тотчасъ же подписалъ ее, потомъ еще въ теченіе 20-ти лѣтъ старался всѣми средствами нарушить ее, пока наконецъ его не изгнали оконча-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тельно. Вообще положеніе Европы и въ то время предвѣщало уже политическія бури, возникшія въ концѣ этого десятилѣтія: Франція воевала съ своимъ королемъ въ парламентѣ и журналистикѣ. Англія—съ О'Коннелемъ и Ирландіею; въ Пруссіи публично осмѣивали короля въ театрѣ; въ Италіи не прекращались возстанія противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ и австрійскихъ эрцгерцоговъ; въ Испаніи объявленіе королевы Изабеллы совершеннолѣтнею не останавливало волненій; Австрія порывалась сбросить съ себя гнетъ метерниховскаго режима. Первые годы пятой декады XIX вѣка носили уже въ себѣ зародыши революцій конца сороковыхъ годовъ.

В. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

(Изъ одной семейной хроники).

«Въ раю».

I.

ТАКЪ СТАЛЪ я себя помнить, каждый годъ мы ѣздили въ Знаменское, къ «тетенькѣ» Варварѣ Николаевнѣ Дукмасовой. То есть, намъ-то она приходилась бабушкой, а отцу съ матушкой—тетенькой, и потому всѣ звали ее «тетенькой», и даже сама она не любила, чтобы ее называли иначе.

— Ужъ ты, мать моя, заспѣшила, нарожала дѣтей; и пожить-то, какъ слѣдуетъ, не успѣла,—говорила она матушкѣ, какъ-то уныло поглядывая на насъ:—первая меня въ бабки произвела: отличилась...

Но, тѣмъ не менѣе, однако, она насъ любила, особенно меня,—потому, можетъ быть, что я былъ ея крестникъ. Или, еще можетъ быть потому, что я представлялся ей вышедшимъ въ дукмасовскую родню.

— Этотъ будетъ совсѣмъ Миша-братъ:—и—глаза его, и лобъ, и потомъ вотъ этотъ вихоръ... говорила она, разсматривая меня.

Она почему-то была необыкновенно высокаго мнѣнія о дукмасовскомъ родѣ—родѣ своего мужа—и потому благоволила и ко мнѣ.

Но я ужъ привыкъ выслушивать такія разсужденія: дядя Петръ Васильевичъ Скурлятовъ находилъ, что я весь въ скурлятовскую родню; тетушка Марья Дмитріевна Чемезова—что я весь въ Чемезовыхъ вышелъ... и потому, я только поглядывалъ на нихъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и никакъ не могъ понять, что это за достоинства такія они во мнѣ все открываютъ?.. И почему это хорошо быть похожимъ на Дукмасовыхъ, Скурлятовыхъ или Чемезовыхъ, а не на свой родъ, фамилію котораго я носилъ? Чѣмъ онъ хуже ихъ? Чѣмъ они лучше? Но это меня не особенно занимало.

Эти поѣздки въ Знаменское и къ другимъ дальнимъ, т. е. на далекомъ отъ насъ разстояніи жившимъ родственникамъ, составляли въ своемъ родѣ цѣлыя событія, о которыхъ начинали говорить еще съ весны и готовились долго, все обдумывали, соображали, взвѣшивали—къ кому первому ѣхать, къ кому по дорогѣ «туда» заѣзжать и къ кому «оттуда», когда поѣдемъ назадъ, у кого сколько пробыть, кому что сказать и какъ у кого себя вести? Вспоминая теперь эти поѣздки, я не знаю, что такое собственно онѣ представляли—актъ дипломатической вѣжливости, посольство чрезвычайное, или, навѣщенія дорогихъ родственниковъ, нѣжно любимыхъ. Я скорѣе думаю первое, потому-что чувствъ этихъ нѣжныхъ и родственныхъ, вообще говоря, было мало...

Предпринимались эти поѣздки обыкновенно лѣтомъ, въ началѣ лѣта, когда еще ни уборки, ни фруктовыхъ и плодовыхъ заготовокъ нѣтъ, такъ въ послѣднихъ числахъ мая, самое позднее въ первыхъ числахъ іюня.

Къ этому времени дипломатическая сторона поѣздки бывала ужъ совершенно выяснена,—соображались и разбирались вопросы второстепенные: объ удобствахъ поѣздки, какъ и когда, въ какой день, выѣхать, какія вещи съ собой брать и проч. и проч. Эти второстепенные вопросы, представляющіеся теперь пустяками, не были, во-первыхъ, въ то время такими, и, потому, къ нимъ относились иначе: совсѣмъ другія были понятія, другой строй жизни, потому-что другой совсѣмъ былъ бытъ.

Дня за три до того, какъ трогаться въ путь, карету давнымъ давно ужъ осмотрѣнную своими домашнями слесарями и каретниками, выдвигали изъ каретнаго сарая и, она, въ чехлѣ, стояла на конюшенномъ дворѣ для чего-то наружѣ до того самаго дня, когда ее будутъ нагружать и запрягать. Сундуки и важа изъ нея и съ нея давно уже принесены въ домъ и стоятъ они въ дѣвичьей, въ дѣтскихъ и въ нихъ постепенно, мало-по-малу, не спѣша, все укладываютъ.

— Ну, дѣтское, сударыня, все уложено,—говоритъ, приходя къ матушкѣ, нянька наша Устинья Ивановна.

— Все?

— Все, сударыня.

И онѣ, провѣряя, не забыли ли что, обѣ начинаютъ перечислять наименованія предметовъ, сколько чего взято съ собою, уложено—сколько рубашечекъ, кальсончиковъ, платочковъ и проч. и проч. Выходятъ недоразумѣнія при этомъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ахъ, Устиньюшка, я тебя не понимаю совсѣмъ,—съ непритворнымъ искреннимъ удивленіемъ говоритъ матушка,—кальсончиковъ ты берешь шесть! Мальчикъ—ну, развѣ можетъ ему этого хватить? Вѣдь это дѣвочкѣ—можно, довольно...

— Сударыня, да вѣдь и прошлый разъ шесть же паръ брали,—обиженнымъ тономъ говоритъ нянька.

— Да вѣдь, я думаю, онъ ростетъ!.. Онъ всюду уже теперь ходитъ, развѣ удержишь его: онъ и рыбу удить пойдетъ и верхомъ ѣздить будетъ, и такъ, въ лѣсу, съ саду бѣгать будетъ, пачкаться. Не понимаю, какъ это ты только не понимаешь этого,—резонно и глубоко обдуманно возражаетъ ей матушка и приказываетъ взять еще кальсончиковъ.

Въ особомъ сундукѣ и въ двухъ баульчикахъ, съ вышитыми бисеромъ крышками, уложены вещи гувернантки нашей Анны Карловны. Она тоже всего набрала съ собой: и бѣлья, и всякихъ вещицъ до рукодѣлья и нашихъ книжекъ и тетрадокъ включительно. Мы не будемъ, конечно, ни дорогой, ни въ гостяхъ у родственниковъ учиться, но на всякій случай, а можетъ... Мы это знаемъ все отлично, даже глубоко убѣждены, что этого не случится; но берутъ это все и не для этого, а для того, чтобы это все было подъ рукой, и чтобы, въ случаѣ чего, можно было сказать:—«А вотъ, если будете шалить, васъ посадятъ заниматься съ Анной Карловной»—вотъ для чего. Но это насъ также мало пугало, какъ чучело на огородѣ воробьевъ.

А потомъ матушкины вещи, ея сборъ... Во время нашего пребыванія у родственниковъ—у однихъ должна быть свадьба, у другихъ имянины, тамъ торжественно празднуется рожденіе. И ко всему этому берутся особыя, приличныя случаю, платья, всѣ принадлежности. А вещи няньки Устиньи Ивановны, вещи горничной Матреши, которая тоже ѣдетъ съ нами, потому-что, кто же будетъ ходить за матушкой, кто же будетъ въ чужомъ мѣстѣ ходить за всѣми ея вещами?

Въ день отправленія, съ утра, карета, все еще въ чехлѣ, запрягается въ одну лошадь и, такимъ образомъ, доставляется къ дому, къ крыльцу. Тутъ ей новый осмотръ.. Осматриваетъ отецъ, осматриваетъ старикъ Осипъ Матвѣевичъ, дворецкій и камердинеръ еще дѣда покойника, осматриваетъ ее даже садовникъ Михей — онъ былъ когда-то форрейторомъ и тоже въ этомъ понимаетъ. Наконецъ, мы, дѣти, на минутку заглядываемъ въ нее: намъ отворяютъ дверцы и мы смотримъ на знакомую намъ ея синюю суконную обивку съ безчисленными басонами, висящими въ ней, подушками, зеркальцами, нюхаемъ, какъ духи какіе, юфтевый запахъ, который присущъ ей и котораго мы ужъ давно не слыхали — съ самаго прошлаго года, какъ ѣздили въ ней въ то же самое время.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наконецъ, пораньше въ этотъ день нарочно, часовъ въ одиннадцать, подаютъ завтракъ, а карету между тѣмъ запрягаютъ: привели съ конюшни, къ крыльцу, большихъ матушкиныхъ каретныхъ вороныхъ лошадей ужъ совсѣмъ въ хомутахъ, въ шлеяхъ, съ ними пришла цѣлая толпа конюховъ, одни лошадей держатъ, другіе ихъ запрягаютъ, оправляютъ, охорашиваютъ. Кучеръ Ермилъ все еще въ поддевкѣ пока запрягаютъ, онъ самъ обыкновенно съ серьезнымъ видомъ ходитъ и все осматриваетъ: онъ одѣнется, также какъ и форрейторъ Ефимъ («Ефимка») потомъ, гдѣнибудь за угломъ, когда все будетъ готово и имъ ужъ вотъ-вотъ садиться—одному на козлы, а другому въ сѣдло.

И до чего все это свѣжо у меня въ памяти! какъ сейчасъ, я вижу, смотримъ мы на все это изъ оконъ, выбѣгаемъ вмѣстѣ съ вышедшими на крыльцо большими, озабоченно распоряжающимися, осторожно и бережно выносящими и укладывающими въ карету узелочки, картонки, свертки...

Наконецъ карета уложена, запряжена, кучеръ Ермилъ сидитъ, совсѣмъ оправленный и подоткнутый, на козлахъ, «Ефимка» форрейторъ на сѣдлѣ, Никифоръ, нашъ выѣздной человѣкъ, готовъ тоже. Мы уже позавтракали.

— Ну, что же, сядемъ? Передъ отъѣздомъ надо помолиться Богу, да и пора въ путь уже,—говоритъ матушка, какъ бы мысль эта ей только-что сейчасъ пришла въ голову, одѣтая тоже, какъ и всѣ, совсѣмъ уже по дорожному.

Садятся всѣ, молча сидятъ съ полминуты, начинаютъ потомъ креститься, встаютъ. Слышатся поцѣлуи, говорятъ: «съ Богомъ», «въ путь добрый», и проч. Матушка дѣлаетъ въ послѣдній—не сотый ли разъ?—замѣчаніе относительно огня, т. е. осторожнаго обращенія съ огнемъ. Остающаяся въ домѣ за старшую по женскому хозяйству и вообще по женской части, Евпраксѣюшка, говоритъ:—«Будемъ остожны, избави Господи. Что такое, какъ же это можно? Будьте покойны, сударыня-барыня — смотрѣть будемъ еще пуще обыкновеннаго». Отецъ насъ цѣлуетъ, креститъ, какъ бы мимоходомъ, но серьезно говоритъ:—«Не шалите же, не дурачтесь, Анна Карловна, вы смотрите пожалуйста за ними». Съ матушкой онъ говоритъ, напоминая ей намеками про вопросы высшей политики, какъ съ кѣмъ встрѣтиться, кому не забыть, что сказать, кому объ чемъ ничего не говорить и пр., и пр. Все переговорено, все подтверждено — пора же, наконецъ, садиться въ карету и ѣхать... Выходимъ на крыльцо, начинается усаживаніе, кончается оно. Въ тарантасѣ, запряженномъ парой, позади кареты, уже сидятъ нянька Дарья Аѳанасьевна съ Матрешей: онѣ забрались туда сейчасъ же, какъ увидѣли насъ выходящихъ на крыльцо. Теперь всѣ ждутъ только, когда отойдетъ отъ дверецъ кареты отецъ, договаривающій еще о чемъ-то съ матушкой, и когда выѣздной нашъ лакей Ни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кифоръ, стоящій тутъ же, крикнетъ Ермилу кучеру:—Пошелъ! и самъ съ удивительной, всѣхъ насъ удивлявшей, ловкостью вскочитъ на козлы, когда карета, какъ корабль какой-нибудь, медленно отчалитъ и тронется въ дальный путь... Наконецъ отецъ отходитъ отъ окна кареты и какъ бы передаетъ этимъ насъ въ вѣдѣніе Ермила, Никифора и прочихъ. Раздается: «Пошелъ!» Карета всколыхнулась на своихъ ремняхъ и рессорахъ и поплыла. Какъ въ панорамѣ проходятъ передъ нами, куда-то двигаясь, флигеля, конюшни, людскія; потянулся длинный валъ, что идетъ вокругъ всего нашего сада. Мы смотримъ въ этотъ садъ, сквозь строй стволовъ березъ, липокъ, кленовъ. Тамъ виднѣются дорожки, знакомыя мѣста, и какъ-то вдругъ станетъ скучно—не скучно, а тоскливо—станетъ на душѣ... Въ каретѣ всѣ сидятъ съ постными лицами и молча...

Но это не долго протянется: только исчезнутъ изъ вида усадьба и знакомыя близкія мѣста, начнутся у насъ разговоры: новые предметы, попадающіеся на встрѣчу, начнутъ привлекать любопытство,—прелесть поѣздки—путешествія проявятся во всей своей завлекательности...

II.

Дукмасовское Знаменское было большое имѣніе, отлично, по тогдашнему, устроенное. Обширная усадьба отличалась прочностью, «капитальностью», какъ говорили тогда, всѣхъ построекъ. Дѣйствительно, всюду виднѣлись огромныя, толстыя бревна, крыши вездѣ были желѣзныя, всѣ строенія на каменныхъ фундаментахъ, на дворѣ порядокъ и чистота; сейчасъ видно было, что тутъ живетъ дѣйствительно хозяинъ. Такое же впечатлѣніе простора и прочности производилъ и домъ—обширный, съ высокими, большими комнатами, наполненными прочною мебелью, чинно стоявшей вдоль стѣнъ; все было солидно, массивно въ домѣ; даже половики, которые въ обыкновенные, не парадные дни, лежали вдоль всѣхъ комнатъ и корридора, поражали широтой и добротностью холста. По этимъ половикамъ неслышными шагами бѣгали безчисленныя молоденькія горничныя, дѣвчонки-подростки, и скромно выступали степенныя, приближенныя къ «тетенькѣ» женщины, завѣдывавшія кружевницами, коверщицами, вышивальщицами и пр. и пр. По нимъ же, по этимъ половикамъ, торопливой и тоже не слышной походкой спѣшно проходили лакеи и рысцой пробѣгали казачки, принося то и дѣло господамъ трубки и длинненькія, сложеныя вдвое, полосочки бумаги для закуриванія—спички тогда только-что входили въ употребленіе, да и то были вонючіе, съ сѣрой, и, назывались «сѣрничками»; всѣ поэтому закуривали или отъ бумажки, или отъ уголька, или, въ солнечные дни, отъ зажигатель-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наго стекла. Бѣготни прислугѣ было много, но происходила она, если такъ можно было выразиться, въ порядкѣ, благоустроенно и чинно. Бѣда, если бы «тетенька» замѣтила, что какой-нибудь лакей или горничная смѣются, перекидываются словами.

Одной стороной домъ выходилъ на обширный дворъ, содержавшійся въ удивительномъ порядкѣ, по срединѣ котораго, въ видѣ бесѣдки съ шпицемъ и вырѣзаннымъ изъ желѣза флюгеромъ-лошадкой, былъ устроенъ колодезь,—а другой стороной домъ примыкалъ къ саду старинному, громадному съ безконечными, казалось намъ, березовыми, липовыми, кленовыми и дубовыми дорожками, съ кругами, съ куртинами, наполненными яблонями, вишнями, кустами орѣшника, черной и красной и бѣлой смородины, крыжовника и проч. Въ саду были устроены просторныя акацивыя бесѣдки, гдѣ вершины деревьевъ были такъ связаны, что образовывали куполъ. Это намъ, дѣтямъ, казалось верхомъ садоваго искусства.

— Отчего у насъ въ саду этого нѣтъ?—спрашивали мы гувернантку Анну Карловну.

— Это очень трудно сдѣлать.

Мы и думали, что это очень трудно сдѣлать и потому дивились.

Садъ примыкалъ къ рѣкѣ довольно широкой и какъ намъ говорили очень глубокой. Вода въ ней была чистая, прозрачная, не то что въ нашемъ прудѣ и водились въ этой рѣкѣ не одни лишь караси, какъ въ нашемъ прудѣ, но и другая всякая рыба: окуни, ерши, лещи и раки. Нянька наша и сопровождавшія иногда насъ «ихнія» горничныя дѣвушки и женщины разсказывали намъ даже про сомовъ, огромныхъ, головатыхъ, которые водились въ глубокихъ омутахъ этой рѣки, и которые проглатывали не только утокъ, но хватали за ноги даже дѣтей, когда тѣ купались и не осторожно доплывали до глубокихъ мѣстъ...

За рѣкой, по той сторонѣ, было видно гумно съ ригой, какими-то сараями, овинами, амбарами и такимъ количествомъ скирдовъ хлѣба, котораго, собраннаго въ одномъ мѣстѣ, больше мы не видывали. Это были безконечно длинные ряды скирдовъ, начиная отъ совершенно темнаго цвѣта прошлогоднихъ, третьягодняшнихъ, четверогодняшнихъ, чѣмъ старше, тѣмъ темнѣе, и до урожая нынѣшняго года, золотыхъ въ сравненіи съ ними. Когда мы бывали въ Знаменскомъ не въ началѣ лѣта, а въ концѣ, мы видали эту роскошную картину невиданнаго нами обилія...

— Дѣдушка богатъ,—говорила нянька и всѣ, и мы дивились, слушая ихъ, этому видимому его богатству...

По другую же сторону рѣки, вдали, синѣлъ лѣсъ, принадлежавшій тоже дѣдушкѣ. Въ нашей степной сторонѣ лѣса не было ни у кого, ни у насъ, ни у сосѣдей, и потому и лѣсъ насъ занималъ и мы разспрашивали тоже про него.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Земляники такъ что̀, ягодъ всякихъ, орѣховъ, грибовъ,—разсказывали намъ.

Мы однажды, въ какую-то поѣздку нашу, ѣздили въ лѣсъ, т. е. ѣздили всѣ и насъ взяли съ собою, и я помню первое впечатлѣніе лѣса—таинственное и страшное, которое показалось еще болѣе такимъ отъ поднявшейся вдругъ, когда мы тамъ были, бури съ грозой и дождемъ. Въ вершинахъ деревьевъ стоялъ гулъ, какъ голоса какіе раздавались тамъ... Мнѣ всю ночь потомъ снился этотъ лѣсъ, гроза въ немъ и ливень...

Дѣдушка съ бабушкой («тетенькой») были богаты и мужиками. Кромѣ того, что мужиковъ было много у нихъ, они были еще и самые богатые въ уѣздѣ.

— Такихъ мужиковъ, какъ Дукмасовскіе, гдѣ же вы еще встрѣтите?—говорили про нихъ всѣ:—исправные, богатые, не воры, не разбойники. Григорій Михайловичъ умѣлъ ихъ поставить и держать ихъ въ рукахъ...

Я помню, слушая эти разговоры про Знаменскихъ мужиковъ, я думалъ все: какъ же это онъ, дѣдушка, сдѣлалъ это?—Всѣ хозяева, у всѣхъ есть мужики, а сдѣлалъ только онъ одинъ; никто не съумѣлъ этого сдѣлать, а онъ съумѣлъ... Я помню, съ какимъ вдумчивымъ вниманіемъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ разсужденій, я разсматривалъ каждый разъ длинные ряды мужицкихъ избъ въ Знаменскомъ, пытливо смотрѣлъ на лица попадавшихся намъ на встрѣчу мужиковъ...

И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, матушка иногда, глядя въ окно кареты на мужицкія избы въ Знаменскомъ, на ихъ дворы и гумна, говорила:

— Анна Карловна, хлѣба-то что у мужиковъ—смотрите-ка, и вѣдь все старый еще, третьягодняшній.

Я слышилъ эти разговоры о богатствѣ Знаменскихъ мужиковъ и дома, когда мы возвращались изъ Знаменскаго.

— Григорій Михайловичъ умный человѣкъ,—соглашался отецъ, слушая эти разсказы,—онъ понимаетъ это дѣло...

Я помню разсказъ объ этихъ же мужикахъ, какъ какой-то Сидоръ Егоровъ предлагалъ дѣдушкѣ выкупъ за себя съ семьей восемь тысячъ, а Макаръ Семеновъ десять тысячъ и дѣдушка все-таки не взялъ, не согласился ихъ отпустить на волю.

— Чтожъ тутъ такого, и неудивительно,—разсуждали всѣ—соглашались,—при его состояніи можно все себѣ позволять. Другой, бѣдный человѣкъ, на его мѣстѣ, разумѣется, взялъ бы—десять тысячъ, за одну семью большія деньги—а ему что̀? Богачей онъ всѣхъ выпуститъ изъ деревни—она ужъ не та у него будетъ. Онъ изъ самолюбія этого не дѣлаетъ. Вотъ, дескать, какіе у меня есть мужики.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это, т. е., какъ же выкупъ?—спрашивалъ я при этомъ, слушая ихъ разсказы—разсужденія.

— Очень просто,—отвѣчали мнѣ,—мужикъ внесетъ деньги, а ему дадутъ вольную.

— И онъ уѣдетъ тогда?

— Куда угодно, сдѣлай одолженіе...

Помню я, когда мы гостили въ Знаменскомъ, поѣздки по праздникамъ въ церковь къ обѣднѣ и при этомъ мужиковъ знаменскихъ и бабъ, одѣтыхъ по праздничному. Мы подъѣзжаемъ, а большая каменная знаменская церковь ужъ полна народомъ; народъ стоитъ на паперти, вокругъ церкви, ограды, передъ отворенными настежъ церковными дверями. И вся эта масса, одѣтая по праздничному, молящагося народа кланяется намъ, а дѣдушка съ бабушкой, мы и другіе родственники и гости, пріѣхавшіе съ нами, проходимъ въ церковь и намъ всѣ тамъ тоже кланяются, даютъ дорогу, тѣснятся.

— Вотъ этотъ,—слышу я позади себя или возлѣ, кто-нибудь говоритъ, когда мы займемъ свои мѣста и станемъ, чтобы молиться,—вотъ этотъ вотъ, вонъ съ сѣдой бородой мужикъ, видите, это самый первый богачъ... Десять тысячъ за себя это онъ Григорію Михайловичу выкупу давалъ,—онъ и двадцать можетъ дать...

И дѣйствительно они, знаменскіе мужики, поражали непривычный взглядъ видомъ своего довольства. Ѣдутъ—лошади у нихъ такъ и блестятъ, шерсть лоснистая, мѣдныя бляхи у шлей горятъ на солнцѣ, а сами жирныя лошади едва бѣгутъ, да и то какъ-то лѣниво, сонно, точно онѣ пообѣдали сейчасъ, хотятъ спать, а ихъ запрягли...

Но я помню также, что эти всѣ разсматриванья Знаменскихъ мужиковъ со стороны ихъ довольства и богатства, всѣ разсужденія объ этомъ ихъ довольствѣ и богатствѣ, на меня, ребенка еще, все-таки производили какое-то странное впечатлѣніе, мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе съ такимъ же разсматриваніемъ коровъ въ стадѣ, когда ихъ прогоняли мимо насъ домой съ поля, и разсуждали объ относительной сытости ихъ, о количествѣ даваемаго ими удоя... Было что-то странное, эгоистическое, матеріальное, безучастное въ этихъ разсужденіяхъ и это дѣтской чуткой душой сейчасъ чувствовалось, слышалось. О людяхъ не говорятъ такъ теперь. Объ нихъ такъ можно было говорить только тогда—тогда, когда они были собственностью. Тамъ чтобы мнѣ не говорили о томъ времени, но теперь такъ не говорятъ объ людяхъ, потому что теперь ихъ такъ нельзя разсматривать...

Въ такомъ же блестящемъ видѣ представлялись и дворовые въ Знаменскомъ, которые жили отдѣльно отъ мужиковъ, цѣлыми поселками, сейчасъ за усадьбою господской, на берегу пруда. У нихъ у всѣхъ были собственныя избы, свой скотъ, коровы, свиньи, овцы, у нѣкоторыхъ даже лошади. Я помню завистливые взгляды и такіе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

же завистливые разговоры и разсужденія родственниковъ и сосѣдей и по поводу ихъ.

— Да у иного помѣщика и мужики такъ не живутъ, какъ дворовые здѣсь. Какіе же это дворовые? У нихъ все у каждаго есть свое.

Я помню завистливый испугъ даже одной нашей родственницы, которая раньше не бывала въ Знаменскомъ, и, пріѣхавъ, увидала или узнала отъ кого, что коровы, овцы и свиньи дворовыхъ ходятъ и пасутся отдѣльнымъ стадомъ отъ крестьянскаго. Она никакъ все не могла свыкнуться съ мыслью объ такомъ благополучіи этихъ дворовыхъ и все разспрашивала:

— А гдѣ же это стадо ходитъ? Почему же отдѣльно отъ крестьянскаго?

— Потому что крестьянское стадо ходитъ по крестьянской землѣ,—отвѣчали ей,—а это по господской. У дворовыхъ же вѣдь нѣтъ земли...

Но тутъ къ вящшему ужасу ея оказалось, что у дворовыхъ въ Знаменскомъ есть и земля: имъ было дано по нѣскольку, по осьминнику на семью, что-то въ родѣ этого, для посѣвовъ конопли, картофеля, капусты, овощей и проч. Бѣдная родственница послѣ этого замолчала даже, только поднимала плечи и все улыбалась. Но что это была за улыбка! Въ ней все было, даже чувство жалости «къ дяденькѣ»—дѣдушка ей приходился дядей—что его такъ обираютъ и грабятъ дворовые...

Дворня въ Знаменскомъ была многочисленная, я не знаю, не помню теперь сколько было всѣхъ дворовыхъ, но что-то очень много. Цѣлые флигеля отдѣльно были заняты ковершицами, которыя ткали попоны для лошадей, ковры; были потомъ флигеля, въ которыхъ работали кружевницы, вышивальщицы по батисту и тонкому полотну, которыя вышивали не только воротнички и рукавчики, но цѣлыя пеньюары и платья. Ниже объ этомъ будетъ сказано подробнѣе... Наконецъ, было множество женщинъ, женъ кучеровъ, конюховъ, поваровъ, садовниковъ, ткачей, лакеевъ, которые были при дѣвичьей, въ домѣ, при флигеляхъ для пріѣзжихъ родственниковъ и гостей, ходили въ ключахъ, т. е. при кладовыхъ, ледникѣ, подвалѣ, выходѣ, ходили за птицей: за гусями, утками, курами, индѣйками, коровницы, скотницы, которыя ходили доить коровъ, поить телятъ, сбивали масло и проч. и проч.

Но больше всего бросалось въ глаза и дразнило зависть—внѣшній видъ дворни, особенно конюховъ и кучеровъ: всѣ въ красныхъ рубашкахъ, въ синихъ тонкаго сукна чуйкахъ, въ поддевкахъ и полушубкахъ зимой.

— Выводитъ, каналья, лошадь,—она блеститъ и рожа у него съ жиру блеститъ,—говорили, я помню, про конюховъ.

— А, кучеръ-то! Вѣдь онъ, ракалья, кромѣ тройки, знать ничего не хочетъ. Какая у него забота—никакой. Объ чемъ ему думать?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И дѣйствительно, въ Знаменскомъ и тщательно вычищенныя и отлично кормленыя лошади блестѣли и блестѣли также и тѣ, кто ходилъ за ними и правилъ ими, тоже отлично одѣтые и хорошо кормленые...

Все въ Знаменскомъ носило на себѣ печать прочности и прочной, обезпеченной сытости. Это не было случайностью, это было дѣло цѣлаго строя, порядка, который достигъ въ Знаменскомъ своей высшей степени, которой онъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь достигалъ и могъ достигнуть.

— Да, говорили всѣ, у Дукмасовыхъ такое житье людямъ, какого ужъ, кажется, нигдѣ нѣтъ.—Какъ въ раю живутъ...

И, по тогдашнему, это былъ рай...

III.

Владѣльцы этого «рая», дѣдушка Григорій Михайловичъ и бабушка Варвара Николаевна, были люди замѣчательные.

Дѣдушка былъ высокъ ростомъ, худощавъ, сухого сложенія; коротко, подъ гребенку остриженъ; сѣдъ, съ краснымъ лицомъ, на которомъ торчалъ маленькій, сухенькій носикъ; все лицо бритое и оттого жесткое—я такого жесткаго лица не зналъ другого. Когда онъ насъ цѣловалъ, то подставлялъ свою щеку и я помню, какая она была сухая, черствая, съ жесткими морщинами. Но самое замѣчательное въ немъ—были его глаза—совсѣмъ свѣтло-свѣтло сѣрые, притомъ мутные и какіе-то точно остановившіеся, застывшіе: онъ ими почти не моргалъ. Это, впрочемъ, можетъ быть, было отъ того, что онъ, какъ говорили, «страдалъ глазами»: въ молодости, онъ много кутилъ, по разсказамъ, и это оттого. Дѣдушка почти постоянно носилъ большой шелковый зеленый зонтъ надъ глазами, который онъ въ рѣдкихъ случаяхъ и то на самое короткое время снималъ. Отъ этого зонта видъ у него былъ даже какой-то страшный и когда мы были совсѣмъ еще маленькіе, мы прямо боялись его.

— Какой онъ страшный,—говорили мы.—Мама, онъ сердитый.

— Вздоръ какой. Дѣдушка-то?—Вы не вздумайте еще это въ Знаменскомъ разсказывать...

Говорилъ онъ мало и то отрывочно, замѣчаніями по поводу того, что ему разсказывали, или того, что онъ слышалъ, при немъ говорили. Скажетъ свое мнѣніе или замѣчаніе въ двухъ-трехъ словахъ и опять замолчитъ и неизвѣстно—не видать его глазъ подъ зонтомъ—что онъ спитъ, дремлетъ или слушаетъ. Отъ этого разсказчикъ, особенно съ непривычки, не зная, слушаетъ ли его дѣдушка, время отъ времени останавливался, поглядывалъ на другихъ, какъ бы спрашивая ихъ: «продолжать мнѣ, или онъ заснулъ?» Присутствующіе тогда кивали ему успокоительно головой,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дескать, продолжайте, продолжайте—это у него привычка такая, или самъ дѣдушка, пожевавъ сухими, узкими губами говорилъ: «ну-съ... я слушаю»... Разсказчикъ продолжалъ, ставилъ въ разговорѣ вопросы, дѣлалъ даже почти прямо обращеніе къ дѣдушкѣ,—онъ все молчалъ, Наконецъ, тотъ опять начиналъ останавливаться, оглядываться и дѣдушка тогда, пожевавъ, говорилъ:—«ну-съ... я слушаю»...

Иногда для чего-то мы сидѣли тутъ же и слушали, слушали безъ конца, эти скучнѣйшіе, длиннѣйшіе разговоры и не знали когда это насъ отпустятъ бѣгать въ садъ или играть въ другія комнаты. Но матушка насъ удерживала, показывала глазами, пожимала плечами, дескать, «нельзя, сидите—что это за глупости»... Я очень часто, особенно когда былъ поменьше, начиналъ наконецъ клевать носомъ, а сестра Соня—такъ та прямо прислонится къ спинкѣ дивана или кресла и спитъ, пока матушка, или кто-нибудь изъ родственниковъ, не замѣтятъ этого и не разбудятъ ее. Тогда ужъ, во избѣжаніе скандала дальше, и чтобы также не замѣтилъ этого дѣдушка, матушка тихонько, на цыпочкахъ, чтобы не помѣшать разговору, вставала, подзывала насъ пальцемъ къ себѣ и уводила. Дорогой она, разумѣется, дѣлала намъ наставленія, какъ это нехорошо мы дѣлаемъ, что это невѣжливо, дѣдушка если увидитъ, можетъ обидѣться и что поэтому другой разъ она насъ съ собою въ Знаменское не возьметъ.

Но мы были рады, что насъ наконецъ отпустили и мы опять можемъ и бѣгать, и играть. Ея угрозы, что она насъ съ собою сюда другой разъ не возьметъ, мы не боялись, понимая, что это она такъ только говоритъ.

Дѣдушка всегда почти держалъ въ лѣвой рукѣ короткій, не длиннѣе аршина, черешневый чубукъ съ глиняной на концѣ трубкой, которую раскуривалъ иногда до того, что табакъ горѣлъ въ ней, какъ уголь, краснымъ огнемъ и искры такъ и падали изъ нея. Тогда онъ большимъ пальцемъ правой руки, прижималъ огонь. Отъ этого у него палецъ этотъ бытъ въ нижней своей части всегда темнокоричневый, обожженный. Дѣдушка, какъ и всѣ тогда, курилъ Жуковъ табакъ, въ синихъ четверткахъ, и весь пропахъ имъ. Я, какъ сейчасъ помню этотъ слащавый, «медовый», какъ называли тогда, запахъ и онъ, по своему, былъ хорошъ.

Только передъ обѣдомъ и потомъ по вечерамъ дѣдушка приходилъ въ гостиную и вотъ такъ сидѣлъ и слушалъ разговоръ, а то все время, если былъ въ домѣ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ что-то считалъ и разбиралъ какія-то бумаги. Туда къ нему приходили и, остановившись у притолки дверей, говорили съ нимъ приказчикъ, бурмистръ, конюшій и проч. Съ ними дѣдушка говорилъ точно такими же отрывочными замѣчаніями и никогда не возвышая голоса. Также почтительно и у этой же притолки сто-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

яли и купцы, пріѣзжавшіе къ нему покупать рожь, овесъ, пшеницу, лошадей. У него былъ очень хорошій конскій заводъ, славившійся въ свое время.

Дѣдушка никогда ничего не читалъ. Въ домѣ, кажется, не было совсѣмъ книгъ. Въ кабинетѣ у него на желтомъ, карельской березы, письменномъ столѣ лежали только лѣтъ за двадцать, одинъ на другомъ календари да какая-то большая толстая книга, содержаніе и заглавіе которой я не знаю; только не библія и не евангеліе. По стѣнамъ висѣли мушкетоны, ружья съ кремнями, турецкіе пистолеты, кривые, почти дугой, ятаганы, черкесскія шашки и цѣлая коллекція старинныхъ, прадѣдовскихъ, временъ Елисаветы и Екатерины шпагъ и сабель—огромныя, съ разлатыми, какъ рога оленя, рукоятками и совершенно заржавившими лезвіями. Между ними висѣлъ въ рамкѣ, новенькій, чистый, не закоптѣлый, литографированный портретъ графа Орлова-Чесменскаго на бѣговыхъ дрожкахъ, въ халатѣ со звѣздой и въ собольей шапкѣ, проѣзжающаго шагомъ своего знаменитаго Барса, родоначальника всѣхъ рысаковъ. Этотъ портретъ тогда у всѣхъ былъ заводчиковъ лошадиныхъ, а у кого тогда въ нашей сторонѣ не было заводовъ конскихъ?..

Дѣдушка вставалъ всегда рано, и зимой и лѣтомъ въ четыре часа, и въ халатѣ, съ трубкой, выходилъ въ залъ, гдѣ къ этому времени на развернутомъ ломберномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, поставленномъ по срединѣ комнаты, былъ приготовленъ чай; кипѣлъ самоваръ, на блюдечкѣ лежали ломтики лимона и степеннаго вида женщина Евпраксьюшка, довѣренная и приближенная въ домѣ, стояла возлѣ стола, готовая наливать въ стаканъ дѣдушкѣ чай. Онъ показывался въ дверяхъ, и она снимала салфеточку съ чайника,—на самоваръ его никогда не ставили—и наливала. Дѣдушка подходилъ къ столу, отхлебывалъ глотокъ, другой и начиналъ ходить взадъ и впередъ по бѣлому чистому холщевому половику, разостланному вдоль всѣхъ парадныхъ комнатъ. Въ это же время являлась съ метелочками и гусиными крыльями горничная и начинала подметать полы и стирать пыль. Дѣдушка ходилъ такъ по комнатамъ долго, съ часъ. Онѣ не мѣшали ему.

Однажды какъ-то, еще наканунѣ испросивъ позволенія на другой день какъ можно раньше встать и отправиться съ нашимъ человѣкомъ Никифоромъ удить рыбу на рѣку, я совсѣмъ ужъ одѣтый, готовый, вышелъ въ парадныя комнаты и наткнулся на странную тогда для меня сцену. Дѣдушка, этотъ суровый человѣкъ, стоялъ въ гостиной и держалъ за подбородокъ молоденькую какую-то горничную. Потомъ дѣдушка потрепалъ ее по щекѣ и хотѣлъ было взять за талію, какъ вдругъ въ это время замѣтили—онъ или она—меня и все сразу перемѣнилось: дѣдушка пошелъ, медленно зашагавъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шлепая туфлями, а молоденькая горничная принялась крылышкомъ подметать полъ...

Но дѣдушка, должно быть, что-то подумавъ, захотѣлъ отвести мнѣ глаза, схитрить. Возвращаясь изъ залы опять, онъ сдѣлалъ видъ, что только сейчасъ меня увидалъ и даже ласковѣе обыкновеннаго нагнулся ко мнѣ, подставилъ свою щеку и высказалъ удивленіе, куда это я такъ рано всталъ и собрался.

— Ну, выпей хоть стаканъ чаю-то со мною,—проговорилъ онъ.

Я повиновался и Евпраксьюшка налила и мнѣ.

Но ни слова больше—какъ будто ничего не было и я ничего не видалъ. Я никому не сказалъ объ этомъ въ то время, боясь, какъ бы не перестали мнѣ позволять рано вставать и ходить удить рыбу...

Впослѣдствіи уже я узналъ, что случай, видѣнный мною, не былъ исключительнымъ и дѣдушка, когда захочетъ, былъ и веселый и ласковый и умѣлъ шутить...

Бабушка («тетенька») Варвара Николаевна, напротивъ, была отъ природы нрава необыкновенно вспыльчиваго, горячаго и необыкновенно подвижная. Лицомъ же, сложеніемъ и вообще всѣмъ корпусомъ она походила на императрицу Анну Іоанновну на полтинникахъ и рублевикахъ. Такая же полнота въ груди, въ плечахъ, и такой же, какъ бы отуманенный сладкой задумчивостью взоръ. Росту она была средняго, блондинка, съ переходомъ въ рыжую, глаза голубыя съ поволокой, выраженіе которыхъ часто мѣнялось, смотря по тому, что она говорила. Если она, напримѣръ, описывала чью-нибудь красоту, то, для наглядности, придавала своимъ глазамъ упомянутое выше выраженіе сладкой пріятной задумчивости и слегка какъ-то трепетала при этомъ рѣсницами. Если, напротивъ, разсказывала о чьемъ-нибудь коварствѣ, какъ кто-нибудь хотѣлъ ее надуть, обмануть или вывѣдать чрезъ нее что-нибудь, она глаза щурила и однимъ изъ нихъ, ближайшимъ къ слушателю подмигивала, дескать: «ахъ, ужъ оставьте, насъ тоже не проведешь»... Когда же бабушка была чѣмъ-нибудь огорчена, слушала что-нибудь непріятное, узнавала нехорошее извѣстіе, она складывала губы, какъ-то стягивая ихъ въ пучечекъ; выраженіе же лица было совсѣмъ убитое; въ это время она также часто вздыхала. Но особенная она совсѣмъ была, когда такъ сказать, развертывалась. Много гостей, она довольна, въ духѣ, видитъ что все хорошо, въ порядкѣ, всѣ удивляются ея хозяйству, обилію всего у нея,—тогда, кромѣ глазъ съ поволокой и трепетанія рѣсницъ, она еще и произносила нѣкоторыя слова въ носъ «по-французски». Это былъ уже верхъ блаженства и здѣсь она иногда проговаривалась, а злые языки потомъ пускали входъ ея обмолвки, которыя и облетали весь уѣздъ и проникали даже далѣе, за предѣлы его, достигая всѣхъ ея родственниковъ и знакомыхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вообще, надо правду сказать, воспитанія она большого не получила. Оно было у нея домашнее, того времени, и при томъ мелкопомѣстной среды. Бабушка была взята дѣдушкой за красоту, совсѣмъ безъ приданаго, изъ бѣднаго рода дворянъ Мутовкиныхъ, жившихъ въ своемъ маленькомъ имѣньицѣ недалеко отъ Знаменскаго. Дѣдушка увидалъ какъ-то однажды ее въ церкви, во время обѣдни, былъ пораженъ ея красотою и, никому не сказавъ объ этомъ ни слова, поѣхалъ къ бѣднымъ Мутовкинымъ, никакъ неожидавшимъ къ себѣ визита богатаго и гордаго (дѣдушка былъ очень гордъ) сосѣда, и сдѣлалъ тутъ же или на другой день предложеніе. Черезъ мѣсяцъ была ихъ свадьба... Бабушка очень любила разсказывать объ этомъ, причемъ глаза ея покрывались поволокой.

— Григорій Михайловичъ тогда вѣдь очень красивъ былъ,—разсказывала она:—глаза эти... (при этомъ слушатели закусывали губы; дѣлали серьезныя и внимательныя лица, чтобы не улыбнуться). Тогда глаза эти,—продолжала бабушка,—были у него еще навыкатѣ, строгіе эдакіе и я первое время его боялась...

Бабушка начинала иногда объ этомъ разсказывать и при дѣдушкѣ; тогда онъ откашливался слегка и если она ужъ очень при этомъ расходилась, то и останавливалъ ее. Бабушка вздыхала и замолкала, и это портило потомъ всегда ея расположеніе духа...

Какъ я уже сказалъ, бабушка была проникнута необыкновеннымъ уваженіемъ къ происхожденію дѣдушки и считала родъ Дукмасовыхъ кажется самымъ аристократическимъ у насъ родомъ. Уже принадлежавъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ къ нему чрезъ свое замужество съ дѣдушкой, она все не могла утратить этого уваженія своего. Вступивъ въ родъ, современемъ, это чувство уваженія въ ней обратилось, кажется, въ личное самолюбіе, какъ принадлежащей теперь къ этому роду. Никто такъ не былъ чувствителенъ къ малѣйшимъ и самымъ отдаленнѣйшимъ намекамъ на какой-нибудь неблаговидный случай въ дукмасовскомъ прошедшемъ, какъ она. Сейчасъ же она начинала защищать, хотя и дѣлала это не всегда удачно и бывали случаи, что было бы гораздо лучше, если бы она промолчала и показала видъ, что это ей все равно...

Говоря строго, бабушка не была авторитетомъ и дома, и если всѣ справедливо удивлялись ея хозяйству, порядку заведенному ею, ея удивительнымъ ковершицамъ, кружевницамъ и вышивательницамъ, то самою ее, взятую какъ личность, высоко никто не цѣнилъ, чему много способствовали вотъ тѣ ея «обмолвки», о которыхъ было говорено выше. За глаза объ ней безъ улыбки почти никто не говорилъ.

И помимо даже того, что будетъ разсказано дальше, я не думаю, чтобы она была съ добрымъ сердцемъ; мнѣ кажется, она, кромѣ своей недалекости, была еще и холодная, безсер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дечная женщина. Преобладающей чертой у нея во всякомъ случаѣ было бахвальство, самолюбивое, честолюбивое. Похваляя ее, удивляясь ея хозяйству, восторгаясь имъ, льстя, однимъ словомъ, ей, можно было у нея многое добыть. По крайней мѣрѣ, многіе съ успѣхомъ достигали такимъ образомъ своихъ цѣлей: бабушка расщедривалась и отдавала или дѣлала льстецу то, чего бы она иначе не сдѣлала и не отдала.

Дѣтей у бабушки съ дѣдушкой было немного—всего двое: дочь Полинька, Палагея Григорьевна, воспитывавшаяся гдѣ-то въ Москвѣ въ институтѣ, откуда ее привозили на лѣто, «воздушная», необыкновенно наивная дѣвушка, похожая въ одно время и на мать, и на отца. Она съ нами обращалась, какъ съ дѣтьми, покровительственно, а вообще насъ не любила. Почему-то намъ было запрещено называть ее «тетенькой», кажется, потому, что это названіе старитъ дѣвушку, а ей было еще всего восемнадцать лѣтъ. Намъ было велѣно и мы звали ее Полинькой.

А затѣмъ былъ сынъ Коля, Николай Григорьевичъ. Этотъ воспитывался въ Петербургѣ, въ лицеѣ, и также пріѣзжалъ къ родителямъ на лѣто. Но я хорошо помню его уже чиновникомъ. Онъ служилъ гдѣ-то какимъ-то секретаремъ и я, услыхавъ первый разъ этотъ его чинъ или званіе, все думалъ, я помню, какіе же это секреты онъ знаетъ? И ждалъ отъ него, не станетъ ли онъ намъ показывать эти свои секреты-фокусы?.. Уже впослѣдствіи я понялъ какая злая иронія на чиновниковъ заключается въ этомъ словѣ...

Этого мы звали дядей—это намъ было позволено и это ему самому кажется нравилось. «Дядя Коля» былъ болѣзненнаго вида съ старчески-изношеннымъ лицомъ молодой человѣкъ. Онъ постоянно чѣмъ-то страдалъ и принималъ какія-то лекарства; былъ необыкновенно вѣжливъ и почтителенъ къ матери и отцу; почтительно цѣловалъ у нихъ послѣ обѣда, ужина и чая, руки, а равно когда здоровался утромъ и прощался вечеромъ. Намъ это видѣть въ такомъ большомъ сынѣ было особенно еще странно потому, что мы отроду не цѣловали руки у отца: онъ не позволялъ этого, и вообще никому не давалъ цѣловать руки.

«Дядя Коля» былъ, кромѣ того, еще камеръ-юнкеромъ и въ деревню, куда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ, привозилъ съ собою мундиръ камеръ-юнкерскій. Бабушка съ дѣдушкой, иногда, когда собиралось много гостей, приказывали ему надѣвать его и онъ выходилъ въ гостиную въ чулкахъ, башмакахъ и въ разшитомъ золотомъ мундирѣ. Всѣ на него смотрѣли, онъ ходилъ такъ съ полчаса, потомъ его отправляли переодѣться.

— Теперь вотъ только ключъ ему,—когда онъ уходилъ, говорилъ дѣдушка,—и совсѣмъ будетъ на ногахъ.

Я слышалъ это нѣсколько разъ уже, почти даже всякій разъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ заставляли его переодѣваться въ камеръ-юнкерскій мундиръ, и однажды спросилъ матушку: про какой это такой ключъ все говоритъ дѣдушка?

— А это, который дядя Коля долженъ получить.

— Какой же онъ?

— Золотой.

— На что же онъ?

— Чтобы носить.

— Гдѣ?—спросилъ я.

— Вотъ гдѣ.

И матушка шутя дала мнѣ шлепка отъ котораго я, засмѣявшись, весело подпрыгнулъ... Но я тогда все-таки не понялъ ничего; за то теперь каждый разъ, когда я вижу такой ключъ, я вспоминаю и дядю Колю и этотъ тогда разговоръ...

Но бабушка, однакожъ, какъ ни странно это было, не любила его: она гораздо больше любила дочь, Полиньку. И причина этого была кажется единственно въ томъ, что «дядя Коля» былъ весь, лицомъ и фигурой, въ ея, мутовскинскую, а не дукмасовскую родню: до того, какъ я сказалъ, она была проникнута уваженіемъ къ дукмасовскому роду...

И, казалось даже, чѣмъ больше онъ ухаживалъ за ней, тѣмъ онъ противнѣе ей становился и ее начинало иногда даже прямо раздражать.

А за глаза, конечно, только при близкихъ, она даже это непріятное чувство къ нему высказывала:

— Не лежитъ, мой другъ,—говорила она матушкѣ,—сердце у меня къ нему.

— Э, тетенька, полноте, что вы говорите,—возражала ей матушка.

— Нѣтъ, не говори, мой другъ... Не лежитъ... Ну, не лежитъ... не лежитъ...

Однажды, при мнѣ, во время такого разговора съ матушкой она назвала сына, «дядю Колю» «гнилымъ».

— И весь онъ гнилой,—сказала она...

Я не понималъ тогда этого слова и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, а потомъ на матушку.

— Ну, ступай, иди къ Аннѣ Карловнѣ, играй съ сестрой,—сказала тогда мнѣ матушка, вѣроятно изъ опасенія какъ бы я, по обыкновенію своему, не сталъ ее разспрашивать, что такое это слово «гнилой» означаетъ...

Уже потомъ, гораздо позже, когда «дядя Коля» былъ и оберъ-секретаремъ, и имѣлъ ключъ, а я жилъ въ Петербургѣ, студентомъ университета, и часто видался съ больнымъ дядей, вѣчно лечившимся, я понялъ роковой смыслъ этого ея слова...

Вотъ изъ этихъ четырехъ лицъ—дѣдушки, бабушки, ихъ сына и дочери—состояло все семейство владѣльцевъ Знаменскаго «рая».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Не смотря, однако, на все то, что я сказалъ—да я тогда не понималъ и половины всего того, что видѣлъ—намъ, дѣтямъ, поѣздка къ бабушкѣ и дѣдушкѣ въ этотъ ихъ «рай», въ Знаменское, представлялась всякій разъ крайне интереснымъ, любопытнымъ, заманчивымъ и желаннымъ. Что собственно намъ нравилось тамъ, я теперь съ точностью опредѣлить не могу. Нравилось, вѣроятнѣе всего, даже просторъ, ширина размаха во всемъ, обиліе и относительная свобода отъ надзора за нами Анны Карловны. Въ Знаменскомъ она какъ-то ступевывалась—бабушка не любила ее и называла ее, какъ вообще гувернантокъ, «наемницею»—и мы очень часто были ввѣряемы тамъ многочисленнымъ, степеннымъ, надежнымъ и достойнымъ довѣрія приближеннымъ Евпраксѣюшкамъ, Авдотьюшкамъ, Аксиньюшкамъ и проч., съ которыми, вмѣстѣ съ нянькой нашей Устиньей Ивановной, мы и совершали прогулки по саду, проводя въ этомъ цѣлые дни, слушали разсказы этихъ женщинъ про бабушкино и дѣдушкино богатство, про обиліе всего въ Знаменскомъ и иногда слушали случайно и разговоры ихъ съ нашей нянькой и между собою, часто совсѣмъ другого характера, но тѣмъ не менѣе очень иногда любопытные и оставлявшіе по себѣ на насъ сильное впечатлѣніе... Анна Карловна, зная нелюбовь къ себѣ бабушки, устранялась, уединялась, стушевывалась, какъ я говорю, и отъ этого мы жили совсѣмъ другой жизнью, а кто же болѣе дѣтей любитъ разнообразіе?

Во время этихъ бесѣдъ знаменскихъ Авдотьюшекъ и Аксиньюшекъ съ нашей нянькой, а также и изъ разговоровъ и споровъ одной съ другими, мы узнавали, говорю я, иногда преинтересныя вещи, которыхъ у насъ не было дома и которыхъ существованія мы поэтому и не подозрѣвали даже.

Услышимъ мы бывало что-нибудь подобное и начинаемъ спрашивать объ этомъ ихъ или нашу няньку и онѣ тогда только догадаются, что имъ объ этомъ, быть можетъ, да и навѣрно даже, не слѣдовало при насъ говорить. Но онѣ такъ любили «отводить душу» въ разговорахъ, что попадали такимъ образомъ впросакъ то и дѣло. Проговорятся, спохватятся, но ужъ поздно, и онѣ и наша нянька намъ говорятъ:

— А вы объ этомъ, смотрите, бабушкѣ и дѣдушкѣ или и маменькѣ не проговоритесь.

— Да,—подтверждаетъ и наша нянька,—а то за это достанется.

Но я, при всей своей живости, былъ въ этомъ отношеніи выдресированъ — никогда не проговаривался, а сестра Соня вообще молчаливая,—и подавно.

Но однажды, въ одинъ изъ такихъ вотъ нашихъ пріѣздовъ въ Знаменское, мы услыхали сперва съ сестрой, а потомъ увидали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нѣчто такое, что на насъ произвело до того сильное впечатлѣніе, что мы долго и послѣ все задумывались и толковали объ этомъ.

Помню, въ этотъ разъ пріѣздъ нашъ былъ особенно богатъ новыми и неожиданными сильными впечатлѣніями.

Пріѣхали мы въ Знаменское, по обыкновенію, прямо къ обѣду, т. е. часа въ три. Въ домѣ мы нашли какую-то странную и подозрительную тишину, какъ бываетъ это когда кто-нибудь боленъ въ домѣ, господа въ ссорѣ и проч.—въ этомъ родѣ...

Это было тѣмъ болѣе странно, что мы ожидали встрѣтить совсѣмъ обратное: Полинька была просватана за мѣстнаго помѣщика, ихъ ближайшаго сосѣда, тоже человѣка очень богатаго и готовились съ свадьбѣ, которая скоро должна была быть, чуть ли даже не въ пребываніе наше въ Знаменскомъ.

Матушка даже спросила кого-то изъ лакеевъ, принимавшихъ наши пальто въ передней:

— Что, у васъ все благополучно?

— Все слава Богу-съ.

— Здоровы всѣ?

— Слава Богу-съ.

— Всѣ въ домѣ?

— Въ домѣ-съ.

Страннымъ было уже то, что никто—ни дѣдушка, ни бабушка, ни Полинька—какъ обыкновенно, не встрѣчали насъ въ передней еще и даже никто не выглядывалъ изъ дверей залы. Мы вошли среди этой странной тишины. Наконецъ, показался дѣдушка въ своемъ зеленомъ зонтѣ надъ глазами и съ трубкой въ лѣвой рукѣ. Матушка расцѣловалась съ нимъ, потомъ онъ намъ поочередно подставлялъ свою щеку и мы ощутили всю ея черствость и жесткость вмѣстѣ съ запахомъ табаку, который былъ присущъ дѣдушкѣ и безъ котораго мы не могли даже вообразить его себѣ.

— А тетенька?—спросила его матушка.

Дѣдушка пожевалъ губами, слегка поднялъ плечо и проговорилъ не то съ грустью, не то съ ироніей:

— Тамъ... у себя...

— А Полинька?

— Тамъ же,—тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ дѣдушка...

Матушка поняла, что что-нибудь должно быть произошло, случилось и не стала его дальше разспрашивать и освѣдомилась объ его лишь здоровьѣ.

— Какое ужъ мое здоровье!—загадочно проговорилъ дѣдушка.—Это вѣдь только Варварѣ Николаевнѣ, тетенькѣ твоей, въ голову приходитъ...—и недоговоривъ фразы сказалъ:—уйми ты ее, урезонь хоть ты ее...

Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что что-то у нихъ произошло и дѣдушка тутъ теперь страдательное лицо, безъ вины виноватъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ даже былъ какъ-то сконфуженъ, чувствовалъ себя неловко, видимо былъ въ состояніи непривычномъ для него; не видѣли никогда и мы его такимъ.

— Ну, Анна Карловна, идите съ ними... въ комнату, которую вамъ тамъ покажутъ,—сказала матушка.

Мы пошли, а она еще осталась съ дѣдушкой. Дорогой на встрѣчу намъ попалась Полинька, спѣшившая на встрѣчу къ матушкѣ и намъ показалось, когда она расцѣловалась съ нами, что глаза у нея какъ будто слегка заплаканы.

Мы переодѣлись съ дороги, умылись и совсѣмъ уже готовые все еще оставались въ своей комнатѣ, не зная идти ли намъ и вообще что намъ дѣлать. Даже Анна Карловна, эта опытная, знающая все, какъ и въ какомъ случаѣ ей себя вести, и она была видимо въ недоумѣніи что̀ ей дѣлать? Я было спросилъ, подававшую намъ умываться горничную, что такое съ бабушкой, но и та отвѣтила, что ничего-съ, а Анна Карловна замѣтила мнѣ по-нѣмецки, что никогда не слѣдуетъ прислугу разспрашивать...

Наконецъ, къ намъ пришла матушка, о чемъ-то у окна полушопотомъ поговорила съ Анной Карловной, при чемъ мы могли замѣтить только, что не мало и матушка удивлена и чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи: она нѣсколько разъ поводила плечами, съ удивленіемъ поднимая ихъ, и вздыхала. Тѣмъ не менѣе однакожъ, она, осмотрѣла насъ, въ порядкѣ ли мы, и повела съ собою къ бабушкѣ.

Бабушку мы застали въ спальнѣ. Она, совсѣмъ одѣтая, лежала у себя на огромной своей кровати краснаго дерева съ высокимъ изголовьемъ, на которомъ были изображены амуры, стрѣлы и проч. и была видимо подавлена, убита какимъ-то горемъ. Глаза у нея тоже были заплаканы. Возлѣ нея у кровати стояли Авдотьюшка и Аксиньюка ея любимыя довѣренныя женщины съ унылыми потными лицами и держали—одна мокрую повязку для головы, очевидно, приготовленную для убитой горемъ или больной бабушки, или ею только-что снятую; а другая—чайную чашку съ чѣмъ-то лекарственнымъ. Шторы на окнахъ были спущены. Въ комнатѣ пахло мятными каплями и еще другими какими-то. Тутъ же, у изголовья, въ креслѣ, сидѣла и Полинька. Мы подошли къ бабушкѣ, поцѣловали у нея руку, потомъ поцѣловались съ ней въ губы. Она казалась совсѣмъ слабой и голосомъ говорила слабымъ, то и дѣло вздыхая, при чемъ въ вздохѣ ея слышалось подавленное рыданіе. Видимо, она только-что начала успокоиваться.

— Вотъ, бабушка-то ваша какая...—начала она и опять чуть было не расплакалась:—Дожила до чего...

Но и Полинька, и матушка поспѣшили сейчасъ же ее успокоить.

Бабушка проговорила еще нѣколько фразъ, сдѣлала какое-то замѣчаніе въ родѣ того, какъ мы за годъ выросли и проч., и когда

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

запасъ ея вниманія къ намъ и ласковыхъ словъ изсякъ, матушка сказала намъ, чтобы мы пошли погулять съ Анной Карловной въ садъ, пока, до обѣда, и чтобы далеко не уходили.

Обѣдать бабушка въ залъ не вышла и мы въ этотъ день обѣдали только съ дѣдушкой и съ Полинькой. Матушка, желая внести все-таки сколько-нибудь болѣе веселаго настроенія и отвлечь и дѣдушку отъ его думъ, усиленно старалась разсказывать про то, какъ мы ѣхали, какая жара въ полѣ и т. п. Но, при всемъ стараніи ея изъ этого все-таки ничего не выходило. Дѣдушка сидѣлъ молчаливый, время отъ времени вздыхалъ, а Полинька хоть и улыбалась сочувственно матушкѣ, но это она дѣлала только видъ, а ее эти разсказы ни сколько не интересовали, какъ и никого они не могли интересовать. Вообще, настроеніе было самое натянутое и обѣдъ прошелъ до крайности случно.

Мы такъ рады были, когда наконецъ всѣ встали изъ-за стола и, поблагодаривъ за обѣдъ дѣдушку, который отправился къ себѣ въ кабинетъ, по обыкновенію, отдохнуть послѣ стола,—вышли черезъ гостиную на большой балконъ, выходившій въ садъ.

Но мы все-таки еще не понимали въ чемъ тутъ дѣло, что такое случилось, почему совершенно, повидимому, здоровая бабушка лежитъ у себя въ спалнѣ на кровати къ заплаканными глазами, окруженная приближенными и достойными женщинами съ лекарственными пузырьками, а дѣдушка ходитъ сконфуженный, совсѣмъ потерянный и просилъ матушку:—«образумъ хоть ты ее»,—очевидно, бабушку.

Я никакъ не могъ даже догадаться, не смотря на всю мою наблюдательность и, можно сказать, опытность въ пониманіи по намёкамъ, по полусловамъ, по сметкѣ однимъ словомъ: дѣти точно также быстро развивались и тогда, но вотъ только въ другомъ направленіи...

И весь этотъ день, и вечеръ, я никакъ не могъ узнать настоящей, дѣйствительной причины. Спрашивать объ этомъ Анну Карловну, съ которой мы ходили послѣ обѣда гулять, было совершенно безполезно, она все равно бы не сказала, да она и сама знала развѣ только въ чемъ дѣло, а самыхъ подробностей, всей сути-то не могла еще знать: ни съ матушкой, ни съ нянькой, она не имѣла еще случая одинъ на одинъ говорить.

Такъ насъ и уложили въ этотъ вечеръ спать въ совершенномъ невѣдѣніи всего, что тутъ происходило въ домѣ.

Но на другой день мы съ сестрой узнали все...

Какъ я ужъ сказалъ выше, по причинѣ не любви бабушки къ гувернанткѣ нашей Аннѣ Карловнѣ, эта послѣдняя не только стушевывалась въ Знаменскомъ, но какъ-то даже уединялась подъ разными какими-нибудь предлогами, когда мы пріѣзжали въ этотъ «рай». Насъ поэтому гулять въ садъ отпускали всегда съ нянькой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нашей и вотъ съ этими степенными и приближенными знаменскими женщинами. Такъ было и этотъ разъ. Анна Карловна на утро оказалась больной: у ней разболѣлись зубы, она подвязала себѣ щеку, и мы пошли гулять въ садъ съ нянькой нашей въ сопровожденіи «Анфисушекъ», «Авдотьюшекъ» и т. п. Мы съ сестрой начали бѣгать, собирать палочки, цвѣты, а наши надзирательницы затянули свою пѣсню—безконечные разговоры о новостяхъ. Я навострилъ уши; побѣгалъ сколько-то и началъ отставать, держаться ближе къ нимъ. Наконецъ, мы, погулявши сколько-то, добрались до бесѣдки и тамъ всѣ усѣлись. Я скоблилъ какую-то палочку перочиннымъ ножемъ, сестра дѣлала букетики изъ набранныхъ цвѣтовъ; нянька съ приближенными женщинами говорила.

— Не догадывалась... не догадывалась, милая моя,—говорила нашей нянькѣ одна изъ женщинъ,—до вчерашняго дня, до самаго вчерашняго дня не догадывалась... А вчера вотъ и налетѣла... И случилась бѣда нежданно-негаданно совсѣмъ. И никогда она раньше шести-семи часовъ не вставала, а тутъ, вотъ, ей, какъ кто сказалъ, словно, встала, сама, никому неговоря ни слова, накинула пеньюаръ, ножки въ туфельки, вышла, глядитъ, а они въ гостиной... баринъ-то Вѣрку-дѣвку обнялъ да такъ (женщина показала какъ) взялъ ее за подбородокъ, по щечкѣ и ласкаетъ... Барыня постояла, постояла въ дверяхъ, силы—моченьки-то у ней не хватило, она вдругъ вскрикнула слабымъ страннымъ голосомъ да шлёпъ объземь, въ дурнотѣ: припадокъ съ ней сдѣлался...

— Гм... вотъ что, подумалъ я:—Да я же это давно, еще въ прошломъ году видѣлъ...

А женщина продолжала:

— Ну, сейчасъ народъ сбѣжался: Евпраксѣюшка, изъ зала, гдѣ барину чай наливала, Стёшка горничная барынина, Лушка дѣвчонка... Баринъ-то хочетъ къ барынѣ подойти, взять ее за руку, а она эдакъ (женщина показала какъ) ручкой-то отъ него... показываетъ, дескать, не подходи ко мнѣ, не прикасайся, потому однимъ глазкомъ-то видитъ, одинъ глазокъ-то закрытъ у ней, а другой только эдакъ въ половину—она и видитъ все...—Несите, говоритъ, меня въ спальню, спирту мнѣ подайте. Принесли мы ее въ спальню, положили на кровать, понюхала она это спирту и говоритъ:—А подлая эта гдѣ, разлучница-то моя, злодѣйка? Подайте мнѣ ее... Кинулись мы за Вѣркой, а ея и слѣдъ простылъ и гдѣ она никто не знаетъ. Ну, первое дѣло, думаемъ, давиться на чердакъ кинулась—мы туда—нѣтъ, осмотрѣли со свѣчей весь чердакъ—нѣтъ. Куда думаемъ? На рѣку топиться пошла? Туда мы за ней. А она ужъ стоитъ на самомъ берегу и того гляди вотъ-вотъ въ воду сейчасъ бросится. А на этомъ мѣстѣ вода глубоченная, омутъ тутъ возлѣ—бросится—какъ ключъ ко дну пойдетъ. Ей и боязно видно стало, дѣвка-то она эдакая смирная да робкая, ну и не рѣшается,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стоитъ, а не рѣшается все...—Что ты, молъ, дура! Какъ закричимъ мы на нее—души тебѣ своей не жаль, страшнаго суда Божьяго не боишься? Подошли мы къ ней, а она вся вотъ какъ (женщина показала какъ) трясьмя трясется, какъ въ лихорадкѣ... и глаза такіе у ней стали—смотритъ на насъ, а какъ бы словно ничего не видитъ ими... Ну, взяли мы ее, повели... проводимъ:—ты, говоримъ, какъ къ барынѣ войдешь,—въ ножки сейчасъ ей...

Барыня, какъ увидала ея, опять сейчасъ въ дурноту... Только полежала этакъ не много, видитъ однимъ глазкомъ, Вѣрка стоитъ у кровати передъ ней на колѣняхъ, приподнялась она немножко, да ее эдакъ... эдакъ... наотмашь (женщина показала опять какъ) ручкой два раза по щекѣ:—«Барыней захотѣла быть?.. да?.. подайте сейчасъ сюда ножницы, косу ей отрѣзать, полголовы ей остричь»...

Принесли сейчасъ ножницы,—косу прочь:—«Стригите голову ей!» Стригутъ ей голову, а барыня-то сдержать не могутъ, значитъ, гнѣва, нѣтъ, нѣтъ да и ручкой ее опять эдакъ... эдакъ...—«Сослать ее, говоритъ, сегодня же въ дальній хуторъ, выдать ее тамъ за самаго послѣдняго что ни-есть пастуха-дурака старика, за свиньями чтобы тамъ ходила...» Нарядили сейчасъ же подводу, посадили ее, и собраться не дали,—маршъ въ Семеновскую пустошь, на хуторъ...

— А «дѣдушка-то чтожъ?»—хотѣлъ было я воскликнуть, но какъ-то удержался. Нянька предупредила, точно догадавшись, спросила:

— Ну, а баринъ?

— Ничего... Ни слова... И виду не показалъ... Услыхалъ Вѣрка плачетъ, голоситъ, воетъ, спросилъ только:—«Что, какое наказаніе барыня ей положила?»—и ничего больше... А тутъ ужъ вотъ и вы пріѣхали,—заключила разсказчица...

— Эта какая же Вѣрка-дѣвка? — спросила наша нянька: — Дашки вышивальщицы слѣпой сестра?

— Та самая. Она... Онъ ей, баринъ-то, съ прошлаго года ни покоя, ни проходу не давалъ. Утромъ придетъ она комнаты убирать, баринъ ходитъ моціонъ дѣлаетъ, а я наливаю чай, хоть и не вижу тамъ, что у нихъ, а все понимаю, слышу... догадываюсь... А какъ сказать-то барынѣ объ этомъ?

— Да, какъ можно,—согласилась нянька.

— Въ томъ-то и дѣло... Выйдетъ такая исторія, что тутъ потомъ? Всякому вѣдь, матушка, тоже себя жаль, всякій за себя опасается...

Онѣ поговорили еще сколько-то; разговоръ на эту тему видимо у нихъ изсякалъ. Вдругъ нянька спросила:

— Ну, а что въ нонѣшнемъ-то году слѣпенькихъ у васъ прибавилось?

— Три,—отвѣтила ей женщина.—Двѣ-то совсѣмъ ослѣпли, а

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одна-то видитъ еще, только вечеромъ, при свѣчахъ, ужъ не можетъ работать. Барыня ее такъ-то ужъ жалѣетъ, такъ-то жалѣетъ... Первая вышивательница была.

— Даша?—спросила нянька.

— Даша, Вѣрки этой самой сестра. И, замѣтьте вы, способность какая у обѣихъ сестеръ: Дашка была первая въ свое время вышивательница и эта также.

— Даша-то вѣдь ужъ ничего не видитъ? — опять спросила нянька.

— Нѣтъ, вотъ, какъ мѣсяцъ не поработала, отдохнули глаза, стала видѣть немножко;—«только вижу я,—говоритъ,—все какъ бы черезъ сѣтку какую, или такъ какъ бы черезъ рѣденькую кисею... или черезъ ситичко»...

— Всѣхъ-то ихъ теперь сколько, слѣпенькихъ?—проговорила нянька.

— Всѣхъ-то? Да всѣхъ теперь сколько?—семь всѣхъ,—отвѣтила ей женщина:—Дашка, Катюшка, Аксютка...—начала она перечислять.

Въ это время разговоръ ихъ перервали; кто-то пришелъ за нами изъ дома, звать насъ къ завтраку, онѣ замолчали: мы всѣ вмѣстѣ и пошли.

— Ну, я теперь узналъ все, я знаю въ чемъ дѣло теперь,—сказалъ я сестрѣ, идя съ ней на нѣсколько шаговъ впереди.

— Въ чемъ?

— Бабушка поймала дѣдушку, увидала, какъ онъ Вѣрку-дѣвку какую-то обнималъ и цѣловалъ.

Сестра подняла на меня глаза и смотрѣла.

— Только, я не знаю, я это все въ прошломъ году еще самъ, своими глазами видѣлъ,—сказалъ я.

— Ты?!.—проговорила сестра.

— Да, я... Я всталъ рано, чтобъ удить, вышелъ въ гостиную и вижу дѣдушка стоитъ, одной рукой зонтъ свой поправляетъ, а другой горничную за подбородокъ держитъ и ласкаетъ ее.

Сестра сомнительно покачала головой, дескать, не вѣрится что̀-то, непохоже это на него, не можетъ быть...

Тогда я ей разсказалъ со всѣми подробностями, какъ это я видѣлъ въ то время, и потомъ передалъ ей разговоръ няньки съ женщинами, ихъ разсказъ о томъ, какъ это было теперь, какъ бабушка его поймала и проч. и проч.

Сестра слушала все это, по обыкновенію, молча, только изрѣдка взглядывала на меня въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ.

— За что̀ же ее? Вѣдь дѣдушка виноватъ,—наконецъ проговорила она.

— Да, ну, и все-таки и она... Зачѣмъ не сказала бабушкѣ,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

объяснялъ я ей и самъ хорошенько еще не понимая ни ея, ни дѣдушкиной вины...

Сестра пожала плечами, непонимая ничего.

— Только ты объ этомъ не говори никому,—предупредилъ я.— Я въ прошломъ году никому не сказалъ. И потомъ вотъ что: онѣ о какихъ-то слѣпенькихъ послѣ все говорили. У нихъ семь слѣпенькихъ вышивальщицъ есть. Въ нынѣшнемъ году три еще ослѣпли...

Но мы, между тѣмъ, подошли къ дому, разговоръ этотъ надо было прекратить,—такъ вопросъ о «слѣпенькихъ» и остался на время пока не выясненнымъ для меня, да я и не думалъ, что это особенно что-нибудь интересное... Самое главное я ужъ узналъ— причину ссоры дѣдушки съ бабушкой и этого натянутаго и непонятнаго настроенія у нихъ въ домѣ...

V.

Мало-по-малу однакожъ все приходило въ порядокъ, въ свою обычную колею. Не вдругъ, но по немножку. Къ завтраку бабушка не выходила и мы завтракали безъ нея, съ дѣдушкой и Полинькой, но она, также какъ и матушка, видимо была ужъ спокойнѣе. Полинька даже смѣялась, а дѣдушка что-то замѣтилъ по какому-то поводу и высказалъ, по обыкновенію, свое мнѣніе. Но къ обѣду бабушка уже вышла. Когда мы пришли къ обѣду опять изъ сада, мы увидали ее ужъ въ гостиной, хотя она еще все была въ своей утренней широкой блузѣ и въ рукахъ держала пузырекъ съ какимъ-то спиртомъ, который время отъ времени и нюхала. Дѣдушка былъ тутъ же, въ гостиной, но какъ бы избѣгалъ говорить съ бабушкой, а сидѣлъ и слушалъ какъ разсказывала ему что-то матушка. Полинька сидѣла въ какомъ-то странномъ и тревожномъ настроеніи и все улыбалась. Оказалось, что сейчасъ получено было письмо отъ ея жениха, что онъ вернулся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ за какими-то покупками къ свадьбѣ, за подарками Полинькѣ, и сегодня вечеромъ будетъ здѣсь. Однимъ словомъ, мы застали картину если не совсѣмъ и обычную въ Знаменскомъ домѣ, то ужъ во всякомъ случаѣ видно было, что дѣло пошло на ладъ, острый періодъ слезъ окончился, кризисъ миновалъ.

Но меня занимала обычная моя дума. Я, придя въ гостиную, сѣлъ въ уголокъ, слушалъ ихъ разсказы, разговоръ, смотрѣлъ на ихъ лица, всматривался въ нихъ, въ ихъ выраженіе, въ ихъ улыбки и думалъ:—«Ну, здѣсь это все кончилось, или скоро кончится, всѣ опять помирятся и все сегодня же, вѣроятно, пойдетъ попрежнему— да ужъ и пошло,—а что и гдѣ теперь эта «Вѣрка-дѣвка?» Ѣдетъ она теперь, или ужъ пріѣхала на хуторъ... будутъ ее замужъ вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

давать за дурака-пастуха старика, плачетъ она... пожалуй еще вздумаетъ опять тамъ утопиться... всѣ смѣются надъ ней»...

Вдругъ неслышными шагами, по половику, вошелъ въ гостиную лакей и, остановившись у двери, доложилъ:

— Евгеній Васильевичъ пріѣхали.

Это былъ женихъ Полинькинъ. Онъ очевидно пріѣхалъ сюрпризомъ, написавъ нарочно, что будетъ вечеромъ, а пріѣхалъ къ обѣду.

Полинька вскочила, всплеснула ручками и не говоря ни слова юркнула въ другую дверь—она была одѣта по домашнему, не для встрѣчи жениха. Бабушка тоже забыла свое унылое и убитое настроеніе и подбирала платье и говоря матушкѣ: «прими его, встрѣть, мой другъ»! поспѣшила тоже вслѣдъ за Полинькой. Матушка съ дѣдушкой пошли въ залу. Но мнѣ не захотѣлось даже встать и взглянуть на него. Я такъ и остался, какъ сидѣлъ...

Обѣдъ, разумѣется, оттянулся часа на полтора—надо было прибавить кушанья; столъ перекрыли вновь; надо было разставить другой сервизъ, хрусталь. Во всемъ домѣ поднялась та шопотливая и шмыгающая суета, которая обыкновено бывала всегда въ эдакихъ случаяхъ. Бабушка, одѣтая въ какое-то необыкновенное платье (она одѣвалась всегда ужасно безвкусно), вошла совершенно въ покинутую было ею роль хозяйки и смотрѣла орломъ—любимое ея выраженіе. (По ея словамъ и дѣдушка когда былъ женихомъ и первое время потомъ тоже смотрѣлъ «орломъ»). Полинька съ какими-то коробочками и футлярами въ рукахъ то ластилась и притворно надувалась, когда говорила съ женихомъ, то перебѣгала отъ одного къ другому, показывая привесенные женихомъ подарки. Даже и мнѣ поднесла и показала.

— Хорошо,—кисло сказалъ я.

— Тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, ничего.

— Ты ничего не понимаешь!

И она полетѣла къ другому.

А у меня въ головѣ все сидѣла эта несчастная «Вѣрка». Все здѣсь опять какъ скоро измѣнилось, опять какъ ничего и не было; все опять попрежнему, все на своемъ мѣстѣ, всѣ остались, какъ было, тутъ же... одной ея нѣтъ... была и нѣтъ ея...

И дѣдушка ходилъ совсѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало, поправлялъ свой зонтъ, останавливался, раскуривалъ до красна свою трубку, потомъ придавливалъ пальцемъ пепелъ въ ней и произносилъ свое мнѣніе.

Женихъ былъ, казалось, на седьмомъ небѣ и все говорилъ, когда Полинька куда-нибудь упархивала изъ гостиной:—А какой она еще ребенокъ?..

Матушка радовалась ихъ счастью.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Обѣдъ прошелъ какъ-то усиленно оживленно. Не говоря уже о Полинькѣ и ея женихѣ, которые сидя рядомъ все взглядывали другъ на друга и молча жали другъ другу руки, отчего дѣлалось какъ-то неловко, но и дѣдушка, и матушка разговаривали какъ по заказу. Только начинаетъ ослабѣвать разговоръ, кто-нибудь сейчасъ новую тему придумаетъ. Такимъ разговорчивымъ я никогда не видывалъ еще дѣдушку. Бабушка въ своемъ удивительномъ платьѣ тоже старалась быть веселой, но все-таки иногда вспоминала вѣроятно о своемъ горѣ-обидѣ и на минуту вдругъ дѣлалась какъ-бы почувствовавшей изнеможеніе. Но она сейчасъ же опять вновь овладѣвала собою, входила въ настоящій тонъ, какъ только матушка, замѣтивъ опасность, грозившую общему радостному настроенію, взглядывала на нее и дѣлала ей глазами какой-то не одобрительный знакъ.

Послѣ обѣда, съ общаго рѣшенія, дѣдушку отправили въ кабинетъ отдыхать. Онъ началъ было храбриться, говорить, что это, если онъ не будетъ спать, все равно его нисколько не утомитъ и проч. Но всѣ возстали противъ этого: и матушка, и Полинька, и ея женихъ. Даже вдругъ бабушка къ удивленію всѣхъ сказала:

— Ну ужъ идите, идите (она иногда говоритъ ему вы). Нечего тутъ храбриться-то, да молодиться...

Это вышло очень мило... Всѣ кинулись къ дѣдушкѣ со словами:— «Ну, ужъ теперь, извольте отправляться: бабушка велѣла...» Дѣдушка повиновался, очень довольный, и пошелъ, а всѣ обратились за тѣмъ къ бабушкѣ и съ чувствомъ, хотя и безъ словъ, благодарили ее за то, что она первая заговорила съ дѣдушкой и такимъ образомъ положила начало концу ихъ ссоры.

Всѣ вышли послѣ этого на террасу, гдѣ былъ большой круглый столъ и куда бабушка приказала подать послѣобѣденный чай, такъ какъ было извѣстно, что женихъ любитъ послѣ обѣда чай.

Доброе и счастливое настроеніе продожалось и тамъ. Женихъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ, про Москву, какъ онъ тамъ хлопоталъ, разъѣзжалъ по магазинамъ и проч., и проч. Вдругъ бабушка вспомнила, что она еще не показывала матушкѣ приготовленное ею дома Полинькино приданое бѣлье... Это была ея слабость и въ то же время ея гордость. Она не похвасталась этимъ до сихъ поръ только потому, что вслѣдствіе случившагося печальнаго недоразумѣнія ея съ дѣдушкой, ей было ужъ не до того. Теперь, оправившись и нѣсколько позабывъ про свое горе, она, разумѣется, не могла удержаться, чтобы не показать сегодня же своего шедевра—предметъ общаго удивленія и зависти цѣлаго уѣзда, даже всей губерніи, потому что вышиванье гладью ни у кого не было доведено до такой высокой степени совершенства. Она послала позвать главную надсмотрщицу за кружевницами, Маланьюшку,—и когда та пришла, бабушка не полѣнилась сама встать и вмѣстѣ съ нею пойти

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отпереть шкафы и комоды, гдѣ висѣло и лежало это приданое бѣлье. Скоро на террасу стали выносить безчисленныя горничныя безчисленное количество удивительно вышитыхъ батистовыхъ сорочекъ для Полиньки, кальсончиковъ, юбокъ, воротничковъ, рукавчиковъ, чепчиковъ и проч. и проч. Довѣренныя женщины Аринушка и Лукерьюшка брали все это поочередно отъ стоявшихъ на террасѣ и державшихъ на трепетныхъ рукахъ горничныхъ и преподносили всѣмъ. Бабушка съ скромнымъ, но исполненнымъ не описуемой гордости видомъ, происшедшимъ отъ сознаніи своего недосягаемаго превосходства надъ всѣми хозяйками-помѣщицами, давала объясненія:

— Вотъ этотъ, мой другъ, чепчикъ,—говорила она матушкѣ,—вышивали двѣ дѣвки ровно полгода... ты посмотри...

— Удивительно... удивительно...—повторяла матушка.

— А вотъ эту рубашку подвѣнечную—ты посмотри—двѣ дѣвки вышивали годъ и три мѣсяца.

— Удивительно.

Полинька пріятно улыбалась; женихъ видѣвшій, конечно, ужъ это приданое и можетъ быть не разъ, показывалъ видъ, что тоже изумленъ, пораженъ. А можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ восторгѣ отъ этого...

Осмотръ продолжался долго... Было пересмотрѣно огромное количество бѣлья и все вышитаго, расшитаго. Наконецъ, бабушка, обращаясь къ Маланьюшкѣ, надзирательницѣ за вышивальщицами сказала:

— Ну, теперь, какъ уложишь это все опять на свое мѣсто, тогда принеси... понимаешь?

Маланьюшка, женщина степеннаго вида, съ необыкновенной таинственной важностью шопоткомъ отвѣчала ей:—Понимаюсь... слушаюсь...

— А это что̀ такое, тетенька, вы велѣли принести?—очень хорошо зная что̀, но какъ бы недогадываясь, спросила матушка.

— Ты сейчасъ, мой милый другъ, увидишь,—отвѣчала бабушка.

Но всѣ знали что̀ это такое, потому что и матушка, и Полинька, и женихъ, и даже сама бабушка, поглядѣли другъ на друга, пріятно и довольно улыбаясь.

Въ дверяхъ, изъ гостиной на террасу, показались сперва сама Маланьюшка надзирательница, высоко поднимая и держа науровнѣ съ головой что̀-то бѣлое въ рукахъ, и этому бѣлому, широкому и длинному не было еще видно конца, а были ужъ видны изъ дверей головы горничныхъ съ полуиспуганнымъ выраженіемъ на лицахъ, поддерживавшихъ это же бѣлое и дальше. Всѣ встали и послышались тѣ короткія, отрывочныя, невольныя одобренія, какъ въ театрѣ: браво-браво-браво, когда зрители не могутъ удержаться отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

восторга, но и боятся высказать или выразить его громко, чтобы не перервать вызвавшаго ихъ восторгъ дѣйствія...

— Вотъ... проговорила бабушка.

Это нѣчто было удивительное! Это былъ пеньюаръ весь сплошь вышитый гладью: дырочки, фестончики, городки, кружечки, цвѣточки—живого мѣста, что называется, на немъ не было—все вышито!..

Эффектъ былъ произведенъ чрезвычайный. Когда, наконецъ, удивленія, восхищенія и восторги всѣхъ уже были выражены и бабушка приняла отъ всѣхъ дань одобренія, подобающую ей, матушка наконецъ спросила ее:

— Ну, а сколько же, тетенька, времени вышивали его?

— Два года, мой другъ... Двѣнадцать дѣвокъ два года вышивали его... Три изъ нихъ ослѣпли...

Всѣ выразили сожалѣніе по этому случаю. А бабушка, вздохнувъ, добавила:

— И самая моя любимая, лучшая—Дашка... Такой у меня ужъ не будетъ другой,—съ грустью закончила она.

— Лушка, сударыня, тоже хорошо будетъ вышивать,—замѣтила отъ себя ей какъ бы въ утѣшеніе надзирательница.

Бабушка только съ грустью улыбнулась.

— Что та безотвѣтная только была... — опять сказала надзирательница, и вдругъ остановилась.

Горничныя, державшія пеньюаръ, стояли и точно это до нихъ нисколько, ни малѣйше, не касалось, не интересовало ихъ. Точно эти слѣпыя были не изъ ихъ же рядовъ, не изъ нихъ же набраны...

А бабушка подъ впечатлѣніемъ грустной утраты своей продолжала:

— Я сказала ей еще тогда: ну, Дашка, говорю, кончишь этотъ пеньюаръ — сама себѣ выбирай изъ всей дворни жениха: какого выберешь, за того и выдамъ тебя... И я знала даже кого бы она выбрала...

— И гдѣ же она, тамъ теперь? Во флигелѣ съ другими?—спросила матушка.

— Тамъ-съ, сударыня,—отвѣчала ей надзирательница,—съ прочими слѣпыми... ей только все отдѣльно приказано поставить отъ другихъ: и кровать, и сундукъ, и все...

На Полиньку и на ея жениха этотъ разговоръ не произвелъ никакого, казалось, впечатлѣнія. Они были счастливы и счастье ихъ было такъ полно. Она, можетъ быть, однако, была бы не менѣе счастлива и безъ этого пеньюара...

— Эти слѣпенькія гдѣ же живутъ у васъ?— спросилъ я надзирательницу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Въ маленькомъ флигелькѣ-съ, что въ садъ одной стороной выходитъ... Имъ тамъ чудесно... Онѣ тамъ, какъ въ раю, живутъ,— отвѣтила надзирательница.

Матушка посмотрѣла на меня и ничего не сказала.

VI.

Утромъ на слѣдующій день я ждалъ, дождаться не могъ, когда кончится это чаепитіе на террасѣ и насъ съ нянькой, въ сопровожденіи «Аксиньюшки» и «Евпраксѣюшки» отпустятъ гулять въ садъ; нѣмка-гувернантка была попрежнему больна зубами или только сказывалась больной.

— Соня, ты слышала вѣдь вчера про этихъ слѣпенькихъ — намъ надо сегодня ихъ посмотрѣть. Вотъ несчастныя-то!—говорилъ я сестрѣ.

— Да, — сказала она и, по обыкновенію, посмотрѣла на меня.

— Я знаю и гдѣ онѣ живутъ—въ этомъ маленькомъ, желтенькомъ флигелѣ. Мы, какъ пойдемъ, попросимся въ эту сторону гулять. А то все въ одно и то же мѣсто ходимъ—надоѣло. И увидимъ ихъ. Онѣ, говорятъ, все на травкѣ передъ флигелькомъ своимъ сидятъ. Выйдутъ и сидятъ на солнышкѣ—ничего не видятъ. Такъ ты попросись же,—училъ я ее.—Я буду просить и ты проси, чтобы мы въ эту сторону сада пошли. Только ты не говори зачѣмъ. А то нянька пожалуй не согласится.

— Хорошо.

— Подумаютъ, что намъ нельзя туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

Она была чрезвычайно кроткая, тихая, но необыкновенно понятливая и сердечная дѣвочка. Только ее надо было понимать. Кто не зналъ ее и не понималъ ее, думалъ, что она ко всему равнодушная, что ей ни до чего дѣла нѣтъ, она ничему не бываетъ рада и ей никого не жалко. Но я ее понималъ отлично, и она меня тоже понимала.

Когда, наконецъ, матушка сказала:—«Ну, идите, если хотите, гулять въ садъ: только няньку позовите»—я сейчасъ же побѣжалъ и все устроилъ. Кромѣ няньки, съ нами, по обыкновенію, пошли и «Аксиньюшка» или «Евпраксѣюшка».

Какъ было условлено, я началъ проситься идти гулять въ ту часть сада, къ которой примыкали заднимъ фасомъ флигеля и въ томъ числѣ и маленькій желтенькій флигелекъ. Нянька, ничего не подозрѣвая, согласилась и мы прямо, выйдя съ балкона, повернули за уголъ. Помню, я все боялся какъ бы матушка или другія, стоявшія на террасѣ, замѣтивъ это, не спросили бы насъ куда мы это повернули, вмѣсто того, чтобы идти

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прямо. Но насъ никто не спросилъ, вѣроятно, и не замѣтили даже куда мы направились, и мы совершенно спокойно продолжали идти. До желтенькаго флигелька было довольно далеко, но онъ уже былъ видѣнъ. Въ саду передъ нами дѣйствительно былъ довольно большой лужокъ, но на немъ никого не сидѣло. Мы шли по дорожкѣ, обсаженной рѣдкими березками, и намъ все было видно. Флигеля, счетомъ пять или шесть, занятыя коверщицами, кружевницами, вышивальщицами, были отъ насъ вправо, а на концѣ ихъ, самый послѣдній — желтенькій, который насъ интересовалъ. Но вотъ мы, наконецъ, поровнялись съ нимъ, я осмотрѣлъ все пространство впереди—нигдѣ, никого, ни души. Окна во флигелѣ закрыты, бѣленькія шторки спущены, дверь на крылечкѣ въ садъ затворена.

— И поютъ онѣ такъ-то хорошо, такъ-то хорошо,—услыхалъ я позади меня говорили съ нашей нянькой «Авдотьюшка» и «Евпраксьюшка»,—такъ-то жалостно, такъ за душу тебя и беретъ...

Я насторожился.

— Вонъ тамъ, за бугорочкомъ, онѣ теперь и сидятъ,—продолжала говорить женщина.—Утромъ самоварчикъ поставятъ, чайку попьютъ и пойдутъ на бугорочекъ. Лушка-то видитъ чуть-чуть, да вотъ и Дашка теперь тоже стала хоть сколько-нибудь видѣть — онѣ возьмутся всѣ за руки дружка съ дружкой и идутъ. Прежде онѣ тутъ вотъ, бывало, все сиживали, ну, гости какъ-то и увидали разъ, начали разспрашивать: отчего, какъ и что, барынѣ и непріятно стало, она и не велѣла имъ на глазахъ-то тутъ сидѣть, а чтобы, если хотятъ, уходили вонъ туда, съ глазъ долой, за бугорокъ...

Мы шли по дорожкѣ, прямо къ бугорку, который былъ въ сторону, вправо отъ дорожки, шагахъ въ тридцати. Теперь все дѣло было въ томъ, чтобы мы ихъ сразу какъ-нибудь увидѣли и тогда ужъ отступать будетъ поздно.

— Дашка-то съ барышней Полиной Григорьевной, маленькая когда была, играла, и выучилась читать-писать, книжекъ много читала, охотница была читать. Теперь она имъ и разсказываетъ все, на манеръ какъ бы сказокъ, только это все правда, написано все это въ книжкахъ,—разсказывала женщина:—имъ это теперь и какъ бы вмѣсто занятія, работать-то не могутъ, окромя что чулки вязать,—и слушаютъ ее.—Слушаютъ, слушаютъ, ну, скажутъ, дѣвушки, а теперь давайте пѣть. И запоютъ... страсть какъ жалобно. Все равно какъ страннички поютъ... вотъ, которыя Богу молиться ходятъ...

Онѣ помолчали немного. Мы подходили къ бугорку.

— Чтожъ, такъ разобрать если,—опять заговорили женщины,—это имъ и къ лучшему, можетъ быть, спасутся, душеньки свои спасутъ, въ царствіе небесное угодятъ...

Вдругъ и сразу мы увидали ихъ всѣхъ на травѣ, шагахъ въ пяти

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отъ бугорка, сидятъ прямо на солнцѣ, на открытомъ мѣстѣ; на головахъ и на шеѣ бѣленькія полотняныя платочки, сѣренькія, домашняго тканья, платьица; нѣкоторыя вязали чулки, другія такъ сидѣли и тихо разговаривали. Мы всѣ невольно остановились. Но уходить было уже поздно. Нянька наша что-то было заговорила, но я ее перебилъ:

— Это слѣпенькія? Это про которыхъ вчера, когда приданое показывали, Маланьюшка говорила? Я слышалъ она матушкѣ разсказывала,—заговорилъ я.—Няня пойдемъ посмотримъ ихъ.

Нянька и женщины что-то начали было шептаться между собою.

— Мы не скажемъ; пойдемте, мы никому не скажемъ! Соня, слышишь, никому ни говори,—хлопоталъ и устроивалъ я.

Нянька пассивно повиновалась. Мы своротили съ дорожки и пошли къ нимъ по травѣ. Я впереди, за мною сестра, а позади насъ нянька и женщины.

Слѣпенькія услыхали шуршаніе травы, почуяли наше приближеніе и начали во всѣ стороны оглядываться—не видали откуда мы къ нимъ приближаемся. Я помню, это такъ на меня подѣйствовало, что я невольно замедлилъ шаги и остановился, не доходя до нихъ.

— Онѣ не видятъ, смотри, онѣ оглядываются во всѣ стороны; онѣ насъ ищутъ, не видятъ,—говорила мнѣ сестра.

Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и смотрѣлъ на нихъ. Наконецъ, одна какая-то вглядѣлась въ насъ и должно быть увидала, потому, что начала что-то говорить другимъ и тѣ усиленно завертѣли головами во всѣ стороны, отыскивая насъ... Наконецъ, мы всѣ подошли къ нимъ. Онѣ хотѣли вставать; но я началъ говорить, чтобы онѣ сидѣли.

— Ничего, чтожъ такое, встанутъ не развалятся отъ этого,—заговорила одна изъ сопровождавшихъ насъ женщинъ.

Дѣвушки между тѣмъ всѣ встали и, слыша голоса, по слуху смотрѣли на насъ своими мертвыми, не зрячими, т. е., открытыми, глазами...

— Вотъ молодые господа къ вамъ пришли, посмотрѣть на васъ захотѣли,—опять заговорила женщина.—Катерину Васильевну знаете? Ну, такъ вотъ это дѣтки ея къ бабушкѣ пріѣхали...

Одну изъ нихъ я узналъ—это была та самая знаменитая вышивальщица Даша, которую я столько разъ и прежде видѣлъ въ домѣ и о которой такъ тужила теперь бабушка, потерявъ въ ней лучшую свою вышивальщицу.

— Вы ничего не видите?—робко спросилъ я ее.

— Такъ, немножко вижу... Такъ, какъ бы сквозь ситичко или кисейку рѣденькую,—отвѣтила она.—А прежде совсѣмъ не видѣла...

Мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вы плакали,—сказалъ я,—или это у васъ такъ... болятъ?— проговорилъ я.

Она всхлипнула и утерла глаза. Она плакала... Позади себя я услыхалъ шопоткомъ говорила нянькѣ одна изъ женщинъ:

— Вѣрка-то, что съ бариномъ... которую вчера сослали, сестра вѣдь ей приходится вотъ и плачетъ...

— Ну, пойдемте, пойдемте,—вдругъ заторопила насъ нянька.— Пойдемте же, а то увидятъ насъ, бѣда тутъ будетъ, пойдемте. Прощайте, дѣвушки.

Я помню на меня все это такъ подѣйствовало, что нянька должна была меня взять за рукавъ моей рубашки и потянуть съ мѣста, чтобы я шелъ. Сестра Соня стояла тоже въ такомъ же состоянiи и не двигалась. Нянька и ее потащила за рукавъ.

— Смотрите же не разсказывайте, не говорите, какъ придете, бѣда еще такая изъ этого выйдетъ, всѣмъ достанется и гулять пускать не будутъ,—все повторяла дорогой, когда шли назадъ, нянька.

Женщины, сопровождавшія насъ, поддакивали ей въ этомъ. Но намъ было не до разсказовъ...

«Рай» въ Знаменскомъ кончился для бабушки года за два до объявленія воли. Тогда выбрали новаго предводителя, онъ пріѣхалъ къ бабушкѣ съ дѣдушкой и попросилъ, чтобы ему показали слѣпыхъ вышивальщицъ. Бабушка было не хотѣла ему ихъ показывать, но онъ сказалъ, что это необходимо и ему ихъ показали. Онъ видѣлъ ихъ. А черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, бабушка распустила всѣхъ своихъ вышивальщицъ и въ томъ числѣ и «слѣпенькихъ»: ихъ возвратили роднымъ... Другія совсѣмъ времена тогда подходили...

Сергѣй Терпигоревъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Н. МУРАВЬЕВѢ.

I.

Предложеніе сдѣланное мнѣ въ 1853 г. Кавказскимъ начальствомъ.—Переговоры мои.—Домъ Бекетовыхъ.—Сама хозяйка его.—Встрѣча моя съ П. Х. Граббе.—Отъѣздъ на Кавказъ.—Москва.—Орловская губернія.—Воронежъ.—Донъ.—Ставрополь.—Встрѣча въ Екатериноградѣ кн. Воронцова.—Владикавказъ.—Горы.—Тифлисъ.—Его общество.—Кн. А. И. Барятинскій.—Отъѣздъ въ Мингрелію.—Баронъ Розенъ.—Чолокское сраженіе.—Вторженіе скопищъ Шамиля въ Кахетію.—Кюрюкъ-Дарьинское сраженіе.—Случай съ Александровскимъ.—Письмо кн. Воронцова къ кн. Барятинскому.—Высадка союзниковъ въ Крыму.—Увольненіе кн. Воронцова.—Назначеніе Н. Н. Муравьева.—Дѣйствія его на пути отъ Ставрополя къ Тифлису.—Кончина императора Николая.—Пріѣздъ Н. Н. Муравьева въ Мингрелію.

СЕНЬЮ 1853-го года, мнѣ предложена была начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа должность воспитателя малолѣтняго владѣтеля Мингреліи, князя Николая Давидовича Дадіана. Переговоры начались у меня лично, въ Петербургѣ, съ попечителемъ Кавказскаго округа, а по отъѣздѣ его отсюда, письменно съ нимъ же, и, благодаря дальнему разстоянію и тогдашнимъ плохимъ путямъ сообщенія съ Кавказомъ, тянулись очень долго.—Въ эту выжидательную и переходную для меня полосу, досуги свои я чаще всего короталъ въ одномъ близко знакомомъ мнѣ домѣ, сосѣдей по деревнѣ, Бекетовыхъ.—Это были люди состоятельные, жившіе уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, главнымъ образомъ съ дѣловою цѣлью. Бе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кетовъ былъ опекуномъ племянниковъ своей жены, сиротъ горнозаводчика милліонера, Баташова, которые и воспитывались въ его домѣ, подъ руководствомъ нѣжно любившей ихъ тетки. Сложныя и запутанныя дѣла опеки заставили Бекетовыхъ перезнакомиться съ множествомъ петербургскихъ тузовъ и принимать ихъ у себя. У нихъ бывали: тогдашній министръ финансовъ, Брокъ, товарищъ министра юстиціи, Илличевскій, правитель походной канцеляріи государя, Суковкинъ, и, чаще всѣхъ, тогдашнее свѣтило, государственный секретарь, В. П. Бутковъ, являвшійся иногда сюда на вечеръ въ 12 часовъ ночи. Кромѣ этихъ дѣльцовъ, ѣздила масса знакомыхъ—придворныхъ, свитскихъ и гвардейцевъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу. Елена Петровна Бекетова, обладавшая замѣчательнымъ тактомъ и не утратившая еще, въ 35 лѣтъ, свѣжести своей красоты, сдѣлала салонъ свой очень привлекательнымъ и находила въ мужѣ своемъ отставномъ гусарѣ, весельчакѣ и добрякѣ, Дмитріѣ Апполоновичѣ, полезнаго себѣ по этой части помощника. Но что въ особенности выдѣляло Бекетову, это умѣніе говорить съ государемъ въ маскарадѣ.

Извѣстно, что императоръ Николай часто посѣщалъ маскарады Большого театра и по долгу тамъ оставался. Они, конечно, не имѣли ни малѣйшаго сходства съ теперешними, посѣщались лучшимъ обществомъ и были недосягаемы для масокъ полусвѣта. Государь любилъ женскій умъ, развлекавшій его въ часы досуга. Само-собою разумѣется, что особъ прекраснаго пола, желавшихъ интриговать его, являлся сюда цѣлый рой; угодить ему было не легко, маску не интересную онъ скоро оставлялъ и бывалъ въ особенности недоволенъ начинавшею говорить съ нимъ о какомъ-нибудь дѣлѣ; тогда онъ передавалъ ее находившемуся тутъ же Дубельту, а тотъ доканчивалъ дѣловые разспросы. Елена Петровна Бекетова, съ перваго же своего дебюта, проявила столько такта и ума, что государь былъ ею очарованъ, долго съ нею ходилъ и тѣмъ обратилъ даже общее на нее вниманіе. За первымъ вечеромъ послѣдовали другіе, а между тѣмъ Бекетова такъ искусно вела свою тактику, что августѣйшій ея кавалеръ самъ наконецъ заинтересовался ея домашними обстоятельствами, сталъ о нихъ разспрашивать, узналъ материнскія заботы ея о сиротахъ Баташовыхъ, что дѣла ихъ въ особенности запутаны долгами казнѣ, обѣщалъ разспросить объ этомъ министра финансовъ и чѣмъ возможно помочь. Слово не расходилось у государя съ дѣломъ, при первомъ же докладѣ Вронченки, онъ сочувственно говорилъ съ нимъ объ опекѣ наслѣдниковъ Баташова, а тотъ, понявъ, конечно, откуда это шло, сдѣлался покорнѣйшимъ слугою Елены Петровны. За нимъ потянули къ ней замѣститель его Брокъ и другіе тузы.

Приглашенный разъ навсегда къ 5 часамъ, т. е. къ обѣденному часу, я, какъ человѣкъ свой, сидѣлъ у Бекетовыхъ обыкновенно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

до того времени, какъ начинали появляться гости. Однажды, въ началѣ января 1854 года, когда отъѣздъ мой на Кавказъ былъ уже рѣшенъ окончательно, я такъ засидѣлся и заговорился съ Еленой Петровной о предстоящей мнѣ поѣздкѣ, что не замѣтилъ какъ прошло ея avant-soirée, и человѣкъ доложилъ о генералѣ Граббе; я схватился за шляпу, чтобы исчезнуть; хозяйка меня остановила словами:

— Куда вы? не уходите. Это премилый и препочтенный старикъ, безвинно теперь опальный, [1]) и тѣмъ болѣе еще мною уважаемый. Кстати, онъ прекрасно вѣдь знаетъ Кавказъ и наставитъ васъ многому полезному. Сегодня же, кромѣ него, врядъ ли кто къ намъ заглянетъ, многіе на раутѣ у австрійскаго посла.

Я положилъ шляпу, а въ это время входилъ уже высокій, сѣдой генералъ, немного сутуловатый отъ лѣтъ, съ прекрасными чертами лица. Поздоровавшись съ нимъ, хозяйка представила меня; появился и Бекетовъ, успѣвшій выспаться, и бесѣда, какъ водится, началась съ новостей дня, а потомъ хозяйка навела ее на самое для меня интересное.

— А вотъ Павелъ Христофоровичъ,—сказала она,—вы видите передъ собой молодого человѣка, собирающагося ѣхать служить на Кавказъ, въ страну хорошо вамъ извѣстную.

Она сказала, чѣмъ я тамъ буду и гдѣ поселюсь. Генералъ хорошо зналъ Мингрелію и тогдашнюю ея правительницу, знакомъ былъ съ покойными ея мужемъ и тестемъ, и сообщилъ о нихъ и о странѣ не мало интересныхъ подробностей. Замѣтно было, что о Кавказѣ онъ говорилъ съ особенною любовію.

— Жаль только,—прибавилъ онъ,—что врядъ ли вы уже застанете тамъ самого Воронцова.

— Отчего же такъ?—спросила Елена Петровна.

— На дняхъ государь получилъ отъ него просьбу о продолжительномъ отпускѣ въ чужіе края, для леченія у тамошнихъ знаменитостей. Мудрено только помочь ему: онъ впадаетъ въ маразмъ—старческое безсиліе.

— А сколько же ему лѣтъ?

— За семьдесятъ. Годы, пожалуй, и не совсѣмъ еще большіе, недавно еще, мѣсяцевъ шесть тому назадъ, онъ держался очень бодро и только послѣ настоящаго разрыва нашего съ Турціей, вдругъ опустился. Приписываютъ это тому, что войны этой онъ очень не хотѣлъ, предвидя отъ нея большія для насъ усложненія и трудности. Тревожится больше всего за свои дѣтища и творенія—Одессу, Крымъ и Кавказъ.

— Что же Кавказъ; тамъ вѣдь все побѣда за побѣдой; давно ли возили по Петербургу присланныя оттуда знамена?

---

[1]) За извѣстную растрату Политковскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да; а вотъ Воронцовъ на все это глядитъ иначе; эти побѣды его не утѣшаютъ. Большія связи въ Англіи и Австріи съ лицами высокопоставленными даютъ ему возможность знать все, что тамъ думаютъ и говорятъ; этотъ-то источникъ и заставляетъ его недовѣрчиво относиться къ воинственной политикѣ государя. По мнѣнію его, она надѣлаетъ намъ много хлопотъ и враговъ и не легко будетъ съ ними справляться. Мыслей его здѣсь не раздѣляютъ и мнѣ пишутъ съ Кавказа, что онъ поэтому и бѣжитъ оттуда съ мрачнымъ предчувствіемъ. Отпускъ его есть предверіе къ полному увольненію.

— Кто же его замѣнитъ?

— Сегодня только сказалъ мнѣ военный министръ, что государь остановилъ свой выборъ пока на Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.

— Да вѣдь онъ же опальный?

— Былъ такимъ, но въ прошломъ году, послѣ смотра его корпуса государемъ, въ Варшавѣ, онъ опять въ милости.

— Я встрѣчалась съ нимъ нѣсколько разъ въ обществѣ, что не можетъ назваться знакомствомъ. Говорятъ, умный человѣкъ, только мнѣ показалось, что много о себѣ думаетъ. Притомъ же, какой бирюкъ и бука.

Граббе засмѣялся.

— Наружность и характеръ у него не изъ мягкихъ, объ этомъ спору нѣтъ; за то въ дѣлѣ серьезномъ, требующемъ твердости, на него можно положиться. Не испортитъ. Одно только наводитъ на раздумье: Воронцова Николай Николаевичъ терпѣть не можетъ, и всегда ѣдко критиковалъ каждый его шагъ на Кавказѣ. Государю, конечно, это извѣстно, и врядъ ли онъ захочетъ обидѣть старика Воронцова, и не посовѣтуется прежде всего съ нимъ объ этомъ назначеніи.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы. Такимъ образомъ, совершенно случайно, не выѣзжая еще изъ Петербурга, я, благодаря встрѣчѣ съ генераломъ Граббе, узналъ о готовящихся перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ Кавказа и намѣченную уже отчасти программу.

18-го января тронулся я въ далекій путь и ѣхалъ очень медленно. Въ Москвѣ и въ Орловской деревнѣ моей сестры, я прожилъ болѣе двухъ недѣль, затѣмъ въ такихъ большихъ городахъ, какъ Воронежъ, Новочеркаскъ, Ставрополь, останавливался для отдыха на два, на три дня, а во Владикавказѣ поневолѣ сидѣлъ 8 дней, благодаря завалу въ горахъ. Дорога вездѣ была адская, сплошь изрытая ухабами, понадѣланными обозами войскъ, стягивавшихся на югъ; разгонъ лошадей доходилъ до того, что ожидать ихъ приходилось по суткамъ. Отъ Ставрополя позволялось тогда ѣхать только днемъ въ сопровожденіи казачьяго конвоя, а ночью,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вслѣдствіе опасности отъ горцевъ, нужно было ночевать на почтовыхъ станціяхъ. Словомъ, тогдашняя поѣздка на Кавказъ была подвигомъ. Въ Екатериноградѣ встрѣтилъ я большой поѣздъ князя Воронцова, уѣзжавшаго со всѣмъ своимъ штатомъ за границу, а во Владикавказѣ мнѣ сказали, что князь отстоялъ покуда Кавказъ отъ назначенія сюда Муравьева и оставилъ вмѣсто себя всѣми уважаемаго Н. А. Реада.

До Тифлиса, переполненнаго наѣхавшими со всѣхъ сторонъ офицерами, добрался я въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта и едва могъ добиться номера въ гостинницѣ Дюбека; пришлось спать первую ночь на стульяхъ въ буфетѣ, пока утромъ номеръ не очистился. Въ то же утро поѣхалъ я представиться попечителю учебнаго округа, барону Николаи, и директору канцеляріи намѣстника М. П. Щербинину, а послѣдній на другой же день представилъ меня генералу Реаду. Тифлисъ удивилъ меня своею обширностью и массою хорошихъ магазиновъ. Знакомство мое съ тифлисскимъ обществомъ сдѣлалось какъ-то само собой, довольно быстро и оно мнѣ очень понравилось. Простота, умъ и радушіе, въ немъ царили. Среди молодежи встрѣтилъ я нѣсколькихъ своихъ университетскихъ товарищей; редакторомъ газеты «Кавказъ» оказался пріятель мой Вердеревскій; всѣ они состояли при канцеляріи намѣстника, къ которой и меня причислили съ откомандированіемъ по особо возложенному на меня порученію въ Мингрелію. Нашелся тутъ у меня и родственникъ, В. А. Давыдовъ, адъютантъ кн. А. И. Барятинскаго; онъ представилъ меня своему генералу, очень любезно меня принявшему. Князь былъ тогда совсѣмъ еще красавцемъ, стройнымъ, моложавымъ. Узнавъ, что я скоро собираюсь уѣзжать въ Мингрелію, князь предложилъ мнѣ дать попутчика унтеръ-офицера Кабардинскаго полка, барона Розена, ѣхавшаго съ порученіемъ въ Гурійскій отрядъ.

Вообще, проведенныя мною три недѣли въ Тифлисѣ произвели на меня очень пріятное впечатлѣніе; но оріентироваться въ томъ, что тутъ думалось и творилось мнѣ было еще очень трудно по малому знакомству съ дѣлами Кавказа; тѣмъ не менѣе чувствовалось, что здѣсь не достаетъ хозяина. Воронцовъ своимъ девятилѣтнимъ намѣстничествомъ оставилъ по себѣ чрезвычайно глубокій слѣдъ; все общество тифлисское, составленное имъ же, привыкло жить его умомъ, его направленіемъ, это сказывалось на всякомъ шагу и никому изъ членовъ этого общества не хотѣлось вѣрить, что бы князь и княгиня никогда сюда уже не вернулись. Н. А. Реадъ, очень любезный старикъ, когда-то лихой кавалерійскій офицеръ и командиръ Ольвіопольскаго гусарскаго полка, служившій подъ начальствомъ Воронцова въ Отечественную войну, случайно попавшій на свое теперешнее высокое мѣсто, ничего собою не изображалъ и прежде всего самъ имъ тяготился. Говорили о пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стоящихъ будущихъ сраженіяхъ съ турками, объ экспедиціяхъ противъ Шамиля, но отсутствіе настоящаго хозяина никому не внушало довѣрія къ полному успѣху.

Въ концѣ апрѣля, я выѣхалъ въ Мингрелію съ даннымъ мнѣ княземъ Барятинскимъ попутчикомъ, барономъ Розеномъ. Не могу не помянуть нѣсколькими словами этого прекраснаго молодого человѣка. Кавалергардскій поручикъ, онъ разжалованъ былъ въ рядовые за дуэль съ графомъ Генриковымъ, убитымъ имъ, и присланъ на Кавказъ въ Кабардинскій полкъ. Три года тянулъ онъ солдатскую лямку и боевыми отличіями въ экспедиціяхъ противъ горцевъ добылъ себѣ чинъ унтеръ-офицера и два георгіевскихъ креста. Теперь князь Барятинскій посылалъ его въ Гурійскій отрядъ для того, чтобы дать ему случай новаго отличія, за которое являлась возможность представить его къ производству въ офицеры и затѣмъ къ полному помилованію и возвращенію къ Кавалергардскій полкъ. Нѣсколько дней совмѣстнаго пути насъ очень сблизили и я душевно полюбилъ этого молодого человѣка, уже испытавшаго въ своей жизни столько горя. Онъ былъ единственнымъ сыномъ заслуженнаго генерала и коменданта г. Ревеля. Близкое будущее рисовалось ему въ радужныхъ надеждахъ; въ Гуріи ожидалось тогда сраженіе и онъ не сомнѣвался, что выйдетъ изъ него цѣлымъ и невредимымъ, и затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обниметъ своего старика-отца. Мысль о смерти была отъ него далека. Мы разстались въ Кутаисѣ, не прощаясь, а увѣренные снова скоро увидѣться; но чрезъ нѣсколько недѣль, въ первой же перестрѣлкѣ съ турками при Нигоитахъ, Розенъ былъ убитъ двумя пулями разомъ: въ голову и сердце...

Я не стану говорить о пріѣздѣ своемъ въ Мингрелію, о томъ, что я тамъ нашелъ, какъ устроился, все это уже было разсказано мною въ моихъ «Кавказскихъ воспоминаніяхъ», скажу только, что, живя въ этой странѣ, готовившейся вскорѣ сдѣлаться театромъ войны, я былъ въ курсѣ всего, происходившаго на Кавказѣ вообще.

Удачное снятіе Черноморской береговой линіи владѣтелемъ Абхазіи и блистательное Чолокское сраженіе (4-го іюня) были помрачены вторженіемъ (3-го и 4-го іюня) скопищъ Шамиля въ Кахетію и плѣномъ множества жителей, въ числѣ которыхъ находились княгини Чавчавадзе и Орбеліани съ своими дѣтьми. Фактъ этотъ показалъ съ одной стороны полную несостоятельность лицъ, начальствующихъ на лезгинской кордонной линіи, а съ другой увеличившуюся дерзость Шамиля. Къ счастію нашему, онъ ограничился только этимъ набѣгомъ; но проникни значительная его партія, подъ начальствомъ Кази-Магомы, чрезъ Гомборы въ Тифлисъ, она надѣлала бы много намъ бѣдъ, такъ какъ въ самомъ Тифлисѣ въ это время войскъ совсѣмъ почти не было. Все это прекрасно поняли

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ краѣ и Кюрюкъ-Даринская блистательная побѣда (24-го іюля) князя Бебутова, надъ турками, была безсильна сгладить дурное впечатлѣніе отъ набѣга Шамиля. Притомъ же и происшествіе съ адъютантомъ Бебутова, Александровскимъ, посланнымъ имъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, произвело тоже непріятную сенсацію. Александровскій, пожалованный званіемъ флигель-адъютанта, счастливый выше всякой мѣры этою монаршею милостью, возвращался въ Тифлисъ. На одной изъ станцій уже за Ставрополемъ, смотритель, вѣроятно выпившій, грубо отказалъ ему въ лошадяхъ; онъ сталъ его бранить, а тотъ ударилъ его по лицу. Вслѣдствіе сильнаго психическаго аффекта отъ такого оскорбленія, послѣ котораго Александровскому показалось, вѣроятно, что онъ неизбѣжно долженъ лишиться носимаго эксельбанта, онъ вошелъ на станцію и застрѣлился изъ находившагося при немъ револьвера. Дали знать мѣстной полиціи, а та при составленіи акта нашла на умершемъ, какъ всѣмъ было извѣстно, человѣкѣ совершенно бѣдномъ, безъименный билетъ государственнаго банка на пятьсотъ тысячъ рублей. Ходили слухи, что это былъ вкладъ, сдѣланный имъ по порученію кн. Бебутова, а тотъ почерпнулъ эти деньги будто бы изъ милліоновъ, отпускаемыхъ ему на подкупъ курдовъ [1]). Хотя загадочный билетъ унаслѣдовалъ по закону, служащій въ Тифлисѣ же, гражданскій чиновникъ, братъ Александровскаго, но тѣмъ не менѣе огласка его обнаружила хищеніе на Кавказѣ въ широкихъ размѣрахъ и, конечно, быстро дошла до самого государя, и безъ того крайне недовольнаго Реадомъ, за оставленіе на произволъ судьбы Гагринскаго гарнизона и предположеніе вывести войска изъ Дагестана для усиленія ими дѣйствующей противъ турокъ арміи. Между тѣмъ, Воронцовъ, жившій въ это время за границей, писалъ къ кн. Барятинскому отъ 19-го сентября 1854 года, изъ Шевенинга, слѣдующее:

«По всему, что мы получаемъ изъ Тифлиса, узнаемъ съ радостью, что генералъ Реадъ съумѣлъ снискать уваженіе и общую симпатію и видимъ на сколько онъ счастливъ, что послѣ моего отъѣзда не была послана туда, нѣкоторая личность, которая не съумѣла бы понять ни людей, ни дѣлъ Кавказа, и захотѣла бы все передѣлать на свой образецъ и произвести всякія перемѣны, что бы только показать, что она могла бы лучше все сдѣлать, чѣмъ тотъ, кто былъ раньше его». (Фельдм. кн. Бар. А. А. Зиссермана, стр. 367).

Ясно, что тутъ рѣчь шла о Н. Н. Муравьевѣ, отъ котораго старикъ Воронцовъ всѣми силами открещивался. Но въ Петер-

---

[1]) О подобныхъ вкладахъ въ банки, присланныхъ изъ Крыма и достигавшихъ до 8 милліоновъ говоритъ и сенаторъ К. Н. Лебедевъ въ «Запискахъ» ихъ напечат. въ «Русск. Арх.» (кн. 11, стр. 459, 1888 г.).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бургѣ терпѣніе наконецъ истощилось, дѣла наши въ Крыму приняли не благопріятный оборотъ, совершилась высадка союзниковъ; на Кавказѣ неотлагательно требовалась сильная рука и свѣтлѣйшему намѣстнику дали понять, что, для блага родины, ему пора просить о полномъ своемъ увольненіи. 24-го октября 1854 года, по его просьбѣ, онъ былъ освобожденъ отъ своей должности по разстроенному здоровью, а затѣмъ государь, вернувшись къ сдѣланному уже имъ выбору, назначилъ 29-го ноября намѣстникомъ на Кавказъ Н. Н. Муравьева.

Послѣ всего нами сказаннаго, становится понятнымъ, что какъ миссія Н. Н. Муравьева, сама по себѣ, такъ и личное его настроеніе, при пріѣздѣ на Кавказъ, не могли не отзываться суровостью. Въ чемъ состояла суть бывшаго когда-то столкновенія между нимъ и Воронцовымъ, съ точностью не можемъ сказать, и смутно слышали, что случилось оно въ то время, какъ первый командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ Новороссійскомъ краѣ, а Воронцовъ былъ тамъ генералъ-губернаторомъ [1]). Не найдя себѣ поддержки свыше, Муравьевъ чуть ли не выходилъ даже въ отставку и съ того времени ненавидѣлъ Воронцова, а когда въ 1854 году, тотъ затормозилъ назначеніе его на Кавказъ, почти на цѣлый годъ, то понятно, что только подлилъ этимъ масла въ огонь. Уязвленный въ своемъ честолюбіи, Муравьевъ за это время еще болѣе озлобился. Инструкція данная ему государемъ, при назначеніи намѣстникомъ, какъ мы увидимъ дальше, ни мало не смягчила этого настроенія и онъ ѣхалъ на Кавказъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ всего воронцовскаго.

Вѣсть о его пріѣздѣ въ Ставрополь дошла до насъ въ декабрѣ и съ перваго же шага онъ началъ косить направо и налѣво, изъ мухи дѣлать слона, все подтягивалъ, на все наводилъ трепетъ. Всѣхъ возмутила исторія съ пятигорскимъ комендантомъ, полковникомъ П. А. Принцемъ, лицомъ уважаемымъ. Муравьевъ уволилъ его по неправильному навѣту губернатора Волоцкаго. Это приписывали еще тому, что Принцъ служилъ когда-то въ оккупаціонномъ корпусѣ Воронцова во Франціи, слѣдовательно былъ человѣкомъ ему преданнымъ.

Въ концѣ февраля, насъ всѣхъ поразила вѣсть о кончинѣ императора Николая и, какъ мы слышали въ Мингреліи, первый привезъ ее въ Тифлисъ Н. Н. Муравьевъ.

9-го апрѣля прибылъ наконецъ новый намѣстникъ и въ Мингрелію. Мнѣ пришлось находиться вмѣстѣ съ воспитанникомъ моимъ, въ числѣ лицъ, встрѣтившихъ его у лагеря Гурійскаго отряда, близъ селенія Сорта. Средняго роста, коренастый старикъ, съ гу-

[1]) Подробности этой исторіи, конечно, мы найдемъ въ свое время въ печатающихся теперь въ «Русск. Арх.» мемуарахъ Н. Н. Муравьева.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стыми нависшими бровями и глубокой складкой на лбу, Муравьевъ дѣйствительно производилъ суровое впечатлѣніе. Подойдя къ девятилѣтнему владѣтелю Мингреліи, тогда уже поручику лейбъ-казачьяго полка, онъ улыбнулся и указывая пальцемъ на его эполеты сказалъ:

— Вотъ какой, ты, братъ, большой чинъ, ну, здравствуй!—и поцѣловался съ мальчикомъ.

— А вы причемъ тутъ въ вицъ-мундирѣ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Состою при канцеляріи вашего высокопревосходительства и командированъ сюда для воспитанія владѣтеля.

— А учите его латинскому языку?

— Еще не начиналъ.

— И совсѣмъ не учите. А ты, милый мой,—обратился онъ опять къ владѣтелю,—поѣзжай къ мамашѣ и скажи ей, что я отсюда къ ней скоро буду. Тамъ и представь меня ей.

Мы, конечно, поспѣшили исполнить это и часа черезъ два Н. Н. съ подобающей церемоніей былъ принятъ владѣтельницей, княгиней Е. А. Дадіани, въ резиденціи ея Квашихорахъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе.

II.

Пріемъ княгинею Дадіани намѣстника.—Вечерняя бесѣда.—Разсказъ Н. Н. Муравьева о назначеніи его на Кавказъ.—Случай съ цесаревичемъ въ лагерѣ подъ Варшавой въ 1853 году.—Напутствіе государя и благословеніе императрицы иконой.—Представленіе правительницею мингрельскихъ князей и дворянъ намѣстнику.—Рѣчь его.—Смотръ Гурійскому отряду.—Обѣдъ у правительницы.—Порученіе возложенное намѣстникомъ на полковника Н. П. Колюбакина.—Отъѣздъ намѣстника въ Тифлисъ.

Въ Квашихорахъ, резиденціи правительницы Мингреліи, намѣстникъ прежде всего направился въ церковь, гдѣ ожидалъ его мингрельскій епископъ Ѳеофанъ, оттуда пошелъ къ дому княгини, у котораго выставленъ былъ почетный караулъ изъ князей и дворянъ, а сама правительница встрѣтила его съ дѣтьми своими и съ сестрой, Ниной Александровной Грибоѣдовой, въ дверяхъ пріемной залы. За этой церемоніальной встрѣчей слѣдовалъ парадный обѣдъ, а по окончаніи его намѣстникъ, отпустивъ почетный караулъ, причемъ благодарилъ его за оказанную ему честь,—удалился въ отведенное ему помѣщеніе.

Въ 10-мъ часу вечера, когда княгиня со всѣмъ своимъ семействомъ сидѣла въ чайной комнатѣ, Н. Н. Муравьевъ вошелъ сюда, не какъ оффиціальное лицо, а какъ старинный другъ и родственникъ хозяйки. Нина и Екатерина Александровны, урожденныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

княжны Чавчавадзевы, обѣ воспитывались у тетки своей Ахвердовой, на падчерицѣ которой, а ихъ двоюродной сестрѣ, былъ женатъ въ первомъ своемъ бракѣ Николай Николаевичъ. Не видались они уже болѣе 20 лѣтъ, воспоминаній накопилось у нихъ не мало и разговоръ пошелъ на эту тему.—Меня, сидящаго тутъ же, онъ мало занималъ, такъ какъ большая часть лицъ въ немъ упоминаемыхъ была мнѣ неизвѣстна, а интересовалъ меня болѣе всего самъ Муравьевъ. Я увидѣлъ въ немъ совсѣмъ уже не того суроваго генерала, какимъ онъ былъ еще утромъ: складка на лбу у него разгладилась, глаза приняли совсѣмъ добродушное выраженіе, сюртукъ былъ растегнутъ. Пришла пора отпустить дѣтей ко сну; они простились, ушли съ гувернанткой и сдѣлали нѣкоторую паузу общему разговору. Княгиня возобновила его, спросивъ Муравьева извѣстій о его братѣ Андреѣ Николаевичѣ, съ которымъ была въ хорошихъ отношеніяхъ и поддерживала переписку, при чемъ разбирать его ужаснѣйшій почеркъ, мелкій какъ бисеръ, приходилось нерѣдко и мнѣ.

— Давно ужъ я съ нимъ не видѣлся,—отвѣчалъ Н. Н.—Онъ вѣдь непосѣдъ: то на Аѳонѣ, то въ Кіевѣ, то у Троицы, за нимъ не угоняешься. Въ третьемъ году, зимой, заѣхалъ ко мнѣ совсѣмъ сюрпризомъ въ деревню, очень порадовалъ, да и напугалъ. Церковь у меня въ самой усадьбѣ. Ночью вдругъ звонъ въ колокола. Я проснулся, думалъ не набатъ ли, не горитъ ли гдѣ, послалъ узнать. Оказалось, что священникъ мой захотѣлъ угодить Андрею Николаевичу, боится его и началъ служить заутреню по чину, въ 4-мъ часу.—Ну, братъ, держишь же ты ихъ въ дисциплинѣ,—сказалъ я ему за чаемъ. Прожилъ онъ у меня съ недѣлю и все угощалъ меня звономъ. Но вообще я замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ доволенъ своимъ дѣломъ, жаловался, что невѣріе ростетъ быстро; да и четокъ и разныхъ другихъ сувенировъ что-то у него меньше.

— Теперь, конечно, онъ пріѣдетъ къ вамъ сюда,—заключила Нина Александровна.

— Ну, Богъ знаетъ, даль-то вѣдь ужасная, а по теперешнему времени и семью-то свою не знаю еще, когда перевезу.

Муравьевъ задумался.

— Да судьба удивительно играетъ людьми,—началъ онъ вдумчивымъ тономъ.—Думалъ ли я, что вернусь когда-нибудь на Кавказъ, а вотъ снова я здѣсь. И сдается мнѣ не на радость.

Онъ опять замолчалъ и спустя нѣкоторое время сталъ говорить не спѣша, съ разстановкой:

— Въ прошломъ году, въ концѣ ноября, въ Варшавѣ, вечеромъ, когда я кончилъ уже свои занятія и собирался выйти изъ кабинета, адъютантъ, присланный фельдмаршаломъ (кн. Паскевичемъ) доложилъ мнѣ, что князь проситъ меня къ себѣ. Когда я вошелъ къ нему, онъ сказалъ мнѣ, что получилъ сейчасъ письмо съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

фельдъегеремъ отъ государя, который вызываетъ меня въ Петербургъ.

— Сдайте должность старшему по себѣ и поспѣшите туда выѣхать. Не скрою отъ васъ,—сказамъ мнѣ фельдмаршалъ, что государь даетъ вамъ высокое назначеніе намѣстника Кавказскаго. Въ ту же ночь я былъ уже въ дорогѣ, на третій день подъѣхалъ къ Зимнему дворцу и явился къ государю, какъ былъ въ дорожномъ костюмѣ. Государя я не видѣлъ болѣе уже года и тутъ къ прискорбію моему замѣтилъ въ немъ большую перемѣну, онъ какъ-то осунулся и значительно постарѣлъ. Онъ крѣпко меня обнялъ и сказалъ:

— «Николай Николаевичъ, ты мнѣ нуженъ, призываю тебя въ трудную минуту, послужи мнѣ и отечеству. На Кавказѣ нѣтъ у меня теперь хозяина, назначаю тебя туда своимъ намѣстникомъ. Государство переживаетъ тяжкую пору испытаній, а казну никто не щадитъ. На Кавказѣ этимъ щеголяютъ, требуютъ все денегъ да денегъ, а откуда ихъ взять, никому до того нѣтъ дѣла».

Государь въ общихъ чертахъ обрисовалъ мнѣ не отрадную картину здѣшняго положенія.

— «Впрочемъ ты усталъ теперь съ дороги,—заключилъ онъ,— поѣзжай отдохни, завтра будь у меня въ 9 часовъ вечера, а утромъ побывай у военнаго министра, побесѣдуй съ нимъ, онъ все знаетъ и ему извѣстны мои мысли».

Я поднялся съ кресла, но государь меня остановилъ:

— «Постой, поведу тебя къ императрицѣ, она больна, лежитъ въ постелѣ, просила меня дать ей знать, когда ты пріѣдешь; она желаетъ тебя видѣть».

Государь повелъ меня къ ней въ спальню; увидѣвъ меня, государыня протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ и сказала мнѣ:

— «Вся надежда государя и моя теперь на васъ, Николай Николаевичъ.—Поспѣшите къ мѣсту вашего назначенія и успокойте насъ. Я буду молить Бога, чтобы онъ поддержалъ васъ... Передъ отъѣздомъ придите опять ко мнѣ, я васъ благословлю иконой».

Мы вышли изъ спальни императрицы и государь снова меня обнялъ. Весь въ слезахъ отъ такого трогательнаго и милостиваго пріема поѣхалъ я къ брату, котораго еще не видѣлъ.

На другое утро я являлся къ наслѣднику цесаревичу. Онъ осчастливилъ меня такимъ же сердечнымъ пріемомъ. Тоже болѣе года не видалъ я его и замѣтилъ въ немъ перемѣну, впрочемъ къ лучшему. Тучность его уменьшилась и причиною тому было одно обстоятельство, случившееся съ нимъ у меня въ лагерѣ подъ Варшавой. Случай очень серьезный.

Въ 1853 году, возвращаясь съ цесаревимъ съ Ольмюцкаго свиданья, государь пожелалъ сдѣлать смотръ моему корпусу, остался

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

имъ доволенъ и осчастливилъ меня съ наслѣдникомъ принятіемъ моего солдатскаго обѣда въ лагерномъ шатрѣ. Гости мои были въ самомъ прекрасномъ настроеніи, что меня отъ души радовало; вдругъ, за вторымъ блюдомъ, когда подали рыбу, цесаревичъ поперхнулся и сталъ съ силою откашливаться; въ горло ему попала рыбья кость. Откашливанье не вело ни къ чему; онъ посинѣлъ, глаза выкатились, кость его душила. Произошло смятеніе. Государь, вскочивъ со своего мѣста, разстегнулъ мундиръ цесаревичу, ударялъ его въ шею рукой, ничто не помогло. Находившійся тутъ же лейбъ-медикъ, просилъ позволенія дѣйствовать инструментомъ, его допустили и онъ съ большими усиліями протолкнулъ наконецъ кость въ пищепроводъ. Наслѣдникъ тогда вздохнулъ и сталъ приходить въ себя. Эти нѣсколько минутъ были ужасны. Я никогда не видѣлъ государя на столько смущеннымъ и разстроеннымъ. Онъ былъ въ отчаяніи, блѣденъ, слезы текли у него по лицу и пока все не кончилось, не переставалъ креститься.

Наслѣдникъ сильно ослабѣлъ, его раздѣли и положили въ мою постель. Лейбъ-медикъ сказалъ, что гортань вѣроятно должна быть уязвлена и потребуетъ нѣсколько дней леченія. Ночь больной провелъ у меня въ шатрѣ покойно; на утро осмотрѣли его горло и нашли небольшую язвину. Государь, отбывшій поздно вечеромъ въ Лазенковскій дворецъ, пріѣхалъ снова къ 9-ти часамъ утра. Доктора нашли, что состояніе здоровья наслѣдника не препятствуетъ ему слѣдовать въ Петербургъ; ему обвязали горло и августѣйшіе мои гости, при прощальныхъ кликахъ всего корпуса, изволили отбыть изъ лагеря. Говорили мнѣ потомъ, что послѣ этого наслѣдникъ и сталъ худѣть.

Цесаревичъ повторилъ мнѣ тоже, что я слышалъ уже вчера отъ государя, прибавивъ, что вечеромъ будетъ самъ при нашемъ совѣщаніи.

Въ теченіе трехъ дней покончилъ я въ Петербургѣ все, что было мнѣ нужно и явился къ государю откланяться. Императрица позвала меня къ себѣ, благословила иконой, а государь передъ тѣмъ, чтобы меня отпустить, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ:

— «Смотри же, Николай Николаевичъ, беру съ тебя слово, ни въ чемъ не отступать отъ данной тебѣ инструкціи. Главное, береги казну, она нужна на дѣло и только на дѣло».

Затѣмъ онъ меня обнялъ и простился.

Знаю, что пріѣздъ мой сюда немногимъ сладокъ, въ особенности тѣмъ, спокойствіе которыхъ уже потревожено, но доставлять всѣмъ удовольствія, не составляетъ моей задачи.

Я ѣхалъ отъ Ставрополя не торопясь, въ концѣ февраля добрался наконецъ до Гартискара, послѣдней станціи отъ Тифлиса. Часть сопровождавшихъ меня лицъ отправилъ впередъ, а самъ заночевалъ на станціи, собираясь пораньше въѣхать въ Тифисъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ночью разбудилъ меня фельдъегерь съ ужаснымъ извѣстіемъ: императора Николая не стало, онъ скончался... Вы поймете, какъ оно поразило меня... Онъ взялъ съ меня слово и унесъ его съ собой. Могу ли я отступить отъ того, что̀ онъ мнѣ повелѣлъ и что̀ обѣщалъ я ему выполнить.

Новый императоръ удостоилъ меня собственноручнымъ письмомъ. Доброта его безгранична... Дай Боже ему твердости душевной, чтобы довести до конца начатое отцомъ и успокоить Россію.

Муравьевъ смолкъ. Лицо его выражало сильную искреннюю скорбь. Разсказъ его, или лучше сказать, исповѣдь, живо рисовала весь глубокій трагизмъ послѣднихъ мѣсяцевъ, пережитыхъ тѣмъ величавымъ монархомъ, котораго не переставала оплакивать тогда вся Россія.

Какъ человѣкъ трудовой, Николай Николаевичъ, рано утромъ начиналъ уже свои занятія, а потому въ половинѣ двѣнадцатаго простился съ хозяйками и пошелъ къ себѣ.

На другой день, въ 8 часовъ утра, началась у него усиленная работа въ кабинетѣ. Командиръ Гурійскаго отряда, князь Мухранскій, и начальникъ его штаба, баронъ Усларъ, а затѣмъ и сопровождавшіе намѣстника, директоръ канцеляріи по гражданской части А. Ф. Крузенштернъ и по военной Н. С. Кахановъ, чередовались своими докладами.

Въ 11 часовъ утра правительница Мингреліи представила намѣстнику почетнѣйшихъ князей и дворянъ своихъ, нарочно для того пріѣхавшихъ изъ своихъ имѣній. Муравьевъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— «Я слышалъ отъ правительницы вашей, что вы ей служите вѣрно и она довольна вашимъ усердіемъ. Оно такъ и должно быть. Служа ей и этому сиротѣ (намѣстникъ при этомъ приблизилъ къ себѣ маленькаго владѣтеля), вы служите государю. Вы понесли тяжелую потерю—лишились своего владѣтеля въ самую трудную и нужную минуту, я понимаю, какъ велика для васъ эта потеря и какъ должна она васъ печалить. Но для того, чтобы домъ вашихъ владѣтелей снова возстановился отъ этого несчастья, вы должны соединиться еще съ большимъ рвеніемъ и, служа вѣрно правительницѣ, внутреннимъ порядкомъ способствовать ей благополучно возростить вашего малолѣтняго Дадіана, котораго призваніе—составить ваше счастіе. Вооружитесь всѣ единодушно противъ врага, отъ котораго многіе уже пострадали! Это не тотъ врагъ, который теперь подъ Севастополемъ; съ тѣмъ мы справимся при Божьей помощи и тотъ для насъ не страшенъ, — сообщу вамъ даже, что передъ выѣздомъ изъ Тифлиса получилъ очень хорошее извѣстіе о нашихъ дѣлахъ подъ Севастополемъ — нѣтъ не о томъ врагѣ говорю я вамъ; но есть другой врагъ, который приходитъ не съ обнаженнымъ мечемъ, а въ темнотѣ и тѣмъ болѣе надо его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

остерегаться. Этотъ врагъ былъ причиною революцій во Франціи и безпорядковъ въ Германіи; этотъ врагъ гнѣздится и въ горахъ Кавказа и дѣлаетъ несчастіе многихъ племенъ; этотъ врагъ когда заведется гдѣ-нибудь, то разрываетъ всѣ священныя связи общественныя, даже семейныя, и повергаетъ въ несчастіе цѣлыя страны, врагъ этотъ—внутреннія распри и несогласія... Но противъ него есть два вѣрныхъ оружія: вѣра и строгое исполненіе своего долга. Вамъ, конечно, это очень хорошо понятно, потому-что вы оправдываете это своею усердною службою правительницѣ, службою, которая, повторяю, есть служба государю... Вы знаете, какъ государь печется о васъ и какъ искренно желаетъ вашего благосостоянія, а это благосостояніе можетъ быть только при строгомъ исполненіи закона. Служа вѣрно своей правительницѣ, вы тоже въ свою очередь требуете законнаго повиновенія отъ вашихъ подданныхъ. Я присланъ сюда государемъ императоромъ для того, чтобы охранять законныя права правоправящихъ и нѣтъ силы, которая бы остановила власть мою въ этомъ отношеніи.

«И такъ продолжайте хранить между собою должный порядокъ и пользуйтесь въ мирѣ всѣми благами, дарованными вамъ Богомъ; но забудьте всѣ мелкія между собою ссоры и помните, что при малѣйшемъ нарушеніи этого порядка, вы изъ своей роскошной страны сдѣлаете жилище добровольно навлеченныхъ на себя несчастій».

Николай Николаевичъ говорилъ безъ приготовленія, ровно, отчетливо и внушительно. Рѣчь его переводилъ по-грузински съ совершенною точностью письмоводитель правительницы, князь Ираклій Лордкипанидзе. Она произвела сильное впечатлѣніе.

Въ 12 часовъ назначенъ былъ лагерный смотръ отряду. Муравьевъ приказалъ моему воспитаннику, лейбъ-казачьему поручику, состоять въ этотъ день при себѣ держурнымъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ и мы поѣхали на смотръ. Отрядъ былъ немногочисленъ, насчитывалось въ немъ не болѣе четырехъ тысячъ штыковъ и порѣдѣлъ онъ не столько отъ бывшаго у него славнаго сраженія подъ Чолокомъ, сколько отъ разныхъ инфекціонныхъ болѣзней, между прочимъ и отъ пятнистаго тифа, страшно косившаго людей; тѣмъ не менѣе люди, оставшіеся на лицо, смотрѣли героями. Муравьевъ выдвинулъ отрядъ на обширную поляну передъ лагеремъ и заставилъ его продѣлывать всѣ военныя эволюціи. Самъ командовалъ, всѣмъ распоряжался и дѣлалъ свои замѣчанія. Стоя сзади него на довольно близкомъ разстояніи, я не могъ не подивиться мастерству его въ этомъ дѣлѣ, а главное, его дальнозоркости; въ самыхъ послѣднихъ рядахъ онъ замѣчалъ неисправности и тотчасъ же ихъ корректировалъ. Пропустивъ мимо себя отрядъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ благодарилъ всѣхъ и распустилъ по палаткамъ. Сѣвъ затѣмъ на барабанъ, подозвалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ себѣ дежурнаго поручика князя Дадіана и къ неописанному его удовольствію отдалъ ему такое приказаніе:

— Ступай къ саперамъ, спроси тамъ хлѣбъ и принеси его сюда.

Воспитанникъ мой въ сопровожденіи одного изъ находившихся тутъ офицеровъ полетѣлъ стрѣлой къ саперамъ и явился отъ нихъ съ хлѣбомъ, оказавшимся прекраснымъ.

Собравъ вокругъ себя начальниковъ частей, Н. Н. бесѣдовалъ съ ними довольно долго и, отпустивъ, обѣщалъ завтрашній день послѣ обѣда пріѣхать въ лагерь простымъ гостемъ, повеселить солдатъ. За смотръ было дано нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и по полтинѣ на человѣка.

Вернулся намѣстникъ въ Квашихоры къ обѣду. Въ числѣ приглашенныхъ находился и полковникъ Н. П. Колюбакинъ, состоящій по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ. Муравьевъ видѣлъ его сегодня въ первый разъ, но вѣроятно имѣлъ уже объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ лестный отзывъ. Во время обѣда онъ сдѣлалъ ему какой-то вопросъ, на который тотъ по обыкновенію своему отвѣтилъ очень рѣзко и громко. Мы, знавшіе Колюбакина, привыкли къ его тону, но Муравьевъ, слышавшій его въ первый разъ, спросилъ очень мягко:

— За что же вы сердитесь, полковникъ?

— Не думаю сердиться, ваше высокопревосходительство, всегда такъ говорю, а говоръ свой измѣнить не умѣю, да и не могу.

Муравьевъ взглянулъ на него опять же очень добродушно и прибавилъ:

— А я думалъ, что вы сердитесь.

Тѣмъ и кончился разговоръ.

Послѣ обѣда, когда старикъ опять уже работалъ въ кабинетѣ, позванъ былъ къ нему полковникъ Колюбакинъ и, оставшись тамъ довольно долго, вышелъ замѣтно чѣмъ-то взволнованный.

Онъ былъ близко знакомъ съ Ниной и Екатериной Александровнами, и потому, придя къ нимъ, разсказалъ въ чемъ дѣло.

Муравьевъ поручилъ ему произвести строжайшее изслѣдованіе по злоупотребленіямъ, бывшимъ въ Гурійскомъ отрядѣ, во время командованія имъ княземъ А. И. Гагаринымъ. Всѣ знали, что Гагаринъ былъ самый безкорыстный и честный человѣкъ, джентльменъ въ душѣ, но приближенные къ нему лица, пользуясь его мягкостью и незнакомствомъ съ хозяйственною частью, развели страшныя хищенія. Дѣйствія ихъ были извѣстны, раскрыть и обличить ихъ было не трудно, для чего нуженъ былъ только честный и безкорыстный человѣкъ, который бы ихъ не укрылъ. Муравьевъ возложилъ это порученіе на Н. П. Колюбакина.

Объяснивъ все это княгинѣ Дадіанъ и Грибоѣдовой, Колюбакинъ присовокупилъ что совсѣмъ не радъ этому порученію. Плу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

товъ онъ конечно не пощадитъ и подведетъ ихъ подъ надлежащую кару, но всѣ они не стоятъ мизинца князя Гагарина, а тотъ неизбѣжно первый отвѣтитъ за слабость своего надзора и отвѣтитъ всею своею долговременною, безпорочною службою.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Колюбакинъ,—прежде чѣмъ получу объ этомъ бумагу, пойду и все объясню Муравьеву, если же и послѣ того, онъ потребуетъ отъ меня исполненія своего приказанія, то ужъ не знаю, что сдѣлаю, только Гагарина губить не стану.

Нельзя при этомъ умолчать, что Колюбакинъ съ Гагаринымъ, не смотря на то, что оба были самые честные люди, постоянно находились въ какихъ-то контрахъ, и это началось съ тѣхъ поръ, когда первый былъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ, а послѣдній тамошнимъ же вице-губернаторомъ. За что они ссорились трудно было понять, только, не смотря на взаимное уваженіе, они никакъ не могли спѣться.

Спустя нѣкоторое время, Колюбакинъ просилъ адъютанта Муравьева Желтухина доложить о себѣ намѣстнику; его позвали въ кабинетъ и онъ опять долго тамъ оставался. Когда же вышелъ оттуда, мы увидѣли его сіяющимъ.

Муравьевъ уважилъ всѣ его резоны и приказалъ прекратить это грязное дѣло. Колюбакинъ сдѣлался съ этой поры его любимцемъ, онъ назначилъ его исправляющимъ должность Кутаисскаго военнаго губернатора, и вскорѣ, за увольненіемъ князя Мухранскаго, утвердилъ его.

Намѣстникъ, пробывъ еще сутки и снова посѣтивъ лагерь, гдѣ были устроены разныя игры, пѣли хоры пѣсенниковъ, сдѣлано было солдатамъ угощеніе,—уѣхалъ въ Зугдиды для свиданія съ владѣтелемъ Абхазіи, княземъ Михаиломъ Шервашидзе, а оттуда черезъ Гурію (въ которой тоже были расположены части отряда) вернулся въ Тифлисъ.

К. Бороздинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

СТАРИННАЯ русская повѣсть, извѣстная подъ именемъ «Суда Шемяки», принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ литературныхъ произведеній среди народа. Она появилась на Руси въ XVII вѣкѣ (первыя извѣстія о ней относятся ко времени Михаила Ѳеодоровича) вмѣстѣ съ многими другими повѣстями иностраннаго происхожденія, а въ первой половинѣ XVIII вѣка разошлась уже по рукамъ русскихъ грамотѣевъ съ лубочными иллюстраціями. Повѣсти съ сюжетами, подобными сюжету «Шемякина суда», встрѣчаются у разныхъ народовъ, что, конечно, позволяетъ искать для нихъ одного общаго источника происхожденія. Много времени прошло до той поры пока повѣсть, имѣющая своимъ содержаніемъ серьезную и назидательную легенду о праведномъ судьѣ, превратилась въ сатиру на взяточниковъ. «Постепенное наслоеніе, какъ говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ [1]), видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ». Эта древняя основа «Шемякина суда»—одна сага, источникъ которой указанъ санскритологомъ Бенфеемъ въ буддійскихъ легендахъ. Основа древней саги, съ прибавленіемъ различныхъ подробностей, смотря по мѣсту и времени пользованія ею, встрѣчается въ одной тибетской сказкѣ изъ Дзанглуна, въ индѣйской сказкѣ о каирскомъ купцѣ, въ третьей редакціи 6-го суда Соломона, въ пѣснѣ о Правдѣ Карла Великаго, въ одной изъ итальянскихъ новеллъ Джіовани Серкамби (1347—1424), въ одномъ изъ древнихъ англійскихъ стихотвореній. «Общность канвы, говоритъ Ѳ. И. Булгаковъ [2]), давшей жизнь всѣмъ этимъ сказа-

---

[1]) Сборникъ отд. рус. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. X, № 6, 1873 г., стр. 33.

[2]) См. предисловіе, стр. 3 и слѣд. къ «Повѣсти о судѣ Шемяки» въ изданіи Общ. Люб. Древней Письменности. Спб. 1879. Содержаніе различныхъ сказаній изложено по этому предисловію.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніямъ, подтверждается въ нихъ одинаково неудачнымъ ходомъ дѣйствій подсудимаго, приводящихъ его въ судъ, и однороднымъ, по существу, судебнымъ рѣшеніемъ». Въ тибетской сказкѣ браминъ на пути въ судъ нечаянно убиваетъ ткача, упавши на него со стѣны,—затѣмъ умерщвляетъ ребенка, не замѣтивъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ ему пришлось присѣсть; въ индѣйской сказкѣ подсудимый сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая отъ этого выкидываетъ,—сталкивается затѣмъ съ всадникомъ и нечаянно выбиваетъ у лошади глазъ, а спрыгивая въ каменоломню, убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшаетъ дѣло въ пользу подсудимаго, причемъ приговоры его сходны съ приговорами «Суда Шемяки», относительно сына убитаго и выкинувшей женщины. Аналогичные приговоры мы встрѣчаемъ въ третьей редакціи 6-го суда Соломона, въ пѣснѣ о Правдѣ Карла Великаго и въ другихъ вышеназванныхъ сказаніяхъ. Такъ въ первомъ сказаніи царю Соломону жалуется купецъ на бѣдняка, будто онъ воротилъ ему потерянный кошель со 100 фунтами, тогда какъ въ немъ было 120. Когда бѣднякъ пошелъ на судъ, трескъ отъ лопнувшихъ на немъ кожаныхъ брюкъ испугалъ лошадь, отъ чего упала сидѣвшая на ней дама и лишилась глаза; бросившись съ отчаянія въ море, бѣднякъ упалъ на рыбака и убилъ его. Рѣшенія суда таковы: кошель присуждается бѣдному,—рыцарю, мужу изувѣченной дамы, предоставить помѣняться женами съ виновнымъ, отъ чего рыцарь отказывается и даетъ даже отступного,—брату рыбака предлагаютъ броситься съ берега въ море, причемъ мѣсто убитаго долженъ занять бѣднякъ; на это истецъ не согласенъ и даетъ 20 марокъ отступного.

Во второмъ сказаніи дѣло заключается въ слѣдующемъ. Промотавшійся владѣлецъ богатаго наслѣдства занимаетъ у жида 1000 гульденовъ съ обязательствомъ, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, отдать фунтъ своего мяса. По винѣ жида, должникъ просрочилъ три дня, а жидъ, желая получить условленную неустойку, ведетъ его къ императору Карлу на судъ. На пути лошадь бѣдняка раздавила ребенка,—затѣмъ бѣднякъ, заснувши, свалился за окно и убилъ стараго рыцаря. Карлъ присуждаетъ 1) жиду—вырѣзать изъ тѣла подсудимаго только (ни больше, ни меньше) фунтъ мяса, въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ смерть, 2) отцу раздавленнаго ребенка—отдать свою жену подсудимому, чтобы онъ прижилъ съ ней другого ребенка и 3) истцу за убитаго рыцаря—броситься изъ окна на отвѣтчика, котораго посадятъ внизу на скамью, и убить его своимъ паденіемъ.

Такая замѣчательно устойчивая и почти неизмѣнная общность мотивовъ въ изложенныхъ сказаніяхъ говоритъ, конечно, въ пользу одного общаго, первоначальнаго источника для нихъ. Нашъ «Шемякинъ судъ», сходствуя по основѣ съ приведенными сказаніями, отличается отъ нихъ характеромъ живого отношенія къ современной ему русской дѣйствительности,—характеромъ сатирическимъ, хотя послѣдній, по мнѣнію г. Сухомлинова, и не сознавался старинными читателями, такъ какъ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ въ полной силѣ въ русскомъ обществѣ XVII столѣтія. Наша повѣсть является чуждой религіозному взгляду на приговоры легендарнаго суда буддійскихъ разсказовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признаетъ безусловно справедливыми рѣше-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нія Карлова или Соломонова суда. Съ одной стороны Шемякинъ судъ— судъ неправый, вызванный разсчетами судьи на взятку, съ другой же— приговоръ согласуется съ традиціями, издавна усвоенными повѣстью, и съ современными ей понятіями о справедливости. Такимъ образомъ, занесенная къ намъ (вѣроятно, черезъ Польшу, по мнѣнію г. Тихонравова) судная легенда, такъ сказать, акклиматизировалась въ русской жизни, пріобрѣла своеобразную русскую окраску и проникласъ элементомъ сатирическимъ, отсутствовавшимъ при ея первоначальномъ эпическомъ характерѣ. Обстановка и развитіе первоначальнаго сюжета, равно и самое мотивированіе разсказа видоизмѣнились, примѣнительно къ условіямъ русской дѣйствительности. Благодаря такому колориту современности (независимо отъ увеселительнаго характера повѣсти), «Судъ Шемяки» и пріобрѣлъ въ народѣ широкую популярность, войдя даже въ пословицу.

Предлагаемое стихотворное переложеніе «Суда Шемяки» К. Н. Льдова не единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ. Въ 1794 году, въ Москвѣ, нѣкій А. О. (Оленинъ, по мнѣнію г. Сухомлинова) издалъ лубочное стихотворное переложеніе повѣсти (съ моральнымъ оттѣнкомъ), сдѣланное дубовыми виршами. Въ недавнее время Ѳ. Б. Миллеръ стихомъ легкимъ и литературнымъ весьма успѣшно перефразировалъ занимающую насъ повѣсть, давъ ей заглавіе: «Судья Шемяка» [1]). Ни то, ни другое переложеніе не могутъ быть названы переложеніями въ буквальномъ смыслѣ слова, съ сохраненіемъ возможной точности въ отношеніи къ подлиннику безъ ущерба требованіямъ литературнымъ. Попытка г. Льдова кажется намъ весьма удачной, такъ какъ ему посчастливилось соединить литературность переложенія съ точной передачей подлинника. Кое-какія отступленія не нарушаютъ общей гармоніи и красоты передачи, ибо они сдѣланы въ духѣ древняго письма. Г. Льдовъ, такъ сказать, реставрировалъ старинную русскую повѣсть въ стихотворной формѣ. Факсимиле лубочныхъ иллюстрацій съ текстомъ заимствовано нами изъ изданія «Повѣсти о судѣ Шемяки», сдѣланнаго «Общ. Люб. Древ. Письменности».

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

(По рукописи XVII вѣка).

Жили въ нѣкоторомъ царствѣ
Двое братьевъ земледѣльцевъ,
Былъ богатъ одинъ изъ братьевъ,
А другой весьма убогъ.
Много лѣтъ ссужалъ богатый
Брата бѣднаго, но тщетно:
Помощь скудная, какъ видно,

---

[1]) См. «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Гербеля. Изд. 5-е. Подъ редакціей П. Н. Полевого.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Приходилася не въ прокъ.
Вотъ пришелъ однажды бѣдный,
Въ поясъ брату поклонился,
Сталъ просить его усердно:
— «Братъ, ссуди-ка мнѣ лошадку,
«Привезу дровецъ изъ лѣса
«И отдамъ тебѣ назадъ».
Но, какъ сумерки, нахмурясь,
Отвѣчаетъ гордый братъ:
— «Я ссужалъ тебя нерѣдко,
«А что толку? ты, какъ прежде,
«Безъ конца мнѣ докучаешь...
«Помогать тебѣ, что воду
«Лить въ дырявое ведро!»
Подбоченился богатый,
Свысока глядитъ на брата,—
Дескать, чувствуй одолженье,
Поклонись-ка за добро!
Но коня ссудилъ, однако...
А бѣднякъ неугомонный
Снова кланяется брату:
— «Одолжи-ка хомута!»
Тутъ богатый ненашутку
Осерчалъ, всплеснулъ руками:
— «До чего, молъ, братецъ дожилъ,—
«Хомута просить не стыдно!..
«Эхъ, ты, голь да нищета!»
Отошелъ бѣднякъ отъ брата
И головушку повѣсилъ...
Думалъ, думалъ—и придумалъ:
— «Привяжу я, дескать, дровни
«Къ лошадиному хвосту!»
Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ:
Съѣздилъ въ лѣсъ и съ полнымъ возомъ
Возвращается въ деревню
Да, съ усталости, дорогой
И вздремнулъ себѣ съ версту...
Подъѣзжаетъ бѣдный къ дому,
Да, съ просонокъ, подворотню
Отпереть не догадался,—
И случилася бѣда:
Какъ стегнулъ кнутомъ онъ лошадь,
Та помчалася, рванулась,—
И осталась безъ хвоста!
Потужилъ бѣднякъ, поохалъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1.

2.

Видитъ,—дѣла не поправишь,
И, скрѣпивши сердце, къ брату
Свелъ безхвостаго коня.
Какъ взглянулъ богачъ на лошадь,
Сталъ темнѣе грозной тучи
И, накинувшись на брата,
Ну, бранить его, позорить:
— «Погоди-ка, шаромыжникъ,
«Вотъ узнаешь ты меня.
«Лошадь взялъ, обезобразилъ
«И ведетъ еще ко мнѣ...
«Что за прокъ въ такомъ безхвостомъ,
«Искалѣченномъ конѣ!»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

3.

4

И пошелъ онъ въ ближній городъ
Бить челомъ судьѣ Шемякѣ,
И бѣднякъ пошелъ за братомъ...
— «Все равно пошлютъ за мною,—
Разсудилъ онъ,—и придется
«Отправляться поневолѣ
«И платить еще вдобавокъ
«За дорогу приставамъ».
Часъ идутъ, другой и третій...
Стало на небѣ смеркаться,
Кое-гдѣ блеснули звѣзды
И тайкомъ перемигнулись,
Какъ любовные глазенки
Заколдованныхъ царевенъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И царевичей незримыхъ...
Все замолкло. Пролетѣла
Мышь ночная... По холмамъ,
По долинамъ и лужайкамъ
Тихо рѣетъ ангелъ ночи
И въ лазурное лукошко
Сѣетъ ласковыя грезы...
Утомились оба брата
И рѣшили по дорогѣ
Завернуть въ село большое.
— «У попа переночую,
«Онъ знакомецъ мнѣ давнишній!..»
На пути рѣшилъ богатый—
И вошелъ въ попову хату;
И бѣднякъ вошелъ туда же
И забрался на полати.
Разсказалъ попу пріятель,
Какъ ссудилъ онъ брату лошадь,
Какъ хвоста она лишилась...
— «Вотъ иду теперь къ Шемякѣ,
«Пусть Шемяка насъ разсудитъ!»
Побесѣдовавши чинно,
Попъ и гость за ужинъ сѣли,
Не позвали бѣдняка.
Жадно смотритъ онъ, голодный,
Какъ ѣдятъ хозяинъ съ гостемъ
Бокъ бараній, солонину
И съ начинкой гусака.
Засмотрѣлся братъ убогій,
Да съ полатей и сорвался,
Съ вышины упалъ на люльку,
Задавилъ попу до смерти
Малолѣтняго сынка...
Дѣлать нечего, пришлося
И попу идти къ Шемякѣ
Бить челомъ о смерти сына.
Чуть на небо голубое
Зорька ранняя прокралась,
Сталъ хозяинъ вмѣстѣ съ гостемъ
Въ городъ ближній собираться;
И бѣднякъ пошелъ за ними.
Вотъ и стѣны городскія,
Вотъ и мостъ, и ровъ глубокій...
Рвомъ везетъ какой-то житель
Въ баню дряхлаго отца.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

5.

6.

Вдругъ бѣднякъ, попа и брата
Убоявшись пуще смерти,
Съ моста бросился,—но тщетно
Онъ искалъ успокоенья
И желаннаго конца:
Съ высоты упалъ убогій
На разслабленнаго старца,
И ушибъ его до смерти.
Тутъ несчастнаго схватили
И ведутъ на судъ къ Шемякѣ.
— «Какъ, молъ, быть? Бѣда большая,
«Не избыть такой напасти,
«Дать мнѣ нечего Шемякѣ»,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

По дорогѣ думалъ бѣдный,
И, размысливъ, поднялъ камень,
Завернулъ въ платокъ холщевый,
Положилъ тихонько въ шапку,—
И предсталъ передъ судомъ.
Началъ рѣчь вести богатый,
Сталъ разсказывать про лошадь,
Бьетъ на бѣднаго челомъ.
Челобитную прослушавъ,
Бѣдняку сказалъ Шемяка:
— «Чѣмъ ты можешь оправдаться,
«Безъ утайки, говори!»
Не отвѣтилъ онъ ни слова,
Трижды въ поясъ поклонился,
Вынулъ камень и украдкой
Показалъ его Шемякѣ.
Тотъ подумалъ, что подарокъ
Посулилъ ему убогій,—
И сказалъ другому брату:
— «Безъ хвоста ужъ что за лошадь!
«Ты такую не бери.
«Новый хвостъ отвѣтчикъ долженъ
«Отростить ей непремѣнно—
«И вернуть тебѣ коня».
Дѣло первое покончивъ,
Приступилъ судья къ другому.
Вотъ и попъ выходитъ, слезно
Бьетъ челомъ о смерти сына:
— «Накажи, молъ, душегубца!»
Показалъ опять убогій
Тотъ же камень, а Шемяка,
Какъ и прежде, догадался:
«За второе дѣло, видно,
«Узелъ золота отвѣтчикъ
«Обѣщаетъ для меня!»
И сказалъ попу Шемяка:
— «Онъ ушибъ тебѣ ребенка,
«Онъ ушибъ его до смерти,
«Пусть же помнитъ онъ судью!
«За такое преступленье
«Онъ обязанъ, не промедля,
«Поселиться съ попадьею,
«Возмѣстить тебѣ потерю
«И вернуть затѣмъ обратно
«И дитя, и попадью!»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

7

8

Порѣшивъ попово дѣло,
Третій судъ Шемяка началъ.
Вотъ выходитъ съ челобитной
Сынъ разслабленнаго старца...
— «Везъ отца я нынче въ баню,—
Объясняетъ онъ Шемякѣ,—
«Вдругъ съ моста упалъ отвѣтчикъ
«Прямо въ ровъ, попалъ въ телѣгу—
«И убилъ отца до смерти!
«Накажи его достойно,
«Отомсти ему, Шемяка!»
Показалъ убогій снова
Тотъ же камень, а Шемяка,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

9.

10.

Какъ и прежде, догадался,
Что сулитъ онъ третій узелъ,
И сказалъ истцу: «Достоинъ
«Онъ суровой, грозной кары.
«Пусть во рву онъ станетъ тамъ же,
«Гдѣ убитъ почтенный старецъ,
«Ты же, сынъ и первый мститель,
«Кинься сверху въ ровъ глубокій—
«И убей его до смерти!»
Конченъ судъ, истцы выходятъ
И отвѣтчикъ вмѣстѣ съ ними.
И просить богатый началъ:
— Братъ, отдай-ка мнѣ коня».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

11

12

Отвѣчалъ убогій брату:
— «По судейскому указу,
«Какъ лишь выростетъ хвостъ новый,
«Ты тотчасъ свое получишь,—
«А до той поры лошадка
«Пусть побудетъ у меня».
Дѣлать нечего, богатый
Сталъ мириться съ бѣднымъ братомъ:
— «Дай безхвостую, молъ, лошадь,
«Хороша и такъ она!»
Помирился братъ убогій,
Получилъ за лошадь выкупъ:
Пять рублей, козу дойную

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И три четверти пшена.
И пошелъ къ попу убогій,
Просить:—«дай твою жену!
«По судейскому указу,
«Я обязанъ за вину
«Взять ее и жить съ ней вмѣстѣ,
«И съ ребенкомъ возвратить!..»
Попъ взмолился, сталъ мириться,
Выкупъ бѣдному сулить:
Пятьдесятъ рублей деньгами,
Хлѣба четверти четыре,
Да корову и теленка,
Да кобылу съ жеребенкомъ.
Взялъ убогій этотъ выкупъ
И къ послѣднему истцу,
Какъ назначено, приходитъ,—
— «Дескать, нынче я согласенъ
«Стать во рву на томъ же мѣстѣ,
«Гдѣ къ покойному отцу
«Я упалъ съ моста въ телѣгу,—
«Ты жъ войди на мостъ и кинься,
«И убей меня до смерти».
Сынъ подумалъ:—«Я, пожалуй,
«Самъ до смерти расшибуся».
И мириться сталъ съ убогимъ,—
Двѣсти далъ ему рублей,
Лошадь далъ ему гнѣдую
Да муки ржаной въ придачу
Пять отборныхъ четвертей.
А судья Шемяка выслалъ
Слугъ къ отвѣтчику—просить,
Чтобъ отдалъ узлы съ дарами.
— «Я не даръ сулилъ Шемякѣ,—
Отвѣчалъ бѣднякъ подъячимъ,—
«Я хотѣлъ его убить,
«Если онъ меня осудитъ!
«Подъ платкомъ таился камень...»
Какъ узналъ о томъ Шемяка,
Сталъ отъ радости креститься:
— «Кабы я судилъ иначе,
«Могъ убить меня отвѣтчикъ
«И конечно бы убилъ
«Грузнымъ камнемъ... Слава Богу,
«Что по немъ я разсудилъ!»

К. Льдовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДЕКАБРИСТЪ КНЯЗЬ Е. П. ОБОЛЕНСКІЙ.

(Пять неизданныхъ писемъ и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія) [1]).

ПРИВОДИМЫЯ здѣсь письма декабриста князя Е. П. Оболенскаго адресованы имъ Андрею Васильевичу Протасьеву, мужу его сестры Екатерины, съ которой онъ былъ особенно друженъ. Они найдены въ числѣ прочихъ бумагъ, въ селѣ «Большія Можары» Рязанской губ., Сапожковскаго уѣзда, перешедшемъ отъ сына А. В. Протасьева—Евгенія Андреевича Протасьева къ моей матери З. П. Головинской.

Письма Оболенскаго охватываютъ весьма значительный періодъ времени, такъ какъ первое помѣчено 1830 годомъ, а послѣднее 1843 годомъ. Первое представляетъ особенный интересъ—въ немъ Оболенскій описываетъ жизнь свою въ Сибири за четыре года и пребываніе въ Нерчинскихъ заводахъ, о которыхъ не сообщаютъ ничего остальные его товарищи по ссылкѣ.

Въ происшествіяхъ 14-го декабря Оболенскій, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе и принадлежалъ къ числу старѣйшихъ членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества. Его обвиняли нѣкоторые въ нанесеніи раны штыкомъ Милорадовичу (см. «Всеподданнѣйшій Докладъ Комиссіи»), но это обвиненіе можно считать вполнѣ опровергнутымъ, какъ объясненіемъ самого Оболенскаго, такъ и разсказами очевидцевъ. Самый характеръ Оболенскаго не допускаетъ мысли о чемъ-либо подобномъ. Блондинъ, съ голубыми глазами, чрезвычайно красивый (см. «Воспоминанія» Т. П. Пассекъ, «Русская Старина», т. 7, стр. 184, и «Записки» Фелькнера тамъ же, т. 2), Оболенскій отличался мягкостью въ обращеніи и религіозностью. Онъ всегда внушалъ къ себѣ симпатію въ окружающихъ и былъ любимцемъ своего начальника, генералъ-адъютанта Карла Ивановича Бистрома, командовавшаго всею пѣхотою гвар-

[1]) Письма эти находятся въ настоящее время въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дейскаго корпуса, при которомъ состоялъ въ званіи старшаго адъютанта, въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Оболенскій встрѣтилъ 1825 года въ Москвѣ, въ своемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отца, уже престарѣлаго, матери (рожденной Магницкой, дочери М. Л. Магницкаго, см. «Русская Старина» т. 14, стр. 641) и многочисленныхъ сестеръ и братьевъ, а слѣдующій годъ встрѣчалъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Причисленный къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, благодаря тому, что былъ однимъ изъ трехъ предсѣдателей Общества и принималъ участіе въ дѣйствіяхъ на Сенатской площади, Оболенскій былъ приговоренъ къ смерти, замѣненной императоромъ Николаемъ ссылкою въ каторжныя работы безъ срока. 21-го іюля 1826 года, Оболенскій съ первою партіей арестантовъ былъ уже на дорогѣ въ Сибирь. Жизнь его въ ссылкѣ подробно описывается имъ въ печатаемыхъ нами письмахъ.

I [1]).

Милый другъ и братъ! Вотъ уже пятый годъ, что пера не бралъ въ руки и не изливалъ никому своихъ чувствованій:—давно желалъ я сказать тебѣ то, что у меня на душѣ, давно хотѣлъ тебѣ передать то, что со мною было въ продолженіе сего долгаго времени; но долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, и я удовольствовался перепискою черезъ Елизавету Петровну: [2]) Боязнь на-

---

[1]) Относительно этого письма слѣдуетъ замѣтить, что оно было доставлено не легальнымъ путемъ, какъ это видно изъ post-scriptum'а. Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе число, выставленное на письмѣ (12 марта 1830 года), можно предположить, что оно находилось вмѣстѣ съ письмами, доставленными черезъ Дружинина княгинѣ Шаховской въ Иркутскъ, такъ какъ Дружининъ былъ выпущенъ въ началѣ 1830 года. Интересный разсказъ Якушкина о томъ, какъ Дружинину было поручено передать княгинѣ Шаховской желѣзный ящикъ, въ которомъ было множество писемъ и который былъ наполненъ табакомъ, а тотъ, ничего не зная, вынулъ табакъ и отослалъ въ бумагѣ, подаривъ ящикъ въ церковь, и какъ затѣмъ опять долженъ былъ его добыть, чтобы передать по назначенію, можно найти въ «Русскомъ Архивѣ», 1870 года, страницы 1609, 1610. Этотъ Дружининъ, такъ же какъ и его товарищи Тантыковъ и Колесниковъ, былъ лишь соузникомъ декабристовъ. Въ Оренбургѣ Завалишинъ 2-й вздумалъ образовать тайное общество, но затѣмъ самъ первый предалъ товарищей: Тантыкова, Колесникова и Дружинина, которые и заточены были въ Сибири съ декабристами. Письмо это могло быть также доставлено черезъ Фелицату Осиповну Смольянинову или черезъ одну изъ женъ декабристовъ.

[2]) Е. П. Нарышкина. Сперва, какъ извѣстно, самимъ декабристамъ было запрещено писать, а писали за нихъ дамы. (См. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «XIX вѣкъ», стр. 129, книга 1-я). Е. П. Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, была дочерью извѣстнаго генерала 1812 года. Ея братъ, подпоручикъ Коновницынъ былъ отнесенъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ числу государственныхъ преступниковъ девятаго разряда и осужденъ къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь, но Николай Павловичъ приказалъ преступниковъ этого разряда, по лишеніи дворянства и чиновъ, написать въ солдаты, въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

влечь на тебя новыя неудовольствія останавливала всякое покушеніе къ перепискѣ съ тобой.

Если теперь я нарушилъ это, то единственно отъ того, что не могу ни черезъ которую изъ нашихъ благодѣтельницъ сказать тебѣ объ интересныхъ моихъ дѣлахъ.

Ты знаешь, милый другъ, что я долженъ Нарышкину 5,000 рублей.

Папенька призналъ этотъ долгъ, далъ вексель отъ себя Елизаветѣ Петровнѣ, и обѣщалъ скорую уплату:—но вотъ уже четыре года, что онъ объ уплатѣ молчитъ;—зная ихъ стѣсненныя обстоятельства, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣренъ, что они не рѣшатся никогда, въ письмахъ своихъ обо мнѣ, упоминать объ долгѣ, я прибѣгаю къ тебѣ, милый другъ, и прошу тебя употребить всевозможныя усилія для убѣжденія батюшки къ уплатѣ священнаго для меня долга.—Если онъ не можетъ сего сдѣлать вдругъ безъ разстройства, то постепенная уплата не будетъ для него затруднительна.

Впрочемъ, ты знаешь лучше меня семейныя дѣла, и потому устройся, какъ умѣешь; но избавь меня, сдѣлай милость, отъ непріятнаго чувствованія неисполненія одной изъ священнѣйшихъ обязанностей.

По письмамъ отъ папеньки, кажется, что долгъ Сергѣя Борисовича [1]) въ 300 рублей уплаченъ; и такъ съ этой стороны я покоенъ.—Расчетъ всѣмъ долгамъ я послалъ папенькѣ чрезъ моего Егорушку [2]) прежде 14-го и надѣюсь, что онъ дошелъ вѣрно.

дальніе гарнизоны. Коновницынъ 1-й былъ солдатомъ въ Сибири, потомъ на Кавказѣ, и умеръ въ 1850 году прапорщикомъ отъ дурного климата. Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда, осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ» о немъ говорилось: «принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ» Умирая, Милорадовичъ просилъ Николая Павловича помиловать Коновницына, сына своего друга (id стр. 272).

Младшій Коновницынъ, 16-ти лѣтъ, былъ тоже сосланъ на Кавказъ, потомъ прощенъ.

Мужъ Елизаветы Петровны, полковникъ Нарышкинъ, изъ Сибири былъ переведенъ на Кавказъ солдатомъ, потомъ, по просьбѣ сестры своей—Тучковой, игуменьи Спасо-Богородицкаго монастыря, прощенъ въ 1840 году и умеръ въ 1863 году. Первоначально въ Сибири Нарышкинъ былъ съ остальными въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, а въ 1832 году вышелъ на поселеніе съ преступниками, отнесенными къ 4-му разряду, къ которому былъ причисленъ. На поселеніи жилъ въ Курганѣ. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ ежегодно 1,000 рублей въ артель. Е. П. Нарышкина въ Сибири чувствовала себя весьма одинокой, такъ какъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, умерла у нея дочь, и не было ни дѣтей, ни родныхъ, въ числѣ товарищей мужа, по заключенію. (См. «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки», 1878 г.).

[1]) Сергѣй Борисовичъ Леонтьевъ, мужъ сестры Оболенскаго—Маріи Петровны.

[2]) Егорушка, преданный слуга князя Евгенія, котораго впослѣдствіи онъ просилъ отпустить на волю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

По словамъ братьевъ, которыхъ я видѣлъ въ крѣпости, [1]) верховая моя кобыла и упряжныя были проданы за 3,600 руб. Дрожки, сани и остальное въ домѣ должно было принести около 1,500 руб. и потому я полагаю, что изъ всего моего долга осталось заплатить не болѣе пяти или шести тысячъ.

Окончивъ скучную статью объ деньгахъ, которые всегда были мои враги, какъ тебѣ извѣстно, разскажу тебѣ, любезный другъ, все, что со мною было въ продолженіе сихъ четырехъ лѣтъ:— 21-го іюля 1826 года выѣхалъ я изъ крѣпости. Не стану тебѣ говорить о томъ, что я чувствовалъ, разставаясь навсегда со всѣмъ тѣмъ, что оживляло мою жизнь. Въ понедѣльникъ я видѣлся съ братьями: [2]) Митя плакалъ, и я также. Сергѣй молчалъ; часъ времени мы проговорили объ отцѣ, о тебѣ, о домашнихъ, и едва нѣсколько словъ успѣли мы сказать, какъ часъ разставанія наступилъ; я надѣялся еще разъ съ ними увидѣться въ субботу, но въ среду въ полночь, [3]) мы уже были на дорогѣ въ Тихвинъ. Послѣ трехъ-недѣльнаго пути достигли мы наконецъ Иркутска, откуда послали насъ по заводамъ для назначенной намъ каторжной работы. Я и Якубовичъ попали на соловаренный заводъ, [4]) въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска.

Пріѣхавъ къ мѣсту нашего назначенія, дали намъ недѣлю отдыха, послѣ котораго дали топоры въ руки и послали въ лѣсъ рубить дрова. Бодро пошли мы съ Якубовичемъ, съ топоромъ за поясомъ, и начали валить лѣсъ, и крупный, и мелкій. Работа казалась сначала тяжелою; но впослѣдствіи привычка нѣсколько уменьшала ея тягость. Въ теченіе шестинедѣльнаго нашего пребыванія на семъ заводѣ мы были свободны, жили на своей квартирѣ, ходили на работу въ которое время вздумается, и признаюсь, самая каторга была довольно сносная, исключая отношеній къ мѣстному начальству, которыя вездѣ и всегда довольно непріятны. Что касается до денегъ, то хотя я выѣхалъ единственно

---

[1]) Въ «Воспоминаніяхъ о К. Ѳ. Рылѣевѣ» князя Евг. Оболенскаго, помѣщенныхъ въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. 1, Оболенскій говоритъ, что не видѣлъ никого изъ родныхъ и знакомыхъ съ 15-го декабря 1825 года, перваго дня заключенія, до 9-го іюля 1826 года, гдѣ, въ залѣ комендантскаго дома встрѣтился съ друзьями. Тамъ же, вѣрно, онъ видѣлъ и братьевъ въ первый разъ.

[2]) Это было второе и послѣднее свиданіе.

[3]) Черезъ 11 дней послѣ сентенціи была отправлены восемь человѣкъ: Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, двое Борисовыхъ, Трубецкой, Волконскій и Оболенскій. Имъ въ Сибири было гораздо хуже на первыхъ порахъ, чѣмъ декабристамъ, высланнымъ впослѣдствіи.

[4]) Они попали въ такъ называемое Иркутское Усолье. Начальникомъ завода былъ Крюковъ, обращавшійся довольно гуманно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

со ста рублями, которые мнѣ сунулъ Егоръ Михайловичъ [1]), передъ отъѣздомъ, вѣроятно, по твоему порученію; но я успѣлъ продать свои золотые часы, и хоть издержалъ много на дорогѣ, но осталось чѣмъ подѣлиться съ товарищемъ, у котораго ничего не было;—сверхъ того, княгиня Трубецкая [2]), пріѣхавъ вслѣдъ за мужемъ, послала намъ 500 рублей; сими деньгами мы завелись всѣмъ, что нужно для хозяйства, одѣлись кое-какъ и завелись бѣльемъ.

Мы уже думали завестись домомъ своимъ и основаться на долгое время въ заводѣ, гдѣ наша участь была довольно сносная, какъ вдругъ пріѣхали и объявили намъ повелѣніе отправиться въ Иркутскъ;—сопровождаемые казаками, со всѣми военными почестями, 6-го октября [3]) переправились мы черезъ Ангару. Изъ всѣхъ заводовъ собрали насъ въ одно время въ Иркутскъ; и тутъ увидѣлись мы въ первый разъ съ Трубецкимъ и Волконскимъ, [4]) съ

---

[1]) Плацъ-маіоръ. Оболенскій былъ болѣе счастливъ, чѣмъ Басаргинъ, которому, напр. Е. М. сунулъ передъ отъѣздомъ въ Сибирь десять серебряныхъ гривенниковъ въ бумажкѣ, хотя при арестѣ у Басаргина было отобрано 1,700 р. (См. «Записки Н. В. Басаргина» въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I).

[2]) Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль. Ея мужъ былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и дежурнымъ штабъ-офицеромъ четвертаго пѣхотнаго корпуса, но никогда не былъ назначаемъ губернаторомъ, какъ о томъ повѣствуетъ Лакруа. Ранѣе 14-го декабря онъ былъ назначенъ мятежниками главнымъ начальникомъ на этотъ день, но, обладая характеремъ нерѣшительнымъ, не явился на площадь.

Вечеромъ 14-го, Трубецкой былъ у своего родственника, австрійскаго посланника, графа Лебцельтерна, къ которому явился за нимъ, по приказанію Николая Павловича, графъ Нессельроде и тотъ долженъ былъ его выдать. Чрезвычайно курьезное описаніе его свиданія съ императоромъ у Лакруа. (См. «Исторія жизни и царствованія Николая I», сочиненіе Поля Лакруа, переводъ съ французскаго. Т. I. М. 1877 — 1878 годъ). Верховный Уголовный Судъ отнесъ его къ первому разряду, и приговорилъ къ смерти, но Николай смягчилъ наказаніе и назначилъ каторжныя работы безъ срока. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «управлялъ Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ». Трубецкой принадлежалъ къ числу основателей общества. Въ Сибирь онъ попалъ съ первой партіи декабристовъ, (см. пред. примѣч.) и былъ назначенъ на винокуренный казенный заводъ около Иркутска (въ 70 верстахъ), но тамъ пробылъ не долго,—всѣхъ первыхъ восемь ссыльныхъ привезли въ Иркутскъ и затѣмъ отправили въ Нерчинскъ. (О жизни въ Нерчинскѣ см. текстъ). Изъ Нерчинска Трубецкой былъ переведенъ съ остальными въ Читу и Петровскій заводъ. Въ 1838 году кончился срокъ работъ, и въ 1839 году Трубецкой былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Трубецкой принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ въ артель декабристовъ въ Петровскомъ заводѣ 2—3 тысячи ежегодно. (См. «Записки Басаргина», въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», книга 1-я). Въ Сибири имѣлъ дѣтей.

[3]) 1826 года.

[4]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, бывшій флигель-адъютантъ, генералъ 23-хъ лѣтъ, участвовалъ въ кампаніи 1812 года, постоянно находясь при

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которыми и отправились въ Нерчинскъ. Прибывъ туда, послали насъ въ острогъ, или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтка въ два аршина длины и въ полтора ширины.—Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ, и опять запирали. Работа была подъ землею на 70 и болѣе саженъ. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ; а они всѣ пользуются свободой, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки въ заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ, и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ.—Работа вообще не столь тяжела, какъ воображаютъ при видѣ сихъ ужасныхъ подземныхъ ходовъ, въ которые версты полторы и болѣе ходишь съ согнутою спиною, и лѣстницами, въ извѣстныхъ мѣстахъ, устроенными, спускаются въ самую глубину сей пропасти. Если количество работы не столь отяготительно, то сіе замѣняется невыгоднымъ положеніемъ во время работы: часто принужденъ работать въ дырѣ, пробиваемой въ стѣну, въ которой садились на колѣна, и принимаешь разныя положенія, смотря по высотѣ мѣста, чтобъ ударить молотомъ фунтовъ въ 15 или 20. Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее.

Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія:—въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, милліонъ клоповъ и разной гадины, осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоединя къ тому грубое обращеніе начальста [1]), которое

государѣ, или главнокомандующемъ. Былъ женатъ на Маріѣ Николаевнѣ Раевской, воспѣтой Некрасовымъ въ поэмѣ «Русскія женщины». Верховный уголовный судъ отнесъ его къ первому разряду преступниковъ и приговорилъ къ смерти, но императоръ помиловалъ, назначивъ вѣчныя каторжныя работы. Волконскій съ первой партіей декабристовъ былъ отправленъ въ Сибирь и попалъ съ Трубецкимъ на винокуренный заводъ около Иркутска. Затѣмъ переведенъ въ Нерчинскъ съ остальными, а изъ Нерчинска въ Читу и Петровскій заводъ. Наконецъ, когда, благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ, вышелъ срокъ каторжныхъ работъ преступникамъ 1-го разряда, Волконскій былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Въ артель Петровскаго завода вносилъ 2—3 тысячи ежегодно, т. е. принадлежалъ къ числу богатыхъ. (См. «Записки Басаргина»). Въ Сибири имѣлъ дѣтей. Волконскій былъ возвращенъ въ 1856 году, и умеръ въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи въ 1865 году, а жена его въ 1863 году.

[1]) Начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ былъ нѣкій Бурнашевъ, человѣкъ возмутительный—«заплечный мастеръ», какъ его называетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ «Запискахъ» (См. «Русская Старина», томъ 2-й, стр. 187), который очень сожалѣлъ, что высшее начальство не позволяетъ ему «вывести въ расходъ» государственныхъ преступниковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

привыкши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому долженъ еще тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами; а отъ горнаго начальства офицеръ [1]) горный, которому также поручено было смотрѣть надъ нами: горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало: квартальный же боялся горныхъ и такимъ образомъ насъ окружали двѣ непріязненныя силы, которыя старались только увеличить наши тягости.—Но какъ всему есть предѣлы, то и сему былъ также таковой. Съ февраля [2]) мѣсяца на насъ надѣли желѣзо, а съ весной насъ велѣно употреблять только въ работы, надъ землею, что по ихъ мнѣнію значило облегченіе въ работѣ, а по нашему увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему привыкнуть можно, исключая того, что оскорбляетъ собственное наше достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы дѣйствительно получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ [3]) рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительныя. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе. Воспоминаніе [4]) о всемъ томъ,

---

[1]) Нѣкій Рика, необразованный и грубый.

[2]) 1827 года. Желѣза надѣли вопреки законоположеніямъ, освобождающимъ отъ этого лицъ привиллегированнаго сословія, по распоряженію государя. Въ апрѣлѣ 1831 года сняли цѣпи. (См. «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина»).

[3]) См. предыд. примѣч.

[4]) Декабристы восторженно вспоминаютъ о всѣхъ дамахъ пріѣхавшихъ въ Сибирь къ мужьямъ. (См. «Записки Басаргина», въ сборникѣ Бартенева, «Девятнадцатый вѣкъ», книга 1-я, стр. 129; «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1592; «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки» 1876 года, «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 года» А. П. Бѣляева, глава XII «Русская Старина», томъ 30-й и т. д.). Назовемъ здѣсь этихъ дамъ: Е. П. Нарышкина (см. пред. примѣч.), Н. Д. Фонъ-Визина, урожденная Апухтина, М. Н. Волконская (см. пред. примѣч.), Е. И. Трубецкая (см. пред. примѣч.), Александра Григорьевна Муравьева, рожд. Чернышева, жена извѣстнаго Никиты Михайловича Муравьева, братъ которой графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, наслѣдникъ огромнаго майората, находился въ ссылкѣ вмѣстѣ съ ея мужемъ. Она умерла въ Сибири, въ Петровскомъ заводѣ, въ 1832 году. Далѣе назовемъ еще А. В. Ентальцеву, мужъ которой, подполковникъ Ентальцевъ, былъ сперва поселенъ въ Ялуторовскѣ, потомъ переведенъ на Кавказъ и сошелъ съ ума. Къ этимъ первымъ присоединились потомъ баронесса Розенъ и Юшневская. Женѣ Якушкина, Шереметевой, не было позволено пріѣхать. Затѣмъ Анненковъ женился въ Сибири, въ Читѣ, на француженкѣ Ледантю, чрезвычайно красивой особѣ. Портретъ ея находится въ нашемъ родовомъ имѣніи, Симбирской губ., Буинск. уѣзда, деревнѣ Ивашевкѣ.

О женахъ декабристовъ см. также отдѣльную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что эти женщины оставили, чтобы раздѣлить участь своихъ мужей, всѣ препятствія, которыя онѣ преодолѣли, всѣ лишенія, которымъ онѣ добровольно себя подчиняли, неудовольствія, которыя онѣ сносили, словомъ все, и даже одно присутствіе ихъ приносило намъ минуты неизъяснимыя: онѣ насъ кормили, одѣвали,—словомъ, были намъ болѣе, нежели родные: признаюсь тебѣ, любезный другъ, что это время было для меня очень тягостно. Оставленный отцомъ, не получая отъ него ни строки, въ продолженіе двухъ лѣтъ я думалъ, что обреченъ на всегдашнее забвеніе отъ него и отъ всѣхъ васъ. Время хотя не примиряло меня съ сею мыслію, но по крайней мѣрѣ заставило философствовать поневолѣ и убѣждаться, что нѣтъ ничего постояннаго въ мірѣ. Такъ прожили мы, любезный другъ, въ Нерчинскихъ рудникахъ или заводахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ, до октября мѣсяца, тутъ повезли насъ въ Читу, гдѣ уже были собраны всѣ нынѣшніе жители Читинской тюрьмы [1]).

---

[1]) Скажу нѣсколько словъ объ этихъ «жителяхъ Читинской тюрьмы» и главнымъ образомъ, о первыхъ восьми, какъ ближе стоявшихъ къ Оболенскому. О Трубецкомъ и Волконскомъ я уже упоминалъ. Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ, полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка, принадлежалъ къ Южному Обществу и Верховный уголовный судъ, отнеся его къ преступникамъ 1-го разряда, приговорилъ къ смертной казни. Помилованный съ товарищами, онъ былъ сперва на казенномъ винокуренномъ заводѣ около Иркутска, затѣмъ въ Нерчинскѣ, Читѣ, Петровскомъ заводѣ и съ 1839 г. въ Иркутскѣ на поселеніи. Въ Сибири занимался медициной (хирургіей, первоначально подъ руководствомъ штабъ-лекаря Вольфа и говорятъ довольно успѣшно). Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной полковникъ, родственникъ Волконскаго, также былъ причисленъ къ первому разряду и перевозимъ съ товарищами, до выхода на поселеніе въ Красноярскѣ въ 1839 г. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «участвовалъ въ управленіи тайнаго Общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи Областей отъ Имперіи и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовой къ дѣйствіямъ». При вступленіи на престолъ императора Александра II, Давыдовъ былъ помилованъ, но ему не удалось пріѣхать на родину—онъ умеръ въ Сибири послѣ манифеста, Давыдовъ былъ очень богатъ—его бабка племяница Потемкина (см. о немъ «Заря», 1883 г.). Онъ чуть ли не одинъ изъ семейныхъ декабристовъ рѣшился самъ отослать дѣтей, съ перемѣною фамиліи, какъ-то было предложено въ 1842 г., въ Россію. Потомъ они опять приняли фамилію Давыдовыхъ.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, былъ большимъ другомъ Оболенскаго. Съ нимъ онъ познакомился у постели умирающаго Чернова, на похоронахъ котораго въ первый разъ собрались всѣ вмѣстѣ члены Тайнаго Общества (см. «Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ» кн. Е. П. Оболенскаго, въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I). Не за долго передъ тѣмъ Якубовичъ перенесъ тяжелую операцію (въ 1823 году). Человѣкъ чрезвычайно энергическаго характера, Якубовичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 14-го декабря, хотя и не числился членомъ Общества. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ преступникамъ перваго разряда и онъ перенесъ общую съ ними участь. Въ 1839 году, когда кончился срокъ работъ, онъ былъ поселенъ въ Енисейскѣ, гдѣ устроилъ мыловаренный заводъ и жилъ безбѣдно. Средства для этого пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Насъ было восемь въ Нерчинскѣ: Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ, Якубовичъ, два брата Борисовыхъ и я. Радостно обнялись мы съ товарищами. Нарышкина обнялъ я съ истиннымъ восторгомъ.

пріятія онъ получилъ отъ кн. Оболенскаго, какъ это видно изъ конца второго письма. Якубовичъ умеръ въ 1845 г.

Борисовы, первый—отставной подпоручикъ и второй—подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады, принадлежали къ Обществу Соединенныхъ Славянъ и, какъ основатели Общества и умышлявшіе на цареубійство, были отнесены Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ первому разряду и имѣли общую съ преступниками этого разряда участь. По окончаніи срока работъ, были поселены въ Иркутскѣ. Въ Сибири составили коллекцію насѣкомыхъ и отослали московскому профессору Фишеру (см. «Записки Басаргина»).

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, коллежскій ассесоръ, пріѣхавшій позднѣе изъ Шлиссельбурга, гдѣ содержался вмѣстѣ съ Юшневскимъ, Дивовымъ, Пестовымъ и Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ, братомъ Марлинскаго (см. «Русскій Архивъ» 1870 г. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1581), находился 14-го декабря на площади рядомъ съ Оболенскимъ (см. «Воспоминанія» А. П. Бѣляева, «Русская Старина» томъ 30-й стр. 499). Когда Пущинъ поступалъ въ гражданскую службу, Пушкинъ, его товарищъ по лицею и другъ, привѣтствовалъ это поступленіе стихами, думая, что своею честностью Пущинъ можетъ быть чрезвычайно полезнымъ на этомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Оболенскимъ, Пущинъ составилъ о 14-мъ декабрѣ записки, напечатанныя за границей, которыя я, къ сожалѣнію, не могъ достать. О нихъ упоминается въ примѣчаніи «по поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ» Е. Я. въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, и въ статьѣ Н. Свистунова «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14-мъ декабрѣ» «Русскій Архивъ» 1870 г. стр. 1664. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. № 12 напечатано письмо И. И. Пущина къ Э. А. Энгельгардту изъ Ялуторовска о жизни въ Сибири.

Въ Читинской тюрьмѣ находился между прочимъ извѣстный издатель историческаго сборника «Русская Старина» Корниловичъ, отправленный въ первомъ же году (въ 1827 г.) съ фельдъегеремъ на Кавказъ (см. замѣтку Сиротинина «Декабристы» «Русская Старина», т. 29, стр. 422) и умершій въ 1835 г. солдатомъ отъ горячки, которой захворалъ, простудившись, спасая тонувшаго въ рѣкѣ товарища—солдата; подполковникъ Михаилъ Лунинъ, умершій въ каторжной работѣ за брошюру на англійскомъ языкѣ, напечатанную за границей; Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій,—изрубленный на Кавказѣ черкесами въ 1837 г. уже офицеромъ; Никита Муравьевъ, одинъ изъ основателей Сѣвернаго Общества (о немъ см. выше пред. примѣч.) съ своимъ родственникомъ гр. Чернышевымъ; лейтенантъ Завалишинъ, составившій записки и живущій до сихъ поръ въ Москвѣ; корнетъ Свистуновъ, живущій въ Москвѣ; поручикъ Басаргинъ, авторъ «Записокъ» въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ»; баронъ Штейнгель, подполковникъ Фаленбергъ, мичманъ Бѣляевъ и баронъ Розенъ, оставившіе записки; князь Одоевскій—извѣстный поэтъ, другъ Лермонтова, поселенный въ Иркутскѣ, затѣмъ переведенный на Кавказъ солдатомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и здѣсь умершій чахоткой отъ дурного климата въ 1839 г.; Александръ Николаевичъ Муравьевъ, братъ извѣстнаго Михаила Николаевича, умершій въ 1863 г. сенаторомъ въ Москвѣ; подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, братъ повѣшеннаго; наконецъ сгорѣли въ Верхоленскѣ: Андреевъ и штабъ капитанъ Рѣпинъ въ 1832 г. Сошли съ ума: Ентальцевъ (см. пред. прим.), Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, капитанъ Фурманъ, князь Шаховской, поручикъ Шахиревъ, полковникъ Враницкій, Петръ Александровичъ Бестужевъ. Всѣхъ декабристовъ въ Читѣ было 88.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Пущинъ пріѣхалъ въ декабрѣ послѣ 20-ти-мѣсячнаго содержанія въ Шлюссельбургѣ. Съ того времени живемъ мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ. Четыре сарая служатъ намъ жилищемъ общимъ. Они довольно теплы; каждый изъ нихъ имѣетъ въ ширину аршинъ и $^3/_4$ мѣста, а длину сколько занимаетъ кровать. Первое пріятное чувство, которое я испыталъ, происходило отъ письма, которое я получилъ отъ отца вскорѣ послѣ пріѣзда въ Читу. Я опять ожилъ душою, увидѣлъ, что еще привязанъ къ міру нитью непрерываемою, священною, любви отца къ сыну, которой, казалось, долженъ былъ лишиться навсегда. Часто приходило мнѣ на мысль, милый другъ, что странны довольно люди, которые смѣшиваютъ политическое поведеніе человѣка съ его отношеніями гражданскими или семейными. Какъ политическій членъ общества я могъ быть подверженъ наказанію высшей власти; но если я исполнилъ по возможности обязанности сына, брата и друга, имѣютъ ли они право лишать меня того—что я заслужилъ прежними моими поступками. Пусть проступки семейные подлежатъ сужденію семейному, но проступки политическіе подлежатъ сужденію политической власти; зачѣмъ же прибавлять къ наказаніямъ политическимъ наказанія семейныя. Впрочемъ, я тебѣ говорю, милый другъ, это не потому, чтобы огорченіе двухлѣтняго молчанія вашего, оставило въ сердцѣ моемъ слѣды, ибо я впослѣдствіи былъ вполнѣ вознагражденъ отцомъ за долговременное молчаніе. Его письма доставляли и доставляютъ мнѣ доселѣ одно истинное утѣшеніе, которымъ я могу пользоваться. Я вижу его любовь ко мнѣ, и для меня все остальное неважно. Признаюсь тебѣ, милый другъ, я сначала сѣтовалъ и на тебя, когда послѣ перевода твоего изъ Финляндіи въ дивизію, которая около Москвы, и наконецъ послѣ отставки твоей, я отъ тебя не получалъ писемъ, но одни поклоны въ письмахъ отца. Поклоны эти такъ мнѣ казались сухи, что я старался отогнать отъ себя мысли, которыя они во мнѣ возбуждали. Но вижу теперь, что ты не писалъ не по волѣ, а по неволѣ [1]). Теперь, милый другъ, кажется препятствій болѣе не предвидится и я надѣюсь что ты, любя меня по прежнему, будешь чаще вспоминать. Письма, милый другъ, ничего не значатъ, часто нечего сказать въ письмѣ, но они необходимы для сохраненія и оживленія чувства, соединяющаго двухъ людей. Ты скажешь, что письма не родятъ дружбы; но мы любимъ и умершихъ. Какая же разница отъ любви къ живымъ, если мы и съ тѣми и съ другими будемъ имѣть сношенія одинаковыя. Вотъ, милый братъ, мои мысли о семъ предметѣ. Я прошу тебя еще не затрудняться политическими

[1]) Андрей Васильевичъ Протасьевъ относился гораздо лучше остальныхъ родныхъ къ кн. Евгенію, благодаря особенной дружбѣ существовавшей между кн. Евгеніемъ и сестрой Екатериной Петровной Протасьевой, рожд. Оболенской.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отношеніями, которыя открываютъ твои письма всякому, кто имѣетъ право и порученіе читать твои письма. У насъ съ тобою политическихъ сношеній нѣтъ. То же, что у меня на сердцѣ, я не затрудняюсь показать всѣмъ. И такъ пиши, милый другъ, ко мнѣ съ тою свободою, съ какою писалъ прежде. Если когда-нибудь я получу позволеніе лично передавать тебѣ мои мысли, то будь увѣренъ, что ты найдешь во мнѣ все, что было прежде. То же самое желаніе быть искреннимъ передъ тобою и изложить тебѣ въ письмѣ моемъ настоящее положеніе души моей. Теперь скажу тебѣ, милый другъ, что я съ большимъ удовольствіемъ узналъ о замужествѣ Вариньки [1]). Провидѣніе, соединившее ее съ юношею 22-хъ-лѣтнимъ, душою невиннымъ, должно утвердить ее семейное благополучіе. Я не зналъ Михайловскаго [2]); но радовался, видя и Сашеньку пристроенною. Но признаюсь тебѣ, что сильно былъ тронутъ нѣсколькими строками, приписанными имъ ко мнѣ въ письмѣ сестриномъ. Эти строки показали мнѣ въ немъ человѣка истинно добраго и честнаго. Изъ сихъ строкъ я точно угадалъ, что Сашурка наша счастлива. Что же касается до Прончищева, то признаюсь тебѣ, я его не понимаю и не желаю его осуждать. Варинька написала мнѣ одно письмо и даже не отвѣчала Елизаветѣ Петровнѣ на то письмо, которое она ей обо мнѣ писала. Отъ него ни слуху ни духу. Странно, что каторжная работа, въ которой я нахожусь болѣе четырехъ лѣтъ, могла разрушить чувства, которыя должны пережить и насъ самихъ. Но то же самое я долженъ сказать и о братѣ Николаѣ, о сестрѣ Марьѣ [3]), о Сергѣѣ Борисовичѣ; жаль что число нѣсколько велико, но нечего дѣлать. Впрочемъ, не думай, чтобъ молчаніе ихъ меня тревожило; но признаюсь, что грустно разувѣриться въ людяхъ и этотъ опытъ, вѣроятно, не первый и не послѣдній для меня будетъ [4]). Что скажу теперь о здѣшнемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ? Насъ въ одномъ домѣ или въ четырехъ большихъ комнатахъ 42 человѣка. Остальные въ другихъ тюрьмахъ разсажены тоже какъ и мы. Изъ числа твоихъ знакомымъ Нарышкинъ и Пущинъ живутъ со мною въ одномъ домѣ, но въ разныхъ комнатахъ. Цѣлый день у насъ какъ въ солдатскихъ казармахъ,

---

[1]) Варвара Петровна Оболенская вышла замужъ за Прончищева.

[2]) Александра Петровна Оболенская была замужемъ за Михайловскимъ.

[3]) Марья Петровна Оболенская была замужемъ за Сергѣемъ Борисовичемъ Леонтьевымъ.

[4]) Описаніе жизни ссыльныхъ въ Читинской тюрьмѣ желающіе сравнить могутъ найти: «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.» А. П. Бѣляева, гл. XII, въ «Русской Старинѣ», т. 30; «Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ» Д. И. Завалишина въ «Русской Старинѣ», т. 32; «Записки Н. В. Басаргина», сборникъ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, стр. 127 и слѣд.; «Записки Мих. Алек. Бестужева»—«Русская Старина», т. 2; «Записки барона Розена» «Отечественныя Записки», 1878 г. и т. д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которыя ты довольно часто посѣщалъ: шумъ, споры о предметахъ философскихъ, ученыхъ и тому подобное, которые большею частію служатъ къ тому, чтобы убить часа три или четыре долгихъ нашихъ дней. Встаю я рано, читаю, занимаюсь кой-чѣмъ умственнымъ пока всѣ спятъ и тишина не нарушена; потомъ опять читаю, но для препровожденія времени болѣе нежели для занятія. Нѣсколько часовъ въ день посвящаю механическимъ трудамъ: столярничаю, шью [1]) или подобное что-нибудь дѣлаю. На казенную работу [2]) ходимъ мы черезъ день. Наша обязанность смолоть муки десять фунтовъ на ручныхъ мельницахъ. Для меня работа не тяжела, потому что, слава Богу, силы физическія доселѣ меня не оставляютъ; но для тѣхъ, у которыхъ грудь слаба, работа эта тяжеленька. Лѣтомъ начинаются у насъ работы каждый день и утромъ и вечеромъ: мы дѣлаемъ дороги, починяемъ старыя, ровняемъ улицы, такъ чтобы вездѣ проѣхать какъ шаромъ прокатить. Сверхъ того, у насъ собственный нашъ огородъ, на которомъ трудовъ не мало [3]): на сто человѣкъ заготовить запасу на зиму—не маловажный трудъ. 105 грядъ каждый день полить занимаетъ по крайней мѣрѣ часовъ пять или шесть въ день. Осенью мы собираемъ овощи съ грядъ, квасимъ капусту, свеклу, укладываемъ картофель, рѣпу, морковь и другія овощи для зимняго продовольствія и такимъ образомъ невидимо настаетъ октябрь и зимнія, долгія ночи опять заставляютъ обращаться къ трудамъ умственнымъ. Вотъ тебѣ, милый другъ, круговое теченіе нашего года. Что касается до внутренняго, душевнаго состоянія моего, то скажу тебѣ, что я спокоенъ душевно и ищу болѣе утѣшенія въ самомъ себѣ, нежели во внѣшнихъ предметахъ. Религія доставляетъ мнѣ истинное душевное утѣшеніе. Я говѣю три раза въ году и это три эпохи, въ которыхъ я обновляюсь новою жизнью и—вновь душою и духомъ. Это три

---

[1]) Бѣляевъ въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что Оболенскій, Кюхельбекеръ, Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Загорецкій и Фроловъ составляли артель портныхъ. Оболенскій пожертвовалъ байковое одѣяло Бѣляеву и сшилъ ему изъ него казакинъ (стр. 810). Онъ же давалъ братьямъ Бѣляевымъ уроки англійскаго языка и они въ одинъ годъ перевели сочиненіе Gibbon'a «History of the decline and fall of the Roman Empire», сдѣлавъ такимъ образомъ этотъ замѣчательный трудъ доступнымъ товарищамъ. По воскресеньямъ устраивались религіозныя чтенія, на которыхъ присутствовали, кромѣ Оболенскаго, еще Пушкинъ, Крюковъ, Завалишинъ, Басаргинъ, Одоевскій, Мозгалевскій.

[2]) Первоначально работа состояла въ томъ, чтобы наполнять какой-то ровъ, носившій названіе Чертовой Могилы, затѣмъ стали молоть муку на ручныхъ мельницахъ. Мука выходила никуда негодная. Мололи лишь желающіе. Иные посылали кого-либо изъ сторожей за себя на эту работу. Вообще, мѣсто этой работы представляло изъ себя нѣчто въ родѣ клуба декабристовъ, куда они собирались играть въ шахматы и разговаривать (см. «Записки Басаргина», стр. 128 и «Изъ Записокъ декабриста Якушкина», стр. 1595).

[3]) Оболенскій съ особенною любовью занимался садоводствомъ и огородничествомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

времени, въ которыхъ истина яснѣе намъ представляется и мы живѣе и сильнѣе чувствуемъ истинно доброе, истинно хорошее. Остальное время года я занимаюсь болѣе философскими предметами [1]). Книгъ философскихъ у насъ здѣсь не много, и потому я просилъ бы тебя прислать и мои нѣмецкія всѣ и еще нѣсколько другихъ, о которыхъ я упомянулъ въ письмахъ къ отцу. По послѣднему твоему письму я вижу, что мнѣ нечего ожидать присылки ихъ. Если же ты захочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то отправь мнѣ тѣ книги, которыя найдешь, и въ особенности все, что ты найдешь философіи Шеллинга или Оккена, черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, которыя съ удовольствіемъ доставятъ брату все, что ты перешлешь для меня. Я знаю очень, что твои финансы не позволяютъ тебѣ большихъ издержекъ [2]), но я и не прошу тебя излишняго, а по немногу скопи денегъ и перешли два, три творенія, и я буду доволенъ. Что касается до денегъ, посылаемыхъ мнѣ отцомъ, то я желалъ бы получать вѣрнаго дохода 1,000 въ годъ, т. е. каждую треть или въ три мѣсяца 250. Меня лично обезпечило бы и менѣе, но надобно тебѣ сказать, милый другъ, что у насъ здѣсь многіе не получаютъ отъ родныхъ, по бѣдности ихъ, совершенно никакого пособія, и потому все то, что получаютъ остальные, дѣлится между такимъ количествомъ людей, что каждая присылка денегъ дѣлается совершенно незначительной, удовлетворяя необходимѣйшимъ нуждамъ другихъ [3]). Обѣдъ (и ужинъ зачеркнуто) нашъ состоитъ изъ двухъ блюдъ, ужинъ изъ одного; чай утромъ и вечеромъ съ молокомъ—вотъ все, что мы можемъ себѣ позволить,

---

[1]) Въ Петровскомъ заводѣ Оболенскій читалъ лекціи по философіи, см. «Воспоминанія Бѣляева».

[2]) А. В. Протасьевъ не получилъ большого приданаго за Екат. Петровн. Оболенской. Изъ росписи, собственноручно подписанной кн. Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ, видно, что Протасьевъ получилъ 20,000 р. ассигнаціями, вещей на 24000, двороваго человѣка съ женой и трехъ дѣвокъ.

[3]) Въ Читѣ отпускалось отъ правительства на содержаніе 6 к. мѣдью и 2 пуда муки на каждаго заключеннаго въ мѣсяцъ. Конечно, этого было совершенно не достаточно. Многіе, не получавшіе ничего отъ родныхъ, вынужденые крайностью, рѣшались просить прибавки. Однако остальные совершенно правильно сочли, что это было бы унизительно для всѣхъ и дѣло уладилось. Образовалась впослѣдствіи артель, въ которую каждый дѣлалъ взносы по мѣрѣ возможности, оставляя себѣ лишь необходимое. На нѣкоторыхъ вкладчиковъ я уже выше указывалъ, то были: Трубецкой, Волконскій, Ивашевъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ и др. Такимъ образомъ, каждый нуждающійся, не обязываясь ни передъ кѣмъ изъ болѣе богатыхъ товарищей, получалъ все необходимое. Среднимъ числомъ, доходъ каждаго декабриста можно опредѣлить въ 500 р. Выходящіе на поселеніе безъ собственныхъ средствъ получали единовременно до 700 р. Уставъ этой замѣчательной артели можно найти у Басаргина (см. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I. ст. 149). Эта артель можетъ, между прочимъ, служить лучшимъ доказательствомъ того, что во всякомъ товариществѣ все зависитъ главнымъ образомъ не отъ устава, а отъ степени нравственнаго развитія сочленовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смотря по присылкѣ денегъ. Мы бывали безъ чаю въ продоженіе четырехъ мѣсяцевъ и болѣе. Иногда мы можемъ только пить чай одинъ разъ въ день, и такъ далѣе: уменьшеніе и увеличеніе нашихъ доходовъ есть мѣра нашихъ потребностей. И потому, любезный другъ, я желалъ бы душевно получать положительный доходъ, который достаточенъ былъ бы для меня и двухъ другихъ еще. Что касается до бѣлья, платья и пр. то здѣсь все разойдется очень скоро и будь увѣренъ, что всякая присылка сюда есть истинное доброе дѣло [1]). Тебѣ предоставляю исполнить въ семъ случаѣ потребности собственнаго твоего сердца. Между многими, которые родными оставлены, находится здѣсь нѣкто Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, племянникъ родной извѣстнаго тебѣ Михаила Ивановича Тютчева. Онъ служилъ въ старомъ Семеновскомъ полку [2]), имѣлъ собственное материнское имѣніе, приносившее ему довольно дохода. Отецъ его съ того времени, какъ онъ взятъ въ крѣпость, и доселѣ не писалъ и не посылалъ ему ни копѣйки. Если ты увидишь кого-нибудь изъ Тютчевыхъ, бывшихъ лейбъ-гусаровъ, то скажи имъ о положеніи ихъ брата и авось-либо они помогутъ ему у отца его. Прощай, милый другъ; одно условіе съ тобою при полученіи сего письма: совершенное молчаніе объ немъ и ради Бога храни совершенную тайну о способахъ какими оно доставлено. Молю Бога, чтобы оно дошло до тебя и доставило тебѣ отраду и утѣшеніе. Въ знакъ того, что письмо это дошло до тебя, скажи въ твоемъ письмѣ что-нибудь о книгахъ или Тютчевѣ. Объ успѣхѣ же въ денежныхъ дѣлахъ я узнаю изъ писемъ отцовскихъ. Христосъ съ тобою, милый другъ, мысленно обнимаю тебя

Е. Оболенскій.

12-го марта, 1830 года.

P. S. Еще нѣсколько словъ хочу приписать къ тебѣ, милый другъ. Вмѣсто условленнаго знака, о которомъ я тебѣ писалъ, т. е. сказать нѣсколько словъ о Тютчевѣ или о книгахъ,—если ты получишь это письмо, то отвѣчай по слѣдующей почтѣ и выставь на верху: понедѣльникъ « — » числа. Но чтобы еще болѣе удостовѣрить меня въ полученіи сего письма, то напиши въ самомъ письмѣ: извѣстіе о тебѣ отъ марта мѣсяца мы получили, и называй

---

[1]) Конечно, всякая присылка была «истинно добрымъ дѣломъ», хотя часто доброе намѣреніе посылавшихъ не имѣло результатовъ для декабристовъ. Вещи перехватывались, подмѣнивались и т. д. почтовыми чиновниками и низшимъ начальствомъ.

[2]) Тютчевъ въ 1821 году переведенъ былъ изъ Семеновскаго полка въ одинъ изъ полковъ 8-й дивизіи. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ числу преступниковъ второго разряда и приговорилъ къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ, но благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства срокъ работъ преступникамъ второго разряда истекъ въ 1835 г., а въ іюлѣ 1836 г. Тютчевъ съ товарищами вышелъ на поселеніе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сашеньку Михайловскую Сашуркой. Въ своихъ письмахъ не упоминай о присылкѣ какихъ-либо книгъ или вещей, о которыхъ я тебѣ писалъ, напримѣръ Шеллинга или Оккена, но просто скажи, что они вновь вышли и ты ихъ присылаешь мнѣ; равнымъ образомъ о всѣхъ другихъ вещахъ. Я не пишу къ папинькѣ, потому что боюсь его испугать и ввести въ сомнѣніе, что онъ можетъ подлежать когда-либо отвѣтственности за полученное письмо. Предоставляю тебѣ, милый другъ, найти время и случай показать ему письмо такимъ образомъ, чтобы не растревожить его. Касательно книгъ, которыя я тебя прошу прислать черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, то это единственно потому, что я увѣренъ, что папинька, жалѣя расходы, ограничиться хочетъ въ присылкѣ книгъ тѣми, которыя у него въ библіотекѣ. Но мнѣ невозможно удовольствоваться симъ. Я приготовляюсь къ 20-ти-лѣтнему заключенію тюремному и потому выбираю себѣ такого рода занятія и чтеніе, которыя можно нѣсколько разъ перечитать съ новымъ удовольствіемъ и пользою. Если ты узнаешь, что выходитъ въ свѣтъ всемірная исторія Шеллинга съ товарищами, подъ названіемъ—das Weltall, то пришли. Въ университетѣ ты найдешь источникъ всѣхъ сихъ извѣстій литературныхъ. Ничего еще не говорилъ я тебѣ о братьяхъ [1]). Извѣстіе о томъ, что они разжалованы въ рядовые

[1]) Считаю не лишнимъ привести здѣсь переписку гр. Дибича о братьяхъ Оболенскаго съ княземъ Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ. Дибичъ писалъ князю слѣдующее:

«Милостивый Государь

«Князь Петръ Николаевичъ!

«Государь Императоръ, принимая искреннѣйшее участіе въ постигшемъ васъ недавно семейственномъ несчастіи, тѣмъ съ вящшимъ нынѣ соболѣзнованіемъ раздѣляетъ горесть вашу, что ваше сіятельство получите новое огорченіе чрезъ поведеніе двухъ сыновей вашихъ Дмитрія и Сергѣя, въ пажескомъ корпусѣ воспитывающихся. Оба они своимъ поведеніемъ, нравомъ упорнымъ и непреклоннымъ, первый издавна, а послѣдній съ самаго поступленія своего въ корпусъ, обратили на себя особенное вниманіе и попеченіе корпуснаго начальства, но всѣ мѣры снисхожденія и строгости къ ихъ исправленію были истощаемы безъ всякой пользы и даже безъ малѣйшихъ видовъ къ улучшенію ихъ нравственности обыкновенными способами, принятыми въ учебномъ заведеніи для воспитанія благороднаго юношества. Посему корпусное начальство нашлось въ необходимости войти съ представленіемъ и Его Величество съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ согласиться съ онымъ, дабы сихъ молодыхъ людей удалить изъ корпуса, въ коемъ дальнѣйшее ихъ пребываніе не только не обѣщаетъ собственно для нихъ никакой пользы, но дурные ихъ примѣры обращаются во вредъ совоспитанникамъ ихъ. По крайней мѣрѣ, Его Величество надѣется, что сіи мѣры строгости, можетъ быть во время еще принятыя, предупреждая дальнѣйшее зло, послужатъ къ собственному сыновей вашихъ счастію и ваше родительское сердце найдетъ утѣшеніе въ будущемъ ихъ лучшемъ поведеніи, для достиженія сей цѣли, единственно изъ уваженія къ вамъ и по участію въ горестномъ вашемъ положеніи Его Величество при назначеніи сыновей вашихъ на время рядовыми въ одинъ изъ полковъ финляндскаго отдѣльнаго корпуса, поручить ихъ соизволилъ особенному попеченію командира онаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

меня не изумило, какъ ты можешь легко себѣ представить. Зная слабое смотрѣніе корпуса и при томъ неуваженіе воспитанниковъ къ начальникамъ безнравственнымъ, я убѣжденъ былъ, что первое увеличеніе строгости возбудитъ между юношами негодованіе и будетъ причиною шума, котораго слѣдствія обрушатся на двухъ или трехъ. Жребій этотъ палъ на братьевъ и я признаюсь тебѣ не почитаю великимъ несчастіемъ то, что они лишились карьеры, какъ у насъ говорятъ. Напротивъ—несчастіе должно закалить ихъ характеръ и по неволѣ кладетъ печать твердости на слабодушіе. Я Сережей былъ всегда доволенъ; Мишенька мягкосердечнѣе, но слабѣе духомъ. Сверхъ того, я очень доволенъ тѣмъ, что они въ Финляндіи, гдѣ общество гораздо образованнѣе нашего и гдѣ самое

генералъ-адютанта Закревскаго, возложивъ на него употребить всѣ старанія къ исправленію ихъ нравственности и ко внушенію имъ правилъ должнаго повиновенія и покорности начальству.

«Извѣщая объ ономъ Ваше сіятельство по Высочайшей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью

«Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

«Графъ Иванъ Дибичъ.

«Санктъ-Петербургъ

«№ 1662-ой

«24-го Сентября, 1827 года.

Князь Оболенскій на это письмо отвѣчалъ письмомъ къ государю:

«Всемилостивѣйшій Государь.

«Въ болѣзненномъ чувствѣ душевно и тѣлесно находясь осчастливенъ милостивымъ изъявленіемъ къ скорбіямъ моимъ, какъ вѣрноподданный ощущаю таковой Величайшій даръ. Владыко праведный, судъ творящій надъ виновными, принимаетъ участіе съ соболѣзнованіемъ и раздѣляетъ горесть отца. Государь! Клянусь тебѣ, что таковая ко мнѣ сострадательная милость и вяще что ни чѣмъ не заслужилъ ее столь воздѣйствовала, что внемля Высочайшей твоей волѣ достойно изложенной наказаніемъ сыновей моихъ, возчувствовалъ, вздохнувъ со слезами теплой молитвы къ Всевышнему за Царя благотворящаго къ пользѣ заблудшихъ бремя старости и печали облегчая упованіемъ на милосердіе съ благовѣйнымъ чувствомъ припадаетъ къ священнымъ стопамъ

«В. И. В. вѣрноподданный

«кн. П. Н. Оболенскій.

Послѣ сего Дибичъ написалъ Оболенскому слѣдующее письмо.

«М. Г.

«Кн. П. Н.

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу отъ меня письма Вашего Сіятельства ко мнѣ объ обращеніи сыновей вашихъ въ юнкера Высочайше отозваться изволилъ, что Его Величество о дѣтяхъ вашихъ, имѣя попеченіе съ чувствомъ равнымъ отеческой вашей объ нихъ заботливости, не оставитъ распорядиться устроеніемъ будущаго ихъ положенія. Поставляя себѣ пріятнымъ удовольствіемъ извѣстить Ваше Сіятельство о таковомъ Монаршемъ отзывѣ имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ

«№ 9 Мая, 11 дня

? года «Вашего Сіятельства покорн. слуга

«И. Дибичъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гражданское устройство доставляетъ каждому болѣе личнаго уваженія къ самому себѣ. По сему, находясь между такими людьми, невольно получаемъ навыкъ къ доброму и хорошему. Одно что могло меня тревожить—это былъ добрый нашъ родитель, коего могли растроить столько ударовъ, одни за другимъ ему посылаемыхъ. Но и его Благое Провидѣніе подкрѣпило, и я душевно благодарилъ Всевышняго за помощь имъ оказываемую въ то время, когда она необходима. Если можно имъ будетъ писать ко мнѣ, то скажи имъ, что я много буду утѣшенъ ихъ письмами не только по чувству брата, но еще болѣе по участію душевному, которое я принимаю въ первыя лѣта ихъ юности. Вотъ еще моя просьба къ тебѣ. У Сережи жилъ бѣдный студентъ Петербургскаго университета Александръ Васильевичъ Никитеньковъ [1]). Ты я думаю знаешь его исторію. Сдѣлай милость увѣдомь меня о его судьбѣ. И если нужно, то помогай ему по возможности. Не забывай также моихъ добрыхъ служителей Егорушку и Петрушу. И если можно выпустить ихъ на волю, то я душевно былъ бы радъ. Еще нѣсколько словъ о денежныхъ обстоятельствахъ. Ты увидѣлъ изъ письма моего, что княгиня Трубецкая послала мнѣ 250 р. Деньги эти я получилъ не въ заемъ и потому уплата ихъ не есть вещь, касающаяся честнаго слова моего. Но вообще признаюсь тебѣ, любезный другъ, я желалъ бы душевно имъ возвратить эту сумму, не потому чтобы они хотѣли бы воротить, единожды ими данное въ день нужды, но по внутреннему чувству деликатности, которое заставляетъ всякаго отплатить тѣмъ же того, кто его обязалъ. Я уже теперь не въ бѣдности и потому пріятно было бы имъ отдать эти деньги, тѣмъ болѣе что они теперь весьма часто бываютъ въ нуждѣ. Если ты это письмо покажешь папинькѣ, то онъ можетъ легко сіе исполнить или выславъ прямо ко мнѣ 500 р. трехъ мѣсячнаго моего содержанія вмѣсто 250; тогда я и сочтусь съ Трубецкимъ, или выславъ эти деньги прямо на имя княгини Трубецкой, какъ давнишній мой долгъ мужу ея. Сверхъ того, по первоначальномъ прибытіи моемъ въ Иркутскъ я писалъ къ папинькѣ о 220, которые я взялъ у Артамона Муравьева на дорогѣ и далъ ему росписку въ оныхъ съ тѣмъ, чтобы уплатить его женѣ. Не знаю дошло ли это письмо; въ случаѣ неполученія, похлопочи объ уплатѣ оныхъ. Вотъ теперь, кажется, все сказалъ. Прощай, милый другъ, обнимаю тебя мысленно, да будетъ надъ тобою благословеніе Всевышняго. Твой другъ и братъ Е. Оболенскій.

Въ томъ же году въ началѣ осени, состоялось переселеніе декабристовъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, гдѣ для нихъ строилось помѣщеніе. Описаніе путешествія изъ Читы въ заводъ можно

[1]) Извѣстный впослѣдствіи профессоръ и писатель.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

найти у Басаргина, Розена и другихъ (см. «Записки Басаргина», стр. 143; «Записки Розена» «Отечествен. Записки», № 4, глава X; «Записки Мих. Алек. Бестужева» «Русск. Старина», т. 2). Описаніе жизни въ Петровскомъ заводѣ можно найти въ запискахъ многихъ декабристовъ, не разъ мною цитированныхъ, между тѣмъ какъ описаніе жизни въ Нерчинскѣ, какъ я говорилъ уже выше, оставилъ лишь Оболенскій въ приводимомъ письмѣ, которое поэтому пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Изъ его товарищей, первыхъ восьми ссыльныхъ, никто не писалъ записокъ или, по крайней мѣрѣ, не печаталъ, другіе же декабристы (напр. Бестужевъ) могли говорить о жизни въ Нерчинскѣ лишь по разсказамъ. Слѣдующее письмо уже писано изъ Петровскаго завода. Вѣроятно оно относится къ 1838 г. Оболенскій говоритъ въ письмѣ, что «съ 21-го года я съ тобою не видался—вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени», т. е. письмо писано въ 1838 году. Далѣе Оболенскій говоритъ о плацъ-маіорѣ Осипѣ Адамовичѣ Лепарскомъ, который ранѣе былъ лишь плацъ-адъютантомъ. Этотъ Лепарскій былъ племянникомъ извѣстнаго коменданта Станислава Романовича Лепарскаго, умершаго въ 1837 году, о которомъ съ единодушной похвалой говорятъ всѣ декабристы въ своихъ запискахъ, за исключеніемъ Д. И. Завалишина. На мѣсто Лепарскаго комендантомъ былъ назначенъ Ребиндеръ, родственникъ декабриста Басаргина (см. «Записки Басаргина»), вышедшаго на поселеніе въ 1836 году. Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ссылки декабристовъ былъ сперва Лавинскій, затѣмъ Броневскій, на котораго декабристы произвели очень благопріятное впечатлѣніе и, наконецъ, съ 1847 года, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

II.

Любезный другъ Андрей! Давно не бесѣдовалъ я съ тобою, но не раззнакомился и не переставалъ тебя любить сердечно, какъ истиннаго и вѣрнаго друга. Я назвалъ тебя съ самаго начала тѣмъ именемъ дружескимъ, которымъ тебя назвалъ добрый мой родитель, поручая тебѣ Наташу [1]). Его память для меня священна и послѣднее слово его для меня драгоцѣнно. Оно указало на тебя, любезный другъ, и потому я еще съ большей любовью къ тебѣ говорю. Какъ изъяснить тебѣ, почему я тебѣ пишу. Просто скажу тебѣ, потому что случай представился, въ который я могу сказать тебѣ нѣсколько словъ безъ свидѣтелей, которые хотя не мѣшаютъ,

[1]) Наталья Петровна Оболенская вышла замужъ за князя Александра Петровича Оболенскаго, бывшаго впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ въ Московскомъ присутствіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

но докучливы, притомъ хочу поговорить тебѣ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Съ 21-го года я съ тобой не видался. Вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени: ты потерялъ Катю [1]); въ ней ты потерялъ часть необходимую твоего существа, твоего земнаго благополучія; а я потерялъ въ ней сестру, друга юности, сердце крѣпко любящее и неизмѣнное. Словомъ то, что незамѣнимо въ этой жизни. Его любовь ко мнѣ перешла въ твое сердце, милый другъ; и хотя мы доселѣ молчали повидимому другъ съ другомъ; но я знаю, что ты меня любишь искренно, вѣрно;—благодарю тебя за это чувство. Душевно желалъ бы, чтобы въ дѣтяхъ твоихъ сохранилось бы то же чувство: но это можно желать; а исполненіе не возможно. Они меня не знаютъ, и не узнаютъ на семъ свѣтѣ; они никогда не узнаютъ, что вся ихъ будущность для меня драгоцѣнна,—что всякій добрый поступокъ ихъ, все что въ нихъ будетъ добраго, искренне будетъ меня радовать: словомъ что во всемъ, что касается до нихъ я буду принимать искреннее участіе. Отзывъ батюшки и сестеръ о твоихъ дѣтяхъ душевно меня утѣшали: они согласны въ похвалахъ. Какъ отецъ ты сдѣлалъ для нихъ все, что можно сдѣлать. Ты былъ для нихъ и наставникомъ и другомъ. Дай Богъ тебѣ пожать плоды твоихъ трудовъ. Я увѣренъ, что они не будутъ напрасны. Ихъ любовь къ тебѣ будетъ тебѣ утѣшеніемъ; постепенное развитіе сѣмянъ, тобою посѣянныхъ, будетъ тебя радовать въ нихъ. Но при всемъ добромъ, что я тебѣ сказалъ, скажу искренно, что я не безъ страха за твоего Васиньку [2]), который уже въ юношескихъ лѣтахъ, и уже началъ свое поприще. Дай Богъ ему начать его съ благословеніемъ Божіимъ, а продолжать со страхомъ Божіимъ. Зная самъ какъ скользки пути въ мірѣ, какъ все ласкаетъ чувствамъ, страшусь невольно за всякаго юношу, который входитъ въ свѣтъ, люблю я ихъ душевно, какъ существа, въ которыхъ жизнь еще готова развиться и принести прекрасные плоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь, чтобы плоды не были не соотвѣтственны ожиданіямъ. Вотъ что скажу Васинькѣ въ особенности. Живи, милый другъ мой, такъ, какъ бы невидимо присутствующій Богъ видимо тебѣ предстоялъ:—пріучи себя любить Бога, всѣмъ сердцемъ твоимъ; и знай, что ты не найдешь лучшаго друга и отца. Ему повѣряй свои скорби, свои заботы, свой страхъ, свои желанія и вѣрь, что во всемъ ты будешь утѣшенъ, успокоенъ, обрадованъ. Это истинно и вѣрно, какъ вѣренъ и истиненъ самъ Богъ;—моя скорбь, милый другъ, единственно въ томъ, что можетъ быть твои дѣти не постигли еще вполнѣ, и не знаютъ, что никто, кромѣ Бога,

---

[1]) Екатерина Петровна Протасьева, рожд. Оболенская, скончалась 1-го іюня 1827 года.

[2]) В. А. Протасьевъ служилъ въ конной артиллеріи, затѣмъ жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1873.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не можетъ насъ сохранить отъ грѣха, и всѣхъ его послѣдствій. Впрочемъ, извини мою заботливость: она истекаетъ изъ глубины души, отъ всей полноты любви не земной. Духъ матери ихъ, живущей нынѣ въ горнихъ селеніяхъ, можетъ быть говоритъ теперь моими устами. Все это тебѣ знакомо, милый другъ, и вѣрно все предвидѣно тобою для блага твоихъ дѣтей, но пусть и мое слово будетъ въ согласіи съ тобой и я вдвойнѣ буду радъ. Какъ сказать тебѣ теперь о всемъ томъ, что я чувствовалъ при извѣстіи о смерти добраго родителя, нѣжнѣйшаго друга, души любящей не земной любовью, души кроткой, ангельской, тихой, безмятежной, терпѣливой и даже долготерпѣливой, снисходительной, но не къ пороку, и чистой по возможной чистотѣ здѣсь на землѣ. Эта душа была частью моей души, своею любовью она меня согрѣвала; своею молитвою она ниспосылала на меня милость Божію, она меня утѣшала, соединяла со всѣми вами узами той любви, которую онъ самъ носилъ въ сердцѣ ко всѣмъ вамъ. Все это было, а теперь осталось воспоминаніе, печать вѣчной, неразрывной любви въ сердцѣ; утѣшительное чувство, что я его любилъ и что имъ я былъ любимъ: но самого его ужъ нѣтъ. Вотъ все что скажу о своей потерѣ: уже давно онъ былъ не земной; но большею и лучшею частью своего существа онъ былъ уже небесный житель; но и снисходя къ земнымъ, на насъ однихъ онъ останавливался; на однихъ смотрѣлъ съ радостью, на другихъ съ утѣшеніемъ, на иныхъ съ надеждою на будущее; на всѣхъ съ отцовской любовью, которой кажется нѣтъ выше на землѣ:—ты послужилъ ему, милый другъ, въ послѣдніе годы его жизни, въ тяжкое для него время при раздѣлѣ имѣнія, ты послужилъ ему еще болѣе въ послѣдніе часы его жизни, ты принялъ его послѣднюю улыбку, послѣднее привѣтствіе, послѣднее лобзанье; цѣлую твои уста, цѣлую твои руки, они всѣ освящены. Не было Катеньки: но ты былъ тутъ и замѣнилъ ее. Не могу выразить всего, что чувствую, милый другъ, но люблю тебя отъ всей души. Послѣ всего того, что сказалось отъ сердца, что мнѣ осталось тебѣ сказать:—всей души не исчерпаешь; тамъ глубина неизмѣримая, когда духъ Божій растворитъ сердце лобовью: эта любовь обнимаетъ всѣхъ, она достигаетъ за предѣлы этого міра; она согрѣваетъ тихо, безмятежно; она упояетъ, ублажняетъ душу росой не земною. Это даръ Божій; имъ согрѣтый, я говорилъ съ тобой; и духъ родителя какъ будто присутствовалъ въ моей бесѣдѣ.—Незабвенна его память, непрестающая любовь къ нему. Но обращусь къ тебѣ, милый другъ; со времени твоего отъѣзда изъ Москвы, я не знаю ничего о тебѣ. Варинька [1]) мнѣ ничего не могла сказать, потому что не знала, куда ты опредѣлишь Васиньку по твоему желанію. Вообще съ отъѣздомъ Наталіи я лишился извѣстій

[1]) Варвара Петровна Прончищева, сестра Оболенскаго (см. 1-е письмо).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

частыхъ о всѣхъ васъ:—когда будешь писать къ нимъ, не забудь подтверждать, чтобы они увѣдомляли меня о тебѣ со всей подробностію.

Личной переписки съ тобой я не буду заводить, во-первыхъ, потому что не самъ пишу [1]); а во-вторыхъ, потому что думаю иногда: не повредитъ ли Васинькѣ мое родство, хотя увѣренъ, что государь нашъ не обращаетъ на это вниманія; но по чувству, свойственному всякому въ моемъ положеніи, эта мысль невольно вкрадывается въ сердце. Не думай, любезный другъ, видѣть во мнѣ либерала. Самъ Господь (я смѣло скажу) вычеркнулъ меня изъ этого списка.—Со страхомъ скажу: я рабъ Божій, не вѣрный и грѣшный; и смѣло скажу: я вѣрноподданный моему государю, и сынъ вѣрный церкви. Съ этими названіями, съ этими титлами, если Господь насъ утвердитъ своей печатью ненарушимою и истинною, я перейду въ вѣчность, вопреки всему тому, что скажутъ и будутъ говорить люди.—Такимъ ты меня знай, любезный другъ, и такимъ ты меня помышляй. О себѣ лично мнѣ нечего тебѣ болѣе говорить: 11-ти-лѣтнее заключеніе оставило на мнѣ свои слѣды также какъ и надъ всѣми моими товарищами: пока душа живетъ, я доволенъ; я многаго не желаю. Перейду теперь къ денежнымъ дѣламъ: я знаю, что ты устраивалъ насъ, знаю, что ты обо мнѣ имѣлъ попеченіе, исполняя волю батюшки; увѣренъ, что ты все сдѣлалъ, что могъ для блага всей семьи: я писалъ брату Константину чрезъ начальство о нѣкоторыхъ моихъ распоряженіяхъ изъ того капитала, который мнѣ назначенъ былъ батюшкой,—вотъ они: уплатить Нарышкину долгъ 4,000 рублей съ процентами по 5-ти на сто въ годъ, считая съ 1826 года, что составитъ 6,500 рублей. Послать мнѣ на уплату моего долга здѣсь 2,500 рублей;—отъ имени батюшки дать Жеребцову 100 рублей, Парфену Кузнецову 100 рублей. Егору Кудрявцеву отъ меня въ уплату моего долга 100 рублей; и отъ батюшки 50 рублей. Левашову 50 рублей, 100 рублей раздѣлить кучеру батюшки, его дѣвчонкѣ, и другимъ поближе ему, которыхъ онъ болѣе любилъ, отъ имени батюшки. Отъ его же имени въ Троицко-Сергіевскую лавру 250 рублей; и въ Новодѣвичій монастырь въ память матушки 250 рублей: Всей суммы 40,000 рублей: слѣдовательно у меня должно остаться капиталу 30,000 рублей; но это еще не все, изъ этихъ 30,000 я отдѣляю еще 5,000 рублей: вотъ ихъ назначеніе—2,500 рублей я даю одному изъ моихъ товарищей—Якубовичу [2]).

---

[1]) Приводимое письмо Оболенскій написалъ цѣликомъ самъ, это можно видѣть изъ сравненія почерка этого письма съ первымъ, которое безспорно имъ самимъ написано. Этой фразой Оболенскій хотѣлъ указать на то обстоятельство, что обыкновенно ему приходится писать черезъ начальство (см. ниже о письмѣ къ брату), а для писемъ собственноручныхъ и не контролируемыхъ онъ долженъ былъ пользоваться благопріятнымъ случаемъ, и потому онѣ являлись какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила.

[2]) О Якубовичѣ см. прим. къ первому письму.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ былъ человѣкъ богатый и, кромѣ того, имѣлъ отца нѣжнаго и любящаго. Но вотъ уже третій годъ, что онъ пересталъ ему писать, и никакой помощи ему не посылаетъ; этимъ временемъ онъ вошелъ въ долги, будучи увѣренъ въ словѣ отца, который переводилъ капиталъ на его имя. Теперь онъ остался безъ ничего, и съ долгомъ, который нечѣмъ уплатить:—онъ не говорилъ мнѣ о своихъ нуждахъ, и я не сказалъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но твердо положилъ въ сердцѣ помочь ему, если только будетъ возможность. 1,000 рублей я назначаю товарищу моего заключенія, старцу избитому въ бояхъ, который дѣлитъ со мною хлѣбъ-соль вотъ уже четыре года; 1,500 рублей оставляю себѣ на обзаведеніе къ поселенію.—Исполненіе всего этого я поручаю тебѣ, и увѣренъ, что ты также искренно и вѣрно его исполнишь, какъ я этого желаю. Если Якубовичъ получитъ деньги изъ дому, то онъ отдастъ мнѣ мою ссуду: еслижъ нѣтъ, то счеты мои кончены какъ теперь, такъ и въ будущее время. Послѣдніе 5,000 рублей ты можешь переслать на имя нашего плацъ-маіора полковника Осипа Адамовича Лепарскаго при письмѣ, въ которомъ ты объяснишь, что 2,500 рублей посылаешь мнѣ на обзаведеніе; а 2,500 рублей просишь его передать Александру Ивановичу Якубовичу, по счету твоему съ его родственникомъ, ему извѣстному.—Я не думаю, чтобы ты опасался вступить въ эту переписку, но какъ отецъ тебѣ можетъ придти эта мысль, и потому въ этомъ случаѣ дѣйствуй, какъ тебѣ покажется лучше; но исполни мое желаніе. Такъ какъ я ничего не знаю о...

Конецъ этого письма къ сожалѣнію утраченъ. Все о чемъ просилъ Оболенскій Протасьева, тотъ исполнилъ. Благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства, срокъ работъ первому разряду преступниковъ истекъ въ 1838 и въ 1839 годахъ. Оболенскій съ товарищами вышелъ на поселеніе. Оболенскаго поселили въ Туринскѣ и затѣмъ перевели въ Ялутуровскъ, гдѣ онъ нашелъ друзей своихъ Пущина и Якушкина. Слѣдующія два письма писаны Оболенскимъ изъ Туринска, а послѣднее изъ Ялутуровска.

III.

Андрею Васильевичу П.....[1]). Не знаю, любезный другъ Андрей, отъ чего доселѣ я не имѣю отъ тебя ни малѣйшей вѣсточки, ты такъ давно имѣешь мое письмо, что могъ бы передать нѣсколько

---

[1]) П.... Протасьевъ. Это письмо какъ видно изъ самаго адреса (Оболенскій не рѣшился писать полной фамиліи Протасьева и подписаться) также дошло не легальнымъ путемъ. Оно доставлено Ник. Иван. Пущинымъ, братомъ Ив. Ив., о которомъ говорилось въ примѣчаніи къ первому письму.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

словъ черезъ нашего общаго знакомаго, но ты молчишь и я не знаю, какъ ты рѣшилъ мою просьбу къ тебѣ [1]). Я увѣренъ, что по сердечному желанію ты готовъ все исполнить; но по средствамъ можетъ быть нѣтъ той полной возможности, которая могла бы тебѣ развязать руки: скажу тебѣ, милый другъ, что братъ Константинъ рѣшительно ничего не можетъ для меня сдѣлать. Нынѣшній годъ хуже всѣхъ прежнихъ:—доселѣ онъ не выслалъ мнѣ еще условленнаго дохода; поѣхалъ теперь въ Бутурлино откуда съ первой почтой обѣщается выслать недоимокъ; но я не твердо увѣренъ въ исполненіи; между тѣмъ я долженъ, непремѣнно долженъ заплатить и потому желалъ бы какъ-нибудь изворотиться, чтобы избавясь отъ долга остаться чистымъ и честнымъ. Ты меня упрекаешь въ неблагоразуміи:—я давно самъ себя въ этомъ упрекаю; но до сихъ поръ не могу излѣчиться отъ неизлѣчимой болѣзни: впрочемъ, милый другъ, уже поздно себѣ дѣлать упреки, когда исправить нельзя того, что сдѣлано: но желательно бы исправить и въ этомъ я прошу твоего содѣйствія.—Если тебѣ нельзя будетъ мнѣ выслать всѣхъ пяти тысячъ, о которыхъ я тебя просилъ; то вышли три и я буду доволенъ и этимъ:—современемъ Константинъ устроится и дошлетъ мнѣ то, что мнѣ нужно; однимъ словомъ, другъ Андрей, дѣйствуй въ мою пользу, какъ можешь; ты знаешь, сколько можешь меня этимъ обязать: оставлю это въ твоихъ рукахъ и расположеніи, а теперь поговорю о тебѣ самомъ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я прочелъ описаніе каждаго изъ твоихъ дѣтей, ты себѣ можешь легко представить. Твои попеченія о нихъ не были и не будутъ тщетны; въ этомъ я убѣжденъ. О старшемъ нечего говорить—Василій въ тѣхъ лѣтахъ, что ему достаточно того чувства, которое онъ питаетъ къ тебѣ, чтобы оградить отъ какого-нибудь дурного поступка:—и такъ если его направленіе хорошо, то можно ожидать, что и теченіе жизни будетъ таковымъ же, хотя нельзя ни за что поручиться:—милый другъ, ты самъ знаешь, какъ трудно пройти безбѣдно путемъ жизни.—Единому Господу возможно провести насъ по этому бурному морю къ вѣрному и тихому пристанищу.—Ему и поручаю всѣхъ твоихъ дѣтокъ мысленно; но каждаго изъ нихъ прошу тебя обнять за меня особенно: пусть каждый изъ нихъ знаетъ, что я горжусь каждымъ изъ нихъ, и хотя не имѣю надежды ихъ когда-либо увидѣть въ здѣшней жизни; но что если Господь не отвергнетъ меня, то надѣюсь съ ними увидѣться въ будущей. Родство наше не пустой звукъ; но сила связующая насъ и въ здѣшней и въ будущей жизни.—Я увѣренъ, что и они хранятъ ко мнѣ чув-

[1]) Протасьевъ болѣе года, въ силу различныхъ обстоятельствъ, не писалъ Оболенскому. Въ чемъ заключалась просьба Оболенскаго видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ство родственное, отъ тебя наслѣдованное. Милость Божія хранящая насъ всѣхъ, да сохранитъ ихъ на хорошемъ пути и утвердитъ на незыблемомъ основаніи Вѣры, отъ которой проистекаетъ одно добро. Не много могу съ тобою бесѣдовать теперь, милый другъ, но многое хотѣлось бы тебѣ передать!—ты думаешь, что мы съ тобою не увидимся, потому-что тебѣ пошелъ седьмой десятокъ; нѣтъ, милый другъ, не твои года будутъ помѣхой нашему свиданію [1]), а твердое убѣжденіе, что край родной для меня закрытъ: на милость образца нѣтъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но и тутъ намъ должно пройти черезъ Кавказъ, для того, чтобы съ вами увидѣться; а для Кавказа у меня уже нѣтъ силъ:—моя физика много ослабѣла въ эти послѣдніе годы—не чувствуя никакихъ особенныхъ болѣзней, я вижу, что слабѣю силами и этому горю уже не могу помочь:—по нравственному расположенію, душа еще сильно живетъ и ощущаетъ, но тѣло ей не сильный помощникъ. И такъ о свиданіи нечего думать. Теперь пока прощусь съ тобой: — въ обратный проѣздъ Н. Ив. [2]) ты получишь отъ меня граматку попространнѣе: тебѣ извѣстный и вѣрный другъ твой:— августа 7-го, 1842 года.

Изъ слѣдующаго письма видно, что Оболенскій получилъ, наконецъ, отъ Протасьева тѣ свѣдѣнія, которыя ожидалъ получить.

IV.

Октября 13-го, 1842 года.

Ты можешь себѣ легко представить, милый другъ и братъ Андрей, что твоя дружба, твоя услуга, твоя всегдашняя готовность быть полезнымъ и словомъ и дѣломъ, личная ко мнѣ твоя снисходительность и дружба, не измѣнившіеся ни временемъ, ни обстоятельствами—все это составляетъ такой невещественный богатый капиталъ, который къ тебѣ все болѣе и болѣе привязываетъ. Что же мнѣ тебѣ болѣе говорить, и какъ лучше тебѣ выразить, какъ я тебя цѣню, и какъ мнѣ усладительны сношенія съ тобою. Ты самъ будешь умѣть разгадать мои чувства и мысленно пожать мнѣ руку въ знакъ мысленнаго, но близкаго нашего сердечнаго единенія. Дай Богъ, чтобы оно еще долго продолжалось здѣсь на землѣ, и чтобы оно сохранилось на вѣки за предѣлы этого міра. Такъ тверды и непреложны должны быть наши связи, какъ христіанъ; такъ милый другъ желалъ бы душевно, чтобы оно исполнилось:—и такъ насъ учитъ святая наша вѣра. Дагерротипы твои получилъ, и порадовался смотря на семью

[1]) Оболенской ошибался—онъ увидѣлся съ Протасьевымъ (см. конецъ статьи).

[2]) Николай Ивановичъ Пущинъ объѣзжалъ Сибирь для обозрѣнія судебныхъ мѣстъ по порученію министра юстиціи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мною многолюбимую, но которыхъ черты мнѣ были не знакомы. Надѣюсь со временемъ увидѣть и твоего моряка и твою Анюту съ мужемъ [1]) Не могу не убѣждаться, что я ихъ не встрѣчу болѣе на землѣ, что мнѣ уже не суждено узнать ихъ лично; но черты ихъ лица мнѣ будутъ знакомы и это будетъ для меня утѣшительно. Въ твоемъ портретѣ я не вижу большей перемѣны противъ того времени, какъ тебя зналъ. Нельзя, чтобы 20-тилѣтній срокъ не оставилъ послѣ себя слѣдовъ, но для меня въ портретѣ это едва замѣтно.—Я не могу себѣ представить твою особу иначе, какъ я ее видалъ прежде и потому остаюсь при моемъ мнѣніи, что ты мало измѣнился. Васинька твой мужественъ, плечистъ, въ физіономіи нѣтъ изнѣженности свѣтской, и того равнодушія ко всему какое замѣтно во многихъ dandy или львахъ.—Дай Богъ, чтобы онъ все шелъ тѣмъ хорошимъ путемъ, которымъ началъ свое поприще, и бывъ крѣпокъ тѣломъ, скрѣпилъ бы душу, отъ состоянія которой зависитъ его истинное благо:—О Евгеньюшкѣ [2]) не говорю:—это милый отрокъ, довольно серьезный по выраженію лица; ты его описывалъ мнѣ и это описаніе меня сблизило съ нимъ, и заставило полюбить. Но возможно ли мнѣ не любить дѣтей Катиныхъ и твоихъ: это кажется не подлежитъ вопросу.

Много, мой другъ, ты меня усладилъ своей бесѣдой, касаясь направленія, которое ты стараешься дать твоимъ дѣтямъ. Изъ словъ твоихъ я не могу не видѣть глубокаго чувства, которымъ ты проникнутъ и силы желанія твоего направить ихъ на путь жизни истинный. Знаю и постигаю всю трудность направить, всѣми бурями молодости жизни и свѣта обуреваемый корабль юноши къ вѣрной и извѣстной цѣли:—человѣку это не возможно;—но для Бога все возможно—слово непреложное, какъ тотъ, кто его изрекъ. Многое въ твоемъ словѣ отрадно и справедливо, но во многомъ я не согласенъ съ тобой. Зная отчасти свѣтскую жизнь, ея законы, ея требованія, съ трудомъ могу согласиться, чтобы юношу подчинить этимъ законамъ: ты самъ знаешь, какъ несправедливы приговоры міра, какъ его правила и законы ложны въ примѣненіяхъ, хотя основаніе ихъ истинно. По моему мнѣнію, первымъ долгомъ въ отношеніи къ юношѣ, я почелъ бы разоблачить постепенно передъ нимъ свѣтлую наружность міра, столь блестящаго въ формахъ, и столь ничтожную въ сущности:—можно ли и должно ли подчиняться общему мнѣнію, когда это общее мнѣніе несправедливо, ложно, и даже губительно. Я знаю всю трудность освобо-

[1]) Анна Андреевна Протасьева была замужемъ за Павломъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ,—двоюроднымъ братомъ извѣстнаго Михаила Николаевича Муравьева.

[2]) Евгеній Андреевичъ Протасьевъ, живущій въ Петербургѣ, имѣлъ любезность дать мнѣ многія разъясненія относительно содержанія этихъ писемъ, за которыя я считаю долгомъ выразить ему свою сердечную благодарность.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

диться отъ этихъ цѣпей: но юношѣ съ крѣпкими нравственными силами должно внушить то истинное величіе характера, которое пріобрѣтается борьбою за истину, противъ всего міра. Не подчиняться міру долженъ человѣкъ христіанинъ, но побѣждать міръ, не словомъ—потому-что слово міра муднѣе его слова,—но дѣломъ высотою своего характера: вѣрою образованнаго и утвержденнаго. Вотъ истинное наше назначеніе:—къ этому долженъ готовиться юноша, вступающій въ свѣтъ, на этомъ поприщѣ долженъ онъ испытывать свои силы, въ этой всегдашней борьбѣ долженъ онъ крѣпнуть, и сдѣлаться твердымъ поборникомъ и мученикомъ истины,—вотъ его назначеніе: пусть наружныя его формы будутъ формы общества, пусть всѣ въ немъ видятъ по наружности тоже, что видятъ у другихъ: но пусть душа его принадлежитъ Единому Богу: она его достояніе:—она носитъ на себѣ образъ Его святой и въ ней Онъ одинъ долженъ отражаться всегда,—для юноши это легче нежели для того, кто душу свою долгимъ порочнымъ навыкомъ затемнилъ и сдѣлалъ ее менѣе способной къ принятію благихъ впечатлѣній. Примѣняясь къ міру, печать міра налагается на душу, и образъ міра, отразившись въ душѣ, затемняетъ ее, и постепенно образуетъ на ней тѣ темныя пятна, которыя изглаживаются впослѣдствіи однимъ милосердіемъ Божіимъ:—но путь о которомъ я говорю—путь трудный, и тернистый; на немъ предстоятъ много преградъ, и перейти его безбѣдно не возможно; но убѣдиться должно съ самаго начала, что нѣтъ другого пути, и что имъ однимъ должно итти;—надобно знать, что борьба есть наше назначеніе, и съ этою мыслію долженъ юноша вступать въ свѣтъ:—я знаю, что его идеи не ясны, его чувствованія шатки, его желанія наслажденій сильны, но за то силы его крѣпче, его воля сильнѣе, его вѣра чище и несомнѣннѣе; но ты меня спросишь, какимъ путемъ можетъ юноша принять это благое начало, и развить его впослѣдствіи? — Вѣра, милый другъ, есть наслѣдіе, которое мы получаемъ отъ нашихъ отцевъ: они ее приняли, сохранили, и намъ передали въ благословеніи Божіемъ, надъ ними бывшимъ, и намъ ихъ руками переданномъ.—Этимъ благословеніемъ милость Божія всегда открыта для насъ, двери сердца его отъ насъ не закрыты.—Пусть юноша почувствуетъ и пойметъ, что никто въ мірѣ не можетъ съ такою полнотою любить его, какъ любитъ его Богъ.—Въ любви отца и матери онъ видитъ отраженіе этой любви.—Ихъ любовью, онъ знакомится съ этимъ святымъ чувствомъ, но отъ нихъ же онъ долженъ научиться любви къ Богу: когда это чувство, эта увѣренность въ этой безпредѣльной полнотѣ любви Бога къ человѣку, единожды вселится въ сердце юноши въ полной вѣрѣ, тогда оно принесетъ свои плоды; къ кому и съ какою большею довѣренностью можетъ обратиться тотъ, кому нужно довѣрить свои радости, свои скорби, всю свою душу—какъ не тому, кто одинъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

можетъ и скорбь утолить, и дать утѣшеніе, котораго никто изъ человѣковъ не можетъ дать!—Но все это не приходитъ вдругъ. Но началомъ можетъ и должна быть полная довѣренность къ Богу, столь же близкому къ намъ, какъ наше собственное дыханіе: съ этимъ началомъ, начнется рядъ дивныхъ событій въ нашей душѣ, которыя всѣ будутъ намъ свидѣтельствовать о Богѣ, и во всемъ научать и познавать Его, и болѣе и болѣе любить.—Но человѣкъ долженъ знать напередъ, что съ любовью Божіей, для него настаетъ время борьбы съ міромъ. Онъ долженъ принять этотъ крестъ, и знать, что въ этой борьбѣ и должна состоять его жизнь.

Ты видишь, мой другъ, какъ неистощимъ тотъ предметъ, о которомъ я началъ съ тобою бесѣдовать. Цѣль моей бесѣды состояла въ томъ, чтобы бороться съ міромъ, и что къ этой-то борьбѣ должно приготовить юное поколѣніе и пріучить его не дорожить много ни сужденіемъ міра, ни его приговорами, ни его угрозами, ни насмѣшками, но даже его приличіями. Обязанность отцовъ и истинныхъ друзей юнаго поколѣнія, должна состоять въ томъ, чтобы освободить по возможности своихъ питомцевъ отъ рабскихъ цѣпей, налагаемыхъ на нихъ общественными мнѣніями и сужденіями. Многое и многое желалъ бы я передать юному нашему поколѣнію; какъ душевно желалъ бы вселить въ нихъ всю высоту ихъ гражданскаго назначенія, какъ сладостно было бы видѣть въ нихъ людей, которые поняли бы свое призваніе на землѣ, быть вѣчными поборниками правды и истины: чѣмъ болѣе они будутъ черпать отъ единаго источника истины, тѣмъ болѣе разольютъ этотъ свѣтъ вокругъ себя, тѣмъ высшую пользу принесутъ тому отечеству, которого они граждане. Но и въ этомъ случаѣ правда Божія въ противуположности съ правдою міра. Цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы правда Божія восторжествовала надъ правдою міра. Это торжество несомнѣнно, потому что поборникомъ ее есть тотъ, кто побораетъ за насъ. Итакъ примите, мои друзья юнаго поколѣнія, коихъ представителями Васинька, Петруша и Евгеній, примите мое усердное желаніе видѣть васъ такими, какими вы можете и должны быть. Помощь Божія несомнѣнна для васъ, друзья мои—повѣрьте мнѣ, что всѣ ваши желанія добра будутъ исполнены—повѣрьте, что съ помощью Божіею, всѣ преграды на пути вашемъ къ добру будутъ устранены. Возьмите себѣ знаменіемъ крестъ Господень, на немъ былъ распятъ Господь и Богъ; по правдѣ человѣческой, мірской—по правдѣ Божіей Онъ торжествовалъ и надъ смертію и надъ міромъ, и нынѣ царствію Его нѣтъ и не будетъ конца. Такъ и вы, друзья мои, готовьтесь къ борьбѣ, но будьте увѣрены въ торжествѣ, оно несомнѣнно, какъ непреложенъ Богъ. Съ этимъ словомъ обниму васъ крѣпко, всею крѣпостію любви вѣчной и неизмѣнной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

О денежныхъ нашихъ дѣлахъ съ тобою, другъ Андрей, не буду много говорить. Я воспользуюсь тою свободою, которую ты мнѣ далъ, и постараюсь исполнить мои обязательства денежныя съ тою же любовью, съ какою ты, мой другъ, помогъ мнѣ въ часъ нужды. Это письмо я пишу тебѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Николая Ивановича Пущина; на нынѣшній день окончу мою бесѣду съ тобою, другъ Андрей, при пріѣздѣ Пущина, заключу еще нѣсколькими строками.

Николай Ивановичъ пріѣхалъ, другъ Андрей, и я долженъ кончить мою бесѣду съ тобою. Ты съ нимъ переговоришь обо мнѣ и выслушаешь его описаніе нашего житья-бытья. Оно скромно и тихо, и по большей части уединенно, кромѣ экстра-ординарныхъ случаевъ, которые по волѣ и по неволѣ сближаютъ съ обществомъ. Посылаю моему другу Васинькѣ туринскаго [1]) художества табачницу на память. Я задалъ художнику трудную задачу, сдѣлать полковника сходнымъ чертами съ даггерротипомъ конно-артиллериста моего знакомца: онъ старался, но не могъ этого сдѣлать. Вмѣсто шитья на воротникѣ онъ поставилъ петлицы. Это непростительно, потому что ошибка замѣчена, когда не было возможности исправить. И такъ пусть идетъ мой подарокъ со всѣми ошибками, но пусть напоминаетъ Васинькѣ любящаго его дядю. Жена Ник. Иван. писала ему, что твоя Анночка благополучно разрѣшилась отъ бремени и сдѣлала тебя дѣдушкой. Не знаю съ кѣмъ тебя поздравить—съ внукомъ или внучкой, но радуюсь этой общей семейной радости. Поцѣлуй за меня и твою Анюту и новаго пришельца въ міръ; пожми руку дружески твоему зятю, моему старинному знакомому, въ которомъ я не ожидалъ видѣть въ то время такого близкаго родственника [2]). Окончательно прощусь съ тобою, какъ съ истиннымъ другомъ. Если когда-нибудь тебѣ вздумается побесѣдовать со мною, пиши черезъ Наташу. Ваши письма нигдѣ не читаются, кромѣ Тобольска: наши проходятъ чрезъ 3-е Отдѣленіе, но и тамъ едва ли они читаются. Оффиціальнаго письма ты не получишь отъ меня: но пока я живъ, я буду имѣть вѣрные случаи перемолвить съ тобою нѣсколько дружескихъ словъ. Прости, другъ Андрей,—обнимаю тебя со всею любовью, какую ты знаешь въ другѣ и братѣ,

Е. Оболенскомъ.

Ноября 12-го, 1842 года.

Слѣдующее и послѣднее письмо написано Оболенскимъ почти черезъ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени вѣроятно Оболенскому не представлялось «вѣрныхъ случаевъ» къ передачи письма и онъ не писалъ. Тѣмъ временемъ состоялось перемѣщеніе Оболенскаго въ Ялутуровскъ.

---

[1]) Сдѣланную въ г. Туринскѣ, гдѣ былъ поселенъ Оболенскій и откуда писалъ это письмо.

[2]) Павелъ Матвѣевичъ Муравьевъ (см. пред. прим.).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Любезный другъ Андрей! Вотъ уже годъ прошелъ, съ того времени, какъ ты мнѣ писалъ и подалъ руку помощи въ часъ нужды, и я еще ничѣмъ не отплатилъ тебѣ за твое одолженіе. Годовой срокъ долженъ бы быть ознаменованъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а между тѣмъ оной-то и нѣтъ доселѣ, и ты можетъ быть меня укоряешь въ неаккуратности. Чтобы болѣе объ этомъ не говорить, то скажу тебѣ, что съ начала будущаго года уплата моя начнется со всею возможною аккуратностью, а если Богъ поможетъ, будетъ продолжаться безостановочно ежегодно до окончательнаго разсчета съ тобою. Ты можетъ быть весьма спокоенъ и не думаешь о моемъ долгѣ, но меня онъ тревожитъ весьма часто, и потому я говорю тебѣ объ немъ съ первыхъ словъ моего письма. Чтобы устроиться такъ, какъ мнѣ хочется въ образѣ жизни, мнѣ нужно знать, гдѣ мы будемъ имѣть постоянное наше мѣстожительство: доселѣ оно еще не рѣшено. Здѣсь въ Ялутуровскѣ, мы жильцы на время, наше назначеніе — Тобольскъ. Когда это сбудется, мы утвердимся постоянно и устроимся съ Пущинымъ на житье въ добромъ согласіи, сообразно съ средствами каждаго изъ насъ. Теперь же наши расходы превышаютъ наши средства; и это не мудрено. Переѣзды съ мѣста на мѣсто сопряжены съ непремѣнными убытками; всего перевести нельзя, то что перевозится, ломается и портится и проч. и проч. Что сказать тебѣ, милый другъ, о томъ годѣ который прошелъ со времени послѣдняго моего письма къ тебѣ. Николай Ивановичъ тебѣ разсказалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, и дополнилъ то, чего не было въ моемъ письмѣ. О тебѣ я слышу отъ Наташи и иногда отъ Николая Ивановича, который замолвитъ словечко кой-когда и о тебѣ, милый другъ. Въ послѣднемъ (вѣроятно письмѣ) онъ говоритъ, что ты сталъ посѣщать частенько Англійскій клубъ, гдѣ находишь и пріятныхъ собесѣдниковъ, и нѣкоторое развлеченіе въ чтеніи газетъ и журналовъ. Я понимаю отчасти твой образъ жизни, и радуюсь тому, что, кромѣ семейнаго круга, ты участвуешь и въ общественной жизни; такъ какъ вѣроятно ты не садишься въ большія партіи, то цѣлью твоихъ посѣщеній пріятная бесѣда, и нѣкоторое удовольствіе, которое приноситъ столкновеніе съ людьми образованными. Хотя у насъ нѣтъ клуба, но и мы рѣшились назначить дни для соединенія всей братіи въ одну семью. Въ четверги собираются у насъ. По воскресеньямъ у Муравьева: пообѣдаемъ, поболтаемъ, или помолчимъ, кой-о чемъ, поиграемъ въ шахматы, въ вистъ; вечеръ пройдетъ, иногда съ пріятными впечатлѣніями, но всегда съ любовью другъ къ другу.

Чѣмъ же ознаменовался этотъ годъ: признаюсь тебѣ, мало что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

могу объ немъ сказать; время шло своимъ чередомъ, однихъ унесло въ могилу, другимъ дало жизнь, а насъ пощадило, прибавивъ еще нѣсколько дней къ итогу всей прошедшей жизни; по обыкновенію, нѣсколько сѣдинъ прибавились къ прежнимъ и отчасти немощи стали проявляться замѣтнѣе прежняго. Все это происходило по наружности, по внутреннему же, не знаю что сказать. Но смѣю воскликнуть съ великимъ Павломъ: хотя мой внѣшній человѣкъ тлѣетъ, но внутренній со дня на день обновляется; оно такъ и должно быть, и иначе не можетъ быть. Господь устроилъ насъ такимъ образомъ, чтобы разрушеніе внѣшняго, служило средствомъ къ воззданію внутренняго, внѣшнее разрушеніе есть начало смерти; когда мы сближаемся, то видимъ что черезъ нее мы живемъ; умирая ко всему внѣшнему, преходящему, мы оживаемъ для всего вѣчнаго, непреходящаго. Но смерть и разрушеніе не могутъ быть безъ скорбей и болѣзней. Мы не можемъ ихъ любить и желать, потому что и то и другое противно нашему естественному влеченію къ наслажденіямъ; но мы и не призваны къ жизни по естеству, или сообразной съ нашими наклонностями; но имѣемъ назначеніе въ жизни сверхъ-естественной, высшей; въ этомъ мы должны убѣдиться ежедневно, ибо должны каждый день бороться съ нашими наклонностями, и подчинять наши желанія законамъ высшимъ, но намъ не подчиняется нашъ внѣшній человѣкъ безъ сопротивленія. Этотъ законъ, разумомъ сознаваемый, есть первый нашъ воспитатель; когда мы признаемъ его власть, то бываемъ люди нравственные. Но этимъ цѣль нашей жизни не оканчивается. Человѣкъ нравственный по разуму, великъ въ здѣшнемъ мірѣ; но онъ еще не готовъ для инаго сверхъ-чувственнаго міра. Совершеніе его произойдетъ въ то время, когда онъ и разумъ и волю подчинитъ закону Духа, Владычественному надъ всѣмъ и Совершителю всего. Мы христіане призваны къ этой высшей жизни. Первый шагъ по этому поприщу есть вѣра: она начинается въ насъ съ младенческаго возраста; второй—надежда, которую можно назвать вѣрою съ сознаніемъ того Лица въ котораго вѣруемъ; послѣдній, или третій шагъ, есть любовь, или та же вѣра, съ обладаніемъ того Лица, въ котораго вѣровали, и на кого надежду полагали. Это высшее наше воспитаніе происходитъ въ насъ не отъ человѣка; но отъ Бога. Это иначе и не можетъ быть, потому что вся цѣль воспитанія состоитъ въ познаніи и совершенномъ соединеніи съ Богомъ. Ты, я думаю, помнишь слова евангелиста, или лучше Самого Спасителя: Никто Бога не знаетъ, кромѣ Сына, и того, кому Сынъ захочетъ открыть. Я заговорился, милый другъ, и высказалъ тебѣ по сердцу то, что ощущаю, и какъ ощущаю. Не умѣю себя остановить, и не хочу перемѣнять того, что написалъ, хотя можетъ быть ты найдешь, что я коснулся предмета слишкомъ важнаго для этого листка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не надѣюсь имѣть отъ тебя лично извѣстій о твоей семьѣ. Твоя молодежь украшаетъ мой кабинетъ своими фигурками; но желательно бы было слышать о нихъ живую рѣчь отъ тебя. Твой Евгеній безъ сомнѣнія знакомъ съ товарищемъ своимъ Евгеніемъ же Якушкинымъ. Его отецъ близкій мой пріятель, и достойный всякаго уваженія; на дняхъ онъ мнѣ прочелъ письмо сына, котораго содержаніе такъ хорошо выказываетъ лицейскаго юношу, что я душевно пожелалъ, чтобы лицейскіе товарищи, Протасьевъ и Якушкинъ, были близки, какъ близки между собою отецъ и дядя ихъ. Если эта дружба между молодыми людьми уже существуетъ, то я буду очень доволенъ; между тѣмъ пріятно было бы услышать твою рѣчь о всѣхъ ихъ. Не сомнѣваюсь, что и Васинька доволенъ службою и служба довольна имъ. По многимъ слухамъ, которые до насъ доходятъ, молодежь нынѣшняя служитъ не съ тою пріятностью, съ какою мы служили; не могу не вѣрить, чтобы взыскательность по службѣ простиралась до того, чтобы ею оскорблялось офицерское достоинство; между тѣмъ говорятъ, что это бываетъ не рѣдко; по другимъ слухамъ видно, что гвардейскіе офицеры рѣдко бываютъ въ высшемъ кругу, который наполняется молодежью изъ дипломатическаго корпуса, и изъ министерствъ. Слѣдовательно, офицеры должны по большей части проводить дни между собою, что довольно весело; но не столь полезно какъ общество людей образованныхъ.

Настало время кончить письмо. Если хочешь доставить мнѣ удовольствіе прочесть твои строки, то передай ихъ Николаю Ивановичу, который ихъ доставитъ черезъ одного знакомаго, который ихъ доставитъ намъ вѣрно. Итакъ прости, другъ Андрей, съ любовью тебя обнимаю, не забывай друга и брата

Е. Оболенскаго.

Портретъ Петрушки я ожидаю.

Почта пришла и привезла извѣстіе что Евгеній Якушкинъ вышелъ изъ лицея и обратился въ Московскій университетъ.

Сентября 12-го, 1843 года.

О жизни Оболенскаго и другихъ декабристовъ въ Ялуторовскѣ даетъ нѣкоторое понятіе письмо И. И. Пущина къ Э. А. Энгельгардту («Русскій Архивъ», 1879 года, № 12). Въ Сибири Оболенскій женился и прожилъ до всемилостивѣйшаго манифеста Александра II отъ 26 августа 1856 года. Тогда онъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь видѣлся съ родными. Затѣмъ Оболенскій жилъ въ Калугѣ и умеръ въ 1865 году. При жизни онъ ничего не печаталъ, хотя вмѣстѣ съ Пущинымъ и составилъ, по видимому, записку о 14-мъ декабря, которая была напечатана послѣ его смерти за границей подъ заглавіемъ мнѣ неизвѣстнымъ. Въ 1856 г. Оболенскій записалъ еще свои «Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ», напечатанныя въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ» въ 1872 г. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ», 1873 г., № 1, была напечатана переписка Якова Ивановича Ростовцева съ Оболенскимъ. Этимъ, кажется, исчерпывается все, что было напечатано изъ писемъ и записокъ Оболенскаго.

М. Головинскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

ЕРЕДЪ ТѢМЪ какъ познакомиться съ Надеждой Дмитріевной, я видѣла ея фотографическую карточку, по которой составила себѣ невѣрное понятіе о ея наружности. На карточкѣ она смотрѣла такой чопорной старухой, что я пошла къ ней только ради любопытства, пользуясь случаемъ быть представленной ей одной знакомой.

Когда мы вошли и стали раздѣваться, въ переднюю проворно выбѣжала маленькая фигурка въ черномъ платьѣ со шлейфомъ, съ чернымъ тюлевымъ чепцомъ на сѣдыхъ волосахъ—это и была она.

Съ добродушнымъ ворчаньемъ за то, что ее забываютъ, привѣтствовала она свою гостью, потомъ подошла ко мнѣ, и я назвала себя. Тогда она поцѣловала меня въ губы, поднявшись на носки и положивъ мнѣ на плечи свои крошечныя руки. Пріемъ этотъ и простодушно привѣтливое выраженіе ея лица были пріятной для меня неожиданностью, и я сказала:

— На карточкѣ вы совсѣмъ другая.

— Это потому, что игра физіономіи не передается фотографіей,— отвѣтила она всколзь, и въ гостиной завела разговоръ о рязанскихъ знакомыхъ, которыхъ я не знала.

Крупныя губы на подвижномъ лицѣ, маленькій носъ, который мило сбирался, когда она смѣялась, и совсѣмъ молодые, живые, темные, выразительные глаза, все это вмѣстѣ съ маленькой фигуркой составляло что-то дѣтски-привлекательное, забавное, необыкновенно милое. Она говорила скоро и съ видимымъ удовольствіемъ, слова такъ и лились, непринужденно и красиво. Передъ ней стоялъ въ низенькомъ темномъ подсвѣчникѣ огарокъ, который она зажигала, чтобы раскурить погасающую тонкую сигарку. Журналы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и газеты лежали вездѣ: на столѣ, на стульяхъ, на роялѣ. Надъ диваномъ, въ томъ углу, гдѣ мы сидѣли, были развѣшаны хорошія литографіи, и почти треть гостиной у оконъ была заставлена высокими растеніями и цвѣтами. Въ сосѣдней небольшой комнатѣ видѣнъ былъ шкафъ съ книгами и обѣденный столъ.

Наконецъ она обратилась ко мнѣ и сказала:

— Какъ-то вечеромъ сидѣла я у Салтыкова въ кабинетѣ, и при мнѣ была получена имъ рукопись для напечатанія въ «Отеч. Зап.», прочитавъ приложенное къ ней письмо, онъ воскликнулъ:— «Бѣда мнѣ! Талантливый авторъ, да еще женщина, а требуетъ, чтобы я ночь не спалъ, читая ея рукопись, ибо утромъ завтра ждетъ отвѣта отъ меня».

Я съ негодованіемъ прервала ее вопросомъ:—что же это за авторъ?

Надежда Дмитріевна, потупившись, съ невиннымъ видомъ отвѣчала:

— Я посмотрѣла на подпись, тамъ стояло: Виницкая.

— Да Богъ съ вами, какъ вы преувеличиваете,—начала было я, но невольно разсмѣялась вслѣдъ за ней.

Смѣхъ у нея былъ заразительный, и глаза ея съ веселой кротостью такъ ясно и внимательно смотрѣли, что и другой анекдотъ, обо мнѣ разсказанный ею не безъ шутливаго поддразниванья, при всемъ неправдоподобіи приписаннаго мнѣ поступка, заставилъ меня разсмѣяться отъ души. Потомъ она, раскуривъ сигарку, поднесла къ моимъ губамъ пламя свѣчи, и попросила меня сказать: «попъ». Я сказала «попъ» и свѣчка погасла.

Послѣ этого перваго визита я бывала у нея изрѣдка. У меня не было до нея никакихъ дѣлъ, и она не нуждалась во мнѣ, но съ каждымъ моимъ приходомъ она все лучше ко мнѣ относилась, и просила почаще бывать. Правдива она была до рѣзкости, никого изъ одной только вѣжливости не приглашала, и я чувствовала себя у ней какъ дома, ибо вѣрила, что не стѣсняю ее. Она какъ родная со мной обращалась, входила въ мои личныя дѣла до мелочей, и съ ворчливой лаской закидывала меня вопросами и совѣтами:—«на что вамъ? куда вы дѣли? а вы бы лучше вотъ какъ сдѣлали» и проч. А мнѣ такъ необходимо было чье-нибудь участіе. Что-то близкое и дорогое проглядывало въ ея словахъ и манерахъ, переносило въ дѣтство, въ счастливые годы юности, душа согрѣвалась въ ея обществѣ. Честность, съ которой мы рождаемся отъ честнаго отца и честной матери, внушенная намъ въ школѣ честнымъ наставникомъ, воспринятая изъ безсмертныхъ твореній, честность поступковъ, мыслей и внутреннихъ побужденій, которую затѣмъ такъ рѣдко удается видѣть въ чужихъ людяхъ, сохранилась въ ней во всей своей неприкосновенной чистотѣ вмѣстѣ съ искренностью и простотой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какая бы ни была тяжесть на душѣ, придешь къ ней пасмурная, раздосадованная, съ скопившимися въ груди слезами, а она такъ мило обойдется, такъ разсмѣшитъ и приголубитъ, что забудешь половину своихъ горестей. Веселая, живая говорунья, никого не щадившая своей незлобивой насмѣшкой, въ своихъ неистощимыхъ разсказахъ она глумилась иногда и надъ собой. Она терпѣть не могла частныхъ театровъ съ тѣхъ поръ, какъ разъ попала въ артистическій кружокъ, и вотъ какъ она объ этомъ разсказала:

— Думала: умру. Зала биткомъ набита, и всѣ стоятъ, потому что стульевъ мало. Я маленькая, и въ заднемъ ряду ничего не могла видѣть, кромѣ спинъ и затылковъ, и хотѣла уйти сейчасъ же какъ вошла. Но только-что я повернулась къ двери, какъ въ нее влетѣлъ молодой человѣкъ, зацѣпился пуговицей сюртука за цѣпочку моего лорнета и втащилъ меня въ толпу. Я его молила:— «остановитесь, отцѣпите меня, милостивый государь!»—Ничего не слышитъ и не замѣчаетъ, стремится, изо всѣхъ силъ, продираясь локтями впередъ, и все тащитъ меня за собой какъ собачку на цѣпочкѣ. Цѣпочка затянулась на шеѣ, того и гляди: умру. Тогда я рѣшилась взять его за локоть. Онъ обернулся такъ строго, и почти крикнулъ: — «что вамъ угодно?» Я едва могла выговорить, показавъ рукой на шею:—«сдѣлайте милость, освободите». Онъ извинился, отцѣпилъ меня, и устремился дальше, а я осталась въ серединѣ толпы, ни назадъ, ни впередъ ужъ выбраться и не могла. И пришлось волей-неволей стоять до изнеможенія, ничего не видя, кромѣ луны на самомъ верху сцены, да и ту всю перекосило, потому что неловко потянули небосклонъ, такъ что луна была представлена въ формѣ изогнутой груши. И за это удовольствіе я деньги заплатила.

Она всегда была непрочь надъ кѣмъ-нибудь посмѣяться съ гостями по вечерамъ за тамбурнымъ вязаньемъ, любила пройтись насчетъ собратовъ по перу, не исключая Тургенева и Толстого, въ произведеніяхъ которыхъ находила бездну недостатковъ. Это была чуть ли не единственная ея слабость, но была именно слѣдствіемъ замѣчательной искренности ея натуры, выбрасывающей наружу малѣйшую непріязнь. Ни одного скрытаго чувства, ни пятнышка на совѣсти, вся свѣтлая, правдивая душа ея видна была насквозь въ спокойномъ состояніи и въ минуты возмущенія несправедливостью. Всѣ мысли ея отражались на лицѣ и высказывались на чистоту по адресу бездарностей, случайно, по знакомству наполняющихъ своими жалкими кропаньями журналы за хорошій гонораръ. А она бѣдствуетъ, ее перестаютъ читать, забываютъ. Посредственностямъ, завладѣвшимъ руководствомъ печати доставалось отъ нея. Съ какой-то схоластической придирчивостью выискивала она ничтожнѣйшіе промахи въ каждомъ новомъ произведеніи и съ горячностью доказывала:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Хронологія не соблюдена. Герой не могъ быть такихъ лѣтъ въ такомъ-то году, черезъ пять страницъ нельзя состариться. Или: какъ же онъ могъ попасть изъ столовой прямо въ спальню, если въ предыдущей главѣ столовая расположена была въ другомъ фасадѣ. Это неточность. Вотъ посмотрите, какъ я работаю,—говорила она, уводя меня въ свою маленькую комнату съ кроватью отгороженной ширмой и небольшимъ столомъ, поставленнымъ лѣвымъ бокомъ къ окну. На немъ лежали мелко-намелко исписанные листы отъ верхняго края страницы до нижняго уголка сжатыми, едва разборчивыми строчками. Четвертушки и клочки бумаги тоже сплошь усѣяны ея микроскопическимъ почеркомъ, и на отдѣльныхъ бумажкахъ начерчены линіи, клѣтки, квадраты.

— Это планы. Планы квартиры я заранѣе обдумаю и нарисую и ужъ не собьюсь: гдѣ какая комната, у меня читатель словно видитъ ихъ расположеніе. Я медленно, иногда по двѣ строки въ день пишу, да за то отчетливо и добросовѣстно работаю. А это хронологія,—показывала она испещренную цифрами бумажку. Передъ тѣмъ какъ начать работу, я уясню себѣ и запишу: кто изъ героевъ въ какомъ году родился. Это необходимо.

Говорила она о себѣ тономъ самозащиты, дававшимъ понять, что ее недостаточно цѣнятъ, и слышался въ немъ также упрекъ, зачѣмъ другіе не поступаютъ какъ она, а имъ отъ этого не хуже. Выразительныя глаза ея при этомъ съ безнадежной тоской говорили, что счастья и радостей не дано ей, только слава мирила ее съ жизнью, а ее отнимаютъ у нея.

— Мнѣ по двадцати пяти рублей платили, и теперь пожалуй немногимъ болѣе платили бы, еслибъ непогрѣшимый нашъ судья, безпристрастный Салтыковъ, не поддержалъ меня.

Салтыкова, какъ человѣка и какъ писателя, она боготворила, равнымъ образомъ и Михайловскаго считала совершенствомъ. Но когда тотъ въ своей критикѣ о ней выразился: «son verre n'est pas grand, mais elle bois dans son verre» это ее глубоко потрясло. И она прямо и открыто, съ неудовольствіемъ и рѣзкостью дошедшей до ребяческой наивности, измѣнила о немъ свое мнѣніе:—«исписался, выдохся, пересталъ понимать». Ей невозможно было отказать себѣ хоть въ этомъ слабомъ утѣшеніи.

Съ добродушнымъ юморомъ вышучивала она разсказъ изъ моей книжки:

— У васъ тамъ одна дѣвочка поминутно лѣзетъ къ нянькѣ цѣловаться, значитъ, хорошая дѣвочка, а другая за кустомъ цѣлуется съ мальчишкой, столо-быть дрянь. Ахъ, батюшки мои, какъ это поучительно!

Я смѣялась, и продолжала развивать ея пародію въ томъ же духѣ.

— Я васъ за то и люблю, что у васъ совсѣмъ нѣтъ литера-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

турнаго самолюбія, — говорила она, не подозрѣвая что подъ ея вліяніемъ я привыкла критически относиться къ себѣ.

Съ каждымъ годомъ она слабѣла здоровьемъ, добродушный юморъ смѣнялся по немногу ѣдкими сарказмами, унынie проглядывало въ словахъ.

— Сколько лѣтъ пишу, сколько упорнаго труда потратила, а умру подъ заборомъ: ни пенсіи, ни богадѣльни за нашу тяготу не полагается.

Всего болѣе ее огорчало, что знакомые, которыми она дорожила, ея прежніе друзья, все рѣже ее навѣщали. Безъ общества она скучала, но была разборчива на собесѣдниковъ и прихотлива, и разъ особенно была довольна моимъ появленіемъ, потому что у ней никого не было, кромѣ скучной гостьи, которую она напрасно силилась занять. Она разсказала, какъ одна рязанская грандесса, поклонница архимандрита, поставила ей въ укоръ знакомство съ семинаристами, когда она готовилась писать свой: «Баритонъ». Надежда Дмитріевна отвѣтила грандессѣ:

— За семинариста можно замужъ выйти, а за архимандрита нельзя.

Еще она разсказала своей скучной гостьѣ о томъ, какъ она Василевскаго приняла за Базилевскаго у кого-то на вечерѣ.

— Мнѣ говорятъ: — Василевскій здѣсь, а мнѣ послышалось Базилевскій, котораго я рада была видѣть, потому что онъ дѣлаетъ добро, и по моей заглазной просьбѣ выдалъ 200 руб. на женскіе курсы. Я сказала, чтобы мнѣ его представили, и онъ началъ съ того, что спросилъ меня, какъ мнѣ нравятся фельетоны «Буквы». Я отвѣчала, что очень не нравятся и принялась безпощадно ихъ критиковать. Меня толкали сзади, а я, не понимая, продолжала свое. Тогда меня подъ какимъ-то предлогомъ увели отъ него въ другую комнату и объяснили:—Вѣдь это Василевскій, а его псевдонимъ: «Буква». Можете себѣ представить мое положеніе!

Вѣроятно гостья ничего не могла себѣ представить, потому что даже не улыбнулась, и наступило молчаніе.

Надежда Дмитріевна была не въ ударѣ, за послѣднее время стала повторяться, и преобладающей темой разсказовъ изъ ея прошлаго были случаи ея невольнаго или умышленнаго пренебреженія къ кому-нибудь. Она сказала:

— Что это въ самомъ дѣлѣ все я, да я, говорю, я хочу слушать. Кто изъ моихъ двухъ собесѣдницъ скажетъ что-нибудь поинтереснѣе, тому назначу премію-сюрпризъ. Начните вы.

Гостья начала вяло, и плохо выговаривая, невообразимо пошлое повѣствованіе о чьихъ-то похожденіяхъ въ Парижѣ, вдаваясь въ надоѣдливыя повторенія. Покуда она говорила, я замѣтила, что у меня развязался башмакъ, и хотѣла пойти въ другую ком-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нату, но Надежда Дмитріевна сдѣлала мнѣ знакъ, выразивъ глазами нетерпѣніе. Видно было, что она не въ духѣ. Вдругъ она прервала разсказчицу:

— Ну и конецъ, стало-быть, остальное понятно. Разсказывайте вы,—обратилась она ко мнѣ.—Говорите же что̀-нибудь.

— У меня развязался башмакъ,— сказала я, что попало на языкъ.

— Когда, гдѣ, и при какихъ обстоятельствахъ?

— Сегодня на улицѣ. Посреди тротуара я вдругъ нагнулась, чтобы завязать его, а быстро шедшій сзади мущина нечаянно перелетѣлъ черезъ меня, какъ въ чехарду.

— Вотъ это интересно!— воскликнула она со смѣхомъ,— и не удерживала обиженную гостью, которая вдругъ поднялась уходить. Оставшись со мной, она еще посмѣялась.

— Спасибо за экспромтъ, вы избавили меня отъ бѣшеной скуки, вы очень умны на глупости. Вѣдь есть же люди, какъ животныя, лишенные способности смѣяться. Мнѣ смѣхъ необходимъ. Смѣхъ освѣжаетъ, оживляетъ, оздоровляетъ меня. Не даромъ первый сатирическій журналъ во Франціи служилъ замѣной для врачебныхъ средствъ.

Тутъ я узнала отъ нея, что нѣкій врачъ Галли Матьё обладалъ способностью смѣшить своихъ паціентовъ въ такой степени, что безъ лекарствъ имъ помогалъ. Пріѣдетъ, насмѣшитъ и уѣдетъ. А больной, почувствовавъ себя бодрѣе, встанетъ съ постели. Популярность врача такъ возросла, что за невозможностью поспѣвать на практику, онъ разсылалъ вмѣсто себя больнымъ печатные листы съ своими остротами, и съ своимъ именемъ на заголовкѣ. Отсюда произошло обыкновеніе называть вздоръ галлиматьей.

Въ другой разъ я ее застала совершенно одну дома, и въ самомъ грустномъ настроеніи.

Она сидѣла въ спальнѣ за своимъ рабочимъ столикомъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, молча хмурилась, разбирая бумаги. Вдругъ она захныкала какъ ребенокъ, и залилась слезами.

— Вѣчно, всю жизнь въ зависимости,—порывисто начала она,— еслибъ вы знали... приходите, приводите почаще. Скажите, чтобы меня не забывали, по возможности не оставляли... одну.

И также неожиданно она вышла изъ комнаты, а вернувшись, безаботно заговорила:

— Слышали, что спириты-то продѣлываютъ: самого Господа Бога пробуютъ надуть. Не смотрите такъ на меня. Прошло. Видите какъ нелегко мнѣ иногда бываетъ казаться бодрой и веселой. Не оставляйте меня.

Не зная что сказать, я уткнулась въ ея рукопись.

— Зачѣмъ вы пишете такъ мелко, — спросила я, — портите глаза.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Привычка экономить бумагу. Бѣдны мы были. Бывало найду клочекъ, такъ крошечный уголокъ бумаги, и испишу весь вдоль и поперекъ, а мысли все набѣгаютъ, набѣгаютъ, да не на чемъ ихъ записать. Руки замирали отъ холода. Жили мы въ такомъ домишкѣ, что въ щели стѣнъ просвѣчивало зимнее солнышко.

Съ невыразимой грустью отдалась она своему прошлому; любовь къ своимъ, къ отцу, къ своему бѣдному гнѣзду, звучала въ ея задушевномъ голосѣ, и чуялось мнѣ присутствіе моихъ родныхъ въ воспроизводимыхъ ею образахъ.

— То-то радости было, какъ напечатали мой первый трудъ, отецъ не отходилъ отъ меня, мы съ нимъ стали вмѣстѣ все читать и обсуждать.

— А за меня не кому было порадоваться,—сказала я.

— Большое горе, если не съ кѣмъ радость раздѣлить. Изъ-за того я и замужъ пошла, что боялась одиночества, развѣ возможно никого не имѣть?

— Ничего не имѣть то же нехорошо.

— Ничего такъ и никого, рѣдко бываетъ иначе. Высмотрѣла я себѣ хуторокъ съ пестрой лужайкой, садомъ и ручейкомъ—живописное мѣсто, и не дорого продавалось. Какъ теперь помню: выскочила овца изъ-за куста, испугалась меня и стоитъ какъ вкопаная. Я погладила ее: не бойся меня, глупый звѣрь! И тутъ же порѣшила пріобрѣсти твердую почву подъ ногами, хуторъ почти въ рукахъ у меня былъ. Но сестрѣ понадобились деньги. Мужу понадобились деньги ѣхать лечиться, я все имъ и отдала, что было скоплено трудомъ.

Покорной, беззащитной кротостью и слабой добротой вѣяло отъ ея существа и внушало какое-то безпредѣльно-нѣжное, необъяснимое чувство жалости, смѣшанной съ уваженіемъ. Привязалась я къ ней, и она выказывала мнѣ всѣ признаки расположенія.

Когда я объявила ей, что ѣду въ Загребъ учительницей русскаго языка, она чуть не заплакала, обхватила мою шею руками и упрашивала не ѣздить.

— Не довѣряйтесь братушкамъ, я знаю, какъ они поступаютъ съ нашими бѣдняками, не ѣздите. Дайте мнѣ слово, что останетесь, безъ этого не отпущу.

Слезы стояли въ ея глазахъ. Я дала слово и осталась, хотя уже было написано условіе съ нанявшимъ меня хорватомъ. Тогда она дала мнѣ свою карточку съ такою надписью на оборотѣ: «Не скачи, человѣкъ, по свѣту безъ толку; сиди дома и дѣлай свое дѣло, благо можешь его дѣлать».

— Вѣдь я никуда не ѣздила, за границей не была, а сдѣлала, что умѣла,—уговаривала она меня.—Зачѣмъ вамъ на дачу ѣздить, наймите комнату въ садикъ окномъ, и работайте. Я на дачахъ не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

могу работать. Ужъ если вамъ надоѣлъ Петербургъ, поѣзжайте въ Рязань, тамъ у вокзала наймите квартиру. Жила же я въ Рязани.

Вообще въ ней часто проявлялась наклонность заставить другихъ идти по своимъ слѣдамъ, и быть можетъ это вытекало изъ того же безсознательнаго побужденія съ какимъ матери желаютъ видѣть дѣтей похожими во всемъ на себя.

Между тѣмъ, частыя болѣзни разрушали ея слабый организмъ, отражались на состояніи ея духа. Все придирчивѣе, нетерпимѣе становилась она, до ожесточенія изощрялась въ ѣдкихъ остротахъ надъ плохими сочиненіями авторовъ, которые «пьютъ изъ большого стакана»:

«Mais ce que je ne m'explique guerre,
«C'est que nos auteurs boivent
«Le bon vin dans de petits verres
«Et le mauvais dans de grands».

— Я «пью изъ маленькаго стакана», гражданскихъ мотивовъ недостаточно въ моихъ работахъ, что жъ дѣлать: я бы давно бросила писательство, еслибъ имѣла средства.

Горечь и жолчь поднимались со дна ея свѣтлой души; безпомощно болѣзненный видъ ея дѣтской фигурки вызывалъ на глубокое состраданіе. Но понемногу охладѣла она ко мнѣ и замѣнила добродушную воркотню, если бывала недовольна мною, язвительными, порою облеченными въ лесть, и всегда мѣтко направленными колкостями. И разъ, когда я говоря о комъ-то, выбранила его жидомъ, забывъ, что въ числѣ ея гостей чуть ли не рядомъ со мной сидѣлъ еврей, она отдѣлала меня на славу.

— Вы, какъ сказочная принцесса,—сказала она,—и умны и прекрасны, а откроете ротъ—изъ него тараканы ползутъ.

Съ этого вечера ужъ я не видѣла ее здоровой, то-есть самостоятельно переходящей изъ комнаты въ комнату.

Послѣ непродолжительнаго отсутствія изъ Петербурга, узнавъ, что она сильно хворала, я поспѣшила ее навѣстить. Мнѣ пришлось подождать ея выхода. Что-то зловѣщее чуялось мнѣ въ глухой вознѣ, двиганьи по полу въ глубинѣ корридора. Я заглянула туда, и увидѣла ее, едва переступающую съ ноги на ногу. Она держалась за спинку стула, который толкала передъ собой по мѣрѣ своего передвиженія. Минуты шли, покуда она такъ ползла. Я не выдержала и горько заплакала. Куда дѣлась проворная, живая, добрая Надежда Дмитріевна?

— И вы такая же будете,—заговорила она прежнимъ шутливымъ тономъ,—и вдалась въ интересующіе ее попрежнему вопросы, но ужъ безъ пылкаго задора. Еще искры остроумія блестѣли въ ея словахъ, но слушала я безъ вниманія, придумывая предлогъ ее оставить,—до того невыносимо тяжко было впечатлѣніе. Требо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

валось напряженіе чтобы вслушаться въ ея слабый, упавшій голосъ. И при каждомъ моемъ движеніи она остерегалась.

— Не дотрогивайтесь до меня: руки болятъ, плечи, ноги, все болитъ.—Она раздражалась.

— Потише говорите, я не слышу, когда громко говорятъ.—Но стоило понизить голосъ, и она опять раздражалась.

— Не слышу я этимъ ухомъ, пересядьте сюда. Охъ, не толкните вы меня!

Въ послѣдній разъ незадолго до ея отъѣзда на дачу, я застала ее окруженную подушками на креслѣ. Вмѣсто неизмѣннаго чернаго платья, на ней надѣтъ былъ ситецъ бѣлыми и синими полосками; волосы были зачесаны назадъ, похудѣвшее лицо казалось моложавымъ, надежда свѣтилась въ глазахъ. Она была въ компаніи съ бестужевской курсисткой, которую не отпускала отъ себя по цѣлымъ днямъ. Значительно на меня посмотрѣвъ, она кивнула, чтобы я нагнулась къ ней, и указавъ глазами на курсистку прошептала:

— Хочу новые типы создавать, вотъ вамъ и новость.

Все тѣ же литературные вопросы передъ несознаваемой близостью смерти наполняли и волновали ее. Поговоривъ, и не сказавъ ничего новаго, она по-дѣтски надулась, искоса направивъ на меня холодный взглядъ, и съ своей обычной искренностью, неспособная таить и держать въ сердцѣ непріятныхъ чувствъ, не замедлила обнаружить причину своего неудовольствія.

— Я никогда въ редакціяхъ впередъ не забирала денегъ и не выторговывала ихъ,—сухо промолвила она, и въ отрывистомъ полушопотѣ ея слышался все тотъ же упрекъ: зачѣмъ другіе не поступаютъ какъ она.

Высказавъ мнѣ это, она успокоилась, и разсказала кстати ей пришедшую на память басню на французскомъ языкѣ, потомъ въ утомленіи поникла головой.

Поговоривъ съ незнакомой мнѣ курсисткой, я необдуманно воскликнула:

— Да это моя Полѣнова! У меня есть этотъ типъ въ новомъ сочиненіи.

Надежда Дмитріевна, съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ глядя на меня, улыбнулась, помолчала и въ порывѣ прежняго задора вся оживилась:

— Да гдѣ вамъ справиться! Ужъ вѣрно все не то, все коекакъ, все наскоро, безъ выдержки и обработки. Дайте прочесть.

— Сдала въ редакцію, зимой прочтете.

Она вздохнула и задумалась. Тяжело ей было справляться съ мыслью, что никто не умѣетъ писать, а она умѣетъ, да не можетъ. Я проклинала себя за неосторожность.

— До зимы я не доживу,—сказала она наконецъ,—ужъ поскорѣй бы избавить себя и всѣхъ отъ тягости, не до курсистокъ мнѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Курсистка, какъ будто не о ней шла рѣчь, все это время спокойно распарывала старую вещь Надежды Дмитріевны для передѣлки, выпросивъ эту работу, чтобы сложа руки не сидѣть, только ямочки на щекахъ выдавали, что улыбка бродитъ по ея низко опущенному лицу.

Я простилась съ Надеждой Дмитріевной навсегда.

Громадное лишеніе утратить личность съ теплой душой, благороднымъ характеромъ и съ выдающейся силой духа, какой была Надежда Дмитріевна.

Вся жизнь ея сложилась неудачно. Обиженная природой, безъ опредѣленныхъ средствъ, она не пользовалась развлеченіями; удовольствія ей были недоступны, и только выпадали ей на долю огорченія, непрерывныя, ежедневныя огорченія, скопляя горечь въ ея мягкомъ, необыкновенно добромъ и любящемъ сердцѣ. И въ сердцѣ этомъ ни тепла, ни свѣта, никакихъ радостей не отражалось, ничто его не оживляло, кромѣ собственнаго творчества и литературныхъ успѣховъ. Естественно поэтому, что до послѣдней крайности должна была доходить ея чуткая отзывчивость ко всему касавшемуся единственнаго источника ея живучести.

Но и тутъ ей не посчастливилось. Надо же было такъ случиться, что какъ разъ именно съ той фамиліей, которую она выбрала псевдонимомъ, и уже составила себѣ извѣстность, явился талантливый авторъ «Петербургскихъ трущобъ» и неразборчивая публика смѣшала ихъ или отожествляла, что въ значительной степени нейтрализовало ея вліяніе. Это такъ сильно ее угнетало, что она равнодушно слышать не могла о немъ.

Но ничто не сокрушило духа этой женщины слабой физически, но съ изумительной нравственной устойчивостью, сохранившей рѣдкую душу и рѣдкій умъ до конца дней своихъ.

Благодаря такой же роковой случайности, пришлось скончаться ей вдали отъ участія своихъ друзей и почитателей, которыхъ она всегда такъ просила не оставлять одну, не забывать ее. Безъ заслуженныхъ проводовъ и прочувствованнаго надгробнаго слова погребена единственная русская писательница, наконецъ, признанная уже въ некрологахъ равной Тургеневу и Гончарову.

А. Виницкая.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГРАДОВСКІЙ.

(Опытъ характеристики).

Почившій 6-го ноября 1889 года профессоръ С.-Петербургскаго университета, Александръ Дмитріевичъ Градовскій, принадлежалъ всецѣло къ людямъ, которые могутъ считаться типичными представителями, убѣжденными послѣдователями и популяризаторами освобожденной и обновленной Россіи шестидесятыхъ годовъ. Для этихъ людей 19-е февраля 1861 года было началомъ новаго лѣтосчисленія русской исторіи, а слова Манифеста о «свободномъ трудѣ», «домашнемъ благополучіи» и «общественномъ благѣ» народа—словами новаго завѣта, къ которому они приложили и пріурочили всю свою научную, литературную и общественную дѣятельность.

Ю. Ѳ. Самаринъ, К. Д. Кавелинъ, А. Д. Градовскій,—всѣ эти сошедшіе уже въ могилу типичные представители «зари просвѣщенной свободы», могутъ быть, несмотря на нѣкоторое различіе въ убѣжденіяхъ, поставлены въ одну категорію, въ одну группу. Всѣхъ ихъ тѣсно соединяло чувство глубокаго поклоненія реформамъ Александра II, общее служеніе до послѣдней минуты своей жизни началамъ, указаннымъ въ Манифестѣ 19-го февраля 1861 года. Вотъ почему славянофилъ Самаринъ рисовался человѣку либеральнаго направленія, покойному Александру Дмитріевичу, какъ «типъ русскаго гражданина», какъ «типъ общественнаго дѣятеля съ убѣжденіями твердыми и неподкупными, съ стремленіями чистыми и безкорыстными». Несмотря на значительное различіе въ годахъ, несмотря даже на различіе въ періодахъ дѣятельности, общественное значеніе Самарина, Кавелина, Градовскаго, органически связано съ реформеннымъ періодомъ шестидесятыхъ годовъ. Если

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первымъ двумъ выпало на долю принять непосредственное участіе въ разработкѣ и примѣненіи къ жизни освободительныхъ принциповъ, то послѣднему принадлежитъ неотъемлемая честь въ нашей литературѣ популяризаціи правительственныхъ идей того времени, формулировки началъ русскаго государственнаго права, возведенія ихъ въ стройное цѣлое, какими они явились послѣ освобожденія крестьянъ, и настойчивой проповѣди необходимости непрерывнаго прогресса въ этихъ реформахъ.

Градовскій родился въ Воронежской губерніи въ 1841 году. Его отецъ, извѣстный на югѣ селитроваръ, далъ своему сыну прекрасное домашнее образованіе, а затѣмъ опредѣлилъ его во 2-ю Харьковскую гимназію. Въ 1858 году, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Харьковскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1862 году со степенью кандидата правъ. Уже на университетской школьной скамьѣ молодого студента манило, подъ вліяніемъ даровитыхъ наставниковъ, профессоровъ Каченовскаго и Пахмана, отдать себя исключительно на служеніе наукѣ; но его излюбленной мечтѣ не сразу пришлось увидѣть осуществленіе, и мы видимъ его въ теченіе трехъ лѣтъ по окончаніи университетскаго курса въ роли практическаго дѣятеля, провинціальнаго чиновника. До осени 1865 года онъ управляетъ имѣніемъ отца въ Воронежской губерніи, редактируетъ въ Харьковѣ «Губернскія Вѣдомости», служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронежскомъ губернаторѣ. Эта дѣятельность, давшая ему возможность изучить провинціальную Россію, какъ дореформенную, такъ и въ моментъ ея пробужденія къ новой жизни, убѣдила его окончательно, что не среди Коробочекъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Собакевичей и Ноздревыхъ мѣсто человѣку, мечтающему о наукѣ, о широкой общественной дѣятельности, понимающему въ чемъ зло отечества и каковы цѣли врачеванія... И вотъ уже въ октябрѣ 1865 года мы встрѣчаемъ его ревностно работающимъ въ Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ надъ обширною диссертаціею «Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры». Это сочиненіе, потребовавшее отъ него всего лишь полгода труда, обратило на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и было гостепріимно встрѣчено Петербургскимъ университетомъ. Юридическій факультетъ удостоилъ автора, представившаго свою работу на званіе магистра, искомой научной степени. Бойкій и острый умъ, громадная эрудиція, удивительная работоспособность въ молодомъ ученомъ говорили профессорской корпораціи, что она имѣетъ дѣло съ недюжинною личностью и что остававшаяся еще вакантною каѳедра государственнаго права можетъ найти въ немъ достойнаго замѣстителя. Нельзя при этомъ не замѣтить, что Университетскій Уставъ 1863 года, поставившій такъ высоко академическую науку, расширилъ значительно противъ прежняго и преподаваніе полити-

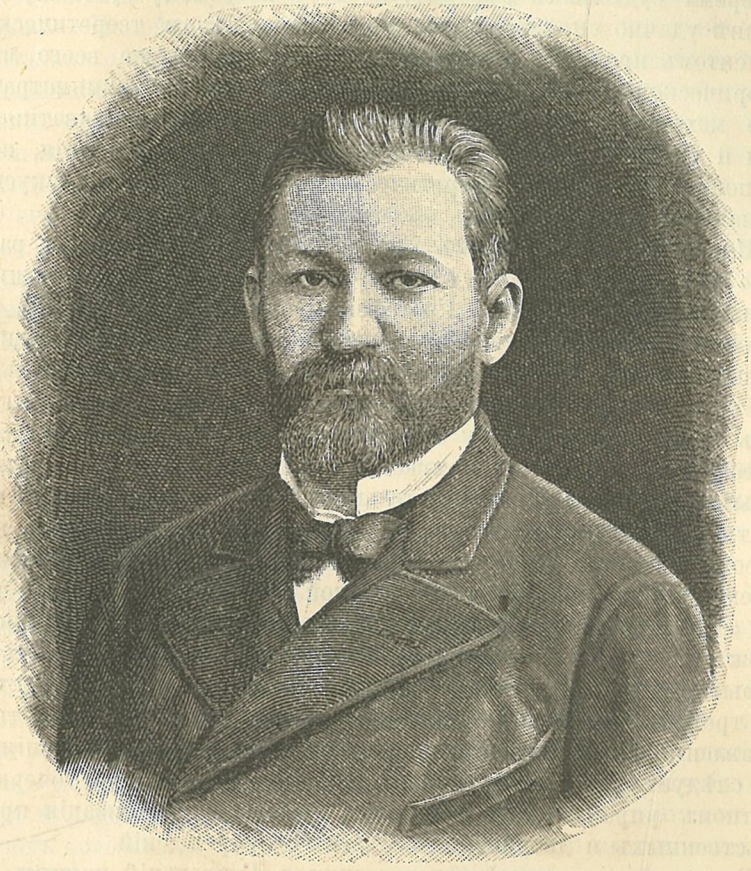
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ческихъ наукъ. Съ послѣднихъ какъ бы снята была окраска чего-то страшнаго, враждебнаго, слово «политика» перестало тревожить подозрительные умы и получило право гражданства среди другихъ терминовъ научнаго знанія. Государствовѣдѣнію былъ предоставленъ широкій просторъ, оно было поставлено во главѣ факультетскаго преподаванія; три каѳедры, соединенныя, впрочемъ, въ одну общую—по теоріи государственнаго права, по русскому государственному праву и праву иностранныхъ государствъ—давали возможность учащимся почерпнуть изъ университетской аудиторіи широкія познанія о значеніи и развитіи государственнаго организма, какъ высшей формы человѣческаго общежитія.

Поэтому и къ профессору, замѣщающему эту каѳедру, при новой постановкѣ вопроса, предъявлялись серьозныя требованія, если только онъ хотѣлъ быть на высотѣ своего призванія. И дѣйствительно, Градовскій, по защитѣ имъ магистерской диссертаціи въ 1866 году, приглашенный вслѣдъ за симъ на вакантную въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру, съ честью оправдалъ возложенныя на него юридическимъ факультетомъ надежды, явившись создателемъ, творцемъ русскаго государственнаго права въ томъ смыслѣ, какъ эта отрасль знанія должна быть понимаема въ наукѣ. Двадцатипятилѣтній юноша, на отвѣтственной и одной изъ главнѣйшихъ каѳедръ университета, толкующій студентамъ мало разработанный въ отечественной литературѣ предметъ—явленіе рѣдкое въ нашей русской жизни! Положеніе Градовскаго было нелегкое и тѣмъ болѣе, что сама жизнь государственная и общественная еще отливалась въ опредѣленныя формы, еще только входила въ указанныя ей реформами шестидесятыхъ годовъ рамки. Нужно было улавливать, быстро осмысливать совершавшіяся явленія, находить имъ теоретическое, научное обоснованіе, подвергать критической разработкѣ и вводить ихъ какъ матеріалъ, какъ составные элементы, въ то, что подразумѣвается подъ наукою русскаго государственнаго права. Но молодой ученый справляется съ этою задачею и ставитъ въ Петербургскомъ университетѣ преподаваніе своего предмета на высоту, желанную уставомъ 1863 года и требованіями научной истины. Объ этомъ легко можно судить изъ появившагося въ печати его сочиненія: «Начала русскаго государственнаго права», которое составляетъ предметъ его академическихъ курсовъ, читанныхъ каждому выпуску студентовъ-юристовъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Сочиненіе это выходило по частямъ: первый томъ—въ 1875, второй—въ 1876 и, наконецъ, первая часть третьяго тома—въ 1883 году; вторая часть этого тома, долженствовавшая обнять собою вопросъ о самоуправленіи—земскомъ, городскомъ и крестьянскомъ, не увидала свѣта, хотя и составляла въ ряду остальныхъ отдѣловъ русскаго государственнаго права постоянный предметъ чтеній студентамъ. Конечно, этотъ полный курсъ профессора

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Градовскаго въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати, былъ предметомъ многолѣтняго упорнаго труда, цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ. Къ числу таковыхъ должна быть отнесена и его докторская диссертація: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», написанная въ 1868 году. Помимо этой книги, перу Александра Дмитріевича принадлежитъ еще цѣлый рядъ критическихъ



Александръ Дмитріевичъ Градовскій.

очерковъ, хотя и не претендующихъ на самостоятельное значеніе, но составляющихъ настоящій ученый вкладъ въ русскую юридическую науку. Сюда относятся напечатанныя сначала въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ въ теченіе шестидесятыхъ годовъ, а потомъ вошедшія вмѣстѣ съ другими его работами въ одну книгу подъ названіемъ: «Политика, исторія и администрація», статьи, «Теорія представительства», «Государственный строй древней Россіи», «Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Выше уже было сказано, что Градовскій явился творцомъ науки русскаго государственнаго права. До него дѣлались попытки нѣкоторыми учеными представить по этому предмету свои курсы, но попытки эти далеко не удовлетворяли назрѣвшей потребности [1]). Профессоръ Петербургскаго университета И. Е. Андреевскій, отпечатавшій въ 1866 году свой курсъ «русскаго государственнаго права», въ виду не совсѣмъ еще завершившихся въ то время судебныхъ реформъ, не могъ по самому существу дѣла вполнѣ удачно справиться съ догматическимъ и теоретическимъ элементомъ предмета, почему и предоставилъ больше всего мѣста историческому ходу развитія организаціи нашего административнаго механизма. Кіевскій профессоръ Романовичъ-Славатинскій, хотя и удѣлилъ догматическому элементу больше вниманія, но за то почти не коснулся теоретической стороны дѣла, не искусился въ научной критикѣ.

Иначе поставилъ вопросъ Градовскій. Взявъ за образецъ раздѣленіе предмета на отдѣлы и классификацію учрежденій у нѣмецкихъ ученыхъ Рённе, Шульце, Гротефенда, онъ далъ въ своихъ «Началахъ» одинаково полное примѣненіе всѣмъ методамъ изученія—сравнительному, критическому и историческому, поставилъ вопросъ о нашемъ государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи на почву строгихъ требованій европейской юридической науки. Въ его изложеніи каждый отдѣлъ явился чѣмъ-то цѣлымъ, съ своимъ самостоятельнымъ основаніемъ. Идея законности служитъ основаніемъ перваго тома о «государственномъ устройствѣ», такъ какъ этою идеею опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства. Ученіе объ «органахъ управленія» во второмъ томѣ основано на понятіи должности, «постояннаго управленія, предназначеннаго къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства». Въ третьемъ томѣ изложено сначала общее ученіе о мѣстномъ управленіи—централизаціи, децентрализаціи и самоуправленіи, далѣе слѣдуетъ чрезвычано полный и живо написанный очеркъ о мѣстномъ управленіи и, наконецъ, изложена организація правительственныхъ и дворянскихъ мѣстныхъ учрежденій.

Въ такой постановкѣ вопроса читалъ Градовскій нашимъ студентамъ-юристамъ свои обширные курсы русскаго государственнаго права. Изъ его аудиторіи выходили будущіе отечественные дѣятели съ основательнымъ знаніемъ строя своего отечества, съ пониманіемъ основъ, лежащихъ въ нашей административной организаціи, которая рисовалась имъ не какъ сцѣпленіе случайныхъ историческихъ явленій, но какъ стройное органическое цѣлое въ юридическомъ освѣщеніи.

---

[1]) См. объ этомъ въ «Сборникѣ Государственныхъ знаній», т. III, ст. г. Коркунова «Государственное право (теорія)».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ велось имъ въ столь же научномъ направленіи. И эта каѳедра, нынѣ по новому уставу сведенная на степень предметовъ второстепенныхъ и необязательныхъ, была имъ поставлена образцово: студенты-слушатели выносили по этому предмету обширныя познанія съ широкими обобщеніями и теоретическимъ обоснованіемъ. О характерѣ его курсовъ можно судить отчасти по напечатанному имъ въ 1886 году сочиненію «Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ». Покойный профессоръ не успѣлъ довести печатаніе этого капитальнаго труда до конца и выпустилъ только первый томъ, обнимающій собою историческую часть предмета. Названному сочиненію предшествовалъ рядъ подготовительныхъ статей и трудовъ, появившихся въ журналахъ и отдѣльными изданіями въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Главнѣйшими можно считать его историко-юридическіе этюды «Государство и прогрессъ», «Парламентаризмъ во Франціи», вошедшіе въ упомянутую книгу «Политика, исторія и администрація», а также отдѣльное сочиненіе «Германская конституція».

Первый томъ «Государственнаго права европейскихъ державъ» заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы и имѣетъ цѣлью показать, какъ эти учрежденія явились результатомъ политической, національной, духовной и экономической жизни нашихъ сосѣдей. Историческому обозрѣнію предпосланъ очеркъ развитія политическихъ идей, имѣвшихъ вліяніе на направленіе умовъ въ исходѣ XVIII вѣка. Можно смѣло сказать, что отечественная оригинальная литература съ выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія Градовскаго въ первый разъ получила цѣльный и обстоятельный трудъ, въ которомъ читатель можетъ найти политическую исторію новаго времени Европы и Америки. Мы наблюдаемъ здѣсь развитіе прогрессивныхъ и реакціонныхъ движеній европейской мысли, присутствуемъ при возрожденіи и вырожденіи народностей, на нашихъ глазахъ передовые бойцы и дѣятели воздвигаютъ конституціонныя зданія и рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ, какъ эти зданія уже начинаютъ колебаться подъ напоромъ новыхъ вѣяній мысли, свѣжихъ теченій жизни... Точно въ яркомъ калейдоскопѣ проходитъ передъ нами здѣсь борьба началъ монархическихъ, конституціонныхъ и соціалистическихъ, точно въ блестящемъ освѣщеніи представляется нашимъ взорамъ панорама европейской политической жизни за столѣтіе ея существованія.

Обширная научная дѣятельность Александра Дмитріевича внушала къ нему глубокое уваженіе университетской молодежи, невольно приковывала ея вниманіе къ его профессорскому авторитету. Его популярность установилась съ первыхъ же лѣтъ вступленія въ академическую семью и достигла своего зенита въ половинѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

семидесятыхъ годовъ. Не обладая краснорѣчіемъ, Градовскій привлекалъ къ себѣ студентовъ главнымъ образомъ содержаніемъ своихъ лекцій, опредѣленностью научныхъ и жизненныхъ воззрѣній.

Онъ стремился видѣть въ своихъ слушателяхъ не отбывающихъ для диплома университетскую повинность, но людей сошедшихся съ опредѣленною, сознательною цѣлью—вынести изъ профессорской аудиторіи какъ можно больше свѣдѣній и знанія. Безпощадно строгій въ исполненіи собственныхъ обязанностей, онъ не менѣе былъ требователенъ и къ своимъ ученикамъ. Если ему въ силу академической свободы по уставу 1863 года не удавалось заставить слушателей аккуратно посѣщать лекціи, за то онъ являлся на экзаменахъ настоящимъ судьей и цѣнителемъ знаній, пріобрѣтенныхъ аудиторіей. Экзаменъ у Градовскаго былъ не шуточнымъ дѣломъ и благополучно проходилъ лишь тотъ, кто дѣйствительно осмысленно зналъ и понималъ предметъ. Поблажекъ, снисхожденія тутъ не допускалось и чѣмъ слабѣе являлся комплектъ экзаменующихся, тѣмъ выше подымалъ онъ уровень требованій, тѣмъ раздражительнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе народа уходило отъ экзаменаціоннаго стола съ предложеніемъ продлить свое пребываніе въ университетѣ еще на годъ. Эта строгость была не дѣломъ каприза и болѣзненности, а проистекала изъ иного источника. Онъ стремился сдѣлать изъ своихъ слушателей честныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ для пополненія рядовъ русской интелигенціи. Вотъ почему, предъявляя молодежи строгія научныя требованія, онъ неумолчно твердилъ ей: учись и учись, запасайся изъ университета прежде всего какъ можно больше знаніемъ, чтобы явиться на жизненномъ поприщѣ человѣкомъ умственно развитымъ и просвѣщеннымъ! Рядомъ съ этою проповѣдью онъ предостерегалъ ее отъ увлеченій «политическими утопіями», убѣждалъ ее сначала запастись образованіемъ, а потомъ уже брать на себя роль общественныхъ и политическихъ дѣятелей. И чѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе проявлялись въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній разныя увлеченія, влекшія за собою въ большинствѣ случаевъ грустныя для учащихся послѣдствія, тѣмъ громче подымалъ онъ свой голосъ, тѣмъ страстнѣе и раздражительнѣе говорилъ онъ противъ этихъ «увлеченій, агитацій и утопій».

Въ одной изъ статей въ «Голосѣ»[1]) подъ заглавіемъ «Задача русской молодежи» онъ даетъ намъ понятіе, какъ бесѣдовалъ онъ съ своей аудиторіей на подобныя темы и какія требованія предъявлялъ онъ ей.

«Задача учащейся молодежи состоитъ въ увеличеніи объема русской интеллигенціи»,—пишетъ онъ.—«Молодежь не должна бросаться въ «народный океанъ», но должна увеличивать мыслящую,

[1]) См. сборникъ «Трудные годы» (1876—1880 гг.) А. Градовскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разумную и нравственную часть русскаго общества, потому что только здѣсь можетъ она принести пользу и народу... Неучащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни; не учась, оно губитъ себя, а губя себя, оно убавляетъ количество тѣхъ здоровыхъ, дѣятельныхъ силъ, на которыя каждое общество не только въ правѣ, но обязано разсчитывать для своего успѣшнаго движенія впередъ. Какая реформа, какое новое учрежденіе, какое серьезное національное предпріятіе осуществимы, если народъ не будетъ имѣть возможности разсчитывать, что для этихъ предпріятій и учрежденій найдутся люди, способные вести и поддерживать ихъ не только въ данную минуту, но и впослѣдствіи?»

Покойный профессоръ часто обращался къ темѣ о необходимости борьбы съ агитаціей, съ анархическими и соціалистическими ученіями. Эту тему онъ развивалъ и на своихъ лекціяхъ студентамъ и въ газетныхъ фельетонахъ «Голоса».

Газетная и журнальная работа была для Александра Дмитріевича такою же потребностью, какъ университетская каѳедра. Ему недостаточно было одной тѣсной аудиторіи, гдѣ онъ былъ ограниченъ рамками спеціальности; онъ нуждался въ иной трибунѣ, съ которой можно было обращаться къ болѣе широкому кругу слушателей, говорить о болѣе живыхъ предметахъ съ точки зрѣнія современныхъ требованій государства и общества. Такою трибуною для него служила газетная и журнальная публицистика, въ которой онъ создалъ себѣ почетное мѣсто, выдающееся имя политическаго писателя.

Градовскій рано вступилъ на литературное поприще. По окончаніи курса въ университетѣ мы видимъ его редакторомъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», затѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ является сотрудникомъ въ журналахъ братьевъ Достоевскихъ «Время» и «Эпоха», подъ знаменемъ «почвенниковъ», проповѣдывавшихъ необходимость нравственнаго единенія съ народомъ, отрицавшихся либерализма и западничества. Въ 1867 году, онъ печатаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова обширную критическую статью на сочиненіе Б. Чичерина «О народномъ представительствѣ», а позже нѣсколько научныхъ работъ въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», «Зарѣ» и «Судебномъ Вѣстникѣ». Но этотъ періодъ дѣятельности Градовскаго не даетъ еще яснаго представленія о немъ, какъ о публицистѣ съ строго опредѣленнымъ складомъ убѣжденій. Онъ точно еще вырабатываетъ свои основныя воззрѣнія, свои руководящіе политическіе принципы, причемъ во всякомъ случаѣ подходитъ ближе къ московскимъ литературнымъ направленіямъ шестидесятыхъ годовъ, нежели къ петербургскимъ съ «Отечественными Записками», «Современникомъ» и «Вѣстникомъ Европы» въ роли руководителей общественнаго мнѣнія. Съ самаго конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уже начинаетъ болѣе интересоваться «злобами», «вопросами дня» и посвящаетъ имъ въ «Голосѣ», «Зарѣ» и «Судебномъ Вѣстникѣ» нѣсколько научно-публицистическихъ очерковъ, въ которыхъ яснѣе опредѣляетъ свои общественные и политическіе идеалы. Онъ является въ нихъ горячимъ поклонникомъ началъ Положенія 19 февраля, свободы печатнаго слова и развитія общественныхъ силъ отечества, высказывается противъ предварительной цензуры для журналовъ, противъ необходимости усиленія административной власти въ ущербъ самоуправленію. Авторъ предостерегаетъ правительство, чтобъ оно не пугалось «уступокъ духу времени», не парализовало начатыхъ реформъ, не сворачивало съ избраннаго пути. Руководящею мыслью всѣхъ этихъ статей, собранныхъ въ его книгѣ «Политика, исторія и администрація», можно считать, «что наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно стать на почву истиннаго гражданскаго порядка, который немыслимъ безъ разумной общественной свободы».

Семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ могутъ считаться пышнымъ разцвѣтомъ его публицистическаго таланта и литературной дѣятельности. Два сборника, въ которыхъ соединены главнѣйшія его статьи того времени, оставилъ намъ въ наслѣдіе покойный профессоръ. Сборники эти: «Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ» и «Трудные годы» обнимающіе собою его газетную и журнальную дѣятельность съ 1873 по 1880 годъ. Статьи въ первомъ сборникѣ, большая часть которыхъ была напечатана въ журналѣ «Бесѣда», или составляли предметъ его публичныхъ лекцій, имѣютъ своею задачею изслѣдовать значеніе національнаго вопроса для современной жизни, прослѣдить условія его возникновенія. Авторъ является здѣсь сторонникомъ типа національно-прогрессивнаго государства, какъ его отчасти понимали германскій философъ Фихте старшій и наши первые славянофилы, почему онъ и высказываетъ свое открытое сочувствіе этимъ направленіямъ въ нѣмецкой и русской мысли. Въ этихъ статьяхъ онъ отрицаетъ единую «всеспасающую цивилизацію», «своекорыстный бездушный космополитизмъ» и ставитъ единственными естественными основаніями и цѣлью жизни каждаго государства начало народности. Теорія національно-прогрессивнаго государства приводитъ его къ заключенію, что слова—«національность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода должны быть однозначущими». Обращаясь къ своему отечеству, онъ говоритъ: «Мы твердо вѣримъ, что матеріальная и духовная самостоятельность Россіи имѣетъ общечеловѣческое значеніе. Пусть же она укрѣпляетъ въ себѣ эту самостоятельность неуклонною работою надъ собою, непрерывнымъ обновленіемъ своей внутренней жизни, народною школою, равноправностью, правдою въ податяхъ, въ судѣ и въ народномъ хозяйствѣ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И въ слѣдующемъ сборникѣ, въ «Трудныхъ годахъ» мы встрѣчаемъ тѣ же мотивы о значеніи національнаго вопроса, но главный центръ авторской проповѣди заключается не въ этомъ, а въ уясненіи политическихъ и общественныхъ событій отечественнаго дня, въ указаніи на истинные желаемые пути историческаго развитія русскаго народа, въ опредѣленіи значенія общественнаго идеала, въ анализѣ нашихъ домашнихъ недуговъ и неустройствъ, которыми страдало отечество въ трудные семидесятые года. Онъ подробно останавливается на значеніи интеллигенціи въ жизни страны и отводитъ ей главенствующее мѣсто, какъ выразительницѣ стремленій и желаній своего народа. «Русская земля,—говоритъ Градовскій,—жаждетъ, какъ хлѣба насущнаго, настоящихъ русскихъ людей, которые умѣли и хотѣли бы говорить и дѣйствовать за всю землю, въ которыхъ частные типы нашего общества... слились бы въ цѣльный, всеобъемлющій типъ мыслящаго, нравственнаго, трудолюбиваго и стойкаго русскаго человѣка». Этотъ русскій человѣкъ долженъ преслѣдовать, по его мнѣнію, не соціалистическія утопіи, не увлекаться западничествомъ, какъ только подражательною способностью, но стремиться къ осуществленію идеаловъ земскаго развитія своей страны въ духѣ реформы 1861 года.

«Развитіе земскаго начала въ нашемъ управленіи,—писалъ онъ,—будетъ наилучшимъ средствомъ образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются всѣ попытки насильственныхъ передѣлокъ нашей родины, по какимъ бы то ни было «шаблонамъ», и особенно по шаблону соціальной демократіи...» Съ укрѣпленіемъ земскаго начала, согласно его ученію, разовьется и нашъ политическій и общественный строй, а съ нимъ вмѣстѣ культурное состояніе народа. Такимъ образомъ, отсюда вытекало общее ученіе о взаимодѣйствіи между отдѣльными индивидуальностями и политическимъ, культурнымъ строемъ отечества; въ частности же, касательно Россіи, являлась настойчивая проповѣдь о необходимости дальнѣйшаго земскаго развитія, начало которому главнымъ образомъ положено 19 февраля. «Вотъ почему каждый,—утверждаетъ онъ,—кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать и укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменательныхъ актахъ нынѣшняго царствованія, впервые давшихъ извѣстное обезпеченіе человѣческой личности въ Россіи». Непрерывный прогрессъ національнаго земскаго развитія съ правомъ свободнаго его обсужденія и руководствомъ интеллигенціей, какъ представительницей стремленій и желаній страны—таковъ его идеалъ, горячо и настойчиво проповѣдуемый въ статьяхъ восьмидесятыхъ годовъ. Изъ такой формулировки политическихъ стремленій вытекаютъ его враждебныя отношенія и полемика съ московской журналистикой въ лицѣ Каткова и Аксакова, а также

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ Достоевскимъ,—авторомъ Пушкинской рѣчи на юбилейномъ торжествѣ въ Москвѣ.

Какъ врагъ свободнаго земскаго развитія, какъ панегеристъ типа полицейско-бюрократическаго государства съ сильно развитой централизаціей и административной опекой, Катковъ ведетъ съ конца прошлаго и во все теченіе настоящаго десятилѣтія упорную борьбу противъ либерализма, представителями котораго онъ считаетъ въ петербургскомъ обществѣ газету «Голосъ» и ея главнаго сотрудника Александра Дмитріевича Градовскаго. Не менѣе рѣзко и страстно нападаетъ на послѣдняго и И. С. Аксаковъ, считавшій его, однако, до конца семидесятыхъ годовъ человѣкомъ своего лагеря, своего направленія. Представитель славянофильской школы заподозриваетъ типъ національнопрогрессивнаго государства Градовскаго и полагаетъ, что въ этомъ типѣ слишкомъ много отводится мѣста «государственности», внѣшней законности въ ущербъ живому народному организму и его внутренней правдѣ. Аксаковъ боится, какъ бы съ усиленіемъ интеллигенціи народу не навязаны были чуждыя его духу начала западной жизни, какъ бы государство не пріобрѣло бюрократическую окраску, какъ бы надъ народомъ не была установлена опека верхнихъ слоевъ, а самый народъ не былъ сведенъ къ роли пассивной и безличной массы.

Направляя свои громы и молніи противъ петербургской либеральной журналистики, интеллигенціи и свободныхъ вѣяній, московскіе публицисты особенно охотно и часто упоминаютъ имя Александра Дмитріевича, какъ наиболѣе виднаго и талантливаго представителя противныхъ и враждебныхъ имъ вѣяній и кружковъ. Придавая такое значеніе петербургскому профессору и отводя ему такое видное мѣсто, они не погрѣшаютъ противъ истины. Популярность и извѣстность Градовскаго росла съ каждымъ годомъ его дѣятельности, какъ профессора, ученаго и литератора. Его публичныя лекціи, которыхъ онъ немало прочиталъ въ теченіе семидесятыхъ годовъ и въ особенности во время славянскаго движенія, привлекали слушателей массами. Его фельетоны въ «Голосѣ» и статьи въ «Русской Рѣчи» вызывали всегда горячіе споры и толки, его пріемные дни по воскресеньямъ собирали многочисленныхъ гостей изъ различныхъ лагерей и направленій. «На этихъ вечерахъ,—вспоминаетъ въ «Новомъ Времени» (№ 4922) одинъ изъ лично знавшихъ покойнаго профессора,—можно было встрѣтить Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова, Н. П. Семенова и многихъ другихъ, вовсе не принадлежавшихъ къ тѣмъ литературнымъ органамъ, въ которыхъ писалъ Градовскій... оттого-то и были такъ живы и интересны его воскресные вечера на Васильевскомъ островѣ, гдѣ много и горячо спорили Н. Я. Данилевскій съ Кавелинымъ—оба близкіе друзья покойнаго Градовскаго, но всегда діаметрально расходившіеся въ своихъ взглядахъ. На этихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вечерахъ бывали славянофилы и западники, консерваторы и либералы, профессора и журналисты, иногда показывались такіе люди, какъ М. Г. Черняевъ, М. Д. Скобелевъ, и тугой на ухо А. И. Кошелевъ старательно прислушивался къ мыслямъ и сужденіямъ хозяина. Бывалъ у Градовскаго, пріѣзжая въ Петербургъ, и М. Н. Катковъ, впрочемъ, лишь до возникшаго въ началѣ 70-хъ годовъ вопроса о пересмотрѣ университетскаго устава, порвавшаго прежнія отношенія между проф. Градовскимъ и знаменитымъ московскимъ публицистомъ».

Разные наши общественные и литературные дѣятели шли въ гости къ Александру Дмитріевичу не только какъ къ остроумному и просвѣщенному собесѣднику, но многіе видѣли въ немъ и человѣка, могущаго дать полезный совѣтъ и инціативу въ дѣлахъ болѣе сложныхъ и важныхъ. Такъ, когда въ 1880 г. въ направленіи нашей внутренней политики и въ настроеніи правительственныхъ сферъ произошелъ замѣтный поворотъ въ пользу общественнаго довѣрія и общественной самодѣятельности, нѣкоторые наши администраторы дорожили указаніями и мнѣніями покойнаго Градовскаго. Его близкія отношенія въ ту пору къ министерству внутреннихъ дѣлъ, къ графу Лорисъ-Меликову, не составляютъ въ настоящее время тайны и министерство народнаго просвѣщенія въ тѣ дни видѣло въ немъ не чужого человѣка.

Это общественное и литературное значеніе Градовскаго давало достаточное основаніе враждебной ему печати къ нападкамъ на него, какъ на одного изъ виднѣйшихъ представителей либеральнаго теченія русской мысли. Александръ Дмитріевичъ не оспаривалъ презрительно даваемой ему клички «либералъ» и выступалъ въ этихъ случаяхъ лишь на защиту общей программы партіи, къ которой его причисляли, говоря: «либералы полагаютъ, что для дѣйствительнаго проявленія нашихъ силъ необходимы болѣе льготныя условія существованія, при которыхъ могло бы развернуться національное творчество». Возвращаясь къ той же темѣ въ одномъ изъ фельетоновъ «Голоса» (1880 г. № 236), онъ писалъ: «Дѣло идетъ о томъ, чтобы пробудить, наконецъ, народныя и общественныя силы отъ долгой спячки, чтобъ эти силы вышли и вычистили русскую землю отъ всего наноснаго и тлетворнаго, накопившагося въ нашей средѣ въ послѣднее время, и вывели наше отечество на ту дорогу, на которой подобаетъ идти сильной и великой державѣ. Не сидѣть же намъ, въ самомъ дѣлѣ, слушая соціалистическія бредни съ одной стороны и мистическія завыванія съ другой стороны. Покорно благодаримъ».

Къ числу такихъ «мистическихъ завываній» онъ относилъ и многія статьи въ «Руси» Аксакова, и сочиненіе Н. Страхова «Борьба съ Западомъ», и извѣстную рѣчь Достоевскаго въ Москвѣ на Пушкинскихъ торжествахъ. Эта рѣчь, названная въ свое время

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«событіемъ», дала поводъ покойному Ѳедору Михайловичу развить свое жизненное, политическое и историческое profession de foi, въ которомъ многіе усмотрѣли примиреніе нашихъ литературныхъ и общественныхъ направленій, торжество славянофильства и покаяніе либерализма, поворотный пунктъ въ нашемъ общественномъ развитіи, послѣ котораго всѣ партіи безъ изъятія пойдутъ по пути, указанному авторомъ «Братьевъ Карамазовыхъ».

Но такое мнѣніе оказалось преждевременнымъ и нѣсколько поспѣшнымъ. Въ числѣ лицъ, отнесшихся скептически къ проповѣди оратора о значеніи личной нравственности и о правѣ русскаго народа на поклоненіе ему Запада, находился и Градовскій, усмотрѣвшій въ этихъ словахъ болѣзненное явленіе времени, направленіе, вредное для современниковъ. «Въ статьѣ «Мечты и дѣйствительность» («Голосъ» 1880 г. № 174) онъ изложилъ, рядомъ съ доказательствами несостоятельности поэтической проповѣди Достоевскаго, и свой личный взглядъ на нашу дѣйствительность. «Никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только черезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей его составляющихъ... Улучшеніе людей въ смыслѣ общественномъ не можетъ быть произведено только работою «надъ собою» и «смиреніемъ себя»... въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства общественныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ человѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія доблести».

Отмѣтивъ, что «общественные идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ образованія, развитія», что «еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣкового рабства засѣло въ немъ, чтобъ онъ могъ требовать себѣ поклоненія», онъ говоритъ: «правильнѣе было бы сказать и современнымъ «скитальцамъ» и «народу» одинаково: смиритесь передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, пріобщились, благодаря реформѣ Петра Великаго. Впитайте въ себя все, что произвели лучшаго народы-учители наши. Тогда, переработавъ въ себѣ всю эту умственную и нравственную пищу, вы съумѣете проявить и всю силу вашего національнаго генія, внести и свою долю въ сокровищницу всечеловѣческаго...»

Настоятельная потребность въ совершенствованіи общественныхъ учрежденій, средства къ такому совершенствованію, борьба съ остатками вѣкового рабства, необходимость общечеловѣческой гражданственности—вотъ тѣ темы, на которыхъ онъ сосредоточиваетъ большинство своихъ дальнѣйшихъ фельетоновъ и передовыхъ статей по внутреннимъ вопросамъ въ «Голосѣ», вплоть до выбытія этой газеты изъ нашего литературнаго строя.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Съ прекращеніемъ въ 1883 году газеты Краевскаго замолкаетъ и публицистическая работа Градовскаго. Въ окружающей дѣйствительности появились иныя теченія, осуществились иныя проекты, сошли со сцены близкіе ему общественные и государственные люди, значительно измѣнилась вся физіономія отечественной дѣйствительности—и убѣжденной рѣчи публициста «Голоса», человѣку реформъ шестидесятыхъ годовъ, не нашлось уже болѣе трибуны, съ которой бы онъ могъ ежедневно обращаться къ обширной аудиторіи русскихъ читателей... Градовскій, какъ газетный дѣятель, смолкъ и сосредоточилъ свои занятія на главной спеціальности — русскомъ и иностранномъ государственномъ правѣ, выпустивъ въ свѣтъ свои капитальные труды по этимъ предметамъ, упомянутые въ началѣ нашей статьи. Но замкнувшись въ своемъ научномъ кабинетѣ, онъ тѣмъ не менѣе внимательно прислушивался къ тому, что дѣлается и за стѣнами этого кабинета... Некрасовъ сказалъ въ одномъ стихотвореніи:

«Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
«Тотъ не любитъ отчизны своей».

Градовскій страстно любилъ Россію, а она приносила ему слишкомъ много «гнѣва» и «печали». Доходившее до него ужъ черезчуръ разнилось съ тѣмъ, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и К. Д. Кавелинымъ, въ излишкѣ вызывало чувства, указанныя поэтомъ.

Они же были гибельны его сердцу, страдавшему порокомъ; но онъ не могъ ихъ заглушить а въ связи съ этимъ развивалась все сильнѣе и сильнѣе сердечная болѣзнь, которая и свела его наконецъ въ могилу...

Полная, обстоятельная біографія А. Д. Градовскаго въ настоящее время немыслима. Слишкомъ былъ онъ жизненен, слишкомъ была связана его дѣятельность съ вопросами, о которыхъ не настала пора говорить. Когда же наступитъ эта пора, то пусть будущій біографъ покойнаго профессора не забудетъ обратить вниманіе читателей на его статью о «Юріѣ Ѳедоровичѣ Самаринѣ» въ сборникѣ «Трудные годы», гдѣ онъ рисуя автора «Окраинъ» и «Іезуитовъ», даетъ нить къ пониманію и своей личности, своихъ идеаловъ, своихъ чувствъ. «Самаринъ..., говоритъ Градовскій [1]), былъ человѣкомъ реформы, т. е. горячимъ защитникомъ того, что пріобрѣтено обществомъ съ 1861 года... онъ видѣлъ... въ земскомъ самоуправленіи, въ зачаткахъ печатнаго слова, въ новомъ судѣ, не только уступку принципамъ свободы, но условія, способныя под-

[1]) «Трудные годы», стр. 43.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нять нашъ народный духъ, сообщить нашей политикѣ болѣе національный характеръ»... Вотъ почему онъ возставалъ противъ такъ называемыхъ охранителей, «поставившихъ себѣ цѣлью запугать правительство и подвинуть его на ломку всего, созданнаго съ 1861 года». Всѣ эти «проекты» производили на него болѣзненное ощущеніе. Ему казалось, что онъ «присутствуетъ при совѣщаніи незваныхъ врачей, желающихъ насильственно сдѣлать операцію здоровому человѣку...»

Б. Глинскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

МОГИЛА КНЯЗЯ-ШУТА.

ПЯТАГО августа 1887 года, часовъ въ шесть утра, я выѣхалъ изъ Москвы съ добрымъ пріятелемъ моимъ, художникомъ К. В. Лебедевымъ, по дорогѣ къ Троицѣ. Не по желѣзной Ярославской дороги, а по шоссейной, на извозчикѣ... Мнѣ хотѣлось давно уже проѣхать къ Троицѣ именно этимъ путемъ, хотѣлось кое-что по пути посмотрѣть и разузнать; хотѣлось убѣдиться въ томъ, какъ многое измѣнилось или совсѣмъ исчезло, навѣки утратилось для русской археологической науки съ того времени, когда этимъ же самымъ путемъ ѣхалъ (въ концѣ прошлаго вѣка) Карамзинъ, подготовляясь писать свои живыя и любопытныя «Впечатлѣнія по пути къ Троицѣ». Когданибудь, въ другое время, я, можетъ быть, скажу нѣсколько словъ о впечатлѣніяхъ вынесенныхъ мною изъ моей поѣздки, но въ настоящую минуту ограничусь только слѣдующей небольшой замѣткой.

Проѣхавъ мимо Алексѣевскаго, Ростокина, Малыхъ и Большихъ Мытищъ, Тарасовки, Пушкина и Новой Деревни, мы добрались до историческаго села Братовщины (иначе Братошина). Я невольно припомнилъ, что это село было одною изъ многихъ вотчинъ нѣкогда сильнаго и знаменитаго вельможи и любимца царевны Софіи Алексѣевны, князя Василія Васильевича Голицына. Невольно припомнилась по этому поводу и странная, трагическая судьба его рода, въ теченіе полувѣка успѣвшаго снизойти съ высшихъ степеней могущества, богатства и знатности до величайшаго ничтожества... Припомнилась и какая-то журнальная замѣтка о томъ, что въ селѣ Братовщинѣ покоится гдѣ-то прахъ несчастнаго шута-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Голицына (внука князя Василія Васильевича), игравшаго такую жалкую, страдательную роль въ извѣстной свадьбѣ Ледянаго Дома—этой безпримѣрно-жестокой, ужасной шуткѣ...

— А гдѣ же могила его?—спросилъ меня мой спутникъ.—Надо бы ее розыскать... Зарисовать на память.

— Надо бы! Да гдѣ ее розыщешь? Вы знаете, какъ у насъ сохраняются могилы...

Потолковали; остановили извозчика у церкви — пошли бродить по кладбищу. Пересмотрѣли всѣ могилы, всѣ памятники, перечитали всѣ надписи въ стихахъ и прозѣ — и ничего не нашли. Могилы были все новыя, недавнія; подъ крестами и надгробными плитами мирно покоились останки разныхъ купцовъ, купчихъ и окрестныхъ помѣщиковъ.

— Да быть же не можетъ!—говорилъ я моему спутнику.—Мы вѣрно гдѣ-нибудь пропустили или просмотрѣли. Навѣрно помню, что здѣсь именно онъ и похороненъ; помнится даже, что въ родословной Голицыныхъ объ этомъ несчастномъ князѣ-шутѣ сказано: «умеръ 1778 года въ своихъ помѣстьяхъ и похороненъ въ селѣ Братовщинѣ».

Опять начались поиски и усиленный осмотръ могилъ и памятниковъ, не только въ оградѣ церкви, но и за оградой. И опять безъ всякаго результата. Но меня ужъ досада взяла:—я стоялъ на своемъ, и непремѣнно захотѣлъ отыскать эту несчастную могилу...

Мы рѣшили обратиться съ вопросомъ къ священнику, зашли въ его скромный, чистенькій домикъ, на дорогѣ около церкви, и, принятые весьма радушно, за чашкой чая, разговорились о могилѣ князя-шута.

Оказалось, что священникъ — еще недавно получившій этотъ приходъ и притомъ совсѣмъ молодой человѣкъ—зналъ по-наслышкѣ, что Братовщина когда-то принадлежала Голицынымъ, сообщилъ намъ даже мѣстное преданіе о томъ, что «княжой дворецъ» былъ построенъ когда-то на холмѣ, налѣво отъ дороги, и что тамъ до сихъ поръ откапываютъ изъ земли кирпичи и щебень... Но о могилѣ князя-шута онъ не имѣлъ никакого понятія.

Я разсказалъ печальную исторію несчастнаго князя Михаила Алексѣевича Голицына (въ общихъ чертахъ, конечно) и очень заинтересовалъ молодого моего собесѣдника; и не только его, но и его молодую супругу.

— Постой-ка, постой!—обратилась она къ мужу.—Да вѣдь это они на новомъ кладбищѣ искали, а мнѣ батюшка мой говорилъ, что на старомъ есть какая-то могила, точно, что какой-то князь похороненъ... Не Голицынъ ли?

— Какое старое кладбище?—спохватились мы оба разомъ.—Гдѣ? Далеко ли отсюда?

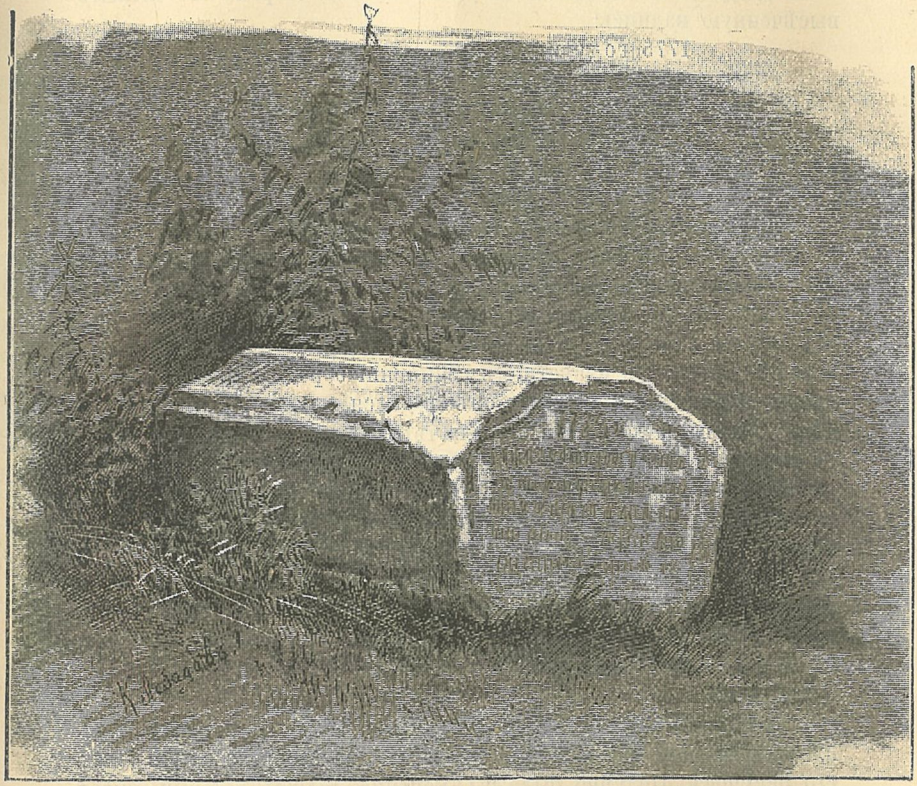
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да нѣтъ же? Вотъ тутъ и есть... Вы мимо проѣзжали... По за церковью,—у самой дороги.

— Батюшка! Поѣдемъ съ нами... Давайте розыскивать.

— Что жъ? Извольте;—поѣдемъ.

И онъ обязательно поѣхалъ съ нами на старое кладбище, которое расположено у самой дороги, на окраинѣ небольшого возвышенія, какъ кажется срѣзаннаго при проведеніи шоссе [1]). Кладбище



Могила князя М. А. Голицына въ селѣ Братовщинѣ.

заброшенное, заросшее бурьяномъ, крапивой и всякими сорными травами... Ни ограды, ни слѣда памятниковъ, или крестовъ. Кое-гдѣ, среди травы, бѣлѣются только какіе-то камни и возвышаются маленькіе бугорочки. Но вотъ, около избушки, поставленной также на краю срѣзаннаго возвышенія, мы видимъ нѣчто въ

[1]) Если ѣхать отъ Москвы, то не доѣзжая церкви, по той же правой сторонѣ дороги.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

родѣ каменной скамьи. На этой скамьѣ сидятъ, около нея рѣзвятся и скачутъ, играютъ дѣти. Вовсе не предполагая, что это нагробный памятникъ, мы подходимъ къ каменной скамьѣ, и мой спутникъ, художникъ Лебедевъ, первый обращаетъ вниманіе на какую-т надпись на камнѣ и кричитъ намъ:

— Да вотъ не она ли это? Не та ли самая? Въ надписи говорится о какомъ-то Голицынѣ!

Подходимъ къ камню и на узкой боковой сторонѣ его читаемъ высѣченную надпись:

1775 году іюня 18
числа скончался князь
Михаилъ Алексіевичъ Галицынъ
ѿ рожденія ево семе
десяти восьми летъ
а скончалъ векъ свой.

Эта надпись, которую я списалъ буквально съ камня, оказалась очень важною датою, опровергающею невѣрныя данныя Голицынскихъ родословій. Если князь Михаилъ Алексѣевичъ скончался 78-ми-лѣтнимъ старикомъ въ 1775 году — значитъ онъ родился въ 1697 году, а не въ 1687 году, какъ показываетъ Серчевскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о родѣ князей Голицыныхъ. Значитъ также, что онъ родился въ то время, когда его дѣдъ и отецъ (Алексѣй Васильевичъ) жили въ ссылкѣ, а не ѣхалъ съ ними въ ссылку двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые біографы Голицыныхъ. Невѣрно показанъ у Серчевскаго, слѣдовательно, и годъ первой женитьбы Михаила Алексѣевича (1711); надо предполагать, что женился онъ ровно на десять лѣтъ позднѣе, т. е. въ 1721 году, когда ему всего было 24 года отъ роду. Невѣрно показаннымъ и у Серчевскаго, и у другого біографа [1]) оказывается и самый годъ смерти князя-шута, который, какъ видно изъ надписи на его гробницѣ, скончался не въ 1778 г., а въ 1775.

На память о нашихъ поискахъ, К. В. Лебедевъ зарисовалъ въ альбомъ могилу несчастнаго князя, и мы воспроизводимъ здѣсь его рисунокъ. Недурно было бы, конечно, еслибы потомки князя Михаила Алексѣевича вспомнили, взглянувъ на этотъ рисунокъ, о своемъ несчастномъ предкѣ и позаботились объ оградѣ для его скромнаго надгробнаго памятника.

П. Полевой.

[1]) Князь Н. И. Голицынъ, въ корректурныхъ листахъ родословія князей Голицыныхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

РАДИЩЕВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ САРАТОВѢ.

I.

ИЗЪ ВСѢХЪ русскихъ провинціальныхъ городовъ Саратову посчастливилось первому имѣть у себя художественно-промышленный музей.

Необходимость такихъ музеевъ съ рисовальными при нихъ школами, какъ разсадниковъ искусства, давно уже чувствуется самымъ настоятельнымъ образомъ. Для цѣлой массы ремесленныхъ производствъ рисованіе имѣетъ первенствующую важность: изящество рисунка кладетъ свою печать на издѣлія, поднимаетъ ихъ цѣну, увеличиваетъ сбытъ и, содѣйствуя возвышенію художественной культуры, способствуетъ и экономическому процвѣтанію страны. Это подтверждается, всего лучше, примѣромъ Англіи, которая, послѣ всемірной Лондонской выставки 1851 года, когда обнаружилось, что англійскія издѣлія далеко уступаютъ въ достоинствѣ издѣліямъ другихъ странъ, взялась за устройство музеевъ и рисовальныхъ школъ съ необыкновенной энергіей. На другой же годъ послѣ выставки былъ открытъ Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, а чтобы сдѣлать произведенія искусства болѣе доступными для жителей провинціи, были устроены подвижныя отдѣленія этого музея, такъ называемыхъ «tracnelling» для перевозки художественныхъ коллекцій изъ одной мѣстности въ другую. На устройство Кенсингтонскаго музея правительство отпустило 450.000 руб. сер. и частныя пожертвованія дали 750.000 руб. сер. Насколько сочувственно отнеслись къ развитію въ странѣ искусства англійскія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

провинціи, видно изъ того, что въ городахъ стали учреждаться художественно-промышленные музеи, преимущественно попеченіемъ и на счетъ мѣстныхъ мануфактуристовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ такихъ музеевъ устроено до сорока. Кромѣ того, открыто 92 школы съ 16.620 учащимися.

Что-либо подобное у насъ, пока, совершенно немыслимо, такъ какъ общество наше не сознаетъ еще огромнаго образовательнаго значенія искусства, считая его чуть не роскошью. Но и у насъ, къ счастью, находятся отдѣльныя лица, сдѣлавшія крупные вклады на дѣло проведенія въ массу художественныхъ знаній. Два имени въ этомъ отношеніи займутъ выдающееся мѣсто въ исторіи развитія русскаго художества: барона Александра Людвиговича Штиглица и профессора живописи Алексѣя Петровича Боголюбова. Основанное первымъ въ столицѣ центральное училище техническаго рисованія хотя и будетъ служить главнымъ образомъ Петербургу, но принесетъ несомнѣнную пользу и провинціи, готовя для нея учителей. Учрежденіе же А. П. Боголюбовымъ художественно-промышленнаго музея съ рисовальнымъ училищемъ въ Саратовѣ является прямо направленной къ цѣли помощью развить искусство тамъ, гдѣ оно находится въ наибольшемъ пренебреженіи—въ провинціи.

Приведенная теперь съ такимъ блестящимъ успѣхомъ въ исполненіе мысль устроить въ провинціи художественный музей явилась у А. П. Боголюбова давно, когда онъ еще изучалъ живопись въ Дюссельдорфѣ. Еще тогда онъ обратилъ вниманіе на ненормальность того явленія, что у насъ художественное образованіе и лучшія произведенія искусства сосредоточены только въ столицахъ, а въ провинціи почти нѣтъ ничего, способствующаго развитію вкуса и артистическихъ познаній въ обществѣ и народѣ. Онъ рѣшилъ употребить свои силы и средства на то, чтобы хоть сколько-нибудь измѣнить такой порядокъ вещей къ лучшему. Задумавъ это прекрасное дѣло, А. П. Боголюбовъ преслѣдовалъ намѣченную имъ цѣль неустанно и непреклонно въ теченіе всей своей многолѣтней художественной дѣятельности. Онъ собиралъ картины и другіе художественные предметы, покупая ихъ, вымѣнивая на свои произведенія и принимая въ видѣ дара отъ своихъ многочисленныхъ друзей, сочувствовавшихъ его намѣреніямъ. Наконецъ, въ 1877 г., онъ призналъ, что все пріобрѣтенное имъ представляетъ настолько солидное и обильное художественное собраніе, что уже наступило время начать переговоры объ учрежденіи музея. Въ первоначальныхъ своихъ намѣреніяхъ А. П. Боголюбовъ имѣлъ отдать художественныя коллекціи въ предположенный музей только послѣ своей смерти, обезпечивъ нужды музея и школы особымъ капиталомъ, но впослѣдствіи онъ это намѣреніе измѣнилъ, благо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

даря чему музей уже и существуетъ; капиталъ же, до 150.000 руб., явится посмертнымъ вкладомъ жертвователя.

Мѣстомъ для открытія музея А. П. Боголюбовъ назначилъ Саратовъ, какъ главный городъ губерніи, гдѣ родился извѣстный гуманистъ екатерининскаго времени, Александръ Николаевичъ Радищевъ, родной дѣдъ А. П. Боголюбова по матери, въ честь котораго онъ пожелалъ наименовать музей «Радищевскимъ». Имя Радищева занимаетъ на столько высокое мѣсто въ исторіи русской культуры, что мысль посвятить ему учрежденіе такого гуманитарнаго характера, какъ музей, должна быть признана въ высшей степени симпатичной. Наконецъ, Саратовъ былъ выбранъ А. П. Боголюбовымъ мѣстомъ для музея—какъ одинъ изъ видныхъ центровъ провинціи въ низовомъ Поволжьѣ.

Не имѣя еще прочныхъ связей съ Саратовомъ, А. П. Боголюбовъ сообщилъ задуманный имъ планъ учрежденія музея своему другу—члену государственнаго совѣта К. П. Побѣдоносцеву, который, въ декабрѣ 1877 года, обратился къ тогдашнему саратовскому губернатору М. Н. Галкину-Врасскому съ письмомъ и, увѣдомивъ о намѣреніяхъ А. П. Боголюбова, просилъ оказать содѣйствіе ихъ осуществленію. М. Н. Галкинъ-Врасскій отнесся къ сообщенію К. П. Побѣдоносцева съ горячимъ сочувствіемъ, и въ томъ же декабрѣ 1877 года пригласилъ городскую думу воспользоваться предложеніемъ Боголюбова въ интересахъ города и мѣстнаго края. Въ это же время къ саратовскому городскому головѣ поступило заявленіе гласныхъ И. Т. Миловидова, Г. Н. Юренева и З. И. Лисенко, въ которомъ они сообщили, что, находясь въ Петербургѣ, они представлялись К. П. Побѣдоносцеву и выслушали отъ него просьбу заявить предъ саратовскою городскою думою о желаніи А. П. Боголюбова передать въ собственность города его коллекціи картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы городъ устроилъ для нихъ помѣщеніе.

Возникшій такимъ путемъ въ Саратовскомъ городскомъ управленіи вопросъ объ учрежденіи музея разсматривался городскою думою въ засѣданіи 11-го января 1878 г. и вызвалъ единогласное постановленіе, которымъ предложеніе г. Боголюбова было принято, съ обязательствомъ устроить на средства города новое каменное зданіе для помѣщенія музея и школы рисованія при немъ.

Послѣ этого А. П. Боголюбовъ болѣе двухъ лѣтъ не дѣлалъ городу никакихъ напоминаній и вопросъ о музеѣ снова выступилъ на сцену въ 1880 году, когда М. Н. Галкинъ-Врасскій, оставившій уже къ этому времени Саратовъ, сообщилъ письмомъ городскому головѣ, что о составленіи плана на зданіе для музея г. Боголюбовъ просилъ своего товарища, профессора архитектуры Штрома.

Въ засѣданіи 21-го іюня 1880 г. дума выбрала мѣсто для зданія музея на Театральной площади и рѣшила послать г. Штрому

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выкопировку плана какъ этого мѣста, такъ и другого, на Соборной площади. Въ этомъ же засѣданіи единогласно состоялся актъ о приглашеніи А. П. Боголюбова принять на себя званіе почетнаго гражданина города Саратова, имѣющій то важное значеніе, что съ этого момента необходимость устройства музея въ Саратовѣ уже дѣлалась окончательно признанною и становилась только вопросомъ времени.

Когда отъ г. Штрома былъ полученъ одобренный г. Боголюбовымъ проектъ зданія для музея, городская дума, въ мартѣ 1882 г., разсмотрѣла смѣту, первоначально опредѣленную городскимъ архитекторомъ въ суммѣ 92.678 руб., кромѣ расхода на устройство близь музея лавокъ въ 11.670 руб. Въ апрѣлѣ было окончательно рѣшено строить зданіе на Театральной площади. Постройку поручено произвести хозяйственнымъ способомъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ члена городской управы А. В. Пескова. Наблюденіе за работами было возложено на городского архитектора, гласнаго А. М. Салько, который посылался городомъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ составителемъ проекта г. Штромомъ относительно выполненія работъ.

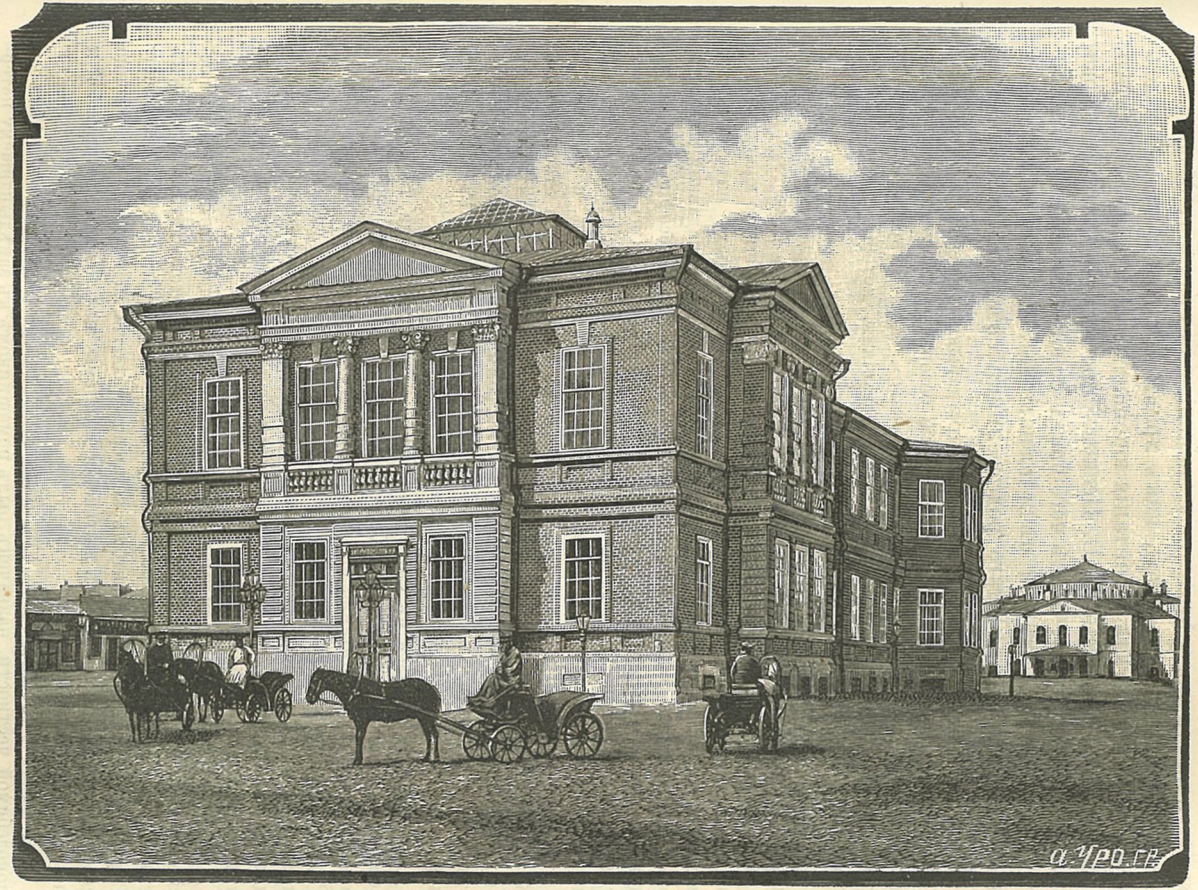
Приступивъ немедленно къ заготовкѣ матеріаловъ, комиссія окончила ее въ апрѣлѣ 1883 г., а 1-го мая состоялась закладка зданія. Дальнѣйшія работы велись настолько успѣшно, что къ октябрю 1883 года комиссіей было израсходовано на зданіе уже 50.529 руб. и выяснено, что для всей постройки потребуется еще 50.470 руб., которые думой тогда же и ассигнованы. Впослѣдствіи сумма расходовъ на постройку была увеличена до 103.700 руб., изъ которыхъ образовался остатокъ до 1000 руб., употребленный потомъ на расходы по обстановкѣ музея.

Полная отдѣлка зданія была окончена къ маю 1885 г. Между тѣмъ были получены коллекціи г. Боголюбова, а также картины и вещи, высочайше дарованныя для музея. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ въ Саратовъ А. П. Боголюбовъ и подъ его руководствомъ все содержимое музея было размѣщено въ зданіи на соотствующія мѣста къ 26 іюня.

27-го іюня духовная процессія, съ епископомъ Павломъ во главѣ, съ хоругвями и крестами, прослѣдовала изъ каѳедральнаго собора въ зданіе музея и состоялось его освященіе. Въ тотъ же день основатель музея, А. П. Боголюбовъ, показывалъ его гласнымъ городской думы и давалъ при этомъ самыя подробныя объясненія всѣхъ картинъ и вещей.

Окончательное открытіе музея произошло 29-го іюня и совершилось весьма торжественно въ присутствіи начальника губерніи, городскихъ гласныхъ, представителей всѣхъ вѣдомствъ и публики. Ровно въ 12 часовъ дня, по прибытіи духовенства и хора пѣвчихъ, въ большой актовой залѣ былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Радищевскій музей въ Саратовѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

котораго былъ пропѣтъ духовный концертъ. Затѣмъ публика заняла мѣста, и начальникъ губерніи, А. А. Зубовъ, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой, объявивъ «Радищевскій» музей открытымъ, указалъ на его просвѣтительное значеніе для края и ту облагораживающую роль, какую музей, какъ храмъ искусства, можетъ и долженъ занять въ дѣлѣ воспитанія юношества. Затѣмъ предсѣдатель строительной комиссіи А. В. Песковъ прочиталъ краткій очеркъ возникновенія музея, послѣ чего братъ основателя музея, Н. П. Боголюбовъ, въ пространной рѣчи познакомилъ публику съ жизнью и дѣятельностью знаменитаго родственника своего—А. Н. Радищева:

«Милостивые государи и милостивыя государыни! Попечитель музея А. В. Песковъ, изложивъ предъ вами историческій обзоръ по его устройству, упомянулъ, что онъ получилъ названіе «Радищевскаго». Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы познакомить васъ съ тѣми основаніями, которыя послужили къ тому, чтобы музей носилъ такой придатокъ.

«Радищевъ, памяти котораго посвящаются музей и школа, былъ человѣкъ далеко не заурядный. Въ нашей литературѣ онъ извѣстенъ какъ глубокій мыслитель и писатель. Въ средѣ служебной онъ слылъ за отличнаго юриста, опытнаго чиновника и безкорыстнаго человѣка. Въ сферѣ ученыхъ онъ выдавался изъ этой среды, какъ человѣкъ передовой того времени, обладавшій многосторонними знаніями. Помимо юриспруденціи онъ изучилъ философію, химію, медицину, исторію литературы европейской и отечественной. Онъ зналъ основательно языки: латинскій, англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Онъ перечиталъ всевозможныхъ классическихъ писателей и слѣдилъ, помимо своихъ служебныхъ занятій, за современной литературой иностранной и отечественной. Какъ свѣтскій, образованный человѣкъ, онъ зналъ музыку, самъ игралъ на скрипкѣ, былъ ловкимъ наѣздникомъ и танцоромъ, считался хорошимъ и счастливымъ стрѣлкомъ, однимъ словомъ—Александръ Николаевичъ Радищевъ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ своего времени.

«Радищевъ родился въ Саратовской губ., Кузнецкаго уѣзда, въ селѣ Аблязовѣ, 20-го августа 1749 года. Отецъ его имѣлъ 2,000 душъ. Когда пришло время дать сыну воспитаніе, онъ помѣстилъ его въ Пажескій корпусъ. Юный Радищевъ скоро выдвинулся изъ среды товарищей своими блестящими способностями и въ 1766 году посланъ былъ императрицей Екатериной II въ Лейпцигскій университетъ въ числѣ двѣнадцати избранныхъ молодыхъ людей для полученія высшаго образованія.

«Послѣдствія оправдали выборъ императрицы. Радищевъ, возвратясь въ Россію въ 1770 году, поступилъ на службу въ Сенатъ протоколистомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Затѣмъ онъ перешелъ къ графу Александру Романовичу Воронцову, бывшему президентомъ коммерцъ-коллегіи, асессоромъ и до конца своей жизни, не смотря на всѣ житейскія невзгоды, пользовался его дружбой и покровительствомъ.

«Въ 1780 году, Радищевъ, уже извѣстный императрицѣ, какъ человѣкъ непоколебимой честности, назначенъ былъ помощникомъ къ завѣдывавшему петербургской таможней—Далю, человѣку старому, больному, плохо владѣвшему русскимъ языкомъ, и вообще неспособному. Хотя ему и поручено было составить новый тарифъ, но эта трудная работа исполнена была всецѣло Радищевымъ, который, помимо ея, управлялъ и таможней, а послѣ смерти Даля утвержденъ былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ этой должности самой императрицей, не смотря на множество искателей, старавшихся получить это мѣсто, и награжденъ былъ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4 степени.

«Любя литературу, Радищевъ свободные часы отъ дѣлъ посвящалъ ей постоянно: издалъ нѣсколько сочиненій и переводовъ и, какъ свободный мыслитель, не стѣсняясь, высказывалъ свои взгляды на пороки общественные и злоупотребленія, вкравшіяся въ сферу служебную.

«Такъ, управляя еще таможней въ 1789 г., онъ издалъ книгу, подъ названіемъ: «Поѣздка изъ Петербурга въ Москву», послужившую поводомъ къ неумолимому гоненію, окончившемуся тѣмъ, что онъ былъ лишенъ чиновъ, дворянства и сосланъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Это случилось въ разгаръ первой французской революціи.

«Многія изъ высказанныхъ Радищевымъ идей, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, гласное судопроизводство, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія—въ настоящее время мы видимъ уже совершимися фактами, а о свободѣ торговли, которой онъ былъ горячій поклонникъ, свободѣ книгопечатанія и пр. ведется журнальная полемика безнаказанно. Скажу болѣе: даже книга его «Поѣздка изъ Петербурга въ Москву» была напечатана лѣтъ 12 тому назадъ съ небольшими лишь пропусками. Но Радищевъ, опередивши свой вѣкъ своими взглядами, пострадалъ и поплатился преждевременной кончиной.

«Во время ссылки Радищевъ женился во второй разъ. Онъ имѣлъ дѣтей и отъ перваго брака, но всѣ они умерли холостыми. Отъ второго брака въ Илимскѣ родились у него двѣ дочери и сынъ. Возвращенный изъ ссылки императоромъ Павломъ, онъ не былъ еще прощенъ и обязательно проживалъ въ родовомъ селѣ Нѣмцовѣ, Калужской губерніи.

«Императоръ Александръ I посмотрѣлъ иначе на опальнаго Радищева: онъ возвратилъ ему чины, дворянство, орденъ и какъ опытнаго юриста, опредѣлилъ въ комиссію для составленія законовъ, гдѣ Радищевъ успѣлъ составить проектъ гражданскаго уложенія, а для составленія уложенія уголовнаго собирался ѣхать въ Англію. Но судьбѣ угодно было пресѣчь полезную и безкорыстную дѣятельность Радищева и не дать времени оправдать оказанныя ему монархомъ милость и довѣріе. Здоровье его въ суровомъ заточеніи было надломлено и силы душевныя потрясены до основанія; онъ постоянно жаловался на разные недуги и, кромѣ того, страдая ипохондріей, кончилъ жизнь почти внезапно. Семья осиротѣла буквально, така какъ и вторая жена его скончалась на пути въ Россію, въ Тобольскѣ.

«Императоръ, узнавъ о тяжкой болѣзни Радищева, присылалъ къ нему двухъ лейбъ-медиковъ, въ томъ числѣ извѣстнаго Вилье, но помощь ихъ была безполезна. Онъ скончался 12-го сентября 1802 года.

«Едва государь узналъ о кончинѣ полезнаго слуги своего, какъ повелѣлъ: малютокъ-дѣтей и именно дочерей принять въ Смольный монастырь, а сына — во Второй кадетскій корпусъ.

«Изъ нихъ сынъ Аѳанасій Александровичъ хотя и былъ женатъ, но скончался въ преклонной старости генералъ-лейтенантомъ бездѣтнымъ, въ родовомъ селѣ Аблязовѣ, въ октябрѣ 1881 г. Изъ дочерей только одна Ѳекла Александровна вышла въ 1820 году за полковника Боголюбова—нашего отца. И такъ, братъ мой, Алексѣй Петровичъ и я—прямые потомки Александра Николаевича Радищева. Мы оба бездѣтны.

«Когда брату моему пришла мысль основать художественный музей и при

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немъ школу техническаго рисованія и пополнить первый своимъ художественнымъ имуществомъ, то онъ обратился съ этимъ къ г. Саратову, какъ представителю родины Радищева, и провелъ въ то же время мысль о посвященіи храма изящныхъ искусствъ памяти передового человѣка минувшаго столѣтія, а нашего родного дѣда. Городъ отозвался сочувственно къ его завѣтной мысли, и вотъ, милостивые государи и государыни, почему музей именуется нынѣ «Радищевскимъ».

Послѣднимъ говорилъ основатель музея А. П. Боголюбовъ. Вышелъ онъ къ каѳедрѣ взволнованный торжествомъ событія и исполненіемъ своей завѣтной цѣли. Начавъ съ того, что мысль объ устройствѣ саратовскаго музея встрѣтила высокое покровительство государя императора, онъ обратился къ саратовцамъ съ слѣдующими словами:

«Глубокоуважаемые граждане г. Саратова. Вы поняли мою мысль, вы дали средства завершить ее, а потому дѣло мое и ваше составляетъ наше общее дѣло. Мы стремились къ нему съ одинаковымъ рвеніемъ. Богъ помогъ намъ осуществить его, и мнѣ остается лишь принести вамъ мою живѣйшую благодарность за осуществленіе первой половины нашей общей задачи и пожелать, чтобы и вторая ея половина, т. е. открытіе школы, осуществилась такъ же скоро и благополучно, какъ и открытіе самаго музея, дабы прекрасное цѣлое послужило на пользу нашей любезной и дорогой родины».

Послѣ того присутствующими былъ подписанъ актъ объ открытіи музея, а начальникомъ губерніи, по просьбѣ представителей городского управленія, была послана телеграмма на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ просьбою повергнуть предъ государемъ императоромъ всеподданѣйшія чувства признательности города за всемилостивѣйшія пожалованія, обогатившія вновь открытый музей.

Въ тотъ же день, 29-го іюня, городомъ данъ обѣдъ въ честь основателя музея, А. П. Боголюбова, въ залѣ коммерческаго клуба, украшенномъ зеленью и цвѣтами, изъ которыхъ былъ свитъ вензель государя императора, вензель виновника торжества, А. П. Боголюбова, и годъ «1885»,—памятный въ исторіи Саратова такимъ выдающимся событіемъ, какъ открытіе «Радищевскаго» музея.

Изъ сказанныхъ за обѣдомъ рѣчей приведемъ здѣсь только одну, произнесенную заступающимъ мѣсто городского головы И. Я. Славинымъ, весьма удачно очертившимъ въ ней данный моментъ и достойно выразившимъ чествованіе основателя музея А. П. Боголюбова:

«Сегодня—сказалъ г. Славинъ—мы были свидѣтелями и участниками событія, которое будетъ имѣть несомнѣнное значеніе въ исторіи нашего города и, пожалуй, даже цѣлаго края. Сегодня мы восприняли первый провинціальный художественный музей. Мы, слишкомъ близко стоящіе къ этому историческому факту, не въ состояніи въ настоящее время сдѣлать надлежащую оцѣнку значенія этого факта и всѣхъ послѣдствій, изъ него вытекающихъ. Пройдутъ года съ нынѣшняго дня, минуютъ десятилѣтія, столѣтія пронесутся надъ нашимъ музеемъ, можетъ быть новые вклады, болѣе цѣнные во всѣхъ отношеніяхъ, по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ступятъ въ него; можетъ быть изъ него, какъ изъ неизсякаемаго источника, польется въ массу широкой, живоносной волной художественное образованіе. Но это дѣло будущаго. Въ данное время для насъ несомнѣнно одно... Пройдутъ года; на смѣну намъ придутъ новые дѣятели на поприще служенія общимъ интересамъ; скромныя имена насъ, случайныхъ маленькихъ сотрудниковъ этого большого дѣла, забудутся, затуманятся отъ времени. Но не забудется и не затуманится одно имя. Имя это яркой путеводной звѣздой будетъ блестѣть для всѣхъ работниковъ и радѣтелей на Божьей нивѣ родного искусства, негасимымъ свѣточемъ будетъ горѣть оно въ исторіи нашего музея и изъ тьмы вѣковъ лучи этого свѣточа упадутъ на самыя отрадныя страницы исторіи нашего города. Имя это, господа, у всѣхъ у насъ на устахъ. Это имя учредителя и основателя музея, нашего почетнаго гражданина, Алексѣя Петровича Боголюбова, за котораго я еще разъ и предлагаю тостъ».

Рѣчь эта была встрѣчена общимъ восторгомъ и вызвала одушевленныя овацiи присутствующихъ въ честь виновника торжества А. П. Боголюбова.

На другой день, 30-го іюня, Радищевскій музей былъ открытъ безплатно для публики. Къ десяти часамъ утра къ музею собралась огромная толпа народа въ нѣсколько тысячъ, одновременный доступъ которой не могъ быть дозволенъ по невозможности вмѣстить ее въ зданіе музея. Впускалось за разъ по 500—600 человѣкъ, но всѣмъ желающимъ войти въ музей въ этотъ день не удалось его осмотрѣть. Всего до трехъ часовъ дня въ музеѣ перебывало 2700 посѣтителей.

II.

Вслѣдъ за открытіемъ музея всѣ его коллекціи были подвергнуты систематизаціи, которая дала 25 группъ наполняющихъ музей предметовъ: I-я изъ нихъ, самая главная и самая цѣнная, состояла изъ картинъ и этюдовъ, исполненныхъ масляными красками, въ числѣ 285 экземпляровъ. Изъ нихъ 30 картинъ поступили изъ императорскаго Эрмитажа, 27 картинъ (и 12 этюдовъ натурнаго класса для рисовальной школы) изъ императорской Академіи Художествъ, девять картинъ отъ жертвователей: Ф. А. Бронникова, М. П. Боткина, П. М. Третьякова, К. И. Радищевой, Л. С. Киндякова, Артели с.-петербургскихъ художниковъ, двухъ саратовцевъ-академиковъ—А. А. Харламова и Ѳ. С. Журавлева; остальные 207 картинъ и этюдовъ даны музею А. П. Боголюбовымъ и изъ нихъ 118—его произведенія. Мы здѣсь не будемъ подробно перечислять авторовъ поступившихъ въ музей картинъ, а только скажемъ, что въ числѣ ихъ имѣются прекрасно исполненныя копіи и оригиналы знаменитѣйшихъ мастеровъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, школъ итальянской, испанской, нѣмецкой, фламандской и голландской, и новѣйшіе представители школъ нѣмецкой, французской и русской, которая была представлена довольно полно 49 авторами; иностранныхъ авторовъ имѣлось 57.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II и III группы заключали въ себѣ живопись клеевыми и водяными красками (акварели) и рисунки сепіей, тушью, перомъ и карандашемъ. Всѣхъ работъ этого рода при открытіи музея было 380 экземпляровъ, изъ которыхъ 306 подарены А. П. Боголюбовымъ и въ нихъ 244—его работы. Изъ мѣстныхъ жителей при открытіи музея художникъ Д. Н. Россовъ подарилъ три акварели своей работы, и Ю. К. Нейпертъ пожертвовала прекрасную миніатюру-акварель XVIII вѣка.

IV, V и VI группы состояли изъ гравюръ, офортовъ, литографій, фотографій и альбомовъ. Въ нихъ вошло 117 предметовъ, изъ которыхъ 102 даны А. П. Боголюбовымъ. Между альбомами есть весьма цѣнныя и рѣдкія изданія: поступившіе отъ А. П. Боголюбова офорты Форстера, акватинты и офорты Гравезанда, гравюры Чемезова и «Собраніе каррикатуръ» Гогарта и отъ В. В. Стасова «Восточный и славянскій орнаментъ».

VII—отдѣлъ скульптуры и VIII каменныя издѣлія заключали въ себѣ—первый 36, а второй 51. Изъ скульптуръ 4 даны Эрмитажемъ, 23 А. П. Боголюбовымъ и 7 разными лицами и въ томъ числѣ саратовцами: Л. Н. Дехановымъ, Г. Д. Языковымъ, А. Н. Минхомъ и А. П. Честновымъ. Изъ 51 вещи каменныхъ издѣлій 47, на сумму 11,830 руб., отпущены изъ запасовъ императорскихъ гранильныхъ фабрикъ.

IX и X—фарфоръ, фаянсъ, терракоты и образцы матеріаловъ фарфороваго производства составились изъ 25 вещей, на сумму 1050 руб., высланныхъ Эрмитажемъ, 151 вещи, поступившихъ отъ А. П. Боголюбова, и изъ другихъ пожертвованій, изъ которыхъ замѣчательно блюдо XVIII вѣка, подаренное Э. К. Ульрихъ. Въ числѣ фарфоровыхъ вещей имѣлось 51 русской керамики (живопись по фарфору) и изъ нихъ 34 кисти А. П. Боголюбова. Отъ него поступило много стариннаго фарфора: севрскаго, саксонскаго, китайскаго и старыхъ дельфтскихъ фабрикъ.

XI и XII—стекло и матеріалы стекляннаго производства. Въ эти группы вошли 84 предмета, изъ которыхъ 28, на 330 руб., получены изъ Эрмитажа, 37 отъ А. П. Боголюбова, давшаго рѣдкіе экземпляры венеціанскаго и рейнскаго стекла XVII и XVIII вѣковъ и, между прочимъ, окно изъ росписного стекла работы академика В. Е. Сверчкова, стоимостью въ 1500 руб. Въ остальныхъ 19 предметахъ заключаются матеріалы стекляннаго производства (10) и вещи, поступившія отъ города и гг. А. П. Троицкаго, Н. Я. Залетова и В. М. Воронцова—саратовцевъ.

Группы XIII золотыя и серебряныя вещи (51), XIV бронза (77 вещей), XV олово, желѣзо и чугунъ (7 в.), XVI рѣзное дерево и кость (18 в.), XVII утварь и мебель (207 в.), XVIII модели и клише (5 в.), XIX ткани, гоблэны и ковры (152 в.) и XX вооруженіе (12 в.) составились главнымъ образомъ изъ пожертвованій А. П. Боголюбова, доставившаго изъ общаго числа 519

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вещей 353 рѣдкихъ образца произведеній разныхъ странъ и при томъ очень древнихъ (есть одна византійская эмаль XI вѣка).

XXI группа—монеты и ассигнаціи и XXII—медали и знаки, взятыя вмѣстѣ, составляли при открытіи музея довольно видную нумизматическую коллекцію, главные вклады въ которую сдѣланы И. А. Новиковымъ, В. М. Воронцовымъ, А. Н. Минхомъ и Г. Н. Юреневымъ; послѣднимъ пожертвовано собраніе монетъ изъ 920 экземпляровъ и въ томъ числѣ 551 серебряныхъ. Затѣмъ, весьма цѣнный даръ поступилъ отъ императорской Археологической комиссіи: 349 серебряныхъ, научно опредѣленныхъ, золотоордынскихъ монетъ изъ клада, найденнаго близъ с. Воскресенскаго, Вольскаго уѣзда. Всѣхъ монетъ при открытіи музея было 2048 и медалей 40.

XXIII группа состояла изъ 55 вещей этнографическо-археологическаго характера, изъ которыхъ 47 даны А. П. Боголюбовымъ и заключались въ предметахъ, добытыхъ изъ раскопокъ; XXIV—естественно-историческая (минералы и окаменѣлости) заключалась въ 55 экземплярахъ и начало ей положилъ саратовецъ, писатель И. А. Саловъ, подарившій коллекцію рудъ и камней, 34 образца.

Наконецъ, XXV отдѣлъ—библіотека музея—открылся при 80 названіяхъ въ 170 томахъ книгъ и рукописей. Между прочимъ, получено: отъ А. П. Бахрушина изъ Москвы рукописный экземпляръ сочиненія А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», отъ А. Г. Рубинштейна его манускриптъ «Памяти Скобелева», фантазія для оркестра, и отъ П. В. Жуковскаго (сына поэта) двѣ рукописи поэта Пушкина и одна поэта Жуковскаго.

Всего при своемъ открытіи музей имѣлъ 3979 предметовъ, число которыхъ въ первые же три года существованія музея увеличилось до 7681. Несомнѣнно, что даже въ первоначальномъ своемъ видѣ «Радищевскій» музей представляетъ собою образцовое художественное хранилище въ русской провинціи.

Въ недалекомъ будущемъ при музеѣ должно открыться училище техническаго рисованія, уставъ котораго уже выработанъ. Средства на первоначальное обзаведеніе училища имѣются и сформировались изъ пожертвованій С. С. Полякова (2000 р.) и А. С. Суворина (1312 р.), обезпеченіе же текущихъ нуждъ училища, при пособіи отъ города, изъявилъ согласіе принять на себя основатель музея А. П. Боголюбовъ (городъ наименовалъ училище «Боголюбовскимъ»). Съ открытіемъ училища и музей долженъ пріобрѣсти еще бо́льшее значеніе, какъ разсадникъ искусства въ такой мѣстности Россіи, которая имѣя всѣ задатки для развитія художественной культуры, до сихъ поръ была въ этомъ отношеніи совершенно обездолена.

А. Кущъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы I и II. Литературные очерки и портреты. Спб. 1889.

Хотя Г. СПАСОВИЧЪ въ предисловіи къ своимъ очеркамъ и портретамъ заявляетъ, что онъ только «въ свободное время», т. е. между дѣломъ, интересовался вопросами искусства, изучая великихъ писателей, въ особенности поэтовъ, что, слѣдовательно, на его опыты литературной критикѣ нужно смотрѣть, какъ на занятіе для автора не главное,— однако, такая рекомендація, предпосланная первымъ двумъ томамъ, не болѣе и не менѣе какъ излишняя скромность ибо г. Спасовичъ критикъ безспорно талантливый и выдающійся. Его извѣстность литературная, пожалуй, меньше извѣстности адвокатской; но несомнѣнно, что она прочнѣе и солиднѣе. Г. Спасовичъ одаренъ способностью писать очень сжато и мѣтко; въ этомъ отношеніи незамѣнимымъ средствомъ для него является его яркій, метафорическій, почти художественный языкъ. Далѣе, г. Спасовичъ умѣетъ схватывать самую сущность разбираемаго произведенія и анализировать ее очень проницательно и толково. Критическій методъ г. Спасовича наиболѣе удачный: это—методъ историко-біографическій; авторъ не разрубаетъ на двѣ половины писателя и человѣка, а разсматриваетъ ихъ во взаимодѣйствіи; біографическіе факты изъ жизни разбираемыхъ писателей служатъ г. Спасовичу нерѣдко счастливымъ средствомъ для освѣщенія той или другой стороны извѣстнаго таланта или извѣстнаго произведенія; историческая же точка зрѣнія помогаетъ критику многое объяснить, а подчасъ и извинить въ разбираемомъ писателѣ, чего съ иной постановкой вопроса не удалось бы сдѣлать.

Правда, критическій анализъ г. Спасовича подчасъ дѣлается черезчуръ мелочнымъ и придирчивымъ, а языкъ метафорическій переходитъ подчасъ въ реторическій. Но эти недостатки не важны, сравнительно съ болѣе круп-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ными, которые отчасти уже отмѣчены другими рецензентами,—о не замѣченныхъ же мы сейчасъ скажемъ. Эти недостатки—сильное пристрастіе ко всему польскому и являющаяся отсюда тенденціозность во взглядахъ на многое и многихъ въ сферѣ исторіи литературы. Затѣмъ, въ критикѣ замѣтно также пристрастіе и къ байронизму.

Г. Спасовичу однимъ изъ рецензентовъ его сочиненій было очень дѣльно замѣчено, что онъ напрасно старается изобразить изъ себя «вѣтки хмѣля, перескакивающаго съ одного берега на другой», т. е. съ польскаго на русскій и обратно, ибо въ критикѣ его очень мало пониманія русской народности. О польской же, напр. въ лицѣ Мицкевича, г. Спасовичъ говоритъ въ панегирическомъ тонѣ и съ пониманіемъ. Въ этомъ убѣжденіи читатель утверждается, прочитавъ съ одной стороны, въ первомъ томѣ, очерки—«Владиславъ Сырокомля» (Людвигъ Кондратовичъ), «Мартинъ Матушевичъ» и его мемуары, «Винцентій Поль и его поэзія»,—а во второмъ томѣ очерки— «Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.), какъ байронистъ» и «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго»; съ другой стороны—въ томъ же первомъ томѣ—краткую, но весьма характерную въ извѣстномъ отношеніи рѣчь «О Пушкинѣ», а во второмъ томѣ очерки «Байронизмъ у Пушкина» и «Байронизмъ у Лермонтова». Начнемъ съ конца, т. е. съ отношенія г. Спасовича къ русскимъ великимъ поэтамъ.

Г. Спасовичъ находитъ, что Пушкинъ «былъ по преимуществу веселый человѣкъ» (I, 210) и что критикъ не можетъ видѣть въ Пушкинѣ «образецъ великаго гражданина, образецъ героя» (ib., 211); далѣе г. Спасовичъ заявляетъ, что Пушкинъ «создатель поэтическаго языка», «настоящій чародѣй»—и только. Кромѣ того, критикъ заявляетъ, что ему нѣтъ дѣла до того «полумиѳическаго Пушкина», какимъ онъ былъ изображенъ въ рѣчи Достоевскаго. Поэтому, очевидно, что народность Пушкина г. Спасовичъ считаетъ чѣмъ-то «полумиѳическимъ»; а вотъ и доказательство: «Лермонтовъ, говоритъ г. Спасовичъ (II, 370), считалъ Пушкина не національно-русскимъ, а общеевропейскимъ поэтомъ, какимъ Пушкинъ и былъ въ дѣйствительности». Или вотъ еще доказательство (II, 340): Пушкинъ, по мнѣнію г. Спасовича, по очереди подпадалъ вліянію то Байрона, то Шекспира, то Данта. «Въ концѣ концовъ это вліяніе... перешло въ легкую, трудноуловимую зыбь. Бывали времена, когда поэтъ отъ этого вліянія совсѣмъ освобождался,—и тогда онъ былъ вполнѣ независимъ, своеобразенъ, какъ причудливыя созданія народной или шекспировской фантазіи—воздушный сильфъ игривый Пукъ или—безподобный Аріель». О національномъ же значеніи Пушкина ни слова. Приведенныя цитаты на столько характерны, что не нуждаются въ коментаріяхъ. Въ мнѣніяхъ г. Спасовича въ сущности нѣтъ ничего новаго: такіе взгляды были высказаны еще Чернышевскимъ въ началѣ 50-хъ годовъ, повторялись Добролюбовымъ, были возведены въ перлъ нелѣпости Писаревымъ, а теперь пережевываются дряхлыми поклонниками утилитарно-публицистической школы въ русской критикѣ. Эти предвзятые и узкіе взгляды на великаго русскаго поэта пора бы давно сдать въ архивъ. Повтореніе же ихъ въ устахъ г. Спасовича доказываетъ только непониманіе имъ самыхъ глубокихъ и національныхъ твореній Пушкина. Конечно, приходится объ этомъ только пожалѣть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтить, что, повидимому, г. Спасовичъ цѣнитъ во всѣхъ поэтахъ, исключая поль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скихъ, ихъ космополитичность и радикализмъ. Такъ о Лермонтовѣ г. Спасовичъ говоритъ (II, 373): «Не будь Байрона и его вліянія—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно державшійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ высокаго полета, но космополитическій». Такимъ образомъ ясно, что г. Спасовичу русская національность несимпатична и кажется узкой. Лермонтовъ потому только великъ, что былъ Байронъ; а не будь послѣдняго, Лермонтовъ не былъ бы Лермонтовымъ. Не правда ли странная и тенденціозная логика?

Если же мы обратимся теперь къ польскимъ поэтамъ, которыхъ разбираетъ г. Спасовичъ, то замѣтимъ къ нимъ совершенно иное отношеніе, чѣмъ къ поэтамъ русскимъ. Такъ, Мицкевича г. Спасовичъ называетъ «національнымъ Тиртеемъ» (II, 220), про Сырокомлю-Кондратовича критикъ говоритъ безъ всякой тѣни упрека, что онъ ставилъ «своей цѣлью и задачей быть не только національнымъ, но, и въ особенности—народнымъ», т. е. простонароднымъ (I, 4); про Винцентія же Поля г. Спасовичъ съ большимъ сочувствіемъ замѣчаетъ, что «никто сильнѣе Поля не провозгласилъ великихъ истинъ» что «надо въ дому у себя быть своей силой».—«И въ вѣрѣ отцовъ, и въ разной одеждѣ», и также что «Изъ рода въ родъ перейдутъ и Богъ, и память дѣлъ,—родное слово и родная совѣсть», т. е. польское слово и польская совѣсть. Такимъ образомъ, ясно, что польскимъ поэтамъ г. Спасовичъ ставитъ въ заслугу ихъ націонализмъ и даже народность, а въ русскихъ эти качества или не признаетъ (въ Пушкинѣ), или говоритъ, что они подрѣзали бы поэтическія крылья (Лермонтову).

Кромѣ этюдовъ о польскихъ и русскихъ поэтахъ, г. Спасовичемъ во второмъ томѣ помѣщенъ довольно обширный очеркъ «Байронъ и нѣкоторые его предшественники». Это, какъ намъ кажется, наиболѣе удачная и блестящая вещь изъ всѣхъ остальныхъ. Г. Спасовичъ—поклонникъ Байрона; онъ всесторонне и внимательно изучилъ не только творенія британскаго великаго поэта, но и литературу о немъ. Положимъ, что въ общихъ своихъ выводахъ о Байронѣ г. Спасовичъ высказываетъ мало новаго—критическіе взгляды на поэта уже установились,—но въ частностяхъ, въ этой превосходной статьѣ разсыпано много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній. Здѣсь богатое эстетическое чутье г. Спасовича не затемняется ни польскими симпатіями, ни русскими антипатіями. **С. Т—чевъ.**

Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., біографическіе очерки А. В. Экземплярскаго. Томъ первый. Спб. 1889.

«Цѣль настоящаго труда—дать занимающимся русскою исторіею справочную книгу для одного изъ самыхъ важныхъ, и любопытныхъ, но едва ли, можно сказать, вполнѣ изслѣдованныхъ и обработанныхъ періодовъ русской исторіи, періода татарскаго». Такъ говоритъ авторъ въ началѣ своего предисловія, а потому мы должны разсмотрѣть его книгу только какъ справочное пособіе. Вся книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: Владимірскіе великіе князья, Владиміро-Московскіе, просто московскіе, Новгородская и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Псковская земли; въ этихъ пяти отдѣлахъ авторъ старается изложить всѣ событія исторической жизни сѣверной Руси, насколько ихъ можно пріуро чить къ тому иль другому великому князю, слѣдовательно примѣняя преимущественно біографическій способъ изложенія. Конечно, отъ этого способа пришлось уклониться, когда рѣчь пошла о вольныхъ городахъ, пользовавшихся исключительнымъ правомъ избирать и изгонять своихъ князей. При этомъ впереди перваго, четвертаго и пятаго отдѣловъ помѣщены краткіе очерки Владимірскаго княжества съ Юрія Долгорукаго, Новгорода и Пскова со времени ихъ основанія. Получилась объемистая книга въ тридцать почти листовъ, въ которой многія страницы неизбѣжно повторяются, такъ какъ приходится по нѣсколько разъ говорить объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ; прагматизмъ исчезаетъ, такъ какъ весь трудъ невольно разбивается на клѣточки съ ярлычками: «Иванъ Калита», «Дмитрій Донской» и т. д. Кромѣ того, предлагаемыя біографіи не имѣютъ законченности и цѣльности, читатель не выясняетъ себѣ ни личности князя, ни окружающей его среды, ни характеристики эпохи; черезъ это дѣлается понятнымъ, что трудъ г. Экземплярскаго есть первобытная компиляція, за которую мы можемъ сдѣлать комплиментъ автору, что онъ очень усидчивъ и кропотливъ въ работѣ, болѣе или менѣе внимательно подобралъ матеріалъ, но «своего» мы не видимъ, слѣдовательно автора нѣтъ, остался одинъ компиляторъ. На основаніи этого входить въ разсмотрѣніе содержанія книги не представляется возможности, но такъ какъ книга предназначена быть справочною, то слѣдуетъ посмотрѣть, насколько правильны указанія хронологическія и родословныя. Ссылаясь на Мальгина и Лелевеля, авторъ говоритъ, что дочь Ярослава 2 Всеволодовича, Евдокія, была за польскимъ королемъ Лешко 1 Бѣлымъ; это очевидная нелѣпость: Ярославъ 2 родился 8 февраля 1191 года, а жена короля была уже матерью въ 1211 году, выйдя замужъ въ 1208 году, когда еще Ярославъ 2 не былъ даже женатъ; насколько намъ извѣстно, жена Лешко 1 была Гренислава (но не Евдокія), дочь бѣльзскаго князя Александра Всеволодовича, двоюроднаго брата Даніила Галицкаго. У великаго князя Святослава Всеволодовича авторъ указываетъ только одного сына, тогда какъ ихъ было два сына и одна дочь. Когда родился первый московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, по книгѣ г. Экземплярскаго не видно, хотя извѣстно, что онъ родился въ 1229 году. Такой же пропускъ относительно Андрея 2 Ярославича, родоначальника князей Шуйскихъ, родившагося въ 1217 году, автору почему-то хочется увѣрить, что Александръ Невскій (род. 20 мая 1220 года) былъ старше брата его Андрея 2, упуская изъ вида, что вся борьба потомковъ Андрея 2 съ потомками Александра Невскаго происходила во имя того, что первые признавали право старшинства (какъ установившійся обычай) выше воли монгольскаго владыки на берегахъ Амура, который призналъ великимъ княземъ болѣе понравившагося ему Александра. Сомнѣваясь въ томъ, что Андрей 2 былъ женатъ на Устиньѣ, дочери Даніила Галицкаго, авторъ утверждаетъ, что лѣтописи перепутали, такъ какъ Устинья была женою Андрея Ярославича Угличскаго; между тѣмъ, такого князя во всей родословной Рюриковичей днемъ съ огнемъ не найти; намъ извѣстенъ въ эту эпоху только угличскій князь Андрей Владиміровичъ, сынъ Владиміра Константиновича Угличскаго, двоюроднаго брата Александра Невскаго. Великій князь Дмитрій 2 Михайловичъ родился 15 сентября 1298 года, а по автору онъ годомъ моложе. Когда родился Иванъ 1

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Калита, авторъ совершенно не указываетъ, хотя извѣстно, что онъ родился въ 1282 году. Относительно Семена Гордаго авторъ дѣлаетъ чуть не алгебраическія вычисленія, чтобы указать на 1316 годъ, какъ на годъ его рожденія, хотя извѣстно, что онъ родился 7 сентября 1315 года. У великаго князя Ивана 2 авторъ указываетъ одну дочь, неизвѣстную по имени, вышедшую замужъ за какого-то Дмитрія Коріатовича, внука Гедимина; въ родословной же таблицѣ, помѣщенной въ концѣ книги, является и вторая дочь Анна, жена Дмитрія Михайловича Боброка, знаменитаго участника Куликовской битвы. Такимъ образомъ, изъ одной бани получаются разныя вѣсти и справляющійся недоумѣваетъ, чему больше вѣрить: тексту или таблицѣ? Вопросъ разрѣшается очень просто: г. Экземплярскому не пришло въ голову справиться съ родословіемъ Гедиминовичей, а то онъ увидилъ бы тамъ, что у Гедимина отъ третьей жены Явны Ивановны было два сына: Явнутъ и Коріатъ, въ православіи Иванъ и Михаилъ; у этого Коріата-Михаила изъ числа семи сыновей былъ Дмитрій, получившій удѣлъ на Волыни, откуда онъ, вслѣдствіе притѣсненій отъ родственниковъ, ушелъ «на Москву», гдѣ онъ сохранилъ свои прозвища Волынца и Боброка. Такимъ образомъ выясняется, что Дмитрій Коріатовичъ и Дмитрій Михайловичъ одно и то же лицо; г. Экземплярскій этого не зналъ и поэтому сочинилъ Ивану 2 вторую дочь. Всѣ указанные, а также и не указанные, промахи внушаютъ мало довѣрія къ труду г. Экземплярскаго, какъ къ справочной книгѣ.

А. Б—въ.

Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова. Тверь. 1889.

Главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Овсянникова послужили, какъ это онъ самъ заявляетъ въ первой главѣ своего труда, двѣ писцовыя книги, одна 1625—1626 гг. и другая 1685—1686 г. Первая представляетъ собой выписку изъ писцовыхъ книгъ Твери Потапа Нарбекова, которой въ настоящее время нѣтъ даже въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и которая теперь представляетъ изъ себя большую рѣдкость. Естественно, что изслѣдованіе, сдѣланное на основаніи этихъ рѣдкихъ и не всякому доступныхъ документовъ, должно имѣть нѣкоторое значеніе и интересъ тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ авторъ, «занимаясь изученіемъ этихъ двухъ историческихъ памятниковъ», онъ не думаетъ «пересказать подробно одно ихъ содержаніе» и хотя не имѣетъ въ виду «возстановить городъ Тверь въ XVII в. во всѣхъ подробностяхъ съ обозначеніемъ на планѣ всѣхъ улицъ, церквей, дворовъ, домовъ», но за то берется опредѣлить «исторически сложившійся допетровскій видъ города, насколько онъ выясняется изъ названныхъ выше писцовыхъ книгъ и другихъ источниковъ».

Въ концѣ XVII в., г. Тверь, какъ это показываетъ изслѣдованіе, по своему устройству нисколько не отступала отъ общаго типа древне-русскихъ городовъ. Она состояла изъ крѣпости-дѣтинца (кремля) и четырехъ небольшихъ посадовъ: Загородскаго, Зарьмацкаго, Затверецкаго и Заволжскаго. Крѣпость, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ, а также плана Твери, сдѣланнаго Олеаріемъ въ XVII в. и приложеннаго къ его сочиненію «Neun Orientalische Reise» (Schleswig 1647, стр. 7), была окружена рвомъ, ва-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ломъ и тыномъ съ 11 башнями и 4 воротами. За стѣнами, въ кремлѣ, находилась «патрональная святыня» Твери—соборъ св. Спаса, построенный въ 1285 г. при вел. кн. Михаилѣ Ярославичѣ на мѣсто сгорѣвшей деревянной церкви свв. Козьмы и Дамьяна. Главной святыней этого храма являются мощи тверскаго князя Михаила Ярославовича, погибшаго въ 1519 г. въ Ордѣ. Храмъ этотъ въ XVII в. былъ богатъ разнаго рода утварью, которая очень подробно описана г. Овсянниковымъ, благодаря полнотѣ главнаго его источника. Не менѣе богатъ «Спасъ Златоверхій» и историческими воспоминаніями, тѣсно съ нимъ связанными. Въ немъ въ 1486 г. присягали тверскіе князья и бояре Іоанну III, который въ томъ же году, спустя нѣкоторое время, слушалъ здѣсь обѣдню съ сыномъ своимъ Іоанномъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя здѣсь молился Грозный, а спустя еще столько же времени храмъ этотъ былъ опустошенъ поляками и литовцами. Кромѣ этого храма, не менѣе дорогъ для тверитянъ по историческимъ воспоминаніямъ монастырь св. Аѳанасія, находящійся позади Спаса Златоверхаго, гдѣ вел. кн. Михаилъ Александровичъ постригся въ иноки и приказалъ написать «грамоты душевныя». Кромѣ этихъ двухъ главнѣйшихъ святынь, замѣчательныхъ, какъ по своей древности, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ ними, здѣсь же въ Кремлѣ находился владычный дворъ, княжескія палаты, которыя, по словамъ писцовой книги, въ 1626 г. имѣли еще своды, но спустя нѣкоторое время своды эти «вверху опали», «палата каменная обалилась», воеводскій домъ, приказная и губная избы. Послѣдняя, впрочемъ, въ концѣ XVII в. (1676 г.) была сломана и должность губнаго старосты отмѣнена, вслѣдствіе чего всѣ его обязанности и власть перешли къ воеводѣ. Земская же изба, какъ и во всѣхъ старыхъ городахъ, находилась за стѣнами кремля — на Загородскомъ посадѣ. Здѣсь же помѣщалась чарошная изба, съ виннымъ погребомъ. Здѣсь главную роль игралъ земскій староста, завѣдывавшій раскладкою, сборомъ и доставкою воеводѣ государственныхъ податей и сборомъ казенныхъ пошлинъ, главную часть которыхъ составлялъ кружечный или питейный сборъ. Должность эта была учреждена Грознымъ, который «велѣлъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ ....доходы сбирати и къ нимъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею» (стр. 35). При большомъ развитіи торговли въ Твери XVII в. здѣсь имѣлъ довольно большое значеніе также таможенный голова, собиравшій различныя пошлины съ товаровъ, привозимыхъ на торгъ. Въ прежнія времена получало пошлины съ привозимыхъ товаровъ духовенство, завѣдывавшее также вѣсами и мѣрами. Чтобы облегчить духовенству исполненіе этихъ чуждыхъ ему обязанностей, правительство назначило чиновниковъ, которые «получали извѣстные проценты съ собираемыхъ для духовенства пошлинъ». Спустя нѣкоторое время, правительство совершенно присвоило себѣ пошлины и чиновники, завѣдывавшіе сборомъ ихъ, превратились въ «таможенныхъ головъ». Предметами внутренней торговли были преимущественно—соль, хлѣбъ, мясо, рыба, порохъ, чай (?) и другіе предметы. Многіе изъ нихъ попадали сюда, вслѣдствіе ничтожнаго развитія судоходства по Волгѣ въ XVII в., изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, какъ напримѣръ, порохъ, шелкъ, желѣзо, стоили поэтому очень дорого, но откуда они привозились, мы на основаніи писцовыхъ книгъ рѣшить не можемъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ опредѣленію границъ и описанію четырехъ тверскихъ посадовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ одномъ изъ нихъ, а именно въ посадѣ Затьмацкомъ, находился храмъ «Бѣлая Троица», не менѣе почитаемый, чѣмъ «Спасъ Златоверхій». Храмъ этотъ былъ основанъ въ царствованіе Ивана Грознаго (1564 г.) и, несмотря на частыя непріятельскія нападенія и пожары почти единственный изъ всѣхъ тверскихъ храмовъ, сохранившійся до нашего времени почти въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Въ общемъ, г. Овсянниковъ отнесся къ своей работѣ очень внимательно и добросовѣстно. Жаль только, что внутренняя жизнь Твери XVII в. затронута только слегка и даже почти обойдена, хотя знакомство съ Тверью съ этой стороны имѣло бы большой интересъ и значеніе особенно при описаніи, сдѣланномъ такъ подробно и точно авторомъ. Слѣдовало бы также, по нашему мнѣнію, автору приложить къ своему труду подробный планъ Твери въ настоящее время, потому что безъ этого плана для человѣка, не знакомаго съ расположеніемъ города, многое въ описаніи г. Овсянникова остается не яснымъ. Такъ напримѣръ, какое понятіе можетъ составить себѣ не мѣстный житель о Твери въ XVII в. по такому опредѣленію ея границъ: «Онъ, т. е. городъ, включалъ въ себя мѣста, занимаемыя теперь соборомъ, дворцомъ, гимназіей, реальнымъ училищемъ, соборнымъ домомъ, однимъ городскимъ садомъ и губернаторскимъ домомъ. Нынѣшній домъ Дворянскаго собранія былъ крайнимъ пунктомъ крѣпости въ эту сторону и т. д.» (стр. 5), или: «гдѣ стоитъ губернаторскій домъ, тамъ въ XVII в. были ряды» (стр. 27). Встрѣчаются также изрѣдка нѣкоторыя неточности и противорѣчія въ выводахъ. Такъ напримѣръ, на стр. 41, перечисляя предметы внутренней торговли Твери XVII в., г. Овсянниковъ сюда же относитъ и чай, хотя мы и не вполнѣ понимаемъ, какимъ образомъ чай въ XVII в., могъ быть предметомъ внутренней торговли; но черезъ нѣсколько страницъ, именно на стр. 49, авторъ уже отрицаетъ торговлю чаемъ, категорически заявляя, что въ «Записной книгѣ таможенныхъ пошлинъ въ Твери ни разу не упоминается о привозѣ чаю, сахару, табаку и привозныхъ винъ». Не вполнѣ основательнымъ кажется также намъ выводъ, что будто бы Тверь называлась домомъ «св. Спаса» (стр. 13), сдѣланный на основаніи словъ Аѳанасія Никитина, которыми онъ начинаетъ описаніе своего хожденія за три моря около 1470 г.: «поидохъ отъ св. Спаса Златоверхаго». Намъ кажется, что здѣсь Аѳанасій Никитинъ разумѣлъ въ буквальномъ смыслѣ храмъ Спаса, а не Тверь. Нѣсколько странно также сопоставленіе имени тверскаго князя Михаила Александровича, постригшася въ монахи, съ именами Діоклитіана и Карла V. **В. Б.**

Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. При участіи Московскаго Психологическаго Общества. Годъ I. Книга 1. Москва. 1889.

Когда, полгода тому назадъ, появилось извѣщеніе объ изданіи новаго журнала, посвященнаго вопросамъ философіи и психологіи, то вниманіе людей, интересующихся научно-философскою литературой, было привлечено спискомъ его сотрудниковъ. Здѣсь встрѣчаются имена почти всѣхъ нашихъ писателей, заявившихъ себя въ данной области болѣе или менѣе цѣнными трудами. Съ одной стороны, это давало основаніе надѣяться, что изданіе,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обезпеченное такими силами, не будетъ страдать худосочіемъ, отъ котораго умирали его предшественники. Но съ другой стороны, невольно являлся вопросъ: можетъ ли существовать философскій органъ съ такимъ разнообразнымъ составомъ сотрудниковъ? Каково будетъ его направленіе, когда въ немъ будутъ участвовать лица діаметрально противоположныхъ воззрѣній на главные вопросы науки? Не повторится ли здѣсь извѣстная басня о лебедѣ, щукѣ и ракѣ? Съ цѣлью разрѣшить подобныя недоумѣнія, редакторъ «Вопросовъ», профессоръ Н. Я. Гротъ, далъ нѣкоторыя разъясненія въ статьѣ, напечатанной въ № 263 «Русскихъ Вѣдомостей», за настоящій годъ. Почтенный профессоръ говоритъ о «направленіи» своего журнала очень неясно: «Есть одно направленіе мысли, которое можетъ примирить всѣ направленія—это живое, безкорыстное и чуждое всякаго личнаго самолюбія стремленіе къ истинѣ во имя добра. Всякій считаетъ истиннымъ свой образъ мыслей, но на чьей сторонѣ истина — неизвѣстно. Задача же редактора состоитъ въ томъ, чтобы быть терпимѣе всѣхъ, какъ можно свободолюбивѣе и относиться съ довѣріемъ къ чужимъ силамъ. Для устраненія же ошибокъ въ оцѣнкѣ этихъ чужихъ силъ нужно, чтобы въ выборѣ и группировкѣ матеріала участвовало нѣсколько компетентныхъ лицъ». Поэтому при редакціи составился комитетъ отъ Психологическаго Общества, который и будетъ послѣдней инстанціей въ рѣшеніи всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ. Сохраняя за собою право отстаивать свои воззрѣнія, редакторъ обѣщаетъ «терпимо и любовно блюсти всякую хотя бы и враждебную (ему) мысль».

Полагаясь на практическую мудрость г. редактора и комитета, можно было ожидать, что «дѣло пойдетъ на ладъ», хотя новое изданіе не будетъ собственно журналомъ, съ опредѣленнымъ философскимъ направленіемъ, а скорѣе—сборникомъ статей по философскимъ и психологическимъ вопросамъ, что также, конечно, не безполезно.

На вопросъ о томъ: «какова же будетъ форма сотрудничества людей съ разными убѣжденіями? не придутъ ли они тотчасъ въ столкновеніе и взаимное раздраженіе и не разойдутся ли такъ, что не будутъ въ состояніи писать въ одномъ и томъ же журналѣ», — редакторъ отвѣчаетъ такимъ образомъ:

«Мы надѣемся, что ничего подобнаго не случится. Главная задача въ томъ, чтобы журналъ былъ честнымъ, служилъ истинѣ, а не людямъ или постороннимъ интересамъ. Болѣе всего нужно блюсти нравственную чистоту... Журналъ будетъ допускать всякую полемику и даже будетъ поощрять ее, но подъ условіемъ уваженія къ личности человѣка, съ которымъ споришь...» Нечего говорить о томъ, насколько необходимо послѣднее условіе во всякой полемикѣ, а тѣмъ болѣе въ полемикѣ, которая ведется между вкладчиками одного и того же изданія.

Но вотъ предъ нами первая книга «Вопросовъ философіи и психологіи». Она наводитъ насъ на печальныя размышленія, и внушаетъ опасеніе за будущность новаго журнала. Дѣло въ томъ, что здѣсь помѣщена, между прочимъ, статья кіевскаго профессора А. А. Козлова: «Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія». Давно уже извѣстно, что г. Козловъ—крайній метафизикъ, и потому естественно, что онъ, въ своей статьѣ, защищаетъ или, по выраженію Н. Я. Грота, «отстаиваетъ» телеологическое мірообъясненіе. «Это телеологическое мірообъя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сненіе исходитъ изъ той мысли, что каждая изъ существующихъ въ мірѣ вещей и всѣ вмѣстѣ имѣютъ своею основою нѣчто единое и притомъ такое, что не только составляетъ сущность ихъ бытія, но отъ чего зависятъ также и всѣ взаимныя отношенія вещей, весь порядокъ и послѣдняя цѣль ихъ развитія. Это нѣчто и составляетъ всеобщую связь между вещами, вслѣдствіе которой онѣ входятъ въ цѣльный организмъ единаго міра и вслѣдствіе которой въ этомъ мірѣ рѣшительно нѣтъ ничего случайнаго и безсмысленнаго, а все необходимо не въ силу слѣпыхъ механическихъ законовъ, а въ силу закона разума, осуществляющаго полную и всестороннюю гармонію бытія многихъ различныхъ существъ». Самъ авторъ сознается, что эта теорія, несмотря на свою древность, далеко еще не доказана, что она, въ своемъ развитіи, отстала отъ другой, противоположной — механической теоріи. Если онъ отдаетъ предпочтеніе первой предъ второй, то его задача состояла въ томъ, чтобы представить «научныя» доказательства одной и опроверженія другой, относясь съ уваженіемъ къ личности, къ убѣжденіямъ своихъ противниковъ. Не такъ думаетъ г. Козловъ. Онъ какъ бы забываетъ, что пишетъ не въ своемъ, блаженной памяти «Философскомъ Трехмѣсячникѣ», а въ журналѣ, гдѣ дается мѣсто и статьямъ сторонниковъ механической теоріи, гдѣ требуется «коллективная работа». Механическое мірообъясненіе онъ приписываетъ большинству, у котораго, «кромѣ слабой потребности знанія и истины, весьма слаба и энергія мысли»,—людямъ для которыхъ «серьезно мыслить — составляетъ тяжкій и непосильный трудъ». Въ полемикѣ противъ своихъ «антогонистовъ»—послѣдователей критицизма, сенсуализма и скептицизма — г. Козловъ доходитъ до того, что называетъ ихъ врагами истинной философіи, а ихъ ученіе продуктомъ «ложнаго и малодушнаго разума, который вѣчно боролся и будетъ бороться съ истиннымъ и сознающимъ свою силу разумомъ». Этотъ «истинный» разумъ нашъ авторъ защищаетъ противъ такихъ «антогонистовъ» въ числѣ которыхъ видимъ великихъ мыслителей—Канта, Ньютона, Локка, Юма, Конта и др...

Въ такомъ смыслѣ нужно понимать и «скромное выраженіе надежды» г. Козлова, что редакція «Вопросовъ философіи и психологіи» «будетъ высоко держать знамя разума, какъ высшей инстанціи въ дѣлѣ философскаго и всяческаго знанія и неослабно отстаивать право этого разума на обладаніе высшими критеріями какъ въ вопросѣ бытія или дѣйствительности и возможности, такъ и въ вопросѣ истиннаго міропониманія и мірообъясненія». Отношеніе кіевскаго профессора къ людямъ, воззрѣній которыхъ онъ не раздѣляетъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что онъ, по словамъ редактора, состоитъ въ числѣ «главныхъ сотрудниковъ» журнала. Значитъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ далеко не раздѣляетъ воззрѣній г. Грота на «задачи журнала»: онъ чуждъ широкой умѣренности и хотѣлъ бы придать философскому органу исключительно метафизическій характеръ. А если такъ, если журналъ, дѣйствительно, будетъ оправдывать «надежды» г. Козлова, то онъ не замедлитъ сдѣлаться повтореніемъ редактированнаго нѣкогда тѣмъ же Козловымъ «Философскаго Трехмѣсячника». Относительно послѣдняго мы должны замѣтить слѣдующее. Въ статьѣ редактора говорится, что этотъ журналъ имѣлъ свойственный ему характеръ потому что «три года тому назадъ почтенный А. А. Козловъ былъ настолько одинокъ въ своей философской проповѣди, что не могъ дать дѣлу ту болѣе широкую организацію, которую мы нынѣ пытаемся осуществить». По нашему мнѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нію, «эта почтенная попытка» приняла такой видъ не потому, чтобы у насъ совершенно не было тогда людей, способныхъ къ коллективной работѣ, въ родѣ той, какая предпринимается въ настоящее время: а вслѣдствіе постановки, которую въ самомъ же началѣ придалъ дѣлу редакторъ слишкомъ съузивши его «направленіе».

Изъ статьи Н. Я. Грота «О задачахъ журнала», сверхъ указаннаго уже нами, узнаемъ еще, что редакція новаго журнала надѣется на возникновеніе спеціально «русской», національной философіи, существеннымъ признакомъ которой будто бы является примиреніе требованій ума съ запросами сердца. Въ ряду философовъ этого направленія ставится имя Вл. С. Соловьева, который помѣстилъ въ разбираемой книгѣ статью: «Красота въ природѣ». Авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на объективномъ значеніи красоты. Для доказательства своего положенія, онъ пользуется сочиненіями «великаго Дарвина» и другими данными современной науки. Въ объясненіи же ея основаній повторяются обычныя у нашего философа метафизическія построенія: красота разсматривается какъ всемірная идея, со стороны совершенства или законченности своего воплощенія.

Кромѣ названныхъ, въ составъ книги входятъ статьи Л. Н. Ланге: «О дѣйствіи гашиша»; В. В. Лесевича: «Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго» (по исторіи мысли на Востокѣ); кн. С. Н. Трубецкого: «О природѣ человѣческаго сознанія» и Шишкина: «О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи». Послѣднія двѣ не окончены. С.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LXVI, LXVII и LXVIII. Спб. 1889.

Вновь вышедшіе томы «Сборника» Императорскаго Русскаго Историческаго Общества попрежнему полны глубокаго историческаго интереса, заключая въ себѣ новые документы высокой важности и цѣнности по отечественной исторіи XVIII столѣтія. Всѣ три вновь изданные тома являются продолженіемъ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ томовъ.

Такъ, томъ LXVI, напечатанный подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества А. А. Половцова, заключаетъ въ себѣ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1728 по 1733 годъ и является уже шестой частью дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ, извлеченной изъ Англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Раньше эта дипломатическая переписка появлялась въ томахъ XII, XIX, XXXIX, L и LXI. Всѣхъ документовъ въ новомъ томѣ дипломатической переписки обнародовано 270, большая часть которыхъ составляютъ донесенія К. Рондо лорду Гаррингтону о текущихъ политическихъ, придворныхъ и дипломатическихъ событіяхъ въ Россіи. К. Рондо зорко слѣдитъ за всѣми перепетіями въ государственномъ управленіи послѣ кончины Екатерины I, дѣлаетъ любопытныя характеристики тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, причемъ подчасъ не скупится на сообщеніе о нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма пикантныхъ подробностей, иногда также останавливается и на характеристикахъ царствующихъ особъ—Петра II и императрицы Анны Іоанновны; не забываетъ К. Рондо въ своихъ донесеніяхъ и представителей другихъ государствъ—пословъ гер-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цога де-Лиріа, графа Вратислава, Вестфаля и др. Весьма любопытны сообщенія К. Рондо о своихъ бесѣдахъ съ тогдашнимъ государственнымъ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ; несомнѣнное значеніе имѣютъ сообщенія о дѣлахъ польскихъ, испанскихъ, турецкихъ, персидскихъ и голштинскихъ, сообщенія о тогдашней торговлѣ Англіи съ Россіей, о состояніи русскаго флота и русской арміи, причемъ въ приложеніяхъ даются весьма подробные и обстоятельные списки русскихъ военныхъ кораблей и всѣхъ тогдашнихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Однимъ словомъ, въ LXVI томѣ мы находимъ очень много важныхъ документовъ для политической исторіи Россіи въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія; хотя подчасъ эти документы сообщаютъ и сравнительно мало новаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ они являются существеннымъ подтвержденіемъ уже извѣстнаго намъ изъ другихъ источниковъ.

Въ LXVII томѣ помѣщено продолженіе политической переписки императрицы Екатерины II. Раньше эта переписка появлялась уже въ 3-хъ частяхъ и нынѣшняя часть, обнимая годы 1766—1767, является четвертой частью. Напечатанъ LXVII томъ подъ наблюденіемъ члена Общества Ѳ. А. Бюлера при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Всѣхъ бумагъ—рескриптовъ, указовъ, грамотъ, депешъ, донесеній, инструкцій, декларацій, реляцій и писемъ—здѣсь помѣщено около 300. Главный и преобладающій интересъ новыхъ бумагъ императрицы Екатерины II заключается въ перепискѣ Н. И. Панина съ княземъ Репнинымъ, нашимъ тогдашнимъ посломъ въ Варшавѣ. Въ этой перепискѣ—богатѣйшій матеріалъ для исторіи нашихъ отношеній къ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины II, которая, по словамъ рѣчи кн. Репнина предъ королемъ и сеймомъ польскимъ, не могла «отступить отъ покровительства своего диссидентамъ», а слѣдовательно «и взирать спокойнымъ окомъ на чинимыя имъ несправедливыя притѣсненія». Именно диссидентскій вопросъ и господствуетъ въ новыхъ документахъ, касающихся Польши. Кромѣ того, въ LXVII томѣ немалый интересъ представляютъ письма и депеши Панина къ другимъ посламъ—кн. Голицыну въ Парижъ, Обрѣскову въ Константинополь, гр. Остерману въ Швеціи,—наконецъ письма того же Панина къ князю Радзивиллу, барону Гольцу, маршалу диссидентской конфедераціи, къ князьямъ Чарторижскимъ. Къ послѣднимъ особенно интересно письмо (№ 1365) Панина отъ 4-го іюля, въ которомъ поясняется характеръ русской политики относительно Польши и требованія Россіи въ видахъ «возстановленія республики на самостоятельныхъ и прочныхъ основахъ». Эти требованія заключались: въ союзѣ съ Россіей, въ освобожденіи диссидентовъ отъ угнетенія и въ регулированіи границъ. Извѣстно, какъ исполнила Польша эти справедливыя требованія своей старшей славянской сестры и что было послѣдствіемъ вѣроломнаго поведенія «наияснѣйшей Риги Посполитой» съ ея фанатическими панами.

Наконецъ, въ LXVIII томѣ, подъ наблюденіемъ члена Общества проф. В. И. Сергѣевича, обнародованы дворянскіе депутатскіе наказы въ комиссію для составленія проекта Новаго Уложенія—отъ 9-ти губерній: Казанской, Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссійской, Слободско-Украинской, Воронежской и Бѣлгородской. Дворянскіе наказы двухъ послѣднихъ губерній, Оренбургской и Новороссійской, появятся вмѣстѣ съ наказами отъ городовъ и такимъ образомъ изданіе депутатскихъ наказовъ вскорѣ будетъ окончено, составивъ съ раньше изданными восемь объеми-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ весьма важный матеріалъ для изученія быта Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія, ибо дворяне не только высказываютъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича (Предисловіе, III), пожеланія свои, относящіяся къ будущему,—но и дѣлаютъ указанія на недостатки современнаго имъ порядка вещей. Наказы даютъ богатый матеріалъ и для исторіи русскаго права, знакомя насъ съ малоизвѣстной намъ судебной и правительственной практикой своего времени и тѣмъ существенно дополняя наши свѣдѣнія, почерпаемыя изъ указовъ,—и для исторіи общественнаго быта прошлаго вѣка. Всѣхъ наказовъ напечатано въ новомъ томѣ 62. Особенно часто въ нихъ повторяются жалобы дворянъ на неурядицы въ тогдашнемъ судопроизводствѣ, ибо судъ по формѣ примѣнялся, по неудачной реформѣ Петра Великаго, у насъ ко всякимъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Не мало также жалобъ на стѣснительныя условія при заемѣ денегъ, ибо какъ бы ни былъ ничтоженъ искъ, судьи не давали суда, если истецъ не представлялъ акта, совершеннаго у крѣпостныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, чтобы занять ничтожную сумму въ нѣсколько рублей и не лишить своего кредитора права иска, надо было ѣхать съ городъ, гдѣ были учреждены крѣпостныя дѣла, иногда за сто и болѣе верстъ.— Любопытны и характерны также просьбы малороссійскихъ дворянъ «учредити въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ университетъ и тотъ университетъ Императорскыми своимы сохранить прывылегіямы».

С. Т—чевъ.

Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. Спб. 1889.

Въ предисловіи къ первому изданію своей книги, вышедшему въ 1883 г., проф. Трачевскій говорилъ: «Предназначенный для среднихъ учебныхъ заведеній, учебникъ исторіи можетъ служить и для самообразованія, такъ какъ задачей автора было изложить, въ общедоступной формѣ, тотъ запасъ научныхъ свѣдѣній, который составляетъ необходимый обиходъ каждаго просвѣщеннаго человѣка».

При составленіи учебника исторіи имѣлось въ виду, прежде всего, чтобы онъ стоялъ на высотѣ современной науки и былъ миніатюрнымъ отраженіемъ нынѣшней цивилизаціи. Согласно взгляду автора на ту и другую, выраженному во введеніи, требовались: 1) строгій выборъ фактовъ, безъ чего пришлось бы пожертвовать въ пользу политической исторіи, культурой, которою должно особенно дорожить; 2) наиболѣе сжатое и точное изложеніе, которое устранило бы возможность фразерства, столь соблазнительнаго при преподованіи исторіи.

По опыту оказалось, что при такихъ условіяхъ составленіе учебника гораздо труднѣе сочиненія ученыхъ диссертацій. Замѣчая самъ нѣкоторыя недостатки своей работы, авторъ увѣренъ, что люди болѣе свѣдущіе и опытные уловятъ въ ней еще болѣе промаховъ. Онъ настолько дорожитъ этимъ плодомъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ, что желаетъ видѣть его въ улучшенномъ видѣ; въ ожиданіи серьозной критики со стороны ученыхъ и педагоговъ, настоящее изданіе будетъ сверхъ того украшено картами и рисунками, которыхъ не успѣли приготовить теперь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Обѣ надежды автора исполнились: книга вызвала цѣлый рядъ рецензій, большею частію благопріятныхъ; и болѣе обстоятельныя изъ нихъ дали автору возможность исправить рядъ неточностей и недосмотровъ. Книга дожила до второго изданія, и щедрый издатель далъ автору возможность превосходно иллюстрировать ее.

Въ передовыхъ странахъ западной Европы уже давно поняли, что иллюстрація, служащая только украшеніемъ книги для чтенія, для книги учебной есть необходимость, и что науки историческія и филологическія не пользовались до нашего времени этимъ важнѣйшимъ орудіемъ только по непростительному недоразумѣнію. Референтъ ясно помнитъ, въ какой восторгъ пришли лѣтъ 30 назадъ московскіе преподаватели латинскаго языка и студенты-филологи, когда было получено нѣмецкое изданіе, кажется, Юлія Цезаря съ картами, планами сраженій и рисунками военныхъ машинъ и вооруженія. И было отъ чего. Подумайте, какое нужно сдѣлать усиліе ума и воображенія не только ученику, но и довольно опытному преподавателю, чтобы по древностямъ Адама или Шафа (оба руководства были переведены на русскій языкъ еще въ началѣ столѣтія, и были въ ходу и въ началѣ 60-хъ годовъ) изъ словеснаго описанія сочинить себѣ представленіе о катапультахъ, баллистахъ, винеяхъ и т. п. И какъ удобно это замѣнить одной картинкой, занимающей всего полстраницы! Теперь иной гимназистъ 7-го класса, пользующійся хорошими изданіями классиковъ и общедоступнымъ учебникомъ древностей, въ иныхъ отношеніяхъ знаетъ больше, нежели учителя его учителей, проштудировавшіе три толстыхъ тома Адама.

Пока подъ исторіей разумѣли только исторію политическую, съ грѣхомъ пополамъ еще можно было обходиться одной книгой и картой, но какъ только вводится въ учебникъ исторія культуры, и составитель учебника дѣлаетъ хотя бы небольшіе экскурсы въ область археологіи, рисунки оказываются такъ же необходимыми, какъ въ учебникѣ ботаники или физики.

Но здѣсь составитель учебника встрѣчается съ роковой диллемой: сдѣлать иллюстраціи дорогія—учебникъ настолько подорожаетъ отъ этого, что не будетъ доступенъ учащимся. Обыкновенно предпочитаютъ первый способъ дѣйствія, такъ какъ при второмъ совсѣмъ не будетъ достигнута ближайшая цѣль того, отъ чьей воли зависитъ появленіе книги на свѣтъ, т. е. издателя; и вотъ преподавателю приходится прибѣгать къ такимъ несовершеннымъ суррогатомъ, какъ рисованіе на доскѣ или показываніе рисунковъ въ атласѣ, который имѣется въ одномъ, много двухъ экземлярахъ на цѣлый классъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ непосредственно къ учебнику исторіи проф. Трачевскаго въ этомъ второмъ его изданіи. О текстѣ книги мы много распространяться не будемъ не потому, конечно, чтобъ мы считали его менѣе цѣннымъ, нежели иллюстраціи, но потому, что о немъ было достаточно говорено послѣ появленія перваго изданія. Чтобы охарактеризовать почтенный трудъ г. Трачевскаго въ общихъ чертахъ, мы считаемъ достаточнымъ привести справедливыя слова одной рецензіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. за октябрь), которую г. Трачевскій въ предисловіи къ этому изданію называетъ «самой лестной по своей строгости, обширности и серьозному тону». По убѣжденію автора этой рецензіи, книга г. Трачевскаго «не есть случайная компиляція, а трудъ мыслящаго, научно-образованнаго человѣка». А такихъ учебниковъ по исторіи, о которыхъ можно бы ска-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зать что-нибудь подобное у насъ нѣтъ и не было; да и на Западѣ ихъ немного.

Но та же рецензія «лестная по своей строгости», указала въ учебникѣ г. Трачевскаго и длинный рядъ недосмотровъ, фактическихъ неточностей, и въ настоящемъ изданіи авторъ вполнѣ воспользовался всѣми этими указаніями, также, какъ и многими замѣчаніями другихъ рецензій. Онъ не только исправилъ частныя ошибки, но и постарался нѣсколько упростить свое мѣстами слишкомъ картинное, витіеватое и потому нелегкое изложеніе. Особенно это замѣтно въ тѣхъ параграфахъ, которые посвящены изображенію культуры и общимъ выводамъ (напр. § 244 и слѣд.).

Кромѣ того, авторъ уже по собственному, достойному всякой похвалы, почину подвергъ свой учебникъ исправленію, и внесъ въ него все то изъ послѣднихъ изслѣдованій, что онъ считалъ доступнымъ для цѣлей общеобразовательныхъ; изученіе грекоримскаго міра за 5 лѣтъ немного ушло впередъ, но по Востоку сдѣлано не мало, и г. Трачевскій исправилъ, гдѣ оказалось нужнымъ, цифры и т. п., и на стр. 43 даже упомянулъ о новѣйшихъ открытіяхъ Сарзека. Есть нѣсколько подновленій и въ введеніи между прочимъ прибавлено (стр. 4) дѣленіе языковъ на изолирующіе, аплутинирующіе и флексирующіе.

Обращаемся къ иллюстраціямъ и начинаемъ съ картъ,—ихъ четыре (Востокъ, Грецiя, Италія и міръ, извѣстный древнимъ). Онѣ прекрасно исполнены въ извѣстномъ картографическомъ заведеніи Ильина и отличаются замѣчательной ясностью. Если не ошибаемся, онѣ настолько тщательно пригнаны къ тексту книги, что въ нихъ нѣтъ именъ, въ ней не встрѣчающихся. Въ томъ же заведеніи сдѣланы и 3 раскрашенные плана: Аѳины, Римъ республиканскій и Римъ императорскій (послѣдніе два нѣсколько мелки; можетъ быть, было бы лучше дать одинъ планъ Рима, но въ большомъ объемѣ). Рисунковъ въ книгѣ 52, всѣ исполнены прекрасно.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній въ виду несомнѣнно предстоящихъ слѣдующихъ изданій. Проф. Трачевскій мѣстами уже упростилъ языкъ своего учебника; желательно, чтобы онъ шелъ дальше въ томъ же направленіи и замѣнялъ менѣе звучными, но болѣе общедоступными и точными выраженіями обороты въ родѣ слѣдующихъ! Ксеркъ «погрузился въ грязныя козни гарема» (стр. 151) Парѳяне «наполнили золотомъ помертвѣлыя уста» Красса (325) и т. д.

Въ виду педагогической цѣли мы рекомендовали бы почтенному автору уменьшить кое-гдѣ количество сообщаемыхъ фактовъ, чтобы развить поподробнѣе другіе, и въ особенности избѣгать говорить мимоходомъ о томъ, что учащемуся неизвѣстно. Напр. на стр. 383 авторъ говоритъ: «Легіоны дрались между собой изъ-за добычи, ходили на преторіанцевъ, играли короной». Какіе легіоны? когда? Вѣдь ученикъ только-что прочелъ даже два раза (382 и 383), что преторіанцы были уничтожены Северомъ; ясно представить себѣ дѣла онъ не можетъ, и ему остается только заучить фразу безъ пользы (кстати сказать о преторіанцахъ: черезъ 2 страницы ихъ опять уничтожаетъ уже Діоклетіанъ). Г. Трачевскій, конечно, имѣетъ въ виду интересы учащагося, желая дать ему больше знанія на маломъ количествѣ страницъ; но лучше пожертвовать деталями, чѣмъ ясностью.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. На той же 383 стр. сказано, что готы есть смѣсь германцевъ съ славянами; едва ли можно считать это

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

доказаннымъ. Едва ли также Ульдпила перевелъ всю библію. На стр. 388 іерархія переведено словомъ чиноначаліе, см. священноначаліе. «Писалъ полемики» (стр. 391) выраженіе неудобное. О томъ когда именно «возникли пѣсни Оссіана» (стр. 395) въ учебникѣ лучше не говорить: вопросъ спорный. Назвать живопись катакомбъ очень плохою (стр. 401) слишкомъ смѣло. Выраженіе автора, что «догма создалась, несмотря на ереси» (стр. 402) противорѣчитъ его же словамъ на стр. 399, гдѣ онъ говоритъ, что «развитію догматики способствовала борьба съ ересями».

Мы убѣждены, что еслибъ авторъ самъ провелъ свою книгу черезъ одинъ-два класса, къ 3-ему изданію онъ далъ бы намъ руководство безукоризненное. А. К.

Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141 — 1173), изслѣдованіе Константина Грота. Варшава. 1889.

Умныя рѣчи и слушать пріятно, умныя книги и въ руки взять весело. Вотъ первыя мысли, которыя являются по прочтеніи объемистой книги г. Грота въ 528 страницъ; въ ней читатель знакомится съ одною изъ эпохъ историческихъ Мадьярскаго королевства, прошлыя судьбы котораго извѣстны русскому читателю съ нѣмецкой точки зрѣнія, сквозь нѣмецкую призму, и знакомится не такъ, какъ это угодно den edlen Herren Professoren deutscher Abstammung, а какъ шла историческая жизнь народа на самомъ дѣлѣ. Китайской стѣны обособленности у г. Грота нѣтъ, взамѣнъ этого вы видите живое слово, полный прагматизмъ и разумное включеніе въ рамки своего изслѣдованія жизни другихъ народовъ, насколько эта жизнь имѣла смыслъ и значеніе для исторіи мадьяръ. Такой способъ писанія исторіи замѣчательно совпадаетъ съ тѣмъ планомъ, который намѣчается истинными потребностями науки и который знаменуетъ собою эмансипацію русскаго историка отъ вліянія нѣмецкаго учителя, самаго вреднаго въ дѣлѣ разслѣдованія прошлыхъ судебъ славянства. Очевидно, мы должны привѣтствовать г. Грота, какъ желаннаго съ русско-славянской точки зрѣнія бытописателя, и желать чтобы другіе дѣятели въ области исторіи послѣдовали благому примѣру его. Самый предметъ изслѣдованія г. Грота крайне любопытенъ для славяновѣдѣнія, потому что въ исторіи мадьярскаго народа есть возможность болѣе или менѣе послѣдовательно прослѣдить какъ германизмъ и его лучшій союзникъ—католичество, шагъ за шагомъ, настойчиво и упорно, отбили цѣлую область у восточнаго славянства и православія. По историческому ходу событій, Паннонія должна была войти въ сферу византійскаго вліянія, но благодаря близорукости восточныхъ императоровъ, измельчавшихъ въ придворныхъ интригахъ и не понимавшихъ значенія славянства, они не съумѣли привлечь къ себѣ болгаръ, сербовъ и мадьяръ, а потому борьба шла постоянная, такъ какъ греки стремились не къ ассимиляціи, а къ порабощенію. Между тѣмъ, католическій западъ умѣло пользовался обстоятельствами и, игнорируя многочисленное славянское православное населеніе Паннониі, постепенно приручалъ дикихъ мадьярскихъ вождей, обращалъ ихъ въ католичество и воспитывалъ ихъ въ духѣ, желательномъ Риму и Ахену. Сами же мадьяры долго симпатизировали паннонскимъ славянамъ, среди которыхъ имъ пришлось жить, относились дружески къ полякамъ, русскимъ, валахамъ, сербамъ и боснякамъ, имѣли съ ними частыя сношенія, вступали въ род-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ственныя связи и вообще тяготѣли къ востоку, откуда они и пришли. Ладиславъ Святой былъ племянникомъ Казиміра I польскаго, Стефанъ II Молніеносный былъ внукомъ Владиміра Мономаха; Гейза III былъ племянникомъ Стефана II сербскаго и женился на дочери кіевскаго великаго князя Мстислава I, слѣдовательно приходился такимъ же родственникомъ Роману Галицкому, какъ ему самому былъ родственникомъ извѣстный претендентъ на мадьярскій престолъ Борисъ Коломановичъ, воспитанный въ Россіи. Іоаннъ 2 византійскій изъ дома Комниновъ женился на Прасковьѣ (по мѣстному Пирошкѣ), дочери Ладислава Святого, а его дочь Ольга была женою Юрія Долгорукаго Суздальскаго, сестра котораго Афимья Владиміровна, вышла замужъ за Коломана и была матерью претендента Бориса. Очевидно, при такихъ оживленныхъ постоянныхъ сношеніяхъ и родственныхъ связяхъ, историкъ не имѣетъ права огораживать себя китайскою стѣною и игнорировать все происходящее за послѣднею; разсказывая исторію мадьяръ, необходимо затронуть борьбу за кіевскій престолъ, волненія въ Галичинѣ, событія въ Польшѣ, столкновенія чеховъ съ австрійскими Бабенбергерами, эмиграцію венеціанскихъ аристократовъ въ среду славянъ, возстанія сербовъ противъ Византіи, борьбу императоровъ изъ-за южной Италіи и такъ далѣе. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованія г. Грота объ одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ мадьярской исторіи полно высокаго интереса; онъ разсматриваетъ царствованія Гейзы III, Стефана III, Ладислава II, Стефана IV и Бѣлы III, вступленіемъ на престолъ котораго и заканчивается трудъ г. Грота. Избранная эпоха тѣмъ именно любопытна, что за это время совершился среди мадьяръ знаменательный переворотъ: вмѣсто востока, они стали тяготѣть къ западу; нѣмецкое вліяніе сдѣлалось господствующимъ въ бывшей Паннониі, а вслѣдствіе этого, мадьяры сдѣлались злѣйшими врагами славянъ. Передать это въ нѣсколькихъ строчкахъ невозможно, необходимо прочесть всю книгу, обладающую, кромѣ научныхъ достоинствъ, изящнымъ изложеніемъ и литературнымъ слогомъ. Если всѣ произведенія г. Грота (разсматриваемое нами третье изъ числа серьезныхъ) обладаютъ указанными достоинствами, то русская историческая наука можетъ поздравить себя съ такимъ работникомъ, а мы можемъ пожелать, чтобы скорѣе нашелся подобный же изслѣдователь прошлыхъ судебъ Россіи, свободный отъ эгоистической программы нѣмецкаго историка и не создающій китайской стѣны изъ-за угодливо усвоенной нѣмецкой кропотливости. Относительно земли мадьяръ г. Гротъ говоритъ въ своемъ предисловіи: «Судьбы старой Угріи вообще, особенно же эпохи Армадовичей (до 1301 г.), послѣ крупныхъ и основательныхъ, но уже устарѣвшихъ работъ венгерскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, остаются нынѣ почти совершенно безъ критической разработки. Современные мадьярскіе историки какъ будто пренебрегаютъ Угріею той эпохи, быть можетъ мало имъ симпатичной по духу и характеру; нѣмецкіе же и другіе иностранные занимаются ею по большей части лишь настолько, насколько съ нею связаны судьбы Германіи и Запада, и конечно со своихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, а потому всегда болѣе или менѣе односторонне. Вотъ почему весьма желательно, чтобы на эту область было обращено особенное вниманіе въ славянской исторіографіи. Мадьярскіе историки новѣйшей формаціи, то есть пропитанные западничествомъ, именно съ Бѣлы III начинаютъ свои изслѣдованія, потому что съ Бѣлы III мадьяры окончательно уклонились отъ славянскихъ традицій, которыхъ они придерживались

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

приблизительно четыреста лѣтъ. Съ перемѣною своего тяготѣнія мадьяры понесли и двоякаго рода утраты: матеріальныя и духовныя. Первыя состояли главнымъ образомъ въ потерѣ важныхъ областей на югѣ, Срѣма и Далматіи, отвоеванныхъ императоромъ Мануиломъ, а также въ томъ матеріальномъ истощеніи, которое причинили ей продолжительныя кровопролитныя войны и внутреннія смуты. Вторыя, менѣе осязательныя, но еще болѣе важныя и не могущія укрыться при внимательномъ изученіи хода событій, заключались въ существенныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ врагамъ угорской самобытности и національной церкви, то есть въ уступкахъ латинству и всякимъ западно-европейскимъ вліяніямъ, отрывавшимъ Угрію отъ восточнаго греко-славянскаго міра и втягивавшимъ ее и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніяхъ—въ міръ западный, латино-германскій. Благодаря всему этому, мы видимъ мадьяръ такими, какими они оказываются въ настоящее время, то есть врагами славянъ».

А. Б—въ.

Генеральный Планъ Императорскаго Воспитательнаго, для приносныхъ дѣтей, Дома и Госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ. (1763—1767 гг.). Въ 3-хъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1889.

Настоящее изданіе этого важнаго историческаго памятника, напечатанное по распоряженію Опекунскаго Совѣта, представляетъ собою ни что иное, какъ перепечатку изданія 1789 года, съ добавленіемъ небольшой статьи «Дополненіе, утверждающее ненарушимость порядка», заключающей въ себѣ разъясненіе вопроса о времени и основаніяхъ установленія особой присяги для Почетныхъ Опекуновъ. Перепечатка эта вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе Генеральнаго Плана 1789 г., равно какъ и болѣе ранніе изданія 1767 и 1774 гг., сдѣлались уже теперь библіографическою рѣдкостью, а въ «Полномъ Собраніи Законовъ», изданномъ въ 1830 году, гдѣ также напечатанъ «Генеральный Планъ», имѣются нѣкоторыя редакціонныя измѣненія въ содержаніи его и выпущена весьма важная статья «Предъувѣдомленіе къ читателямъ», помѣщенная, однако, въ отдѣльномъ изданіи 1789 года и несомнѣнно принадлежащая Бецкому, насколько объ этомъ можно судить по содержанію и характеру изложенія ея. Въ виду всего этого нынѣшнее изданіе Генеральнаго Плана является весьма желательнымъ и лицамъ, интересущимся русской исторіей конца XVIII вѣка, остается только поблагодарить за него Опекунскій Совѣтъ, тѣмъ болѣе, что внѣшность книги представляется въ очень хорошемъ видѣ: напечатана она на хорошей бумагѣ, съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи изданія 1789 года, приложенные къ книгѣ рисунки отличаются чистотой отдѣлки, а самый текстъ снабженъ примѣчаніями, въ которыхъ указывается отношеніе различныхъ изданій между собою. Что касается до содержанія этого памятника, то въ краткой рецензіи не мѣсто подробно разбирать его. Мы позволимъ себѣ только указать, что кромѣ своего непосредственнаго значенія для исторіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи, Генеральный Планъ имѣетъ еще другое, не менѣе, если не болѣе, важное значеніе, какъ памятникъ педагогическихъ возрѣній выдающихся людей русскаго общества въ царствованіе императрицы Екатерины II, и въ частности воззрѣній

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бецкаго. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны первая и третья части Плана, такъ какъ въ нихъ авторъ высказываетъ болѣе общихъ взглядовъ на воспитаніе, тогда какъ во второй части излагаются лишь обязанности членовъ Опекунскаго Совѣта и привратниковъ Воспитательнаго Дома.— Взгляды автора Плана и совѣты, подаваемые имъ для воспитанія дѣтей, въ значительной своей части не устарѣли еще и теперь, когда прошло около столѣтія послѣ его смерти. Приведемъ два наиболѣе характерные примѣра. Говоря о наказаніи дѣтей, Бецкій совѣтуетъ стараться исправлять ихъ увѣщаніями; въ нужномъ же наказаніи особливо наблюдать, чтобъ жестокостію не привести ихъ къ упорству и безчувствію, и для того наказывать больше стыдомъ, недопущеніемъ гулять съ прочими, стояніемъ на колѣнахъ, и недодованіемъ пищи и прочаго, смотря по приличности лѣтъ, возроста и пола (Генеральный Планъ, ч. I, стр. 23). Въ другомъ мѣстѣ по поводу обученія дѣвочекъ онъ высказываетъ свой взглядъ на женское образованіе, заключающійся въ желаніи, «дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными» (ч. III, стр, 37). Не менѣе характерны для опредѣленія нравственной личности автора и тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ: не высказываясь прямо противъ него, онъ осуждаетъ однако всѣ болѣе рѣзкія частныя его проявленія и вставляетъ въ Генеральный Планъ пунктъ, навсегда освобождающій воспитанниковъ Воспитительнаго Дома и ихъ потомство отъ крѣпостного состоянія.

В. М.

Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб. 1889.

Тема, избранная г. Чечулинымъ для своего очерка, представляетъ большой интересъ и важность въ дѣлѣ изученія исторіи Россіи прошлаго столѣтія. Многіе уже пробовали дѣлать характеристику русскаго общества минувшаго вѣка, но попытки этихъ изслѣдователей не могутъ быть названы удачными, ибо по бо́льшой части страдаютъ легковѣсностью и односторонностью, преувеличивая испорченность молодого русскаго общества XVIII вѣка и отрицая въ немъ всѣ хорошія качества, всякій нравственный и умственный прогрессъ. Разумѣется, такая точка зрѣнія совсѣмъ неправильна, и г. Чечулинъ вполнѣ справедливо вооружается противъ нея, доказывая на основаніи изученія мемуаровъ и записокъ современниковъ совершенно противоположное. Но, говоря о прогрессѣ молодого общества, безпристрастному историку необходимо обстоятельно остановиться и на отрицательныхъ сторонахъ тогдашнихъ нравовъ и быта, чтобы картина вышла законченной. Къ сожалѣнію, г. Чечулинъ этого почти не дѣлаетъ и впадаетъ такимъ образомъ тоже въ односторонность. Положимъ, что авторъ (стр. 26) заявляетъ, что не претендуетъ на «широкіе выводы»; но вѣдь онъ тотчасъ же прибавляетъ, что хочетъ «изобразить общественную жизнь въ провинціи въ половинѣ прошлаго вѣка» и затѣмъ прослѣдить ее до конца столѣтія, поэтому читатель, кажется, въ правѣ ожидать картины широкой. Но авторъ ограничиваетъ свою задачу только бытомъ дворянъ центральныхъ, великорусскихъ, по преимуществу дворянскихъ губерній и, кромѣ того, говоритъ только о дворянахъ средняго состоянія и болѣе бѣдныхъ, совершенно поче-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

му-то игнорируя столичную жизнь. Такимъ образомъ, полной картины нравовъ русскаго общества XVIII столѣтія искать въ трудѣ г. Чечулина нечего: авторъ въ узкихъ, произвольно обозначенныхъ рамкахъ, пользуясь своей начитанностью по части мемуаровъ и записокъ, рядомъ выдержекъ старается доказать, что провинціальное общество прогрессировало—и только. Такой постановкой вопроса, конечно, нельзя удовольствоваться, ибо она не научна въ силу своей преобладающей оптимистической тенденціи. Этимъ мы не думаемъ умалять значенія добросовѣстной и интересной работы г.Чечулина, а хотимъ только сказать, что его оцѣнка не можетъ считаться окончательной и русское общество XVIII вѣка ждетъ еще своего талантливаго историка, который бы, на основаніи всесторонняго изученія документальнаго матеріала, художественно и научно нарисовалъ эту любопытную историческую бытовую картину.

Очеркъ г. Чечулина состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой авторъ разбираетъ характеристики русскаго общества XVIII столѣтія, сдѣланныя гг. Незеленовымъ, В. Семевскимъ, Дубровинымъ и Гольцевымъ. Признавая ихъ односторонность, авторъ поясняетъ, что этотъ недостатокъ явился вслѣдствіе неправильнаго метода, примѣняемаго обыкновенно при изученіи мемуаровъ и записокъ современниковъ. Названные изслѣдовали обращали вниманіе преимущественно на темныя стороны, на факты, единичные. По мнѣнію г. Чечулина, характеристика непремѣнно должна изобразить стороны положительныя (стр. 10). Такая странная исходная точка зрѣнія не мало, повторяемъ, вредитъ автору заставляя его впадать въ крайности оптимизма. Вѣрно замѣтивъ, что при изученіи исторіи общества надо обращать вниманіе на «тотъ фонъ», на которомъ выступаютъ выдающіеся факты, авторъ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ литературы XVIII вѣка, стараясь выбрать все пригодное для своихъ цѣлей. Обращаясь въ дальнѣйшемъ изложеніи къ мемуарамъ и запискамъ Болотова, Державина, фонъ-Визина, Винскаго, Данилова и др., г. Чечулинъ, къ сожалѣнію, не даетъ критической оцѣнки этихъ источниковъ, какъ матеріаловъ для характеристики быта и нравовъ тогдашняго русскаго общества. Поэтому, для массы читателей ссылки на нихъ могутъ быть не достаточно убѣдительны: вѣдь, можетъ быть, авторъ, черпая изъ матеріаловъ годное для себя, отбрасываетъ негодное?

Вторая глава посвящена изображенію провинціальнаго общества предъ манифестомъ 1762 года. Картина выходитъ весьма неприглядной: дворянство мало чѣмъ отличается отъ крестьянства—такъ первобытна его обстановка, такъ узки его интересы, такъ низокъ умственный уровень его жизни. А воспитаніе дѣтей (стр. 45—48) свидѣтельствуетъ даже объ очень низкомъ нравственномъ уровнѣ тогдашняго общества (въ данномъ случаѣ правда записокъ и мемуаровъ взяла верхъ надъ оптимизмомъ г. Чечулина).—Въ третьей главѣ авторъ трактуетъ о провинціальномъ обществѣ отъ манифеста о вольности дворянства до учрежденія губерній; эта глава наиболѣе слабая, ибо мемуары и записки даютъ мало матеріала; наиболѣе цѣнны замѣчанія относительно повышенія умственнаго уровня.—Въ четвертой главѣ г. Чечулину удается такъ или иначе показать присутствіе несомнѣннаго прогресса съ внѣшней стороны въ русскомъ обществѣ послѣдней четверти прошлаго вѣка, послѣ областной реформы, хотя напрасно авторъ затушевываетъ многія неприглядныя стороны того времени, говоря о нихъ вскользь и замѣчая,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что большинство общества было не таково. Наконецъ, въ пятой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку показать умственный и нравственный прогрессъ въ тогдашнемъ обществѣ и, по нашему мнѣнію, значительно грѣшитъ въ стремленіи обѣлить и оправдать во что бы то ни стало всѣ недостатки людей, даже лучшихъ, прошлаго вѣка. Такъ, авторъ прибѣгаетъ къ раздѣленію нравственности на личную и общественную для того, чтобы показать, что люди въ XVIII вѣкѣ были такими же людьми, какъ и теперь, т. е. столь же нравственными какъ и теперь. А что они спокойно и безмятежно уживались съ крѣпостнымъ правомъ, такъ это, по мнѣнію г. Чечулина, ничего не доказываетъ, ибо крѣпостное право относится къ вопросамъ изъ области нравственности общественной. Такіе пріемы доказательствъ кажутся намъ нѣсколько софистическими и нисколько не научными: нравственность личная и общественная находятся несомнѣнно во взаимодѣйствіи и сильно вліяютъ другъ на друга, ибо вѣдь общество составляется изъ индивидуумовъ и общій уровень нравственности поднимается въ зависимости отъ нравственнаго развитія каждаго отдѣльнаго человѣка. — Не смотря на указанные нами недостатки, мы все-таки считаемъ трудъ г. Чечулина очень полезной и дѣльной попыткой показать извѣстный прогрессъ въ развитіи русскаго общества XVIII вѣка и такимъ образомъ сдѣлать первый шагъ къ болѣе правильному изученію одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашей новой исторіи.

С. Т—чевъ.

Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ; соч. Н. И. Шишкина. Касимовъ. 1889.

Сознаніе необходимости ближе ознакомиться съ прошлымъ своего роднаго края, начинаетъ все болѣе вкореняться въ русскомъ обществѣ. Сказки и легенды, которыми наслаждались и удовлетворялись въ прошломъ столѣтіи и даже въ первой половинѣ нынѣшняго, уступаютъ мѣсто серьезнымъ изысканіямъ въ архивахъ, приказахъ и монастыряхъ; такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія пріобрѣтаютъ большую цѣнность въ глазахъ изслѣдователей. Провинціальные труженики стали опубликовывать накоплящійся историческій матеріалъ и, такимъ образомъ, исторія Россіи сдѣлалась совершенно иною, чѣмъ ее предполагали кабинетные ученые, вышедшіе изъ-подъ ферулы нѣмца-учителя. Дѣйствительная исторія земли русской постепенно заступаетъ мѣсто сочиненной различными историографами. Къ числу упомянутыхъ провинціальныхъ труженниковъ слѣдуетъ отнести и г. Шишкина, составившаго книгу, заглавіе которой мы привели. Исторія чисто мусульманскаго ханства или царства, подъ бокомъ Москвы и Владиміра, представляетъ въ дѣйствительности много любопытнаго и достойнаго вниманія. Бѣжавшій изъ Орды царевичъ Касимъ, сынъ второго основателя Казани, царя Улу-Мухаммеда, сдѣлался вѣрнымъ слугою Василья Темнаго во время его борьбы съ Шемякою и его братьями и въ награду за это былъ назначенъ въ 1452 году вассальнымъ (или, по привычкѣ того времени, удѣльнымъ) княземъ Мещерскаго городца на Окѣ. Позднѣе этотъ городецъ стали называть Касимовымъ. Нѣсколько династій смѣняли другъ друга въ Касимовѣ, отсюда выбирались цари мятежной Казани, наконецъ, послѣдняя династія, ведущая свой родъ отъ Кучума сибирскаго, угасла въ лицѣ царицы Фатимы въ 1681 году. Всего въ Касимовѣ было, безъ Фатимы, четырнадцать царей;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Касимъ (1452—1469), Даньяръ (1469—1486), Нуръ-Дуалетъ (1486—1491), Сатылганъ (1491—1506), Джанай (1506—1512), Шейхъ-Авлеаръ (1512—1516), Шахъ-Али (1516—1519, 1536—1548, 1553—1567), Джанъ-Али (1519—1532), Саинъ-Булатъ (1567—1573), Мустафа-Али (1573—1599), Уразъ-Мухаммедъ (1600—1610), Арсланъ (1614—1627), Сеидъ-Бурханъ или Василій (1627—1679), Фатима (1679—1681). Московскіе правители упорно сохраняли это государство въ государствѣ, видя въ немъ надежный оплотъ противъ татарскихъ набѣговъ съ востока и съ юга; мало того, если касимовскій царь по доброй волѣ принималъ православіе, то его смѣщали и назначали новаго, обязательно мусульманина. Однако, когда опасенія набѣговъ стали исчезать, когда далеко за Касимовымъ возникли новые укрѣпленные города, смыслъ и значеніе касимовскихъ царей оказались настолько подорванными, что они сдѣлались титулярными царями, безъ власти и силы; при дворѣ московскомъ ихъ стали третировать наравнѣ съ пришлыми татарскими мурзами, а послѣдній царь, Василій, былъ просто богатымъ помѣщикомъ, но не владѣтельнымъ государемъ. Просуществовавъ 229 лѣтъ, какъ столица мусульманскаго царства, Касимовъ незамѣтно превратился въ заурядный русскій городъ съ воеводою во главѣ, по волѣ царя Ѳедора Алексѣевича; званіе воеводы было уничтожено со введеніемъ городоваго положенія 1785 года при Екатеринѣ II, а теперь Касимовъ представляетъ изъ себя торговый уѣздный городъ Рязанской губерніи съ 16,000 жителей и 11 учебными заведеніями. Вся книга г. Шишкина, очевидно, заслуживаетъ полнаго вниманія за серьезную попытку изложить связно исторію касимовскаго царства въ доступной для большинства читателей формѣ (изслѣдованіе Вельяминова-Зернова въ трехъ томахъ и сборникъ актовъ и грамотъ Пискарева, не всякому подъ силу), но автору необходимо сдѣлать серьезный упрекъ въ неряшливости изданія. Обиліе опечатокъ производитъ очень дурное впечатлѣніе и затрудняетъ даже чтеніе. Кромѣ того, для полноты монографіи, автору слѣдовало бы удѣлить немного болѣе мѣста этнографіи касимовскаго царства, тѣмъ болѣе, что мордвины и мещеряки должны были повліять на вселившихся татаръ и въ теченіе времени образовать нѣчто въ родѣ новаго народа. Мещерскій городецъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году, долженъ, конечно, имѣть свою исторію до 1376 года, когда его испепелили золотоордынскіе татары, а между тѣмъ г. Шишкинъ проходитъ полнымъ молчаніемъ почти трехсотлѣтній періодъ, что довольно странно при обиліи матеріаловъ по исторіи рязанской земли. Автору слѣдовало бы назвать свой трудъ, въ виду нѣкоторой односторонности, не «Исторіею города Касимова», а «Исторіею касимовскихъ царей».

А. Б—въ.

Пензенскія губернскія вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838—1888 г. Отдѣлъ неофиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатели. Составилъ И. И. Василевъ. Пенза. 1889.

Губернскія вѣдомости возникли въ 1830 году, когда послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе объ изданіи правительственныхъ печатныхъ органовъ въ губерніяхъ и областяхъ Россіи. До 1837 года вѣдомости положено было издавать въ видѣ опыта только въ шести губерніяхъ—Астраханской, Казанской, Кіевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Яро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

славской, а съ 1837 года онѣ начали появляться и въ другихъ губерніяхъ. Съ этого же года въ нихъ появились и два отдѣла—оффиціальный и неоффиціальный—которыхъ раньше не было. До 1862 года Пензенскія вѣдомости въ своемъ неоффиціальномъ отдѣлѣ, не представляютъ ни особеннаго интереса, ни особеннаго значенія. Статьи, посвященныя изученію мѣстныхъ условій жизни, стали появляться, главнымъ образомъ, за послѣднее двадцатипятилѣтіе,—и Пензенскія губернскія вѣдомости заняли одно изъ видныхъ мѣстъ среди другихъ правительственныхъ губернскихъ органовъ, какъ, напр., Черниговскаго, Саратовскаго, Нижегородскаго.

Г. Василевъ очень добросовѣстно пересмотрѣлъ болѣе 5 тысячъ нумеровъ Пензенскдхъ вѣдомостей за 50 лѣтъ ихъ существованія и сдѣлалъ весьма тщательный сводъ всѣхъ статей по извѣстнымъ рубрикамъ, которыхъ набралось 25 (въ 26 отдѣлѣ помѣщенъ перечень рисунковъ и чертежей, въ разное время воспроизведенныхъ на страницахъ вѣдомостей); кромѣ того, онъ снабдилъ свой сводъ нѣсколькими указателями, очень полезными и необходимыми для справокъ: первый—хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части за время съ 1858 по 1862 годъ, второй—личный, третій—географическій и четвертый—предметный. Всѣхъ статей за 50 лѣтъ отмѣчено около 3-хъ тысячъ. Въ обстоятельномъ предисловіи къ своему своду г. Василевъ справедливо замѣчаетъ, что эти статьи являются надежнымъ источникомъ, изъ котораго можно получать матеріалы для родиновѣдѣнія. На основаніи этого матеріала можно составить нѣкоторое понятіе о до-историческомъ прошломъ края, о народахъ, населявшихъ губернію прежде, чѣмъ Пенза стала извѣстною въ исторіи; не мало въ систематизированыхъ статьяхъ разсѣяно свѣдѣній о почвенныхъ, климатическихъ и гигіеническихъ условіяхъ губерніи, о числѣ и занятіяхъ ея обитателей, встрѣчается не мало данныхъ по статистикѣ, географіи и этнографіи; изложены событія изъ жизни правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій; не мало свѣдѣній о развитіи и ходѣ народнаго образованія, городской и сельской промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и пр. Постепенно совершенствуясь и оживляясь, Пензенскія вѣдомости нынѣ издаются по программѣ, которая все-таки болѣе и менѣе удовлетворяетъ мѣстныхъ жителей, а именно, въ нихъ помѣщаются телеграммы столичныхъ газетъ, мѣстная хроника, земская и городская хроника, сельскохозяйственныя статьи, хроника происшествій, внутреннія и заграничныя извѣстія, чертежи, политипажи, рисунки и объявленія. Конечно, выполненіе этой программы оставляетъ желать еще многаго, ибо, напр., внутреннія и заграничныя извѣстія представляютъ перепечатки изъ другихъ газетъ. Но и въ данномъ своемъ видѣ нѣкоторыя губернскія вѣдомости сравнительно сносны и есть надежда, что не въ далекомъ будущемъ онѣ сдѣлаются настоящими органами мѣстной жизни, ея руководителями съ правительственной точки зрѣнія.

С. Тр—въ.

Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889.

Важное значеніе памятниковъ древне-русской жизни, памятниковъ, которые дошли до насъ въ сравнительно не большомъ количествѣ, съ каждымъ годомъ все больше и больше чувствуется нашей исторической наукой, ста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рающейся дать на основаніи ихъ возможно болѣе справедливое и точное изображеніе нашего прошлаго. Вслѣдствіе такого взгляда на археологическія древности, въ послѣднее время часто приходится слышать протесты противъ того грубаго и безцеремоннаго отношенія, съ которымъ необразованная часть общества относится къ этимъ драгоцѣннымъ, исчезающимъ свидѣтелямъ нашей старины, принося ихъ въ жертву личному, часто самому незначительному расчету. Примѣръ такого протеста, находимъ мы между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ». [1]) «Среди памятниковъ Владиміръ-Волынска особенно выдавались величественныя развалины древняго каѳедральнаго собора, построеннаго въ XII в. Владиміро-Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но Боже! въ какомъ ужасномъ небреженіи оказался этотъ священный памятникъ православія и древне-русскаго искусства, обращенный невѣждами въ конюшню и загонъ для скота. Самый фактъ построенія этого храма древне-русскимъ княземъ и существованія при немъ въ теченіе 4½ вѣковъ православной епископской каѳедры былъ извѣстенъ лишь немногимъ мѣстнымъ жителямъ, большинство же, въ томъ числѣ нѣкоторые даже представители духовенства, въ простотѣ невѣжества вѣрили нелѣпой сказкѣ, будто этотъ храмъ былъ построенъ какимъ-то латинскимъ бискупомъ. Не въ лучшемъ положеніи оказались и другіе памятники мѣстной православной старины. Остатки храмовъ заростали бурьяномъ или расчищались подъ частныя постройки, иныя лишь въ не давнее время оказались застроенными еврейскими домами; древніе предметы безслѣдно исчезли изъ церквей и попадали въ руки заграничныхъ антикваріевъ». Несмотря однако на массу такого рода жалобъ, зло нисколько не уменьшается. Ясно, что для борьбы съ этимъ зломъ не достаточно протестовъ отдѣльныхъ лицъ, не достаточно ихъ одинокой дѣятельности, а нужно общество, общество, которое бы обладало значительными силами для этой борьбы. Такое общество, подъ именемъ «Владиміро-Волынскаго общества» и основано въ декабрѣ 1887 года. Братство поставило своей задачей сбереженіе древнихъ памятниковъ русской жизни и ознакомленіе мѣстнаго населенія съ исторіей и археологіей края путемъ устройства музея, а также изданіемъ популярныхъ брошюръ. Одну изъ этихъ брошюръ, заглавіе которой мы выписали, думаемъ разобрать здѣсь.

Прежде всего мы находимъ въ ней краткій обзоръ исторіи г. Владиміръ-Волынска, «обзоръ необходимый для связности предлагаемаго очерка», въ которомъ авторъ намѣтилъ главнѣйшіе моменты въ жизни этого древняго города. Будучи основанъ не позже 988 г., Владиміръ-Волынскъ въ 1231 г. могъ уже поразить своей красотой венгерскаго короля Андрея, который выразился о немъ, «яко така града не изобрѣтахъ ни въ нѣмѣчскыхъ странахъ» [2]). Обзоръ свой авторъ доводитъ до 1794 г., затѣмъ даетъ описаніе города въ древности, слегка касается его состоянія въ настоящее время и наконецъ переходитъ къ главной части своего труда, именно къ описанію древнихъ церквей и монастырей, существующихъ здѣсь въ настоящее время, знакомитъ съ ихъ исторіей, внѣшнимъ видомъ, при чемъ описаніе свое иллюстрируетъ снимаками съ нихъ. Особенной полнотой и занимательностью отличается описаніе Успенскаго каѳедральнаго собора, основаннаго, какъ показали изслѣдованія проф. А. Прахова, въ XII в., описаніе Васильевской

[1]) «Кіевск. Старина». 1889 г., іюль, стр. 286 и сл.

[2]) Ип. Лѣт. стр. 510.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

церкви, основанной въ XIV в., Святогорскаго монастыря (XI в.) и развалинъ Ѳедоровской церкви. Не меньшій, впрочемъ, интересъ представляетъ также описаніе другихъ церквей. Вообще весь трудъ г. Дверницкаго интересенъ и заслуживаетъ вниманія уже по тому одному, что авторъ воспользовался массой неизданнаго, архивнаго матеріала, найденнаго имъ въ консисторіи и церквяхъ.

Встрѣчаются, однако, въ трудѣ г. Дверницкаго, хотя и очень рѣдко нѣкоторыя неточности. Такъ напримѣръ, въ историческомъ очеркѣ, авторъ говоритъ: «нѣкоторые изъ князей (Волынско-Галицкихъ) носили даже королевскій титулъ» (5 стр.), между тѣмъ какъ такихъ князей было всего два, а именно: Даніилъ Романовичъ и Юрій I Львовичъ, принявшій въ 1301 г. титулъ «rex Russiae et princeps Lodomeriae», но уже его сынъ Андрей въ договорѣ съ Литовскимъ Орденомъ (1325 г.) называется просто княземъ—dux Wladimiriae et Rossiae. Затѣмъ, занятіе Владиміра-Волынскаго двоюроднымъ братомъ Даніила Романовича, Александромъ Всеволодовичемъ, произошло не въ 1202 году, а двумя годами позже, т. е. въ 1204. Часто также употребляетъ г. Дверницкій мѣстныя слова и выраженія, не употребляющіеся въ русскомъ языкѣ и потому не для всѣхъ понятныя. Такъ напримѣръ на стр. 9: «трудами предмѣщанъ», «уніатскіе олтарики» (стр. 20), «бабинецъ» (это слово представляетъ собой простую передѣлку малороссійскаго слова «бабникъ», которымъ называется та часть церкви, гдѣ стоятъ бабы). Всѣ эти и нѣкоторыя другія неточности, изрѣдка попадающіяся въ разбираемой нами брошюрѣ, вслѣдствіе своей незначительности и немногочисленности нисколько не уменьшаютъ достоинства и значенія труда г. Дверницкаго. Остается только желать побольше такихъ достосовѣстныхъ трудовъ, являющихся на помощь благимъ начинаніямъ основаннаго братства..

В. Б.

Около трона, романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкихъ аристократовъ. Н. А. Попова. Спб. 1890.

Силы, враждебныя мирному и спокойному развитію человѣчества, существовали во всѣ времена, хотя имѣли самый разнообразный видъ и носили различныя названія. Въ настоящее время, какъ начинаютъ догадываться многіе, этими тормазами для человѣчества являются двѣ силы: іезуитство и юнкерство. Послѣднее, напоминающее собою лагерь Чингисъ-Хана или Батыя, страшный въ своемъ наступательномъ движеніи, опасенъ для мирнаго процвѣтанія европейскихъ народовъ только до той поры, пока руководителемъ юнкерства состоитъ свѣтлѣйшій канцлеръ Германской имперіи; умретъ онъ, исчезнетъ опытный руководитель и юнкерство потеряетъ три четверти своей силы и своего значенія. Очевидно, юнкерство есть только временный тормазъ, созданный своеобразно понятымъ шовинизмомъ. Другой же тормазъ болѣе опасенъ. Испанскій психопатъ Игнатій Лойола создалъ въ 1540 году мрачное подпольное братство для борьбы съ врагами католицизма и это братство задалось мыслью достичь всемірнаго господства. «Цѣль оправдываетъ средства», говоритъ іезуитъ и не отступаетъ при этомъ ни передъ чѣмъ, лишь бы содѣйствовать достиженію цѣли всего братства. Вотъ этотъ тормазъ, недоступный контролю и работающій во мракѣ, очень опасенъ и борьба съ нимъ обязательна для всѣхъ народовъ, дорожащихъ свободною

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дорогою для своего развитія. Напоминать объ этомъ необходимо почаще и г. Поповъ очень удачно воспользовался беллетристическою формою, чтобы напомнить о томъ же. Канвою для его романа послужила пока таинственная смерть наслѣднаго австрійскаго принца Рудольфа, о причинахъ которой сообщались досужими репортерами самыя разнорѣчивыя извѣстія. Фабулу романа г. Поповъ построилъ такъ. Въ одномъ нѣмецкомъ герцогствѣ (читай въ Австріи) наслѣдный принцъ Альфредъ, женатый на принцессѣ Саломеи, рѣзко проявилъ свои антипатіи къ іезуитамъ и политикѣ желѣзнаго канцлера, такъ называемой «лигѣ мира»; вслѣдствіе этого онъ сдѣлался опаснымъ для тѣхъ и другихъ. Уничтожить его, стереть его съ лица земли— сдѣлалось задачею іезуитовъ и тѣмъ болѣе легкою задачею, что принцъ былъ пристрастенъ къ вину и женщинамъ. Его стали спаивать и познакомили съ дочерью одного лѣсничаго, расчитывая, что за соблазненную демократку отомстятъ ножемъ или пулею ея родные. Этого не случилось. Демократка Амалія оказалась цѣльною, возвышенною натурою, которая ставила на первый планъ идею, а не себя; она, сдѣлавшись любовницею принца, принялась тактично перевоспитывать его и еще болѣе укрѣплять въ ненависти къ іезуитамъ и «лигѣ мира»; отказываясь принимать подарки для себя, Амалія охотно взяла у Альфреда 185.000 гульденовъ для устройства общежитія плотникамъ, приходящимъ въ столицу. Іезуиты всполошились, видя, что «лѣсная козочка» не служитъ ихъ цѣлямъ, а усиливаетъ только пропасть между ними и принцемъ, подготовляя въ послѣднемъ опаснаго для нихъ врага. Тогда интриганы познакомили его съ баронессою Маріею Абендъ; послѣдняя такъ очаровала Альфреда, что онъ рѣшился развестись съ женою, чтобы жениться на Маріи. На просьбу, посланную папѣ, послѣдовалъ отказъ и Марія рѣшилась на самоубійство, не желая перенести позора, но Амалія познакомилась съ нею, съумѣла успокоить ее и указала ей цѣль: поддержать принца въ борьбѣ съ отцомъ и врагами. Тогда іезуиты потеряли терпѣніе и распорядились круто: одинъ изъ берлинскихъ шпіоновъ отравилъ Амалію и ея отца; мнимый демагогъ, на самомъ дѣлѣ слуга іезуитовъ, объявилъ брату Амаліи, что его сестра и отецъ убиты по приказанію принца; обезумѣвшій Карлъ прибѣжалъ въ паркъ, гдѣ жилъ его отецъ лѣсничій, убѣдился въ истинѣ извѣстія и въ изступленіи застрѣлилъ Альфреда, когда тотъ пріѣхалъ съ Маріею въ замокъ при паркѣ для переговоровъ безъ помѣхи о томъ, что дѣлать въ виду отказа папы въ разводѣ. Увидя трупъ принца, Марія Абендъ немедленно отправилась стрихниномъ, который носила въ карманѣ уже нѣсколько дней. Такимъ образомъ, катастрофа разразилась, но истинные виновники ея остались неизвѣстными. Монсиньоръ (Галимберти) съ чувствомъ отслужилъ панихиду по «застрѣлившемся» наслѣдномъ принцѣ, сознавая, что опасный врагъ подпольнаго братства сошелъ со сцены. Этимъ заканчивается романъ. Вполнѣ возможно, что на самомъ дѣлѣ причина смерти кронпринца Рудольфа другая, но невольно приходитъ на память судьба многихъ членовъ дома лотарингскихъ Габсбурговъ, осмѣлившихся возстать противъ іезуитовъ: всѣ они погибали насильственною смертью. Кромѣ того, вспоминается судьба явныхъ противниковъ юнкерства, погибавшихъ или явно насильственно или среди таинственныхъ обстоятельствъ, невыясненныхъ слѣдствіемъ. Невольно приходитъ на мысль, что разсказъ г. Попова долженъ быть близокъ къ истинѣ. Какъ бы то ни было, романъ «Около трона» написанъ бойко, умѣло и читается съ удовольствіемъ; указаніе на могуще-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ственнаго тайнаго врага, орденъ іезуитовъ, никогда не можетъ быть несвоевременнымъ, потому что напоминать о немъ массамъ слѣдуетъ по возможности чаще, какъ мы упомянули объ этомъ выше. Правда, вѣнскій журналистъ-рецензентъ или берлинскій сочтутъ этотъ романъ оскорбительнымъ памфлетомъ, но на это можно возразить, что появленіе подобныхъ романовъ вызывается въ силу того, что враги іезуитизма и юнкерства какъ-то уже очень кстати умираютъ. Романъ г. Попова переведенъ уже на французскій и италіанскій языки. А. Б—въ.

Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888), сост. М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889.

22 августа 1888 года институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ праздновалъ пятидесятый годъ своего существованія. По этому случаю инспекторъ институтскихъ классовъ составилъ очеркъ полувѣковой дѣятельности института, присоединивъ къ нему юбилейный отчетъ о состояніи учебнаго заведенія. Все вмѣстѣ это составило книжечку въ 168 страницъ, отпечатанныхъ чисто и красиво на хорошей бумагѣ и украшенную очень недурно исполненными фототипіями, изображающими императоровъ Николая I, Александра II и Александра III, императрицъ Александру Ѳеодоровну, Марію Александровну и Марію Ѳеодоровну, четырехъ начальницъ института (П. И. Нилову, Е. Д. Голубцову, А. А. Родзянко и Л. К. Эрнстъ), затѣмъ нѣсколько снимковъ съ института и его залъ, а также планъ институтской земли. Мысль основать институтъ въ Кіевѣ принадлежитъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которой не пришлось осуществить этой мысли. Однако, благодаря генералъ-губернаторамъ графу В. В. Левашеву и Д. Г. Бибикову, а также попечителю округа, Е. Ѳ. фонъ-Брадке, проектъ былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря щедротамъ императора Николая I, и открытіе института состоялось 22 августа 1838 года. Новое учебное заведеніе сразу привлекло къ себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, такъ что въ 1840 году пришлось отказать нѣсколькимъ десяткамъ лицъ въ пріемѣ по недостатку мѣста. Въ 1843 году институтъ перешелъ въ собственное помѣщеніе, выстроенное на землѣ, пріобрѣтенной отъ университета въ Старомъ городѣ. Августѣйшіе покровители неоднократно посѣщали институтъ и всегда оставались довольны какъ системою воспитанія, такъ и вообще порядками заведенія. Первое посѣщеніе императора Николая I состоялось 1 сентября 1845 года, послѣднее посѣщеніе нынѣ царствующаго императора со всею семьею состоялось 17 августа 1885 года. Расходъ по институту въ 1838 году составлялъ 20.911 р. 31½ коп., въ 1863 году—68,934 р. 12¾ коп., а въ 1888 году—173,694 р. 23 коп. Всѣхъ выпусковъ было тридцать четыре, причемъ окончили курсъ 1,283 воспитанницы, въ томъ числѣ 284 съ шифрами и медалями; ко дню юбилея въ институтѣ числилось 253 воспитанницы.

А. Б—въ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская жизнь въ оцѣнкѣ англичанина.—Англія озабоченная успѣхами Россіи въ Средней Азіи.—«Капитанская дочка», изучаемая англійскими офицерами.—Карьера нигилиста.—Русскій профессоръ въ оцѣнкѣ лондонскихъ ученыхъ.—Смерть Ральстона.—Офиціальное путешествіе по Босніи и Герцеговинѣ.—Гвоздеобразныя надписи въ странѣ гіероглифовъ.—Монографія Антонина.—Защитникъ Ингеборги.—Германскій императоръ Фридрихъ II.

РОССІЯ продолжаетъ интересовать англичанъ не меньше, чѣмъ французовъ и нѣмцевъ. Въ концѣ прошлаго года въ Лондонѣ, кромѣ переводовъ нѣсколькихъ русскихъ писателей, вышли и оригинальныя сочиненія о нашемъ отечествѣ. Томасъ Мичель, бывшій членъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, знающій русскій языкъ, издалъ «Русскія картины, начертанныя перомъ и карандашомъ» (Russian pictures, drawn with pen and pencil, by Thomas Michell). Другой знатокъ нашей литературы, критикъ журнала Academy, В. Р. Морфиль, сочувственно привѣтствуетъ эту книгу, «имѣющую цѣлью ближе познакомить англійскаго читателя съ великою русскою имперіею, проложить путь для лучшаго пониманія между двумя націями (to pave the way for a better understanding)». Не о сближеніи, а только о пониманіи говоритъ осторожный критикъ, находя, что авторъ обладаетъ для этого всѣми данными: владѣя русскимъ языкомъ, онъ долго жилъ въ Россіи и составилъ описаніе ея, изданное нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ руководство для ознакомленія съ нею. «Онъ пишетъ въ благосклонномъ и безпристрастномъ духѣ и даетъ столько доказательствъ истинной симпатіи къ своему предмету, что мы чувствуемъ—ему можно вѣрить». Такъ изображая, напримѣръ, капитана парохода въ Нижнемъ-Новгородѣ, Мичель доходитъ до выраженій глубокаго, искренняго сочувствія къ веселому товарищу своего путешествія. Лучшая часть описанія посвящена Сибири и ея ссыльнымъ. Въ изображеніи жизни ссыльныхъ Мичель правдивѣе и компетентнѣе Джорджа Кеннана, писавшаго о томъ же предметѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Планъ книги вообще очень удаченъ. Читатель слѣдитъ за авторомъ, по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи отъ Новгорода до Тифлиса. Прекрасные рисунки иллюстрируютъ разсказъ, написанный живымъ и легкимъ языкомъ. Нѣкоторые политипажи взяты изъ книги Скюйлера о Петрѣ Великомъ, изъ Крыма и Закавказья Тельфера. Встрѣчаются и плохіе, устарѣвшіе клише, какъ прибытіе Чанселора въ 1553 году въ Холмогоры, или Стенька Разинъ, бросающій въ Волгу персидскую принцесу, изъ «Исторіи Россіи» Мотлея. Англійскій критикъ не соглашается съ авторомъ, приводящимъ сожалѣнія грузинъ о потерѣ ихъ независимости: они несомнѣнно исчезли бы изъ ряда націй, еслибы Россія не явилась ихъ покровительницею. Въ 1795 году персіане разрушили почти весь Тифлисъ и тысячи грузинъ были уведены плѣнниками въ Персію. Лезгины и другія кавказскія племена также постоянно враждовали съ ними. Между этими кавказскими племенами не было никогда солидарности въ дѣйствіяхъ и цѣляхъ. Въ 1855 году Омеръ-паша, вторгнувшись въ Мингрелію, не встрѣтилъ никакой поддержки въ ея жителяхъ, и его воззванія, что онъ пришелъ освободить страну отъ русскихъ варваровъ, возбуждали негодованіе, такъ какъ страна страдала всегда подъ властью мусульманъ. Напрасно также Мичель называетъ Шамиля татариномъ, когда онъ былъ природный лезгинъ. Съ ихъ хищническими наклонностями и нравами полудикія племена Кавказа не могли, по его покореніи, оставаться въ своихъ горахъ и хотя переселились въ Турцію въ числѣ пятисотъ тысячъ, отъ 1858 по 1865 годъ, но князь Горчаковъ имѣлъ полное основаніе напомнить лорду Росселю, приписывавшему эту эмиграцію притѣсненіямъ правительства—о переселеніи въ послѣднее время четырехъ милліоновъ ирландцевъ изъ своей родины. Мичель упоминаетъ также объ успѣхахъ Россіи въ Средней Азіи, возбудившихъ неудовольствіе въ англичанахъ, хотя благодаря этимъ успѣхамъ въ обширной странѣ уничтожены разбои и невольничество. Финляндія, Польша и другія русскія завоеванія также подробно описаны Мичелемъ. Въ русской исторіи авторъ дѣлаетъ важныя ошибки. Если еще можно допустить, что иностранецъ приписалъ основаніе Пскова княгинѣ Ольгѣ, то уже совершенно непростительно утвержденіе, что императоръ Иванъ VI былъ сынъ Елисаветы и даже—Бирона!

— Книга члена парламента Курзона касается Россіи въ центральной Азіи въ 1889 году и южно-русскаго вопроса (Russia in Central Asia in 1889 and the anglo-russian question. By George Curzon). Свои выводы авторъ основываетъ на трудахъ своихъ предшественниковъ, изслѣдовавшихъ эту область, стараясь оставаться безпристрастнымъ «между руссофобами, какъ Вамбери, обманывающими другихъ и руссофилами, какъ Стидъ, которые сами обманываются». Въ послѣдней главѣ своего труда «Русское управленіе въ центральной Азіи», авторъ хвалитъ это управленіе, но находитъ что по нашей афганской границѣ необходимо устроить желѣзную дорогу. На случай смерти Абдурахмана, Россія имѣетъ передъ англичанами тѣ преимущества, что у нея есть кандидатъ на престолъ эмира—Исхакъ-ханъ. Она медленно, но постоянно усиливаетъ свой операціонный базисъ и, готовясь занять сѣверныя и западныя провинціи Афганистана, найдетъ тамъ твердую для себя опору, а ея армія двинется на югъ черезъ Балхъ на Кабулъ, или черезъ Гератъ на Кандагаръ. Силы ея всегда могутъ увеличиться подкрѣпленіями черезъ Каспійское море, тогда какъ англійскій полководецъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

долженъ будетъ довольствоваться тѣми войсками, какія у него подъ руками. Приближеніе русскихъ къ Гиндукушу, уничтожая независимость и значеніе Афганистана, будетъ служить предметомъ вѣчной паники въ Индіи. Поэтому никакой раздѣлъ Афганистана между Англіей и Россіей немыслимъ; малѣйшее нарушеніе только-что утвержденной афганской границы должно немедленно вызвать объявленіе войны Россіи со стороны Англіи «какъ этого требуетъ ея честь». Это говоритъ Курзонъ на 353-й страницѣ своей книги, а нѣсколько раньше, на 267-й замѣчаетъ, что «занятіе русскими Герата не поведетъ неминуемо къ войнѣ». Такихъ противорѣчій у автора встрѣчается не мало. То онъ увѣренъ въ побѣдѣ русскихъ, то говоритъ, что при первомъ движеніи ихъ впередъ можно будетъ повторить слова Кромвеля: «теперь Господь предаетъ ихъ въ наши руки!» То онъ утверждаетъ, что занятіе Герата не ведетъ за собою занятіе Кандагара и обладаніе даже обоими этими городами не угрожаетъ завоеваніемъ Индіи, то повторяетъ, что взятіе этихъ городовъ сократитъ на цѣлый мѣсяцъ наступленіе непріятеля къ Индіи, потребуетъ сосредоточенія всѣхъ оборонительныхъ силъ Англіи на границѣ и громадныхъ расходовъ королевства. И въ то же время онъ называетъ планъ похода на Индію—фантастическимъ. Для предупрежденія опасности авторъ совѣтуетъ отправить въ Гератъ, Балхъ, Маймене и другіе пограничные пункты англійскихъ офицеровъ резидентами, но самъ же сознается, что безъ сильнаго эскорта, они подвергнутся покушеніямъ на ихъ жизнь, а большіе отряды для охраны ихъ возбудятъ враждебныя дѣйствія дикарей. Вообще, въ сужденіяхъ о будущихъ судьбахъ Афганистана и отношеніяхъ къ нему Россіи, у Курзона, какъ и всѣхъ англичанъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, нѣтъ ни опредѣленныхъ плановъ, ни твердыхъ мыслей. Ясно, что они не знаютъ сами, что будутъ дѣлать въ случаѣ переворотовъ въ этой странѣ.

— Изъ сочиненій русскихъ писателей замѣчателенъ переводъ «Капитанской дочки» Пушкина, изданный въ Калькутѣ для учащихся офицеромъ бомбейскаго штаба Годфреемъ (The Captain's daughter. By A. C. Pooshkin. Litterary translatedfrom the russian for the use of studenty by Stuart H. Godfrey, Bombay Staff corps Calcutta). Переводъ этотъ доказываетъ, что англійскіе офицеры въ Индіи усердно занимаются русскимъ языкомъ, и основательно изучаютъ его. Переводчикъ ошибается только, утверждая въ предисловіи, что на англійскомъ языкѣ «нѣтъ ни одного дословнаго перевода русскаго сочиненія, по которому изучающій этотъ языкъ, могъ бы ознакомиться съ искусствомъ русскихъ прозаиковъ». Тургеневъ давно уже переведенъ вѣрно и искусно Ральстономъ, Аштономъ Дильке, Скюйлеромъ, графъ Толстой—Долемъ. Да и «Капитанская дочка» переведена уже анонимнымъ авторомъ и издана вмѣстѣ съ нѣкоторыми разсказами Лермонтова, незадолго до начала Крымской войны. Это не мѣшаетъ, однако, тому, чтобы товарищи Годфрея по оружію прочли съ пользою для себя новый переводъ «одного изъ лучшихъ, прелестныхъ разсказовъ» (prettiest, charming) по словамъ англійской критики, удивляющейся простотѣ и художественности изложенія.

— Англичане восхищаются и оригинальными произведеніями русскихъ людей, пишущихъ на англійскомъ языкѣ. Критикъ «Атенеума» говоритъ съ большою похвалою о романѣ Степняка,—«Карьера нигилиста» (The areer of a nihilist By Stepniak). Въ то время когда Россія уже начи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наетъ забывать о печальной эпохѣ, когда горсть увлеченныхъ фанатиковъ держала въ страхѣ общество и администрацію, англичане продолжаютъ увѣрять, что нигилизмъ играетъ важную роль въ русской жизни и доставляетъ сенсаціонныя темы для оживленія русскихъ романовъ. Авторъ утверждаетъ, что революціонный элементъ развивается въ среднемъ классѣ, какъ протестъ противъ грубаго обращенія полиціи... Странный взглядъ и на полицію и на нигилизмъ!.. Женщинамъ авторъ отводитъ первенствующее мѣсто во всемъ романѣ и представляетъ ихъ руководительницами всѣхъ предпріятій.

— Спеціальный лондонскій журналъ «Nature» помѣстилъ въ отдѣлѣ «научныхъ знаменитостей» біографію и портретъ Дмитрія Ивановича Менделѣева. Біографія написана Торпомъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ петербургскими профессорами Меньшуткинымъ и Горбовымъ и профессоромъ пражскаго университета Браунеромъ. Но самостоятельная оцѣнка трудовъ знаменитаго химика принадлежитъ англійскому ученому. «Менделѣевъ, говоритъ онъ, такой плодовитый писатель, что въ предѣлахъ журнальнаго очерка трудно оцѣнить все, что имъ сдѣлано. Нѣтъ ни одного отдѣла химической науки, который не былъ бы обязанъ ему важными открытіями. Его геніальная концепція періодическаго закона элементовъ повела къ открытію многихъ новыхъ простыхъ тѣлъ. Королевское общество наукъ присудило ему медаль Деви, лондонское химическое общество—высшій знакъ своего отличія—медаль Фарадея». Упомянувъ о работахъ Дмитрія Ивановича по изученію воздухоплаванія, нефтяной и каменноугольной промышленности, объ его учебникахъ по химіи и энциклопедіи, по технологіи, объ образованіи имъ нѣсколькихъ поколѣній русскихъ химиковъ, Торпъ прибавляетъ: никто изъ русскихъ ученыхъ не оказалъ такого значительнаго и продолжительнаго вліянія на развитіе физико-химическихъ наукъ какъ Менделѣевъ. «Онъ имѣетъ такое же значеніе для Россіи, какъ Берцеліусъ для Швеціи, Либихъ для Германіи, Дюма для Франціи». Прошлымъ лѣтомъ нашъ ученый читалъ въ Лондонѣ лекціи, имѣвшія огромный успѣхъ, не смотря на свою спеціальность.

— Вмѣстѣ съ англійскими журналами мы можемъ пожалѣть о ранней смерти знатока русской литературы Вильяма Ральстона. Онъ родился въ 1829 году и кончилъ свое образованіе въ Кембриджѣ въ 1850 г. Чтобы оказать помощь своему недостаточному семейству, онъ поступилъ на службу въ Британскій музей и занялся тамъ изученіемъ русскаго языка. Въ 1868 году онъ отправился въ Россію и проѣхалъ отъ Петербурга до Воронежа; черезъ два года онъ повторилъ свою поѣздку и изъ шести недѣль проведенныхъ у насъ—десять дней прожилъ въ помѣстьи Тургенева, съ которымъ вошелъ въ близкія сношенія. Въ 1875 г. онъ еще разъ посѣтилъ Россію, знакомясь на мѣстѣ не только съ нашей литературой, но и съ народнымъ бытомъ. Плодомъ этихъ добросовѣстныхъ изученій были: переводъ тургеневскаго «Дворянскаго гнѣзда» и такіе серьезные этюды, какъ «Крыловъ и его басни» (3-е изданіе 1871 г.). «Пѣсни русскаго народа, какъ иллюстрація славянской миѳологіи и русской общественной жизни» (1872). «Русскія народныя сказки» (1873), «Древняя исторія Россіи» (1874). Кромѣ того, онъ написалъ въ англійскихъ журналахъ много статей о Россіи, ея законахъ, преданіяхъ, о деревенской жизни, о Тургеневѣ, Островскомъ, о принцессѣ Таракановой, о русскихъ пословицахъ и др. Сверхъ того,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ читалъ лекціи объ этихъ предметахъ въ разныхъ городахъ Англіи. Онъ былъ членомъ-кореспондентомъ русскихъ обществъ: историческаго, географическаго, любителей исторіи и словесности, нижегородскаго статистическаго комитета и пр. Въ «Атенеумѣ» онъ писалъ рецензіи о русскихъ книгахъ. Натура впечатлительная и воспріимчивая, онъ трудился усердно, скоро привязывался, дѣлалъ много добра, хлопоталъ за всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ помогъ Мекензи Валлесу издать его большой трудъ о Россіи, велъ дѣятельную кореспонденцію съ англійскими и русскими писателями. Его любовь къ Россіи, странная въ англичанахъ, не измѣнялась до конца жизни, проведенной въ уединеніи, вслѣдствіе разстроеннаго усидчивымъ трудомъ здоровья.

— Любопытна съ точки зрѣнія австрійской политики книга члена венгерскаго парламента Асбота, изданная одновременно въ Пештѣ на венгерскомъ, и въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ «Офиціальная поѣздка по Босніи и Герцеговинѣ» (An official tour through Bosnia and Herzegovina). Авторъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, четыре года сряду сопровождалъ министра финансовъ Каллая въ его ежегодной поѣздкѣ по славянскимъ провинціямъ, захваченнымъ Австріею въ силу берлинскаго трактата, и плодомъ его наблюденій явилась книга, имѣющая преимущественно историческое и археологическое значеніе, но мѣстами обнаруживающая и хищническую политику Австріи по отношенію къ землямъ, занятымъ ею вопреки народнаго права и желанія страны. Асботъ говоритъ обо всемъ по немногу: объ этнографіи и религіи, о литературѣ и народныхъ легендахъ, о земельныхъ условіяхъ и общественной жизни, даже о богумиловской ереси, бывшей одно время господствующею церковью въ государствѣ. Онъ возстаетъ противъ мнѣнія Эванса, что ученіе богомиловъ сходно съ протестантствомъ и видитъ въ немъ напротивъ сильную вѣру во всѣ догматы, что противно духу протестантовъ. Богомилы далеки отъ Эразма, Кальвина и Лютера, но близки къ Іоанну Лейденскому, Гуссу, альбигойцамъ. Въ ученіи богомиловъ есть слѣды армянскаго манихеизма: они вѣрятъ, что земла создана не Богомъ, а сатаною, которому Богъ позволилъ творить въ теченіе семи дней. Брачную жизнь они считаютъ грѣхомъ, ветхій завѣтъ—произведеніемъ діавола, выдававшимъ себя за Бога, пока Христосъ не пришелъ въ міръ. Одни изъ богомиловъ считаютъ сатану первороднымъ сыномъ божіимъ, другіе отвергаютъ это, но всѣ вообще не признаютъ поклоненіе кресту какъ орудію опозоренному смертью Христа. Не признаютъ они также никакихъ образовъ и иконъ, ни церковныхъ обрядовъ, ни священниковъ, ни епископовъ, ни причастія, жизнь ведутъ строго-нравственную. Изгнанные изъ Босніи, богомилы перенесли свое ученіе въ Сербію, Болгарію и южную Россію, гдѣ слѣды ихъ замѣтны въ раскольничьихъ сектахъ.

— Подъ названіемъ «Находка въ Телль-эль-Амарна» (La trouvaille de Tell-el-Amarna) обнародовано изслѣдованіе одного изъ любопытнѣйшихъ открытій въ области египетской археологіи. Въ концѣ 1887 года, въ маленькой египетской деревнѣ найдена колекція глиняныхъ досечекъ съ гвоздеобразными надписями. Ассиро-вавилонскія письмена въ странѣ гіероглифовъ представляли такую необычайную находку, что ученый міръ усомнился въ дѣйствительности открытія, тѣмъ болѣе, что оно было сдѣлано не европейскими археологами и филологами, а продавцами мѣстныхъ древностей. Вскорѣ однакоже исчезли сомнѣнія въ обманѣ или поддѣлкѣ и разборъ гвоздеобраз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ письменъ, нынѣ изданный въ свѣтъ, хотя еще и не въ полномъ видѣ, объяснилъ ихъ происхожденіе. Глиняныя досечки представляютъ офиціальную переписку фараоновъ XVIII династіи Аменофиса III и IV или Аменготпу, какъ читаетъ это имя Масперо, съ правителями и губернаторами Ассиріи, признававшей, въ эту эпоху, египетскихъ царей своими сюзеренами. Между этими остатками дипломатической кореспонденціи, дошедшей до насъ только въ обрывкахъ, встрѣчаются также письмена халдейскихъ и ассирійскихъ царей. Написаны эти документы въ тонѣ покорности и подчиненія, доказывающихъ, что эти владыки заискивали покровительства Египта и не даромъ Тутмесъ III и его наслѣдники вписали Ассирію въ число своихъ данниковъ. Изъ этихъ депешъ видно, что египтяне не управляли лично странами, платившими имъ дань, а оставляли этимъ странамъ ихъ прежнюю администрацію, подъ условіемъ акуратнаго платежа дани. По временамъ «царскіе посланники въ сѣверныя страны» являлись въ этихъ странахъ для провѣрки—соотвѣтствуютъ ли доходы ихъ количеству вносимой дани. Но почти всякій годъ египетскія арміи являлись въ этихъ странахъ для подавленія возникавшихъ тамъ возстаній. Гвоздеобразная азбука была въ общемъ употребленіи у всѣхъ ассирійскихъ племенъ и въ то же время служила для дипломатическихъ сношеній государствъ отъ Тигра до Нила.

— Латуръ Гайе издалъ замѣчательный этюдъ изъ римской исторіи II вѣка «Антонинъ благочестивый и его время» (Antonin le pieux et son temps). Въ послѣднее время вышли прекрасныя біографіи Траяна, Адріана, Марка-Аврелія, Септимія Севера, но Антонинъ еще не былъ предметомъ спеціальнаго изученія. Теперь пополненъ и этотъ пробѣлъ. Книга французскаго историка представляетъ не только подробную жизнь преемника Адріана, но всѣ событія его времени, всѣ предпринятыя имъ реформы, общество, императорскій дворъ, искуство, науки и литературу, отношеніе язычества къ христіанству. Жаль только, что авторъ строго ограничиваетъ свои изслѣдованія 23-мя годами царствованія Антонина, тогда какъ результаты многихъ событій этой эпохи отразились въ болѣе позднее время. Лучшія стороны этюда: отношенія Антонина къ сенату и христіанамъ, изслѣдованіе философскихъ ученій и юридическихъ вопросовъ. Общій выводъ сочиненія тотъ, что Антонинъ былъ однимъ изъ лучшихъ императоровъ и образцомъ языческихъ добродѣтелей. Пристрастіе автора къ своему герою простирается до того, что онъ не только описываетъ его привычки и занятія: охоту за кабанами, уженье рыбы, бесѣды его съ работниками своихъ виноградниковъ за завтракомъ изъ чесноку и жирныхъ анчоусовъ, но старается даже оправдать жену императора Фаустину отъ обвиненій вполнѣ доказанныхъ,— въ весьма предосудительномъ поведеніи. Неосновательность этихъ обвиненій авторъ видитъ въ томъ, что Антонинъ всегда очень хорошо относился къ своей женѣ, тогда какъ это обстоятельство доказываетъ только кротость императора, а вовсе не безупречность Фаустины.

— Робертъ Давидсонъ издалъ исторію Филиппа Августа короля Франціи и Ингеборги (Philipp II August von Frankreich und Ingeborg). Лѣтописи разсказываютъ, что въ 1201 году, на соборѣ въ Суассонѣ, созванномъ для суда надъ женою французскаго короля, бѣдный, неизвѣстный клеркъ обратился къ Филиппу Августу и кардиналамъ, прося позволенія защищать королеву, отвергнутую своимъ мужемъ. Получивъ позволеніе, онъ произнесъ такую краснорѣчивую и энергичную рѣчь въ защиту Ингеборги,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что удивилъ всѣхъ присутствующихъ на соборѣ, хотя конечно не повліялъ на ихъ рѣшеніе. Авторъ вышедшей нынѣ книги напоминаетъ этого клерка. Почти черезъ семьсотъ лѣтъ нѣмецъ еврейскаго происхожденія является защитникомъ французкой королевы, отвергнутой своимъ мужемъ на другой день послѣ брака по неизвѣстной причинѣ. Давидсонъ собралъ множество документовъ, относящихся къ этому процессу, cause célèbre XIII вѣка. Онъ ѣздилъ нарочно въ Копенгагенъ, мѣсто рожденія Ингеборги, чтобы въ городскихъ архивахъ отыскать какіе-нибудь слѣды ея родства. Для этой же цѣли онъ жилъ долго во Франціи, роясь, кромѣ національной парижской библіотеки, въ архивахъ Орлеана, Санлиса, Этампа, Корбейля. Онъ посѣтилъ всѣ города, гдѣ жила Ингеборга и составилъ обширную біографію, въ которой старается представить свою героиню образцовою женою и женщиною. Что за ней не было никакой особенной вины доказывается и ея несправедливымъ осужденіемъ въ 1197 году и возвращеніемъ ей въ 1213 году королевскаго званія; но явное стремленіе автора представить ее идеаломъ совершенства много вредитъ исторической правдѣ сочиненія и заставляетъ заподозрѣвать всѣ его изъисканія. Лучше всего имъ опредѣлена роль Инокентія III въ этой исторіи. Во имя справедливости и святости брака папа принялъ сторону отверженной королевы и наложилъ даже интердиктъ на Францію. Но эта мѣра не улучшила участи Ингеборги. Король оставался непреклоннымъ и папа, дорожа его союзомъ и желая отвлечь его отъ союза съ Гогенштауфенами и понудить къ походу противъ альбигойцевъ, не хотѣлъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Онъ самъ предложилъ Филиппу Августу средство сдѣлать его разводъ вполнѣ законнымъ: объявить, что вслѣдствіе колдовства король не могъ имѣть брачныхъ сношеній съ своей женою. Но и признаніе за Ингеборгою королевскихъ правъ не было слѣдствіемъ папскихъ угрозъ и увѣщаній. Король замышлялъ въ это время сдѣлать высадку въ Англію и, чтобы оправдать это нападеніе, заявилъ права Ингеборги на это государство, какъ дочери датскихъ королей, а права эти она принесла въ приданое Филиппу-Августу, выйдя за него замужъ. Пристрастіе къ женѣ дѣлаетъ въ то же время автора несправедливымъ къ мужу и Давидсонъ не достаточно цѣнитъ энергію короля и его государственныя заслуги. Но въ общемъ—книга нѣмецкаго писателя представляетъ все-таки цѣнный вкладъ въ изслѣдованіе любопытнаго эпизода исторіи среднихъ вѣковъ.

— Другой эпизодъ той же эпохи передаетъ Максъ Гальбе, въ своей книгѣ «Фридрихъ II и папскій тронъ до коронаціи императора» (Friedrich II und der päpstliche Stuhl bis zur Kaiserkrönung). Благодаря поддержкѣ Инокентія III, внукъ Барбароссы, Фридрихъ II, овладѣлъ германскою короною. Ведя упорную войну съ партіей гвельфовъ, императоръ оставался благодарнымъ папскому престолу. Въ 1213 году онъ утвердилъ за папою старинныя римскія владѣнія—аллодіальныя земли графини Матильды и допустилъ въ Германіи назначеніе епископовъ папою, затѣмъ далъ обѣщаніе идти въ крестовый походъ и, въ 1216 году, отказался отъ всякой опеки надъ своимъ сыномъ Генрихомъ, королемъ Сициліи, также какъ отъ всякаго личнаго соединенія этого королевства съ имперіею. Но освободившись однажды отъ всѣхъ своихъ враговъ, Фридрихъ не захотѣлъ исполнить своихъ обѣщаній и книга Гальбе передаетъ подробно обо всѣхъ усиліяхъ Фридриха избавиться отъ своихъ обязательствъ. Сначала онъ поручилъ Генриху управленіе Швабскимъ герцогствомъ, потомъ успѣлъ сдѣлать его римскимъ королемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Преемникъ Инокентія, Гонорій III принужденъ былъ признать всѣ эти нарушенія договоровъ и въ 1220 г. короновалъ Фридриха императоромъ, все еще надѣясь, что онъ отправится въ походъ. Историкъ останавливается на этомъ эпизодѣ, не разсказывая послѣдующаго тридцатилѣтняго царствованія, полнаго драматическими событіями, какъ взятіе Іерусалима, отлученіе Фридриха отъ церкви Григоріемъ IX, преданіе императора анаѳемѣ и объявленіе низверженнымъ съ престола папою Инокентіемъ IV, и пр. Поэтому изслѣдованіе Гальбе только начала политической карьеры Фридриха далеко не опредѣляетъ его историческаго значенія и не даетъ полныхъ данныхъ для его правильной оцѣнки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Буддійская молитва за царя, установленная въ память о чудесномъ спасеніи Ихъ Величествъ въ день 17-го октября 1888 года.

ОЛИТВА ЭТА составлена главою буддійскаго духовенства Сибири Бандидо-Хамбо-Ламой (его титулъ) Гусино-Озерскаго дацана Данпиломъ Гомбоевичемъ Гомбоевымъ, и по его приказанію читается или поется ламами при хуралахъ (богослуженіяхъ) во всѣхъ дацанахъ (буддійскіе храмы) Восточной Сибири.

«Да будетъ благословенно! Несравненно благодѣтельные, высшіе покровители, дарующіе долголѣтіе, безпредѣльно вѣчные Будды: Аюшэ, Усниха, Вицзая, Цаганъ-Дара-экэ и другіе, даруйте счастіе многолѣтія милосердному, держащему колесо силы, единственному другу всего народа, небомъ дарованному, могущественнѣйшему и великому государю императору Александру III! Будды, даруйте ему многія лѣта и тѣлесную крѣпость, какъ алмазъ!

«Будды, даруйте многолѣтнее безпрерывное царствованіе въ нашемъ обширнѣйшемъ государствѣ на пользу и славу отечества царю, обладателю людей, перерожденію высочайшаго! Устройте жизнь его безпритворно счастливою! Развѣвая знамя могущества, издающее тысячи лучей и побѣждающее враговъ, да укротитъ онъ злыхъ враговъ безъ остатка, да сдѣлаетъ довольными своихъ любимыхъ подданныхъ и да многолѣтенъ будетъ онъ!

«Даруйте великому государю нашему, мановеніемъ своего побѣдоноснаго оружія покорившему подъ свою державу дерзавшихъ величіемъ многихъ мелкихъ царей, многолѣтіе на славу людямъ міра!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Даруйте многія лѣта и тѣлесную крѣпость, какъ алмазъ, благочестивой государынѣ императрицѣ Маріи и наслѣднику цесаревичу Николаю, слава котораго распространится во всѣхъ странахъ, какъ полная луна!

«Силою истины да распространится вѣра, и повелителю народа великому государю многія лѣта!

«Да возсіяетъ, какъ полнолуніе, правленіе его, подобно предкамъ, и да блаженствуетъ народъ подъ державнымъ скипетромъ его, благословеніемъ необманчиваго провидѣнія; да уничтожатся по силѣ всеблагаго намѣренія и желанія всѣхъ вѣрныхъ людей противныя (Ему) мысли и все желанное (Имъ) доброе исполнится». Сообщено **В. Птицынымъ.**

II.

Страничка изъ исторіи нашихъ сношеній съ Персіей въ 1829 г.

Неизданное письмо графа К. В. Нессельроде къ графу И. Ѳ. Паскевичу-Эриванскому.

Не многимъ извѣстно, что И. Ѳ. Паскевичъ имѣлъ намѣреніе принудить персіянъ искупить кровью на полѣ чести звѣрское убійство тегеранскою чернью Грибоѣдова, который доводился ему по женѣ племянникомъ. Трауръ, въ который облекъ себя и весь дворъ, наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-мирза—первый отъ свободной женщины сынъ разслабленнаго Фетъ-Али, второго шаха изъ династіи Каджаровъ,—не казался графу Эриванскому достаточнымъ удовлетвореніемъ Россіи за гибель ея представителя—жертвы безсильной злобы недавно укрощеннаго врага. Не казни виновныхъ (дѣйствительные виновники тегеранскаго неистовства противъ русскихъ были недосягаемы для правосудія) намѣревался требовать Паскевичъ, а прямого доказательства со стороны персидскаго правительства его «приверженности» къ Россіи, какъ увѣряло это правительство, не переставшее слѣдовать внушеніямъ англичанъ и пользоваться субсидіями Остъ-Индской компаніи. Онъ хотѣлъ, чтобы Персія приняла участіе въ нашей войнѣ съ Турціей 1829 г., кровью своихъ сыновъ—не на эшафотѣ, а на полѣ брани—искупила насильственную смерть русскаго посланника. Но такая «операція»[1]) встревожила гр. Нессельроде. Прикрываясь именемъ государя, сильный довѣріемъ монарха, дипломатъ сталъ умолять Паскевича осторожно обходиться съ англичанами (ménager les anglais) и даже старался увѣрить его, вопреки очевидности, что на нихъ наговариваютъ армяне и другіе «азіатскіе интриганы» съ явнымъ намѣреніемъ посѣять раздоръ между нами и Великобританскою державою. Противиться было бы безполезно и Паскевичъ, видимо, сдался.

Помѣщаемое ниже неизданное письмо графа Нессельроде къ графу Паскевичу-Эриванскому прекрасно рисуетъ излишнія опасенія, слывшія за государственную мудрость, нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, всегдашній страхъ нашей дипломатіи XIX вѣка передъ политическими «осложненіями», которыя въ значительной мѣрѣ создавались этимъ же страхомъ. Письмо графа Нессельроде приводится въ дословномъ спискѣ съ его французскаго текста и въ переводѣ. Вотъ это письмо:

[1]) См. ниже.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Je regrette vivement, mon cher Comte, de ne pas pouvoir être d'accord avec Vous sur les mesures que Vous avez prises à l'égard de la Perse. Je crains, je l'avoue, qu'elles ne produisent l'effet absolument contraire à celui que Vous aviez en vue. Votre intérêt était de gagner du temps, de calmer, de rassurer le Gouvernement Persan, d'avoir l'air par conséquent de le regarder comme entièrement étranger à l'assassinat de Griboyedoff et de nous contenter de la réparation qu'il nous offrair dans l'envoi d'un des fils d'Abbas-Mirza. C'était la marche que Vos dépêches précédentes signalaient comme la plus utile et la plus analogue à Votre position générale. Je ne vois pas trop ce qui a pu Vous engager, mon cher Comte, à en dévier. Vos lettres à Abbas-Mirza sont préssantes et même un peu impératives. Ne pourraient elles pas le jeter dans une fausse route et précisément provoquer les dèterminations contre nous, que jusqu'ici rien n'indiqait d'une manière un peu précise et que nous avons un si grand intérêt d'éviter? C'est la ce que nous craignons et l'Empereur attand avec une vive anxiété les resultats de la mission du Prince de Koudacheff. Je doute qu'Abbas-Mirza se décide à faire la guerre aux Turcs; il n'en a pas les moyens et trop de dangers personnels à combattre dans l'intérieur. D'ailleurs je regarde toujours cette operation comme peu utile à la guerre et très embarassante à la paix. Que les Persans restent tranquilles vis-à-vis de nous, qu'ils Vous laissent, mon cher Comte, poursuivre sans entraves le cours de vos victoires contre les Turcs; que le Chah nous envoie un des Princes du sang, n'importe lequel, pour expier l'événement de Téhéran,—c'est tout ce qu'exige la dignité de l'Empereur et la tendance générale de Sa politique. J'aime à espérer encore que c'est de cette manière, et d'aucune d'autre, que se terminera la crise survenue dans nos relations avec la Perse si mal à propos. Je compte sur le savoir faire de Nicolas Dolgorouky qui a de l'esprit et du tact et fera sans doute tout ce qui dépend de lui pour prévenir des complications plus graves.

Veuillez, mon cher Comte, nous envoyer Malzoff à Pétersbourg, il reçoit double récompense que sa conduite mérite à tous égards. C'est un jeune homme qui pourra devenir tres distingué lorsque l'âge et l'expérience auront un peu mûri ses idées et calmé ses passions.

C'est de Varsovie que je Vous adresse cette lettre, je l'expèdie la veille du couronnement. Notre séjour ici se prolongera jusqu'au 10 Juin. L'Empereur y a êtê accuéilli avec le plus grand enthousiasme. Dans le reste du monde tout va bien, pour nous au moins. Quelques nuages qui se sont élevés dans nos rapports avec l'Angleterre viennent d'être heureusement dissipés; voila pourquoi j'appéhende si fort que Vos lettres à Abbas-Mirza ne nous attirent quelque nouvel orage, et notre premier intérêt est de terminer cette seconde campagne contre le Turcs sans nous exposer à des complications avec d'autres puissances. Je vous conjure donc de ménager les Anglais et de ne pas ajouter foi à tous les bruits, que les arméniens et autres intrigants asiatiques ne cessent de répendre dans le dessein évident de semer la zizanie entre nous.

Adieu, mon cher Comte, annoncez nous bientôt quelque bonne victoire sur les Turcs dans votre genre. Je n'ai pas besoin de Vous répéter combien mes voeux Vous accompagneoront partout.

Nesselrode.

Varsovie,
le 11 Mai 1829.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Переводъ.

«Глубоко сожалѣю, любезный графъ, что не могу согласиться на мѣры, принятыя Вами по отношенію къ Персіи. Признаюсь, я опасаюсь, чтобы онѣ не произвели дѣйствія прямо противоположнаго вашимъ ожиданіямъ. Вамъ было важно выиграть время, успокоить персидское правительство, сдѣлать видъ, что мы находимъ его вполнѣ непричастнымъ къ убійству Грибоѣдова и сочтемъ себя удовлетворенными отправкою одного изъ сыновей Аббаса-Мирзы. Это былъ образъ дѣйствія, намѣченный Вашими прежними депешами, какъ самый удобный и наиболѣе подходящій къ Вашему общему положенію. Я право не вижу, любезный графъ, что могло побудить Васъ отступиться отъ него. Ваши письма къ Аббасу-Мирзѣ требовательны и отчасти даже повелительны. Не толкнутъ ли они его на ложную дорогу, не вызовутъ ли именно на замыслы намъ враждебные, чего до сихъ поръ еще не было въ точности замѣчено и чего намъ такъ важно избѣгать? Вотъ чего мы опасаемся, и государь съ живѣйшимъ безпокойствомъ ожидаетъ результатовъ миссіи князя Кудашева. Я сомнѣваюсь, чтобы Аббасъ-Мирза рѣшился на войну съ турками; на это у него нѣтъ средствъ и слишкомъ много предстоитъ ему преодолѣть личныхъ опасностей внутри. Къ тому же я продолжаю смотрѣть на эту операцію какъ на мало полезную для войны и стѣснительную для мира. Лишь бы персіяне оставались спокойными въ отношеніи насъ, пусть бы только они не препятствовали, любезный графъ, ходу вашихъ побѣдъ надъ турками, лишь бы шахъ прислалъ одного изъ принцевъ крови, все равно кого, чтобы загладить тегеранское происшествіе,— вотъ все, что требуется достоинствомъ государя и общимъ направленіемъ его политики. Я все еще надѣюсь, что именно такъ, а не иначе разрѣшится кризисъ, столь не во время наступившій въ нашихъ сношеніяхъ съ Персіей. Я разсчитываю на умѣнье Николая Долгорукаго, человѣка съ умомъ и тактомъ, который, разумѣется, сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы предупредить болѣе важныя осложненія.

«Благоволите, любезный графъ, прислать къ намъ въ Петербургъ Мальцова, онъ вдвойнѣ вознаграждается за свое достойное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе. Это молодой человѣкъ, который очень можетъ возвыситься съ годами, когда нѣсколько созрѣютъ его мысли и поулягутся страсти.

«Отправляю къ вамъ это письмо изъ Варшавы наканунѣ коронованія. Наше пребываніе здѣсь продолжится до 10 іюня. Государю была оказана самая восторженная встрѣча. На остальномъ свѣтѣ все благополучно, для насъ по крайности. Нѣсколько тучъ, омрачившихъ было наши отношенія съ Англіей, счастливо разсѣялись; вотъ почему я очень боюсь, чтобы ваши письма къ Аббасу-Мирзѣ не навлекли на насъ какой-нибудь новой грозы; нашъ первый интересъ окончить эту вторую кампанію противъ турокъ, не подвергая себя компликаціямъ съ другими государствами. Умоляю васъ осторожно обходиться съ англичанами и не давать вѣры всѣмъ тѣмъ слухамъ, которые непрестанно распространяются армянами и другими азіатскими интриганами съ явнымъ намѣреніемъ посѣять между нами раздоръ.

«Прощайте, любезный графъ, поскорѣе извѣстите насъ о какой-нибудь доброй побѣдѣ надъ турками въ вашемъ родѣ. Мнѣ нѣтъ надобности повторять, на сколько мои лучшія пожеланія всюду вамъ сопутствуютъ.

«Нессельроде.

«Варшава,
«11 мая 1829.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Письмо это отправлено графомъ Нессельроде на другой день по прибытіи въ Тифлисъ персидскаго принца Хозроя, сына Аббаса-Мирзы, и, очевидно, было получено Паскевичемъ уже во время слѣдованія принца въ Петербургъ, по требованію нашего правительства, чтобы загладить оскорбительную для русскаго національнаго достоинства и постыдную для персіянъ кровавую расправу тегеранской черни.

Упоминаемый въ письмѣ князь Кудашевъ, гвардіи штабъ-капитанъ, состоялъ въ то время адъютантомъ Паскевича и ѣздилъ въ Тавризъ, куда прибылъ 13-го апрѣля 1829 года, съ важнымъ порученіемъ отъ графа Эриванскаго къ Аббасу-Мирзѣ. Оно было вызвано самимъ наслѣдникомъ персидскаго престола, искавшаго дружбы своего недавняго побѣдителя. Дѣло происходило такъ:

Находившаяся съ нами въ войнѣ Порта всячески старалась воспользоваться насильственною смертью нашего посланника въ Тегеранѣ для вовлеченія персіянъ въ войну съ Россіей. Шахъ, подстрекаемый ею, англичанами, своими другими сыновьями и недовольными Туркманчайскимъ миромъ, настаивалъ, чтобы Аббасъ-Мирза, управлявшій провинціей Адербейджаномъ съ резиденціей въ Тавризѣ, тотчасъ открылъ наступательныя дѣйствія. И дѣйствительно войска въ Адербейджанѣ собирались, персидское правительство укрѣпляло Дарадизское ущелье, за Араксомъ; по дорогѣ отъ Маранды и Хои къ Нахичевани, начали появляться разъѣзды персіянъ и носились слухи, что одинъ изъ сыновей шаха, Гассанъ-Али-Мирза, идетъ къ Тавризу съ наскоро набраннымъ внутри Персіи значительнымъ войскомъ. Устрашенный англійскимъ резидентомъ, консулъ нашъ безъ всякаго приказанія оставилъ Тавризъ, и такимъ образомъ дипломатическія сношенія наши съ Персіей были совершенно порваны. Въ это время (въ началѣ марта) явился въ тифлисскій карантинъ персидской службы капитанъ (юзъ-баши) Али и объявилъ, что имѣетъ крайнюю нужду въ свиданіи съ графомъ, которому долженъ одному открыть важное дѣло. Паскевичъ въ тотъ-же день посѣтилъ карантинъ и изъ объясненій съ Али удостовѣрился въ затруднительномъ положеніи Аббаса-Мирзы, который чрезъ посланнаго просилъ совѣта и помощи графа Эриванскаго. Паскевичъ не спѣшилъ отвѣтомъ и только въ апрѣлѣ, какъ мы видѣли, отправилъ Кудашева съ однимъ явнымъ и другимъ тайнымъ письмомъ къ Аббасу-Мирзѣ. Сверхъ того, князю Кудашеву приказано было вездѣ на пути распускать слухъ, что онъ посланъ на встрѣчу персидскаго принца, ѣдущаго въ Тифлисъ, для испрошенія пощады за убійство русскаго министра. Въ тайномъ письмѣ заключалось, между прочимъ, слѣдующее:

«Ваше Высочество спрашиваете меня какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ... Если В. В. желаете знать мое мнѣніе, то со всею искренностію скажу, что нѣтъ другого средства затратить плачевную утрату, какъ просить у великаго Государя моего прощенія за неслыханный поступокъ тегеранской черни. Лучшій способъ для того прислать ко мнѣ въ Тифлисъ одного изъ Вашихъ братьевъ или сына для отправленія посломъ въ С.-Петербургъ. Беру на себя подкрѣпить дѣло это моимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ престоломъ Августѣйшаго Монарха. Для большаго доказательства приверженности Вашей къ Россіи, какъ Вы сіе всегда утверждали, должно дать другое направленіе намѣреніямъ шаха: объявить войну Турціи, вторгнуться въ ея предѣлы, напасть на Ванъ; съ моей стороны обѣщаю Вамъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пособія въ ружьяхъ и пушкахъ и буду содѣйствовать войсками сему завоеванію. Этимъ ясно докажете, что всѣ происшествія не были ни въ Вашей, ни въ шахской волѣ.—Объявите на какихъ условіяхъ Вы захотите сіе предпринять: оно будетъ имѣть для Васъ неоцѣненныя выгоды. Ваше Высочество извѣстны, что я ни когда не измѣнялъ слову своему» [1]).

Понятно, почему государь съ безпокойствомъ ожидалъ послѣдствій миссіи кн. Кудашева, какъ писалъ графъ Нессельроде.

Аббасъ-Мирза черезъ два дня отвѣтилъ посланному, «что хотя неувѣренъ въ согласіи шаха и знаетъ недоброжелательство братьевъ, но по совѣту друга своего, графа Эриванскаго, на все рѣшается и безъ дозволенія шаха тотчасъ отправляетъ своего сына просить забвенія [2]) оскорбительнаго неистовства тегеранской черни» [3]).

Задуманное Паскевичемъ вовлеченіе персіянъ въ войну съ турками, разумѣется, требовало настойчивости и даже повелительнаго тона въ письмахъ къ Аббасу-Мирзѣ, но такой образъ дѣйствій не входилъ въ разсчеты графа Нессельроде, и, «чтобъ гусей не раздразнить», мы на собственныхъ плечахъ вынесли всю кампанію 1829 года. Сообщено **А. П. М.**

III.

Портретъ.

(Шуточное стихотвореніе).

Въ 1850-хъ годахъ, въ бытность извѣстнаго графа Арсенія Андреевича Закревскаго московскимъ генералъ-губернаторомъ, проживалъ въ Москвѣ, пожалуй, не менѣе извѣстный гастрономъ, богачъ и страшный толстякъ Михаилъ Ѳедоровичъ Р—новъ. Жилъ онъ вполнѣ «лукуллически»; слава объ его обѣдахъ и роскоши обстановки гремѣла даже за границею. Вдругъ, по неизвѣстнымъ никому достовѣрно причинамъ и, какъ говорили тогда, не совсѣмъ по своей волѣ,—онъ переселился въ Тамбовское имѣніе, откуда вскорѣ опять переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ. По этому поводу ходило въ то время по рукамъ, въ Москвѣ и въ Тамбовѣ, слѣдующее, будто на Р—нова написанное, не лишенное остроумія, стихотвореніе:

«Вѣсъ имѣетъ динамическій,
«Видъ могучій—Олимпическій,
«Вкусъ невинный и библическій—
«Страны древней—сод...ческой.
«Весь для жизни онъ физической,
«Сердца—нѣтъ (метафорически),—
«Не ученъ академически,
«Не мечтаетъ поэтически,
«Но не глупъ онъ прозаически
«На расчетъ математическій
«Обсчитать ариѳметически,—
«А на жизнь философически
«Смотритъ онъ въ очки оптически.

---

[1]) Посвященная Паскевичу и напечатанная съ Высочайшаго соизволенія «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ». Спб. 1836. Ч. 2-я, гл. III и IV.

[2]) Въ приведенномъ сочиненіи сказано: «просить прощенія въ забвеніи» и т. д., но это очевидная опечатка или описка автора.

[3]) Тамъ же, стр. 46.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Домъ отдѣланъ артистически,
«Все добывъ экономически,—
«Бронзы, мраморы антически
«И картины италлически...
«Вслѣдъ затѣмъ аристократически
«Принялъ кругъ онъ эстетическій.
«Друзей прежнихъ политически
«Отдалилъ дипломатически,
«Улыбнулся саркастически,—
«И пошелъ систематически
«По карманамъ методически.
«Между тѣмъ жизнь лукуллически
«Началась вполнѣ классически;
«Угощалъ гастрономически
«Всяки пятницы хронически...
«Иногдажъ іезуистически
«Въ карты сядетъ,—и цинически,
«Взявши способы практически,
«Перетянетъ магнетически
«Всѣ монеты металлически
«Въ сундучекъ свой механическій.
«Или вдругъ евангелически
«Одолжитъ филантропически,
«Все отдастъ коммунистически,
«Но потомъ израилически
«Счетъ подастъ,—и механически
«Сундучекъ открытъ мистическій
«И вновь замкнутъ герметически...

«Жизни анакреонтической
«Не одобрилъ деспотическій
«Графъ Закревскій—мужъ стоическій;
«Началъ вдругъ періодически
«Звать на судъ соломоническій,
«И не вѣруя скептически
«Въ изверотъ сатанически,
«Привязался вдругъ облически
«Онъ за вкусы сод...чески...
«И нашъ другъ гастрономическій
«Преданъ смерти политической,
«Тоесть посланъ юридически
«Жить въ деревню идиллически,
«Сѣять хлѣбъ агрономически...

«Но сундукъ есть механическій,—
«Онъ вернется къ намъ магически,
«Заживетъ миѳологически,
«И опять въ фонарь готическій,
«Сядетъ монументъ руническій;
«И пока ударъ классическій
«Не убьетъ апоплексически—
«Насмѣется гомерически
«Надъ законы юридически.

«Сей портретъ фографическій
«Отдаю на судъ критическій
«Нашей публики клубической».

Сообщено **С. С. Жихаревымъ.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ «Историческаго Вѣстника». 1-го декабря 1889 года, исполнилось десять лѣтъ со дня основанія «Историческаго Вѣстника». Въ этотъ день, редакторъ журнала, Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, получилъ множество телеграммъ и писемъ съ поздравленіями и добрыми пожеланіями, не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ.

Постоянные сотрудники журнала поднесли С. Н. Шубинскому, на память, роскошный бюваръ. Лицевую сторону его составляетъ серебряная, массивная доска въ большой листъ писчей бумаги съ воспроизведеннымъ на ней чеканнымъ рельефомъ рисунка обложки «Историческаго Вѣстника», причемъ всѣ фигуры, буквы и украшенія рисунка, изображены вполнѣ согласно съ оригиналомъ, за исключеніемъ того, что вмѣсто названія мѣсяца, выставленаго на книжкахъ журнала, помѣщены года «1880—1889». Въ верхней части серебряной доски, надъ рельефной копіей съ обложки, вычеканена рельефомъ же монограмма С. Н. Шубинскаго, а на свободномъ полѣ доски выгравированы факсимиле слѣдующихъ 62 участниковъ подарка:

Абазы В. А., Безобразова П. В., Бильбасова В. А., Брикнера А. Г., Бѣлозерской Н. А., Бѣлогрицъ-Котляревскаго Л. С., Бычкова Ѳ. А., Васильева В. А., Веселовскаго Н. И., Галахова А. Д., Глинскаго Б. Б., Голубева А. А., Городецкаго М. И., Данилевскаго Г. П., Дашкова П. Я., Добротворскаго Н. А., Дубасова И. И., Есипова Г. В., Забѣлина И. Е., Зубчанинова А. И., Иловайскаго Д. И., Кирпичникова А. И., Кобеко Д. Ф., Кони А. Ѳ., Корсакова Д. А., Корсакова А. Н., Крылова В. А., Кутейникова Н. С., Лихачева Н. П., Лѣскова Н. С., Маттэ В. В., Мальшинскаго А. П., Милюкова А. П., Михневича В. О., Молчанова А. Н., Мордовцева Д. Л., Оглоблина Н. Н., Оксенова А. В., Опочинина Е. Н., Павлищева Л. Н., Петерсена В. К., Петрова Н. И., Полевого П. Н., Попова Н. А., Пыляева М. И., Пѣтухова Е. В., Россоловскаго В. С., графа Саліаса Е. А., Сорокина Н. В., Суперанскаго М. Ѳ., Сухомлинова М. И., Танкова А. А., Терпигорева С. Н., Тимоѳеева С. П., Титова А. А., Трубачева С. С., Труворова А. Н., Федорова И. Ф., Филиппова М. М., Цвѣтаева И. В., Шенрока В. И., Языкова Д. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бюваръ, отдѣланный бархатомъ оливковаго цвѣта, съ массивными, чеканными гвоздями на нижней доскѣ, вложенъ въ изящный дубовый футляръ съ зеркальнымъ стекломъ. Дополненіемъ къ бювару служатъ серебряные перо и ножъ для разрѣзки книгъ, вычеканенные въ стилѣ рисунка журнальной обложки, съ вырѣзанною на немъ подписью С. Н. Шубинскаго и годами «1880—1889». Всѣ эти предметы исполнены по мысли и подъ наблюденіемъ сотрудника «Историческаго Вѣстника» М. И. Городецкаго: бюваръ въ мастерской Грачева, а ножъ и перо,—Хлѣбникова.

Сотрудникъ журнала С. С. Трубачевъ составилъ къ этому дню брошюру подъ заглавіемъ «Обзоръ содержанія «Историческаго Вѣстника» за первое десятилѣтіе его существованія, 1880—1889», въ которой сдѣлана общая характеристика изданія и наиболѣе выдающихся статей, помѣщенныхъ въ немъ за десятилѣтній періодъ.

Типографія «Новаго Времени» изъявила готовность безвозмездно напечатать составленную г. Трубачевымъ брошюру. По отпечатаніи, она будетъ разослана сотрудникамъ журнала, участвовавшимъ въ чествованіи десятилѣтняго его существованія, вмѣстѣ съ фотографическими снимками съ бювара, изготовленными фотографомъ Н. П. Полевымъ.

Сотрудникъ журнала, художникъ-граверъ В. В. Маттэ поднесъ С. Н. Шубинскому портретъ его, гравированный на мѣди, въ весьма красивой рамѣ.

Сотрудникъ журнала, художникъ-граверъ А. И. Зубчаниновъ, подарилъ также портретъ С. Н. Шубинскаго, гравированный на деревѣ.

Кромѣ того, г. Шубинскимъ получены подарки отъ П. Я. Дашкова, Н. Н. Захарова, В. Э. Кетрица, А. П. Коломнина, П. В. Мартынова, С. Н. Терпигорева и (по почтѣ) отъ двухъ лицъ, не пожелавшихъ обозначить свои фамиліи.

Изъ многочисленныхъ телеграммъ, присланныхъ С. Н. Шубинскому, приводимъ одну, подписанную профессорами Казанскаго университета, Д. А. Корсаковымъ и Н. В. Сорокинымъ, такъ какъ она въ сущности, резюмируетъ почти всѣ остальныя телеграммы:

«Сердечно привѣтствуемъ глубокоуважаемаго Сергѣя Николаевича съ десятилѣтіемъ «Историческаго Вѣстника», которымъ вы объединили историческую науку, связавъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ; этимъ вы достигли распространенія историческихъ свѣдѣній среди образованныхъ классовъ. Да ростетъ ваша энергія и просвѣтительная дѣятельность на долгіе годы на благородной земли».

Празднованіе пятисотлѣтія русской артиллеріи. Въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ помѣщенъ краткій очеркъ постепеннаго развитія у насъ артиллеріи, со времени перваго появленія на Руси огнестрѣльнаго оружія. Самое празднованіе этого событія происходило въ Петербургѣ въ теченіе двухъ дней. Оно началось въ Кронверкѣ Петропавловской крѣпости; во дворѣ Кронверка отъ самыхъ воротъ и до главнаго входа разставлена была шпалерами вся гвардейская артиллерія, находящаяся въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ. Противъ главнаго входа, украшеннаго флагами, высилась пирамида изъ старинныхъ пушекъ, ядеръ, бомбъ и проч. По обѣ стороны ея былъ выставленъ запряженный взводъ (2 орудія) полевыхъ мортиръ, какъ образецъ послѣдняго нововведенія въ полевой артиллеріи. Позади стояли зарядные ящики и лафеты, а еще далѣе весь дворъ былъ буквально усѣянъ лафетами, зарядными ящиками и дулами орудій разныхъ временъ. Передъ главнымъ входомъ построился почетный караулъ отъ 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады. При входѣ въ Кронверкъ предъ глазами открывалась лѣстница, роскошно убранная тропическими растеніями, арматурами, оружіемъ, саблями и пр. На каждой ступени этой лѣстницы съ обѣихъ сторонъ стояли юнкера Михайловскаго артиллерійскаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

училища. Обѣ лѣстницы на верху сходились въ большую площадку, за которой уже находился длинный залъ Кронверка. Залъ этотъ представляетъ собою скорѣе длинную, дугообразную галлерею, отдѣляющуюся отъ такой же галлереи желѣзной рѣшеткою. Рѣшетки не было видно: она вся сплошь закрыта украшеніями изъ броней, щитовъ, шлемовъ, ружей, сабельныхъ клинковъ, знаменъ и пр. Украшенія собраны въ видѣ огромныхъ кокардъ, а пустыя мѣста заставлены тропическими растеніями. Противъ самаго входа находился портретъ Государя Императора. По обѣ стороны его—бюсты Дмитрія Іоанновича Донского и Петра Великаго. Подлѣ бюстовъ два орудія; одно—старинное, XIV вѣка, другое—нынѣшнее. У старинной пушки—пушкарь въ костюмѣ XIV вѣка, въ красномъ кафтанѣ, желтыхъ сапогахъ, остроконечной шапкѣ, съ изображеніемъ льва на груди, у новаго орудія—артиллеристъ нынѣшней эпохи. Налѣво отъ бюста Петра Великаго—столъ, на которомъ разложены: книги, выпущенныя къ юбилею въ роскошныхъ переплетахъ: (особенно красивъ одинъ переплетъ: по краю золотомъ сдѣлано артиллерійское шитье, а за шитьемъ — портреты всѣхъ фельдцейхмейстеровъ русской артиллеріи), группа, изготовленная Техническимъ училищемъ, ружье работы казеннаго Тульскаго завода, великолѣпно инкрустированное, медали и жетоны, сдѣланные въ память юбилея. Далѣе всѣ стѣны залы были убраны островами изъ щитовъ, шлемовъ, броней, ружей, сабель, поверхъ которыхъ въ кокардахъ, увѣнчанныхъ императорской короной, находились иниціалы Дмитрія Донского и Государя Императора. Каждый такой островокъ оружія и арматуръ поясненъ надписью сраженія и года, въ который оно происходило. Слѣва первая надпись гласила: «Казань—1552 годъ», далѣе «Эрестферъ—1701 годъ», «Франкфуртъ—1756 годъ» и т. д. Съ 10 часовъ утра, въ залѣ стали собираться приглашенныя лица. Тутъ были члены Государственнаго Совѣта, генералы, командиры артиллерійскихъ частей и множество офицеровъ, преимущественно артиллеристовъ. На праздникъ спеціально прибыли представители артиллерійскихъ округовъ со всѣхъ концовъ Россіи: 30 генераловъ, 37 штабъ-офицеровъ и 48 оберъ-офицеровъ. Блестящіе мундиры, ленты, эполеты, звѣзды, заполняли всю среднюю часть залы, а боковыя вѣтви ея представляли сплошную массу золотыхъ и серебряныхъ эполетъ, среди которыхъ оазисами виднѣлось нѣсколько черныхъ фраковъ. Все это обливалось электрическимъ свѣтомъ лампочекъ, вдѣланныхъ въ потолокъ; освѣщеніе было поразительно эффектно: казалось, точно огромный залъ залитъ свѣтомъ яснаго солнечнаго дня. Военный министръ прочиталъ высочайшую грамоту, въ которой, указавъ на то, что со введенія огнестрѣльнаго оружія впервые распоряженіемъ великаго князя Дмитрія Донского, русская артиллерія въ борьбѣ съ могущественными и грозными врагами и въ мирномъ усовершенствованіи своихъ средствъ всегда стояла на высотѣ своего долга—Государь Императоръ выражаетъ полную увѣренность, что и впредь русская артиллерія будетъ отличаться присущимъ ей духомъ военной доблести и неустаннаго труда на пути самостоятельныхъ усовершенствованій и съ честью выдержитъ всякое испытаніе.

По прибытіи Государя Императора со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и по совершеніи молебствія, на привѣтственную рѣчь генерала фельдцейхместера Его Величество отвѣтилъ слѣдующими словами:

«Господа артиллеристы, Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ сегодня съ пятисотлѣтнимъ юбилеемъ дорогого всѣмъ намъ дня и счастливъ, что этотъ юбилей пришелся въ Мое царствованіе. Отъ души благодарю васъ, всѣхъ артиллеристовъ присутствующихъ и отсутствующихъ, настоящихъ и прежнихъ, за неизмѣнно-храбрую боевую службу и увѣренъ, что наша артиллерія, какъ и вся наша армія, будетъ отличаться на поляхъ сраженій какъ и прежде. Не дай Богъ, чтобы это случилось скоро, да избавитъ насъ Господь отъ этого тяжкаго испытанія, но если это случится, то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я увѣренъ, что наша храбрая артиллерія, какъ и всѣ другіе роды оружія, постоятъ за честь и славу нашего дорогого отечества. Ура! нашей артиллеріи!»

Въ этихъ словахъ печать всей Европы увидѣла новый залогъ миролюбія повелителя Россіи. На другой день происходили пріемы депутацій и парадный обѣдъ.

Чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. Большой залъ столичнаго мирового съѣзда былъ полонъ представителями судебнаго міра, литературы и учащейся молодежью. Студенческіе мундиры были разсѣяны по всему залу. Чествованіе было открыто предсѣдателемъ Н. И. Стояновскимъ, пригласившимъ послѣ краткой рѣчи все собраніе почтить память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ на каѳедру вошелъ ученикъ и сотрудникъ А. Д. Градовскаго, И. Я. Фойницкій. Онъ охарактеризовалъ покойнаго профессора, какъ человѣка, который, умирая, оставилъ по себѣ память не только въ семьѣ, но и въ потомствѣ. Онъ оставилъ богатое духовное наслѣдіе, какъ ученый, общественный дѣятель, публицистъ и какъ человѣкъ. Идея, которой жилъ Градовскій, была идея закона сильнаго и безпристрастнаго. Онъ проводилъ ее, начиная съ своего перваго литературнаго труда—трактата о толкованіи закона. Дѣятельность его ярче и рѣзче всего сказалась въ университетѣ, куда онъ отдалъ лучшія свои силы. Онъ располагалъ къ себѣ сердца своихъ слушателей благородствомъ мысли и былъ миротворцемъ людей и мыслей. Молодежь, оставляемая при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, пользовалась его особеннымъ вниманіемъ. Студенты были его дѣтьми и между ними и Градовскимъ существовали всегда тѣсныя отношенія и душевная теплота. Онъ былъ членомъ и учредителемъ Юридическаго Общества. Правда онъ увлекался, но увлекался всегда въ хорошую сторону и всю жизнь до послѣдней минуты вѣрилъ только въ одно хорошее и доброе человѣческой натуры. Смерть его—тяжкая потеря.

Н. М. Коркуновъ говорилъ о заслугахъ покойнаго въ разработкѣ русскаго государственнаго права. Онъ вездѣ искалъ матеріаловъ для примѣненія ихъ къ русской жизни. Въ его трудахъ преобладаютъ всюду историческіе элементы государственнаго права, и труды эти, не смотря на ихъ кажущееся разнообразіе, представляютъ одно стройное цѣлое уже потому, что у него была одна задача—выяснить основы государственной русской жизни. Задача эта—трудна: законодательный матеріалъ у насъ разрозненъ настолько, что даже простой пересказъ государственнаго права очень труденъ. Градовскій долженъ былъ собирать, систематизировать и освѣщать разрабатываемые матеріалы. Онъ не былъ переимщикомъ готовыхъ западныхъ идей, но творилъ самостоятельно. Онъ разработалъ въ своемъ курсѣ, полагая въ основу начала законности, устройство и управленіе государства. Онъ далъ классификацію государственныхъ учрежденій, раздѣляя управленіе на верховное и подчиненное. Этой послѣдней идеи не хватало у прежнихъ юристовъ и она составляетъ неотъемлемую заслугу Градовскаго. Онъ—первый истолкователь русскаго государственнаго права.

Слѣдующій ораторъ, М. И. Свѣшниковъ, посвятилъ свою рѣчь характеристикѣ покойнаго, какъ профессора по каѳедрѣ государственнаго права иностранныхъ державъ. До него не были по этому предмету установлены ни задача, ни методъ и самой туманной стороной задачи было изслѣдованіе политическихъ явленій; заслугой Градовскаго было то, что онъ это изслѣдованіе поставилъ на позитивную почву. Не задолго до смерти онъ началъ трудъ: «Конституціонное право западныхъ государствъ» и не успѣлъ закончить его. Вышелъ только первый томъ. Въ немъ онъ отстаиваетъ свободу человѣческой личности: къ ней онъ стремился всю жизнь и ее проводилъ въ своихъ теоріяхъ политическихъ наукъ. Съ каѳедры раздавалась проповѣдь гуманно-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сти и прогресса. Въ своихъ слушателяхъ онъ видѣлъ будущихъ борцовъ за ту науку, которую онъ проводилъ всю жизнь.

К. К. Арсеньевъ очертилъ его, какъ публициста. Послѣ знаменитой рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, когда поулеглось первое впечатлѣніе, Достоевскому многіе возражали, и онъ отвѣтилъ только Градовскому. Какъ публицистъ, онъ былъ вооруженъ знаніемъ, всегда оставался человѣкомъ науки, шелъ самостоятельно, прокладывалъ дороги и никогда не былъ въ чьей-либо свитѣ. Это показываетъ и полемика его съ Достоевскимъ, который говорилъ, что правда не внѣ народа, а въ немъ самомъ. Это и составляло основную мысль полемики, на это и возражалъ Градовскій. Онъ вѣрилъ въ нераздѣлимость идеаловъ и искалъ ихъ въ душѣ, внутри человѣка. Онъ былъ далекъ отъ идеала—«спасать свои животишки»—какъ говорилъ о немъ Достоевскій. Онъ вѣрилъ въ народность, какъ въ воспитателя «я», ибо она сама есть совокупность этого «я». Та же идея, что и въ лекціяхъ, проводилась имъ и въ его статьяхъ.

Послѣднимъ говорилъ А. Ѳ. Кони, какъ о частной личности честнаго человѣка. Къ Градовскому, по словамъ оратора, вполнѣ были примѣнимы слова: «упорствовалъ, волнуясь и спѣша». Онъ былъ не только умный человѣкъ, но человѣкъ высшаго порядка. Онъ былъ идеалистомъ не 40-хъ, а 60-хъ годовъ, когда начинались реформы, и вступилъ въ жизнь въ тотъ моментъ, когда общество было проникнуто довѣріемъ къ народу. Онъ проповѣдывалъ, что общество должно было приготовить народъ къ довѣрію, а это можетъ проповѣдывать только идеалистъ. Когда общество стало терять идеалы, онъ начиналъ говорить объ идеалахъ. Всѣмъ памятны его страстныя лекціи въ клубѣ художниковъ. Во время послѣдней войны, въ всеобщемъ одушевленіи и готовности проливать кровь за идею, онъ видѣлъ не зло, а возрожденіе идеаловъ общества. Личнаго спокойствія онъ не имѣлъ никогда. Въ немъ была сильно развита потребность ежедневно бесѣдовать съ обществомъ и дѣлиться съ нимъ своими мыслями. Одинъ иностранецъ, описывая Петербургъ, удивлялся, что въ немъ улицы постоянно мокры, а сердца сухи. Градовскій доказалъ невѣрность второй части этой мысли: онъ жилъ и умеръ съ теплымъ, горячо бившимся во имя идеи сердцемъ.

Ораторовъ провожали аплодисментами. Собраніе было закрыто словами предсѣдателя: «Миръ праху его».

50-лѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна справлялся въ теченіе шести дней. Въ первый день въ Дворянскомъ собраніи происходилъ торжественный актъ. Залъ собранія представлялъ блестящій видъ: представители большого свѣта и искусства наполняли залъ. Масса дамъ въ утреннихъ туалетахъ, затѣмъ мундиры со звѣздами и фраки. Въ глубинѣ эстрады на красной драпировкѣ помѣщался колоссальный бюстъ героя торжества, работы художника А. Л. Обера. У пьедестала помѣщались статуи трехъ музъ. Передъ бюстомъ помѣщался оркестръ и хористы. Принцъ Георгъ Мекленбургскій привѣтствовалъ юбиляра продолжительной рѣчью, причемъ припомнилъ, что именно въ его семьѣ, въ теченіе трехъ поколѣній, начиная съ покойной великой княгини Елены Павловны, заслуги и талантъ А. Г. Рубинштейна находили всегда горячую оцѣнку.

Вице-президентъ русскаго музыкальнаго общества А. Н. Маркевичъ сообщилъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи А. Г. Рубинштейну пенсіи въ 3,000 р. Затѣмъ г. Маркевичъ передалъ юбиляру спеціально выбитую для этого дня золотую медаль отъ музыкальнаго Общества. Далѣе читались поздравительные адресы и телеграммы, принимались депутаціи, исполнялись кантаты въ честь юбиляра, а въ слѣдующіе дни и его собственныя произведенія, старыя и новыя: ораторія «Вавилонское столпотвореніе», опера «Горюша» и пр. и пр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Стодвадцатипятилѣтняя годовщина Академіи Художествъ была отпразднована членами ея въ торжественномъ засѣданіи. Конференцъ-секретарь П. Ѳ. Исѣевъ прочелъ рѣчь, въ которой сдѣлалъ краткій обзоръ дѣятельности Академіи за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Совѣту Академіи пришлось прежде всего особыми постановленіями устранить тѣ несовершенства и пробѣлы въ уставѣ 1859 г., дѣйствующемъ и понынѣ, которые не сообразовались съ настоятельными потребностями художественнаго образованія, выясненными самой практикой дѣла. Съ этой цѣлью совѣтъ выработалъ рядъ новыхъ правилъ относительно учебной программы; сдѣланъ обязательнымъ такой важный предметъ, какъ исторія изящныхъ искусствъ, а для медальеровъ, кромѣ того, исторія медальернаго искусства. Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ, направленнымъ къ расширенію художественнаго образованія, явилось постановленіе 1881 г.—допускать лишь окончившихъ гимназію къ пріему въ академисты по всѣмъ отраслямъ искусствъ, а не только по отдѣлу архитектуры, какъ это установлено было въ 1872 году. Совѣтъ учредилъ при Академіи безплатные воскресные уроки рисованія. Сознавая недостаточную подготовку учениковъ Академіи къ преподавательской дѣятельности, Академія, въ 1879 г., учредила педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія и академистовъ и нормальную рисовальную школу, находящуюся въ вѣдѣніи этихъ курсовъ рисованія.

Наконецъ, въ ряду мѣропріятій Академіи въ интересахъ русскаго искусства рѣчь отмѣчаетъ то, что предпринято Академіей для сохраненія памятниковъ родной старины отъ разоренія, уничтоженія и передѣлокъ. Совѣтъ въ данномъ случаѣ призналъ необходимымъ посылать въ теченіе года въ путешествіе по Россіи своихъ бывшихъ питомцевъ по архитектурѣ, съ цѣлью предохраненія древнихъ русскихъ памятниковъ родной старины отъ разоренія, уничтоженія и передѣлокъ, а также съ цѣлью реставрированія древнихъ русскихъ памятниковъ по уцѣлѣвшимъ частямъ и для срисованія тѣхъ, которые сохранились еще или не потерпѣли отъ значительныхъ передѣлокъ позднѣйшаго времени. Плоды этой мѣры уже не замедлили обнаружиться. Академическій музей христіанскаго искусства и архитектурные классы ежегодно обогащаются замѣчательными предметами и рисунками съ предметовъ древнерусскаго искусства. Исключительное право производства и разрѣшенія съ археологическою цѣлью раскопокъ въ имперіи на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ, и общественныхъ, предоставляется императорской археологической комиссіи. Всѣ учрежденія и лица, предполагающія производить раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствами, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ императорской археологической комиссіей и открываемые при раскопкахъ цѣнные и особо важные въ научномъ отношеніи предметы должны быть присылаемы въ ту же комиссію для представленія на высочайшее воззрѣніе. Реставрацію же монументальныхъ памятниковъ древности разрѣшается производить лишь по предварительному соглашенію съ той же комиссіей и по сношенію ея съ Академіей Художествъ.

Записки русскихъ людей. Знатокъ русской старины, М. И. Пыляевъ, составилъ списокъ главнѣйшихъ мемуаровъ и записокъ, оставленныхъ русскими писателями и общественными дѣятелями и до сихъ поръ еще не обнародованныхъ. Приводимъ этотъ списокъ въ виду часто встрѣчающейся необходимости въ справкахъ подобнаго рода:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ, велъ записки, изъ которыхъ напечатаны были: «Воспоминанія студентства» 1832—35 г. «День» 1862, № 39 и 40-й.

Балашовъ, министръ полиціи, оставилъ записки, что видно изъ указанія бар. Корфа въ его книгѣ «Жизнь Сперанскаго», ч. II, стр. 18.

Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ, 1737—1814. О запискахъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его упоминается, съ приведеніемъ краткой выписки, въ біографіи его, въ «Словарѣ достопамятныхъ людей», 1847, т. I.

Бестужевъ, Ник. Алек. † 1855 г.; напечатанъ отрывокъ изъ его записокъ (о событіи 14 декабря) въ «Полярной Звѣздѣ», т. 7, вып. 2-й. Лондонъ, 1862 г., стр. 1—7.

Бенкендорфъ, графъ, отрывки изъ его записокъ (о паденіи изъ коляски Николая Павловича 1836 г., близъ Чембаръ), въ «Русск. Ар.», 1865, № 2.

Бени (Артуръ). Объ его запискахъ упоминаетъ нѣсколько разъ Н. С. Лѣсковъ; по предположенію онѣ могутъ находиться въ родѣ дворянъ Коптевыхъ. Записки эти обнимаютъ собою первыя попытки общественнаго движенія въ 60-хъ годахъ, и содержатъ разсказъ о такъ называемомъ инцидентѣ Н. А. Некрасова по денежнымъ счетамъ г-жи Огаревой.

Василько-Петровъ, Василій Петровичъ, учитель драматическаго искусства и фельетонистъ «Русск. Инвалида»—оставилъ свои записки.

Воейковъ, А., по указанію Н. Быстрова въ его статьѣ о Крыловѣ, въ «Сѣверн. Пчелѣ» 1846 г., № 64, стр. 256, писалъ записки о своей жизни.—Отрывокъ изъ нихъ о царствованіи Павла I помѣщенъ въ «Историческомъ Сборникѣ», Лондонъ, 1861, II.

Владиміръ, епископъ Тобольскій, 1791 † 1845 г. Василій Алявдинъ, профес. нѣсколькихъ семинарій, съ 1842 г. епископъ.—Въ статьѣ о немъ А. Сулоцкаго въ «Странникѣ», 1862 г., II, стр. 165, 184, сказано, что онъ оставилъ автобіографическія записки.

Вельяшевъ-Волынскій, Д. И., писатель, умеръ въ 1818 г., велъ подробный журналъ всего любопытнаго, какъ говоритъ И. М. Снегиревъ.

Горголи, Иванъ Савичъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, велъ записки.

Дубельтъ, Леонтій Васильев., генералъ-лейтенантъ, ум. 1862; въ некрологѣ его въ «Сѣверн. Пчелѣ», № 118, и «Русск. Инвалидѣ», № 96, сказано, что онъ оставилъ любопытные мемуары.

Жебелевъ, Григор. Иван., актеръ † 1857 г., отрывки изъ его любопытныхъ записокъ были напечатаны въ «Спб. Вѣд.», 1859, № 200.—Записки были у Василько-Петрова.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ, велъ записки до конца своей жизни.—Напечатаны: «Записки студента», «Дневникъ чиновника», веденные Жихаревымъ до 1807 г. и затѣмъ «Воспоминанія стараго театрала», «Отеч. Зап.», 1854 г.; умеръ въ 1862 году. Пишущій эти строки видѣлъ въ годъ смерти автора у него нѣсколько большихъ тетрадей, которыя онъ передалъ при немъ княгинѣ Гагариной.

Зотовъ, Р. М.; напечатаны только отрывки изъ его воспоминаній, въ приложеніи къ «Драматическ. Сборнику» 1859 г., № 3, II и въ «Иллюстр. газетѣ» (автобіограф. записки находятся въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и будутъ напечатаны вполнѣ).

Измайловъ, Влад. Васильев., 1773 — 1830; велъ дневникъ, который впослѣдствіи находился у Борис. Мих. Ѳедорова.

Каверинъ, Пав. Ник., бывшій оберъ-полиціймейстеръ московск., въ 1812 году; велъ свои записки по разсказамъ современниковъ.

† Каразинъ, Василій Назарьевичъ, 1763 † 1842 г. Велъ дневникъ, какъ видно изъ біографіи его, напечатанной Гр. Данилевскимъ въ «Сѣв. Пчелѣ», 1860 г., №№ 24, 25, 26, 29 и 31. См. также некрологъ его въ «Одесск. Вѣстникѣ» 1842, № 95, а также въ «Москов. Вѣдом.», 1842, № 101, и «Чтен. Моск. Общ. Истор. и древ.», 1861, кн. IV.

† Лохвицкій, Кондратій Андреевичъ, род. 1775 г.; изъ его дневника, веденнаго въ 1798, 1808 и 1819 гг., извлечено многое, относящееся до исторіи мистицизма въ Россіи, о Лабзинѣ и пр. сообщ. Ф. Терновскимъ въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», 1863 г., окт.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Лунинъ, Алек. Мих.; записки о его жизни, имѣющія впрочемъ только автобіографическое значеніе, кажется, хранятся у М. П. Полуденскаго.

Марченко, Алек. Романовичъ, государств. секретарь, 1782—1840. Въ «Энциклопедич. Словарѣ», А. Старчевскаго, т. VII, стр. 486, въ ст. о немъ сказано, что онъ «велъ собственноручныя записки или очерки своей жизни и трудовъ». Въ «Историч. Сборникѣ», Лондонъ, 1859, кн. I, напечатана его записка о событіяхъ, совершившихся при восшествіи на престолъ импер. Николая I.

Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровъ., адмиралъ; ссылка на его записки въ книгѣ бар. Корфа, «Жизнь Сперанскаго», II, 218.

Оболенскій, Евгеній Петровичъ; отрывокъ изъ его записокъ напечатанъ заграницей, въ «Будущности», 1861, № 9, 191. «Записка о знакомствѣ съ участниками заговора 14 декабря—судѣ и ссылкѣ».

Самборскій, Андр. Аѳанасьевичъ, протоіерей, † 1815 г.; напечатаны отрывки изъ его записокъ, какъ напр.: «Эпизодъ изъ исторіи Австріи и Россіи 1799—1804», «День», 1862 г., № 37, и «В. К. Александра Павловна».

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ, † 1839 г. Въ эпиграфѣ статьи своей: «Дмитріевъ на гробѣ Карамзина» въ «Сѣвер. Пчелѣ», 1838 г., № 19, Свиньинъ говоритъ: «болѣе 30 лѣтъ, именно съ похода моего въ Адріатику на эскадрѣ адмирала Сенявина, я веду постоянно свой дневникъ, замѣчая бѣгло все необыкновенное, со мной случившееся, все странное и удивительное, мною видѣнное и слышанное».

Скалонъ, г-жа, дочь писателя Капниста, вела также записки. (Эти записки находятся въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и будутъ скоро напечатаны).

Сперанскій, М. М., отрывки изъ его дневника въ жизни его бар. Корфа, 2 ч., Спб. 1861.

Фотій, архимандритъ, указанія объ оставленныхъ имъ запискахъ въ книгѣ «Жизнь Сперанскаго» бар. Корфа, I, 259; часть ихъ я видѣлъ у П. Н. Тиханова.

Чаруковскій, Прохоръ Алексѣевичъ, докторъ, ученый секретарь медико-хирургической академіи. Въ біографіи его, въ словарѣ Старчевскаго, сказано, что онъ велъ мемуары.

Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ; изъ записокъ его помѣщены: о 14 декабрѣ въ «Полярной Звѣздѣ», 1862 г., и потомъ въ 1-й части «Записокъ декабристовъ».

† Въ Ментонѣ **Сергѣй Петровичъ Боткинъ**; онъ родился въ 1832 году въ Москвѣ, въ богатой купеческой семьѣ. Дѣтство, проведенное среди чисто-русской обстановки, и воспитаніе выработали въ С. П. на всю жизнь любовь къ труду и ко всему русскому. По окончаніи курса въ пансіонѣ Эннеса, онъ поступилъ въ московскій университетъ. С. П. только по простой случайности сдѣлался докторомъ; онъ предназначалъ себя занятіямъ математикою, но такъ какъ въ годъ вступленія его въ университетъ временно закрыты были всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, то С. П. поступилъ на этотъ факультетъ и въ 1855 г., по окончаніи курса, по предложенію вел. кн. Елены Павловны въ числѣ другихъ врачей отправился въ Крымъ и находился въ Бахчисараѣ при лазаретѣ Пирогова. По окончаніи войны С. П. вернулся въ Москву и вскорѣ отправился за границу продолжать свое научное образованіе. Онъ перебывалъ въ нѣсколькихъ университетахъ и прослушалъ лекціи лучшихъ профессоровъ того времени - Вирхова, Траубе, Клода Бернара и др. Вернувшись въ 1860 г. послѣ долгихъ трудовъ изъ-заграницы, вмѣстѣ съ извѣстнымъ физіологомъ Сѣченовымъ, С. П., приглашенный въ медико-хирургическую академію, былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ терапевтическую клинику проф. Шипулинскаго, а черезъ годъ, по выходѣ Шипулинскаго, избранъ на его мѣсто ординарнымъ профессоромъ, завѣдывающимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

клиникою 4 курса и затѣмъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета и медицинскаго совѣта. Въ 1870 г. С. П. былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. Обширная медицинская эрудиція, глубокія познанія по діагностикѣ и леченію болѣзненныхъ процессовъ, современный способъ клиническаго преподаванія, скоро сдѣлали его извѣстнымъ въ качествѣ профессора и замѣчательнаго практическаго врача. Въ кабинетѣ Боткина начались самостоятельныя работы многихъ русскихъ молодыхъ врачей, его учениковъ, и самая клиника, какъ разсадникъ практическихъ врачей, была переобразована во всѣхъ отношеніяхъ. До послѣднихъ дней жизни, С. П. продолжалъ профессорскую дѣятельность въ военно-медицинской академіи и состоялъ дѣятельнымъ членомъ во многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществахъ. Благодаря его горячему содѣйствію, Георгіевская община достигла большихъ успѣховъ. С. П. также занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди нашихъ благотворителей. Онъ и жена его принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи учащейся молодежи. Не смотря на громадную практику, онъ не только находилъ время пользовать бѣдныхъ людей безвозмездно, но покупалъ даже для нихъ лекарства на свой счетъ. Ученые труды С. П. пользуются широкою извѣстностью даже за границей и «Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней» переведенъ на нѣсколько языковъ. Самостоятельныя работы С. П. можно встрѣтить во многихъ иностранныхъ журналахъ. 27-го апрѣля 1887 года домашнимъ образомъ праздновался 30-лѣтній юбилей его блестящей ученой дѣятельности; хотя онъ отъ торжествъ и юбилейныхъ чествованій категорически отказался, тѣмъ не менѣе ему было поднесено много адресовъ и альбомовъ. Имя С. П. Боткина, какъ ученаго, навсегда сохранится въ исторіи медицины и—не только въ ней одной. Какъ общественный дѣятель и высокоталантливый русскій человѣкъ, онъ не умретъ и въ лѣтописяхъ Россіи и во всемірной исторіи культуры.

† Въ Петербургѣ профессоръ Александръ Дмитріевичъ **Градовскій;** онъ родился въ 1841 г., воспитывался во 2-й харьковской гимназіи и затѣмъ кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ А. Д. занялъ каѳедру государственнаго права въ Петербургскомъ университетѣ и очень скоро пріобрѣлъ репутацію одного изъ талантливѣйшихъ профессоровъ. Въ числѣ его научныхъ трудовъ капитальными считаются «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи» и «Начала государственнаго права». Но кромѣ профессорской дѣятельности, А. Д. заявилъ себя даровитымъ и горячимъ публицистомъ, работая преимущественно въ газетѣ «Голосъ», гдѣ игралъ выдающуюся роль въ качествѣ сотрудника и вмѣстѣ съ этимъ руководителя по внутреннимъ вопросамъ. Статьи покойнаго въ «Голосѣ» всегда обращали на себя вниманіе живостью изложенія, силою аргументаціи и вообще свидѣтельствовали о выдающемся публицистическомъ талантѣ. Какъ лекторъ Градовскій, не смотря на неблагопріятныя стороны дикціи, обусловливавшіяся астматическимъ удушьемъ, привлекалъ всегда многочисленныхъ слушателей—и его аудиторія, благодаря интересному и живому содержанію лекцій, была одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ на юридическомъ факультетѣ. Болѣзненное состояніе обусловливало раздражительность, неровность и язвительность характера покойнаго—что особенно ярко сказывалось во время экзаменовъ. А. Д. Градовскій передъ смертью вышелъ въ отставку. Литературная дѣятельность его началась въ 1866 году въ газетѣ «Судебный Вѣстникъ», подъ редакціей профессора Чебышева-Дмитріева. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ писалъ много въ различныхъ журналахъ. Въ 60-хъ годахъ статьи его печатались въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Бесѣдѣ», «Зарѣ» и «Русской Рѣчи» (въ двухъ послѣднихъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ), а также въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», во время сербской войны. Русская наука лишилась въ Градовскомъ уважаемаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ученаго, русская печать—даровивитаго публициста, горячо любившаго свою родину. Неисправимый идеалистъ, впечатлительный и нервный по своей натурѣ южнорусса, Градовскій часто и много увлекался. Но, не соглашаясь съ нимъ во мнѣніяхъ, нельзя было тѣмъ, кто его близко зналъ, не уважать его увлеченій и таланта. 12 лѣтъ тому назадъ, въ горячо и прекрасно написанномъ некрологѣ Ю. Ѳ. Самарина, Градовскій, указавъ, что Самаринъ многимъ казался только умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, «нѣсколько пикантнымъ потому, что писанія и рѣчи его отличались такъ называемымъ у насъ оппозиціоннымъ духомъ», сказалъ: «исторія объяснитъ его иначе и отведетъ ему иное мѣсто. Она распознаетъ въ немъ рѣдкій и даже странный типъ русскаго гражданина. Удивительное, можетъ быть, непонятное для многихъ слово!». Покойный Градовскій, такъ мѣтко охарактеризовавшій Самарина, былъ его ближайшимъ послѣдователемъ—ихъ тѣсно связала душевная пріязнь, продолжавшаяся до смерти Самарина и общность настроенія и вѣры въ будущее Россіи.

† Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ **Алексѣй Аѳиногеновичъ Ильинъ.** Имя его извѣстно всей грамотной Россіи; въ самой скромной народной школѣ можно найти изданіе картографическаго заведенія, созданнаго имъ въ Петербургѣ. Начавъ двадцать семь лѣтъ назадъ въ товариществѣ съ Полторацкимъ со скромной литографіи съ двумя ручными прессами, покойный усиленнымъ и усидчивымъ трудомъ довелъ свое заведеніе до крупныхъ размѣровъ; изданія его считаются сотнями, а экземпляры ихъ милліонами. Въ дѣло это Ильинъ вложилъ, что называется, душу. Уже владѣльцемъ значительнаго состоянія, можно его было видѣть ежедневно по цѣлымъ часамъ за корректурою картъ. Ту же любовь къ картографіи умѣлъ онъ внушить всѣмъ своимъ близкимъ. Изъ картографическаго заведенія Ильина вышло столько новыхъ картъ, книгъ, плановъ и рисунковъ, что одно перечисленіе названій этихъ трудовъ составляетъ объемистую брошюру. Кто знаетъ, какъ трудна у насъ книго-издательская дѣятельность, какъ мало находятъ у насъ серьезныя книги читателей и особенно покупателей, тотъ оцѣнитъ почтенныя усилія Ильина, который изъ года въ годъ еще расширялъ свою издательскую дѣятельность. Въ числѣ изданій его, къ которымъ нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, слѣдуетъ упомянуть русскій переводъ обширной «Всеобщей географіи» Элизе Реклю, затѣмъ подробный «Атласъ Россійской имперіи», «Атласъ по русской исторіи» Замысловскаго, «Климатъ Россіи» Воейкова и т. д. Много лѣтъ издавалъ онъ безъ всякаго барыша на пользу юношества журналъ «Всемірный путешественникъ». Наконецъ, надобно упомянуть о географическомъ магазинѣ, спеціально устроенномъ имъ въ столицѣ. Въ личныхъ сношеніяхъ Алексѣй Аѳиногеновичъ отличался простотою, прямодушіемъ, чрезвычайною деликатностью и добротою. Къ своимъ служащимъ и рабочимъ отношенія у него были самыя патріархальныя и онъ постоянно заботился объ ихъ участи.

† Въ Кіевѣ редакторъ-издатель «Кіевской Старины» **Александръ Степановичъ Лашкевичъ.** По окончаніи курса въ Кіевскомъ университетѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, покойный принималъ дѣятельное участіе по введенію въ Юго-западномъ краѣ крестьянской реформы и, въ качествѣ мирового посредника, а затѣмъ предсѣдателемъ съѣзда, оставилъ по себѣ свѣтлую память, какъ объ одномъ изъ лучшихъ дѣятелей реформы. Посвятивъ себя затѣмъ служенію земскому дѣлу въ Малороссіи, онъ со смертью бывшаго редактора «Кіевской Старины» г. Лебединцева, въ 1887 г. пріобрѣлъ это изданіе и поселился въ Кіевѣ, гдѣ всецѣло отдался новому дѣлу. Не смотря на постоянные дефициты, онъ неуклонно и энергично старался поднять свой журналъ, посвященный интересамъ и задачамъ малорусскаго племени, до уровня нашихъ лучшихъ журналовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

† Почетный членъ археологическаго института и другихъ ученыхъ учрежденій **Николай Ивановичъ Григоровичъ.** Состоя около двадцати лѣтъ дѣлопроизводителемъ и членомъ особой при синодѣ комиссіи по разбору хранящихся въ синодальномъ архивѣ дѣлъ, онъ много трудился: надъ составленіемъ и изданіемъ узаконеній синода, а также надъ «Описаніемъ дѣлъ его архива» и надъ редактированіемъ издаваемаго синодомъ «Собранія мнѣній и отзывовъ покойнаго митрополита московскаго Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ». Результатами трудовъ его явились: семь томовъ собранія узаконеній синода и четыре выпуска «Собраній мнѣній и отзывовъ Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ». Ему же принадлежатъ и другіе труды: «Обзоръ православныхъ монастырей въ Россіи, со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству до 1869 г.»; обзоръ общихъ законоположеній о содержаніи православнаго духовенства въ Россіи со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству (1764—1863 гг.); «Каѳедры русскихъ архіереевъ» и мн. др. Въ исторіи разработки русскаго архива Н. И. Григоровичъ долженъ занять видное мѣсто по разработкѣ біографіи государственнаго канцлера временъ Екатерины—Безбородки. Учрежденная наслѣдниками Безбородки премія въ 5.000 р. за составленіе полной біографіи Екатерининскаго канцлера долго не находила ученаго, который нашелъ бы время и возможность перерыть чуть ли не всѣ наши государственные архивы за время дѣйствій Безбородки. Н. Ив. взялся за это и, послѣ свыше десятилѣтнихъ трудовъ по разработкѣ собранныхъ изъ разныхъ архивовъ матеріаловъ, издалъ въ двухъ объемистыхъ томахъ біографію Безбородко и получилъ за этотъ трудъ установленную премію. Ему синодальный архивъ обязанъ порядкомъ, въ какомъ онъ сдалъ его почти за полтора года до своей болѣзни. Руководствомъ, услугами его какъ архивнаго справщика, какъ ученаго архивиста, пользовались всѣ, кто только работалъ за послѣднія 25 лѣтъ въ синодальномъ архивѣ. Заслуги покойнаго на научномъ поприщѣ оцѣнены разными обществами исторій и древностей. Въ прошломъ году эти ученыя общества праздновали 25-лѣтній юбилей его учено-литературной дѣятельности. Н. Ив. Григоровичъ—сынъ извѣстнаго въ исторіи духовной литературы священника церкви здѣшняго Аничковскаго дворца и свое образованіе получилъ въ здѣшнемъ университетѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу біографіи Н. И. Хмельницкаго.

Я лично зналъ съ самаго ранняго своего дѣтства Николая Ивановича Хмельницкаго—близкаго пріятеля покойнаго моего отца, а потому считаю долгомъ своимъ указать на нѣкоторыя неточности въ прекрасной статьѣ о немъ Н. А. Добротворскаго, помѣщенной въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1889 г.

Хмельницкій, губернаторствуя долгое время въ Смоленскѣ, любимый и уважаемый всѣми классами населенія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ и до сихъ поръ сохранившаяся объ немъ тамъ добрая память, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ государя, внезапно переведенъ былъ на должность Архангельскаго губернатора, вслѣдствіе раскрывшихся крупныхъ хищеній по сооруженію Московско-Смоленскаго шоссе. Государь, ни мало не сомнѣваясь въ безкорыстіи Хмельницкаго и не считая его соли-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дарнымъ съ хищниками, въ видѣ наказанія за слабый надзоръ за дѣйствіями инженеровъ путей сообщенія, перевелъ изъ Смоленска въ Архангельскъ. Но по французской пословицѣ—les abscents ont toujours tort—когда Хмельницкій жилъ уже на растояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ мѣстности, въ которой обнаружены были злоупотребленія, слѣдственная комиссія, желавшая, въ извѣстной степени, обѣлить инженеровъ путей сообщенія, постаралась набросить тѣнь на Хмельницкаго и представила его не безучастнымъ къ наживѣ.

Графъ Толь, тогдашній министръ Путей Сообщенія, за что-то недолюбливавшій Николая Ивановича, довелъ такое обвиненіе до свѣдѣнія государя, вслѣдствіе чего Хмельницкій былъ тотчасъ же вызванъ изъ Архангельска, гдѣ губернаторствовалъ уже года полтора, и посаженъ въ крѣпость. Самому же слѣдствію былъ приданъ особенно серьезный характеръ, составъ слѣдственной комиссіи усиленъ и во главѣ ея поставлено лицо, пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ государя, а когда черезъ шесть мѣсяцевъ слѣдствіе было окончено, государь потребовалъ дѣло къ себѣ, прочиталъ отъ доски до доски, и убѣдившись въ клеветѣ, взводимой на Хмельницкаго, немедленно повелѣлъ освободить его, и какъ напрасно пострадавшему, пожаловалъ орденъ Владиміра 2-й степени. Хмельницкій, слѣдовательно, содержался не 5 лѣтъ, какъ сказано у г. Добротворскаго, а всего 6 мѣсяцевъ. Свиданіе съ государемъ и разговоръ, передаваемый авторомъ, со словъ смолянъ, есть не болѣе, какъ легенда. Ничего похожаго на это не происходило; но шестимѣсячное заключеніе такъ ужасно повліяло на душу и организмъ Николая Ивановича, что онъ дѣйствительно сталъ не узнаваемъ и этотъ фактъ свѣжо сохранился въ моей памяти.

До заключенія Хмельницкій могъ называться еще молодымъ человѣкомъ, у него не было ни одного сѣдого волоса, а послѣ заключенія онъ былъ уже разрушенный, дряхлый и сѣдой старикъ. Отецъ мой, посѣтившій его однимъ изъ первыхъ, послѣ освобожденія изъ крѣпости, въ домѣ его, на Петербургской сторонѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ съ сестрою, пораженъ былъ происшедшей въ немъ перемѣной, а спустя нѣкоторое время, когда и самъ Хмельницкій былъ у насъ, мы съ трудомъ его узнали. Пожалованіе Владимірской звѣзды нисколько его не утѣшило, и онъ просилъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ особой милости, заграничнаго отпуска. Въ чужихъ краяхъ онъ мало отдохнулъ и, вернувшись оттуда, вскорѣ вышелъ въ отставку, а за тѣмъ велъ жизнь очень уединенную, посвящая бо́льшую часть времени чтенію и литературѣ. Изъ портретовъ его самымъ удавшимся можно считать изданный при книгѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Характеристика его, сдѣланная Н. А. Добротворскимъ, очень вѣрна. То былъ дѣйствительно человѣкъ чрезвычайно добрый, мягкій, душевный, въ высшей степени изящный въ своихъ манерахъ, а разговоръ его, когда онъ бывалъ въ духѣ, отличался остроуміемъ, аттической солью и тонкой ироніей. Говорилъ онъ протяжно, какъ бы нехотя, и вызывая своею рѣчью смѣхъ, никогда самъ не смѣялся. Многіе, и въ особенности изъ числа сильныхъ міра, не долюбливали Николая Ивановича за его языкъ и въ безсиліи своемъ отражать мѣткіе его стрѣлы, называли его позёромъ и кривлякой. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось неоднократно бывать въ обществѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тютчевымъ, сходствомъ манеры разговора онъ мнѣ напоминалъ Н. И. Хмельницкаго.

К. Бороздинъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Библіографическая рѣдкость.

Въ «Русской Старинѣ» за 1873 г. (т. VII-й), апрѣль мѣсяцъ, на стр 479—490, перепечатана одна изъ очень рѣдкихъ книгъ, изданная графомъ Аракчеевымъ и носящая заглавіе: «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву». Редакція журнала, предпосылая этой перепечаткѣ нѣсколько словъ отъ себя, приводитъ извлеченія изъ писемъ гр. Аракчеева къ его сотруднику, Ивану Ѳомичу Самбурскому, которыя касаются собственно печатанія другой библіографической рѣдкости, также изданной Аракчеевымъ, именно—«Писемъ императора Александра I къ Аракчееву». Относительно обѣихъ названныхъ книжекъ редакція высказываетъ предположенія, что онѣ заложены въ колоннахъ грузинскаго собора и въ его колокольнѣ. Намъ посчастливилось найти вмѣстѣ съ другимъ экземпляромъ «Рескриптовъ и писемъ императора Павла I» и нѣкоторыя довольно любопытныя свѣдѣнія о самой книгѣ. Эти свѣдѣнія находятся въ письмѣ Аракчеева, отъ 30 декабря 1820 г., изъ Петербурга, на имя Управлявшаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ А. Ѳ. Малиновскаго, при которомъ (письмѣ) былъ присланъ Малиновскому одинъ экземпляръ названной книжки. Вотъ это письмо:

«Милостивый государь мой Алексѣй Федоровичъ: Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства отъ 23-го сего декабря, за которое, какъ равно и за поздравленіе меня съ праздникомъ Рождества Спасителя нашего и новымъ годомъ, приношу Вамъ, милостивый государь, мою истинную благодарность, прося Ваше Превосходительство принять и отъ меня взаимное съ тѣмъ же поздравленіе и усердное желаніе мое, чтобы Вы всегда были здоровы и благополучны.—Ея Превосходительству, милостивой государынѣ, Аннѣ Петровнѣ и почтенной вашей дочери свидѣтельствую мое почитаніе и равномѣрно поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ. P. S (собственноручный). Вы меня дарили разными рѣдкими книгами, кои у меня хранятся въ моей Грузинской монастырской библіотекѣ то позвольтѣ и мнѣ Васъ подарить одною прилагаемою у сего маленькою книжкою единственно для Вашего сведенія, ибо я напечаталъ оную только десять экземпляровъ, дабы по смерти моей хотя нѣсколько оные сохранились, чемъ обяжетѣ любящаго и почитающаго Васъ»...

Такимъ образомъ, изъ этого письма Аракчеева видно, что книга «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву» напечатана была всего въ десяти экземплярахъ и потому должна быть отнесена къ числу большихъ рѣдкостей. Книжка эта—небольшая по своимъ размѣрамъ: въ ней 42 страницы in 8. Вмѣсто сорочки служатъ два листа сѣрой бумаги, почти такой же, на которой напечатана и самая книжка; на первомъ изъ нихъ напечатано приведенное выше заглавіе ея, а послѣдній, совсѣмъ чистый, листъ служитъ задней половиной сорочки; по корешку книга обложена узкой полосой темнозеленой бумажки (тесемочкой). Въ книгѣ нигдѣ не обозначено ни мѣста, ни времени печатанія ея; нѣтъ на ней ни цензурнаго дозволенія, ни какой-либо помѣты, на которой было бы можно построить предположеніе о времени и мѣстѣ печатанія. Приведенное выше письмо Аракчеева къ Малиновскому даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія для рѣшенія этого вопроса. Какъ видно изъ письма, Аракчеевъ посылаетъ настоящую книжку, когда Малиновскій былъ управляющимъ архивомъ. Слѣдовательно она: 1) напечатана ни въ какомъ случаѣ не позднѣе 1820 года, къ которому относится письмо и 2) можно думать, что она напечатана именно въ этомъ 1820 году, предполагая, что Аракчеевъ посылаетъ ее, какъ книгу новую, только-что вышед-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шую, и что онъ едва ли бы послалъ ее, если бы она была давно напечатана.— Что касается мѣста печатанія, то можно думать, что она напечатана тамъ же, въ той же типографіи, гдѣ и другая книжка—«Рескрипты императора Александра I», т. е. въ типографіи при управленіи военныхъ поселеній. На это даетъ намекъ и одно изъ писемъ Аракчеева къ Самбурскому: «Благодарю васъ, пишетъ ему Аракчеевъ изъ Грузина, отъ 5-го іюля 1821 г., за исполненіе моихъ порученій; я рескрипты императора Павла получилъ, а прочія печатаемыя записки прошу оставить у себя до личнаго нашего свиданія»...

Книжка печатана не сплошь, а съ большими пробѣлами, которые зависѣли отъ того, что каждый рескриптъ печатался съ новой страницы, а такъ какъ рескрипты были большею частью очень краткіе и занимали только нѣсколько строчекъ и весьма рѣдко всю страницу, то остальное незанятое пространство и оставалось пустымъ, такъ самое бо́льшое число строчекъ—26 находится на одной только 3-й страницѣ, 25, 24 и 21 строчка также на одной страницѣ, отъ 20 до 15 строчекъ на 12 страницахъ, отъ 15 до 10 на 21 страницѣ, на двухъ страницахъ по 9 и 7 строчекъ и на одной 6 строчекъ. Только одинъ рескриптъ напечатанъ на двухъ страницахъ (26—27) и также двѣ страницы занимаютъ коротенькія лаконичныя записочки, при печатаніи соединенныя въ группы. — Счетъ страницъ въ книжкѣ идетъ вверху съ 2 по 42, причемъ цифры заключены въ скобкахъ (1), (2), (3) и т. д. первая страница не имѣетъ своей цифры. Кромѣ того, внизу идетъ счетъ по листамъ, 16 страницъ въ листѣ; на 1-й страницѣ—1, на 17—2, на 18—звѣздочка и на 33—3. Находящіеся въ книгѣ документы обнимаютъ время съ 13 января 1794 года по 18 мая 1799 г. и по своему содержанію довольно разнообразны. Книжка перепечатана въ «Русской Старинѣ» довольно вѣрно; хотя иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допущены отступленія (бо́льшею частью мелочныя) отъ подлинника. Такъ въ «Русской Старинѣ» не имѣется общаго заголовка, помѣщеннаго въ подлинникѣ, на 1 страницѣ, впереди перваго рескрипта: «Высочайшіе рескрипты». Въ подлинникѣ до текста рескрипта напечатано вездѣ сперва мѣсто, откуда посланъ тотъ или другой рескриптъ, и потомъ уже дата рескрипта; въ «Русской Старинѣ» все это помѣщено въ обратномъ порядкѣ, сперва дата, а потомъ мѣсто отправленія рескрипта, (подлинникъ: «С.-Петербургъ. Генваря 13-го дня 1794-го года». «Русская Старина»: «Января 13-го дня 1794 г. С.-Петербургъ). Встрѣчается также измѣненіе правописанія; подлинникъ печатаетъ: «генваря», въ «Русской Старинѣ» вездѣ поправлено на «января». Подлинникъ имѣетъ симпатію къ большимъ буквамъ, печатая: Офицерскихъ, Офицеръ, Г. Подполковникъ, Меня Моего, Камендантъ, Маіоръ и т. п.; «Русская Старина» напечатала всѣ подобныя слова съ маленькой буквы. Встрѣчается и обратное явленіе. «Русская Старина» очень неравнодушна къ запятымъ, употребляя ихъ довольно часто тамъ, гдѣ въ подлинникѣ ихъ нѣтъ (напр. «Р. С.»: «ему отъ меня, равномѣрно, предписано. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ»...; въ подлинникѣ нѣтъ ни одной запятой). Встрѣчаются также нѣкоторыя незначительныя прибавленія. Въ подлинникѣ при помѣтахъ о времени полученія рескрипта послѣ цифроваго показанія года, нѣтъ буквы г. (ода) (т. е. только «1794» или 1796); «Русская Старина» прибавляетъ вездѣ эту букву. Подлинникъ печатаетъ: «Гре: бат: Пол: Ланскому»...; «Русская Старина» печатаетъ безъ сокращеній: «Гренадерскаго баталіона полковнику Ланскому»... Встрѣчаются также орѳографическія поправки, напр., вмѣсто «прилѣжное» въ «Русской Старинѣ» — прилежное; вмѣсто «при томъ» — притомъ; вмѣсто «серебренымъ»—серебрянымъ; вмѣсто «отсудствіе»—отсутствіе, и т. п.

Е. А. К.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗАБЕЛЛА ОРСИНИ

ГЕРЦОГИНЯ БРАЧЧІАНО

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

И. ФІОРЕНТИНИ

СЪ 29 ГРАВЮРАМИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Н. А. ПОПОВА

(Isabella Orsini, duchessa di Bracciano)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1890

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I.

Дочери Козимо Медичи.

ЕСНА была въ полномъ разцвѣтѣ, голубое небо Флоренціи точно улыбалось. Вновь разведенный садъ дворца Питти красовался множествомъ нарядныхъ и душистыхъ цвѣтовъ.

На террассу, выходившую въ садъ, придворные лакеи вынесли роскошныя кресла, ковры, скамейку и столикъ. Вскорѣ тяжелыя драпировки на дверяхъ балкона распахнулись и на порогѣ показалась красивая и величественная фигура Элеоноры Толедо, жены Козимо де-Медичи, въ сопровожденіи своихъ трехъ дочерей: Изабеллы, Маріи и Лукреціи. Въ описываемую нами эпоху герцогиня Элеонора была уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; мать восьми дѣтей, она, не смотря на это, сохранила свѣжесть и красоту. Ея черные волосы, большіе глаза и матовый цвѣтъ лица, дѣлали ее прекраснымъ типомъ испанской красоты. Кромѣ физическихъ достоинствъ, признанныхъ безъ исключенія всѣми, Элеонора была замѣчательно добра. Современники говорятъ, что супругу герцога Тосканскаго достаточно было видѣть, чтобы обожать ее и преклониться передъ ней.

Дворецъ Питти былъ купленъ герцогиней и передѣланъ по ея вкусу. Герцогъ Козимо въ угожденіе своей супругѣ перевелъ свое семейство изъ Стараго Палаццо (Palazzo-Vecchio) въ Палаццо Питти. Ежегодно эту новую резиденцію герцогскаго семейства увеличивали, украшали, разбивали цвѣтники, сажали деревья, устроивали гроты, кіоски, каскады и т. д.

Войдя на террассу и окинувъ взглядомъ роскошныя клумбы цвѣтовъ и зеленѣющихъ деревьевъ, Элеонора пріятно улыбнулась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и, посадивъ около себя дочерей, дѣлала замѣчанія, касающіяся украшеній своей любимой резиденціи.

Окружавшія ее дочери были также хороши, какъ и она сама, хотя красота каждой изъ молодыхъ принцессъ была своеобразна и онѣ нисколько не походили другъ на друга.

Изабелла только-что начинала развиваться, изъ ребенка-дѣвочки уже формировалась красавица-женщина. Она была высока ростомъ, очень стройна, съ черными кудрями и бровями, въ глазахъ горѣлъ огонь, впослѣдствіи превратившійся въ страшное пламя; черты лица правильныя, общее выраженіе крайне симпатичное.

Марія обладала красотой совершенно инаго характера. Въ ней все было величественно, покойно, меланхолично. Въ наше время про такую красавицу сказали бы, что она не отъ міра сего.

Лукреція была прелестный ребенокъ, живой портретъ ея красавицы-матери.

Глядя на эту чудную княжескую деадему (principesco diadema), кто бы могъ подумать, что эти юныя красавицы-герцогини такъ страшно кончатъ?!

Но не будемъ забѣгать впередъ. Въ этотъ день все имѣло праздничный видъ—и природа, и люди; даже мечтательная Марія радостно улыбалась. Во дворцѣ предстояло празднество по случаю пріѣзда въ Флоренцію герцога Браччіано, Паоло Джіордано, наслѣдника всемогущаго римскаго дома Орсини, уже стяжавшаго славу знаменитаго воина. Молоденькія принцессы совѣщались съ матерью о туалетахъ для предстоящаго празднества.

— Ты, Изабелла,—говорила герцогиня,—надѣнь платье фіолетоваго цвѣта, вообще твой костюмъ долженъ быть изящный и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій, ты, моя прелестная Марія, должна себѣ выбрать скромный костюмъ, а ты, Лукреція, надѣнь платьице сообразно твоему возросту.

Потомъ для Изабеллы мать посовѣтовала надѣть простое ожерелье изъ жемчуга, для Маріи брилліанты, а для Лукреціи рубины.

Пажи, стоявшіе въ почтительномъ отдаленіи, любовались на эту чудную группу, достойную кисти талантливаго художника. Изабелла, хотя еще очень юная, поражала своей величественной красотой, Марія особенно привлекала вниманіе одного изъ пажей. Это былъ юноша красивой наружности, Гуальтьеро, сынъ дворянина Якова Малатеста изъ Римини. Предки его были синьоры Романьи, но вслѣдствіе бѣдности ихъ всемогущество пало и молодой Гуальтьеро долженъ былъ поступить на службу ко двору Медичи, хотя эти Медичи были еще незначительные торговцы въ то время, когда Малатеста уже пользовались славой и могуществомъ. Марія замѣтила страстный взглядъ, уставленный на нее красивымъ пажемъ и отвѣчала ему тѣмъ же. Молодые люди, не объяснившись, уже любили другъ друга, ежедневно переговариваясь взглядами,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которые говорили о чувствахъ любви гораздо краснорѣчивѣе словъ. Юность и первая любовь не разсуждаетъ. Дочь знаменитаго и всемогущаго герцога Тосканскаго Козимо Медичи, конечно, не смѣла мечтать соединиться съ бѣднымъ пажомъ, хотя онъ и былъ древней дворянской фамиліи. Быть можетъ, это препятствіе распаляло еще болѣе чувства влюбленныхъ.

— Мессеръ Гуальтьеро,—обратилась герцогиня Элеонара къ пажу Малатеста,—вы присутствовали при въѣздѣ герцога Браччіано? Мнѣ разсказывали, что парадъ былъ необыкновенный.

— Да, герцогиня, я имѣлъ счастье быть тамъ, дѣйствительно встрѣча была блестящая. Вся гвардія и офицеры нашего государя встрѣтили герцога около Порто Романо. Трубачи и музыканты начали играть при появленіи его, окруженнаго блестящей свитой. Раззолоченыя кареты, отрядъ кавалеріи, пажи, самъ герцогъ верхомъ на лошади, убранной золотомъ и серебромъ, походилъ на короля въ коронѣ.

Пажъ разсказалъ бы еще болѣе подробно встрѣчу герцога Браччіано, но доложили о пріѣздѣ герцога Козимо Медичи.

Въ эту эпоху правитель Тосканы былъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, онъ имѣлъ тридцать пять лѣтъ отъ роду, былъ очень красивъ собою и отличался надмѣнностью.

Рожденный отъ второстепенной линіи, онъ никогда не мечталъ сѣсть на тронъ. До восемнадцатилѣтняго возроста онъ жилъ въ деревнѣ и проводилъ время въ охотѣ, но послѣ смерти Александра Моро, депутаты отъ сената внезапно пріѣхали къ нему на виллу Треббіо въ Мутелію и предложили корону, свалившуюся съ окровавленной головы тирана. Не смотря на свои весьма юные года, Козимо Медичи съумѣлъ обмануть избравшихъ его сенаторовъ. При помощи палача и яда онъ избавился отъ всѣхъ своихъ враговъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый богачъ Филиппъ Строцци, любимый и уважаемый цѣлой Италіей; самое названіе республики онъ уничтожилъ и сдѣлался абсолютнымъ господиномъ страны.

Желая получить покровительство всемогущаго императора Карла V, Козимо имѣлъ намѣреніе сочетаться бракомъ съ дочерью императора, Маргаритою, вдовою своего предшественника Александра. Но папа Павелъ III назначилъ Маргариту въ жены своему племяннику Фарнезе Октавіо, а императоръ Карлъ V рекомендовалъ молодому Козимо жениться на дочери неаполитанскаго вице-короля донъ Педро ди Толедо. Элеонора отличалась необыкновенной красотой и хотя не была царской крови, но происходила отъ древнѣйшей дворянской фамиліи.

Отъ этого брака родилось восемь дѣтей. Три дѣвицы, съ которыми мы уже познакомились и пять сыновей. Старшій Франческо долженъ былъ наслѣдовать герцогскій тронъ, Джіованни, возведенный въ санъ кардинала, имѣлъ надежду впослѣдствіи быть

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

папой; Гарціа предназначался для военной карьеры, Фердинандъ и Петръ совсѣмъ еще дѣти, но отличались уже красотой, какъ и ихъ мать, и были надмѣнны, какъ отецъ.

Сколько несчастій и превратностей судьбы предстояло испытать всѣмъ этимъ красавицамъ-принцессамъ и принцамъ дома Медичи, но въ данный моментъ никто не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Самъ глава семьи, герцогъ Козимо, вошелъ на террассу, гордо улыбаясь, глядя на жену и дочерей.

— Милая моя жена и прелестныя дѣти, — сказалъ онъ, — вотъ наконецъ и я между вами; послѣ государственныхъ занятій, какъ отрадно отдохнуть среди своей дорогой семьи... Лукреція, поди сюда; что ты выучила урокъ? А ты, Марія, кончила свое вышиваніе? Покажи мнѣ его.

Марія сдѣлала знакъ одной изъ близь стоящихъ фрейлинъ. Послѣдняя подошла къ ней и отдала что-то тщательно свернутое. Марія поспѣшила развернуть свертокъ и передала отцу. Это былъ гербъ Медичи, вышитый золотомъ на кускѣ матеріи, предназначенный для гвардейскаго знамени.

Герцогъ Козимо съ восторгомъ разсматривалъ мастерскую работу дочери. Вышито было дѣйствительно артистически. Рисунокъ сдѣланъ художникомъ Вазари и молодая работница съумѣла изобразить его шелками и золотомъ превосходно. Корона герцога на темномъ фонѣ будто освѣщалась молніей.

— Прелестная корона!—вскричалъ Козимо.

Въ душѣ онъ не былъ особенно доволенъ знаменемъ, ему хотѣлось бы имѣть не герцогскую, а королевскую корону. Но не вся еще Тоскана попалась въ его желѣзную руку. Въ Сіенѣ пока развивалось знамя свободы, хотя честолюбивые замыслы флорентійскаго герцога давно уже простирались къ сосѣду.

— Ну, а ты, Изабелла, — обратился Козимо къ своей старшей дочери, — помнится написала новую консону съ акомпаниментомъ мандолины. Я ее еще не слыхалъ; спой-ка мнѣ ее теперь.

Изабелла нѣсколько сконфузилась, попробовала отговориться, но отецъ настоялъ.

Пажу велѣно было принести мандолину.

Молодая дѣвушка взяла инструментъ, сдѣлала нѣсколько аккордовъ и запѣла консону, музыку и слова которой она сама сочинила. Голосъ молодой принцессы отличался необыкновенной прелестью и задушевностью; слова какъ нельзя лучше подходили къ музыкѣ. Поэтическій и композиторскій талантъ красавицы Изабеллы привелъ въ восторгъ слушателей. Поэзія съ мелодіей точно нѣжно обнимались, замирая въ страстномъ восторгѣ.

— Браво! браво! браво! моя прелестная дочка,—кричалъ аплодируя герцогъ и, подойдя къ Изабеллѣ, обнялъ ее и, цѣлуя въ лобъ, сказалъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Тотъ, кто будетъ твоимъ супругомъ, можетъ гордиться тѣмъ, что пріобрѣлъ такое сокровище.

Между тѣмъ со двора послышался стукъ лошадиныхъ подковъ о шашки мостовой и музыка.

— Что тамъ за шумъ?—спросила герцогиня Элеонора.

— Это герцогъ Браччіано,—отвѣтилъ Козимо.—Прежде оффиціальнаго пріема, онъ просилъ у меня позволенія представиться вамъ частно.

Сказавъ это, герцогъ Козимо поспѣшилъ навстрѣчу гостю. Вскорѣ любезный хозяинъ подвелъ молодого герцога къ своей супругѣ и сказалъ:

— Позволь тебѣ представить моего лучшаго друга Паоло Джіордано Орсини, римскаго князя и знаменитаго капитана.

Орсини почтительно поклонился герцогинѣ Медичи и поцѣловалъ ея руку. Затѣмъ, откланявшись молодымъ принцессамъ, онъ взялъ за руку герцога и торжественно вскричалъ:

— Да здравствуетъ на многіе лѣта знаменитый домъ Медичи, который украшаетъ свѣтъ такими прелестными цвѣтами!

Паоло Джіордано Орсини былъ молодой человѣкъ крѣпкаго сложенія, съ орлинымъ носомъ и подстриженной бородкой, онъ былъ типъ крѣпкаго и браваго солдата. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ умѣлъ держать себя въ высшемъ кругу общества и былъ замѣчателенъ своей вѣжливостью, доходившей до рыцарства.

— Что новенькаго въ Римѣ?—спросилъ Козимо, когда гость усѣлся.

— Прекрасныя новости,—отвѣчалъ Орсини.—Римъ представляетъ собой постоянный праздникъ. Папа думаетъ только объ однѣхъ веселостяхъ и развлеченіяхъ.

— Юлій III совершенная противоположность Юлію II-му,—сказалъ Козимо.—Онъ тосканецъ, я зналъ его очень хорошо, когда онъ былъ еще кардиналомъ Дель-Монте; всегда веселый, безпечный, игривый. Онъ былъ камергеромъ Юлія II и вступилъ на престолъ, принявъ его имя.

— Съ дозволенія князя, вы можете идти гулять въ садъ,—обратилась герцогиня Элеонора къ дочерямъ.

Три принцессы, поклонившись герцогу Браччіано и матери, отправились въ садъ въ сопровожденіи флейлинъ.

Хозяева остались одни съ своимъ гостемъ и могли вести интимный разговоръ

— И такъ папа?

— Ничѣмъ болѣе не занимается, какъ постройкой виллы за Порто дель Пополо,—отвѣчалъ Орсини,—его святѣйшество задался идеей превзойти великолѣпіемъ знаменитые сады Нерона и знать ничего не хочетъ; онъ прямо объявилъ своимъ подчиненнымъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы они не смѣли ему докладывать дурныхъ вѣстей. Затѣмъ очень много говорятъ о кардиналѣ Бертуччино.

— Кто онъ такой?

— Молодой человѣкъ весьма темнаго происхожденія, какъ разсказываютъ сынъ нищенки изъ Пармы и неизвѣстнаго отца. Когда папа Юлій былъ еще кардиналомъ Дель-Монте и жилъ въ Пармѣ, въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, случилось весьма забавное происшествіе. Большая обезьяна кардинала разъ поймала въ свои лапы ребенка одной нищенки, имѣя желаніе, конечно, познакомить его съ своими зубами и когтями, но ребенокъ такъ ловко съумѣлъ высвободиться изъ объятій обезьяны, что его именениція кардиналъ Дель-Монте, видѣвшій всю эту сцену, пришелъ въ полный восторгъ, взялъ ребенка подъ свое покровительство и назначилъ ему почетную должность быть часовымъ около обезьяны, назвавъ его Бертуччино. Время шло, ребенокъ росъ, а съ нимъ вмѣстѣ росла и привязанность къ нему кардинала, обогатившаго потомъ своего любимца. По смерти Юлія II, когда собрался конклавъ, кардиналъ Дель-Монте будто бы въ шутку сказалъ: «если вы меня выберете въ папы, я вамъ дамъ въ товарищи Бертуччино». И это не была шутка, кардиналъ сдержалъ свое слово: вступивъ на папскій престолъ, онъ наградилъ красной шапкой бывшаго часового своей обезьяны и далъ ему названіе Дель-Монте. Кардиналы, разумѣется, протестовали, но это ровно ни къ чему не повело. Папа объявилъ имъ, что вновь пожалованный кардиналъ лучше ихъ всѣхъ.

— Говорятъ, онъ очень вспыльчивъ, Юлій III?

— О, да! И когда взбѣсится, бываетъ страшнѣе всякаго турка. Недавно его святѣйшество за столомъ вышелъ изъ себя и наговорилъ массу ругательствъ по поводу недожареннаго павлина.

— А кто управляетъ государственными дѣлами?—спросилъ герцогъ Козимо.

— Кардиналъ Крешенціо, а съ нимъ вмѣстѣ донна Ерсилія.

— Донна Ерсилія?..

— Да, жена Джіамбатиста, племянника папы. Она также надмѣнна и горда, какъ герцогиня Пармская, Маргарита австрійская, дочь императора Карла V-го. Каждому пріѣзжему синьору въ Римѣ необходимо добиться ауденціи у Ерсиліи и ей откланяться.

Поговоривъ еще о римскихъ новостяхъ, Орсини уѣхалъ.

Герцогъ Козимо, проводивъ гостя, взялъ подъ руку жену и отправился въ ея апартаменты.

— Какъ тебѣ понравился Орсини? — спросилъ Козимо, когда они остались одни.

— Я нашла его приличнымъ кавалеромъ.

— Прекрасно, а желаешь ли ты знать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Флоренцію?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Пожалуйста.

— Онъ хочетъ жениться на одной изъ нашихъ дочерей.

— На которой?

— На Изабеллѣ.

— Не находишь ли ты, что она еще черезчуръ молода для замужества?

— Она въ такихъ же лѣтахъ, какъ была ты, когда шла за меня замужъ.

— Этотъ Орсини, какъ видно, крутой солдатъ, я боюсь за мою нѣжную и деликатную Изабеллу.

— Объ этомъ не безпокойся, Изабелла дорога моему сердцу также какъ и твоему. Орсини тотчасъ послѣ свадьбы уѣдетъ въ Римъ, а Изабелла останется съ нами. Мы ее тогда лишь отдадимъ мужу, когда онъ въ состояніи будетъ оцѣнить такое сокровище.

Герцогъ Козимо еще многое говорилъ своей супругѣ въ доказательство необходимости брака ихъ дочери съ Орсини и всей пользы, которую представляетъ этотъ бракъ для ихъ дома. Элеонора слушала внимательно мужа, ничего ему не возражала; но сердце матери болѣзненно сжималось, она предчувствовала несчастье дочери. Прежде чѣмъ идти спать, она пошла взглянуть на Изабеллу. Дѣвушка покоилась безмятежнымъ сномъ и не знала, что судьба ея уже рѣшена. Долго Элеонора смотрѣла на свою дорогую дочь и, глубоко вздохнувъ, потихоньку вышла изъ ея спальни.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Празднество.

А СЛѢДУЮЩІЙ день вечеромъ на балѣ предположено было оффиціально объявить о помолвкѣ дочери герцога, принцессы Изабеллы, съ Паоло Джіордано Орсини.

Утромъ герцогиня Элеонора, прижавъ къ сердцу дочь, сообщила ей ея судьбу.

Эту новость Изабелла приняла совершенно равнодушно, она не возбудила въ ней ни радости, ни горя. Человѣка, предназначавшагося ей въ мужья, она видѣла одинъ разъ въ жизни, и онъ тотчасъ послѣ свадьбы уѣзжалъ въ Римъ. Съ давнихъ поръ она привыкла къ мысли, что должна выйти замужъ за какого-нибудь важнаго синьора и, что ея сердце въ выборѣ суженаго не будетъ участвовать, объ этомъ позаботится ея отецъ, герцогъ Козимо. По этому молодая дѣвушка приготовлялась встрѣтить оффиціальное объявленіе о замужествѣ совершенно равнодушно.

Занимаясь поэзіей и музыкой, принцесса Изабелла хотя и имѣла понятіе о любви, но никогда не испытала этого чувства.

Въ первый моментъ Изабеллу опечалила только одна мысль: разлуки съ любимой матерью, и дорогими сестрами, но когда ей сказали, что она останется въ Флоренціи, а въ Римъ уѣдетъ одинъ ея мужъ, она совершенно успокоилась. Напротивъ, предстоявшія празднества ее тѣшили, ей было пріятно сознавать, что на балѣ она въ качествѣ невѣсты будетъ предметомъ вниманія всей знатной молодежи.

Мотивы, побуждавшіе герцога Козимо устроить этотъ бракъ, были, конечно, политическаго характера. Онъ думалъ единственно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

объ одномъ, чтобы осуществить свои честолюбивыя надежды. Борьба Франціи съ Испаніей ажитировала всю Европу и раздѣляла Италію на два лагеря. Преобладающее вліяніе Испаніи на полуостровѣ способствовало увеличенію могущества тосканскаго герцога и, наоборотъ, ослабленіе этого вліянія неблагопріятно должно было отразиться на честолюбивыхъ планахъ Козимо Медичи.

Въ данный моментъ самой пламенной мечтой герцога тосканскаго было завладѣть Сіеной, вольности которой протежировали французы. Завоевавъ Сіену, можно было надѣяться присоединить этотъ городъ къ своимъ владѣніямъ, подъ покровительствомъ короля Карла V-го, котораго герцогъ Козимо Медичи былъ преданнѣйшимъ и покорнымъ слугою.

Предпріятіе было не особенно трудно. Испанцы и французы оспоривали другъ у друга преобладаніе въ Италіи, при чемъ перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ. Савойскій герцогъ Карлъ III хорошо это зналъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Сіену занимали, то французскія войска, то испанскія, между ними происходили сраженія и не выигрывала ни та, ни другая сторона. Страдали только раззоренные пьемонтцы.

Если испанскія войска придутъ изъ Неаполитанскаго королевства въ Тоскану и присоединятся къ войскамъ герцога Козимо, то надежда овладѣть Сіеной легко осуществится. Только въ одномъ случаѣ предпріятіе можетъ не удастся, если французамъ окажетъ помощь всемогущій домъ Орсини, преданный Франціи и доселѣ противодѣйствующій дому Колонна, вѣрному слугѣ Испаніи. Слѣдовательно, для достиженія цѣли было необходимо расторгнуть союзъ Орсини съ французами и присоединить его къ испанцамъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать нейтральнымъ. Именно съ этой цѣлью была рѣшена свадьба Изабеллы де-Медичи съ герцогомъ Браччіано.

Послѣ того, какъ женихъ оффиціально представился ко двору герцога Флоренціи, вечеромъ состоялось празднество.

Въ освѣщенный самымъ затѣйливымъ образомъ дворецъ Питти собралась толпа гостей, состоящая изъ князей, важныхъ персонажей государства, и самое избранное общество дворянъ Флоренціи и Пизы.

Экипажи и верховыя лошади оставались на площади дворца; всѣ шли пѣшкомъ до главной лѣстницы, гдѣ и тушили фонари. Провожатые отправлялись въ прихожія, а синьоры вверхъ по лѣстницѣ.

Входъ въ залъ былъ изъ сада, илюминованнаго разноцвѣтными огнями.

Въ главномъ залѣ, гдѣ собралось все семейство герцога, были выстроены мажордомы, одѣтые въ черномъ бархатѣ съ золотыми медалями; они указывали ходъ важнымъ гостямъ.

На почетномъ мѣстѣ сидѣла герцогиня Элеонора съ красавицей невѣстой. Изабелла была одѣта въ роскошное фіолетовое платье,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шитое золотомъ; ея густая, черная коса имѣла форму короны, переплетенной жемчугомъ. Она поражала всѣхъ своей необыкновенной красотой.

Приглашенные гости почтительно кланялись герцогинѣ Элеонорѣ и поздравляли будущую герцогиню Браччіано.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣли сестры Изабеллы, окруженыя придворными дамами и дѣвицами.

Въ другомъ концѣ зала стояли герцогъ Козимо де-Медичи и женихъ Паоло Джіордано Орсини; они о чемъ-то бесѣдовали между собой. Сынъ герцога Козимо, наслѣдникъ престола, Фердинандъ, стоялъ тутъ же. Это былъ молодой человѣкъ гордаго вида, уже сознававшій свое великое назначеніе; недалеко отъ Фердинанда его братья донъ Гарціа и донъ Джіованни о чемъ-то разсуждали съ придворными кавалерами и офицерами. Остальные два принца, какъ маленькіе, были въ дамскомъ кружкѣ.

Былъ поданъ сигналъ къ танцамъ. Кавалеры поспѣшили приглашать дамъ и пары начали строиться.

Донъ Гарціа, самый красивый и любезный изъ сыновей герцога Козимо предложилъ руку одной молоденькой и очень хорошенькой дамѣ, возбудившей всеобщую зависть прекраснаго пола за предпочтеніе, оказанное ей молодымъ герцогомъ. Она была въ цвѣтѣ молодости и красоты, съ розовыми щеками, русой косой и пламенными глазами, что дѣлало ее однимъ изъ самыхъ соблазнительныхъ существъ.

При всемъ этомъ, она была чрезвычайно граціозна. Склонивъ голову и опираясь на плечо кавалера, она летала, какъ бабочка, едва касаясь земли. Во все время танцевъ, донъ Гарціа не спускалъ съ нея своихъ пламенныхъ глазъ, безпрестанно пожимая ей руку. Когда ихъ взоры встрѣчались, красавица-блондинка сгорала отъ застѣнчивости и сладострастнаго трепета.

По окончаніи танцевъ, молодой герцогъ, провожая свою даму на ея кресло, тихо сказалъ:—«Я жду тебя въ саду».

Послѣ этого, донъ Гарціа, походивъ немого по залѣ, смѣшался съ толпой и вышелъ черезъ террасу въ садъ. Въ концѣ уединенной аллеи, куда не проникали лучи свѣта, молодой человѣкъ остановился въ тѣни и, опершись на одну изъ статуй, сталъ ждать ту, которая занимала его юное сердце.

Пока она выйдетъ незамѣтно изъ танцовальнаго зала, познакомимъ ее съ нашими читателями.

Прелестная блондинка, блиставшая своей красотой и граціей на парадномъ балѣ герцога Козимо де-Медичи, была изъ дома Салвіати, родственниковъ Медичи, жена главнаго капитана герцога Кіаппино Вителли. Какимъ образомъ состоялся этотъ бракъ между старымъ капитаномъ, способнымъ болѣе къ войнѣ, чѣмъ къ любовнымъ галантностямъ, и молоденькой красавицей, было для

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Паоло Джіордано и его двоюродный братъ Троило Орсини.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всѣхъ тайною. Праздные люди говорили, что прелестная супруга Вителли большая любительница всѣхъ удовольствій вообще и въ особенности любовныхъ похожденій. О мужѣ разсказывали, что онъ слѣпо любитъ свою Юлію и, видя явную невозможность удержать ее, поневолѣ долженъ сносить разныя вещи, смотря сквозь пальцы на ея сердечныя склонности.

Ни для кого не было тайной, что молодой герцогъ донъ Гарціа безумно влюбленъ въ Юлію Вителли. Леопарди правду сказалъ, что истинную любовь скрыть нельзя. И это тѣмъ болѣе справедливо, когда любовь внушается пылкимъ, но неопытнымъ юношамъ красавицами, изощрившими свои способности въ искусствѣ сладострастныхъ искушеній.

По уходѣ герцога донъ Гарціа изъ залы, нѣсколько времени спустя, хорошенькая блондинка бросила разсѣянный взглядъ кругомъ себя и увидя, что ея мужъ о чемъ-то разговариваетъ съ герцогомъ Козимо, обратилась къ своей пріятельницѣ и повѣренной всѣхъ сердечныхъ тайнъ, Жиневрѣ Валори, съ просьбой пройтись по саду. Послѣдняя, конечно, изъявила согласіе и онѣ обѣ отправились въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Придя въ полуосвѣщенную аллею, Жиневра оставила руку подруги и подошла къ одной изъ статуй, около которой была клумба цвѣтовъ. Вѣроятно, цвѣты имѣли прекрасный запахъ, потому что разсматривавшая ихъ совсѣмъ наклонилась.

Между тѣмъ изъ-за статуи вышелъ донъ Гарціа и, бросился обнимать Юлію: цѣловалъ ея шею, грудь, щеки,

— Гарціа! другъ мой, опомнись! заклинаю тебя,—шептала Юлія.

— О, божественная Юлія—тихо говорилъ влюбленный, складывая руки будто для молитвы,—сжалься надо мной, не доводи меня до помѣшательства, до полнаго безумія, согласись на мою просьбу.

— Но что я могу для тебя сдѣлать, мой милый Гарціа?

— Я давно уже прошу тебя подарить мнѣ секретное свиданіе, гдѣ бы я могъ открыть всю глубину моего чувства любви къ тебѣ и все, что наполняетъ мое сердце.

— Но ты же знаешь, что я этого не могу сдѣлать, что мой мужъ страшно ревнивъ, что онъ ужасенъ... Ты хочешь видѣть меня жертвой его гнѣва?

— Если ты захочешь, если въ твоемъ сердцѣ пылаетъ такое же чувство, какъ и въ моемъ — никакихъ препятствій быть не можетъ. Развѣ наше свиданіе не могло бы устроиться въ домѣ Валори?

— У Жиневры! И ты могъ это подумать! Да развѣ я посмѣю оскорбить моего друга? Просить ее, чтобы она позволила мнѣ въ ея домѣ устроить любовное свиданіе!.. Помилуй! Да я при одной этой мысли краснѣю!

— Полно пожалуйста! Валори тебя любитъ, а кто любитъ, тотъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

все прощаетъ. Затѣмъ, если вѣрить слухамъ, она также не сторонится отъ любви.

— Кто, Жиневра? Это олицетворенная добродѣтель, не клевещи на нее, Гарціа.

— Я клевещу? По моему любящая женщина заслуживаетъ похвалы, а не осужденія.

— Злой упрямецъ!—отвѣчала улыбаясь Юлія,—это тебя въ философской школѣ выучили такой морали?

Говоря это, красавица ударила юношу своими тонкими пальчиками по щекѣ. Въ отвѣтъ на это влюбленный сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она стыдливо уклонялась, хотя сердце ея трепетало въ груди и горячая струя дыханья сжигала лицо Гарціа, тщетно ловившаго губы красавицы; наконецъ, она сама точно въ забытьи бросила легкій, возбуждающій поцѣлуй на его щеку. Гарціа безумно цѣловалъ ея шею, щеки, грудь, но пламенную струю, вскипятившую его кровь поймать не могъ, очаровательный ротъ съ его розовыми губами былъ тутъ, но упиться его ароматомъ было нельзя, онъ исчезалъ неизвѣстно куда въ самый страстный моментъ. Бѣдный влюбленный юноша изнемогалъ въ неравной борьбѣ. Но вотъ наконецъ красавица уступила. Было ли то нѣжное увлеченіе съ ея стороны, или маневръ кокетства,—неизвѣстно; быть можетъ и то, и другое. Она позволила поцѣловать свои розовыя губки. Вѣроятно поцѣлуй влюбленнаго юноши былъ черезчуръ продолжителенъ и страстенъ, потому что Юлія, вырываясь, говорила:

— Гарціа!.. оставь меня...

— Нѣтъ не оставлю,—говорилъ обезумѣвшій отъ восторга герцогъ,—пока ты мнѣ не обѣщаешь исполнить мою просьбу.

— Ну, хорошо... да...

— Завтра?

— Да, завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа по-полудни.

— Въ домѣ Валори?

— Да... Ну, а теперь мнѣ надо возвратиться въ залъ. Быть можетъ меня ищетъ мужъ. Боже сохрани, если онъ замѣтитъ мое волненіе.

Влюбленные вышли изъ тѣни аллеи. Юлія взяла подъ руку Валори и возвратилась въ танцовальный залъ, гдѣ снова начался ея тріумфъ. Со всѣхъ сторонъ она слышала комплименты и похвалы необыкновенной кресотѣ ея лица, покрытаго легкимъ румянцемъ, блеску ея чудныхъ глазъ и страстной улыбкѣ.

Паоло Орсини, счастливый женихъ Изабеллы Медичи, прогуливался по залѣ преисполненный гордости съ своимъ кузеномъ кавалеромъ Троило Орсини. Это былъ молодой человѣкъ выше средняго роста, прекрасно сложенный, съ правильнымъ лицомъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хотя нѣсколько блѣднымъ, что, придавало ему интересность въ глазахъ прекраснаго пола.

Приглашенный быть на помолвкѣ своего кузена, Джіордано Орсини, Троило былъ уже представленъ герцогу Козимо Медичи, но еще не удостоился узнать остальныхъ своихъ родственниковъ, которые ему не были извѣстны.

Паоло Джіордано подвелъ его къ креслу герцогини Элеоноры и сказалъ:

— Позвольте, всемогущая герцогиня, рекомендовать вамъ моего кузена, Троило Орсини.

Герцогиня Элеонора подала ему руку, которую онъ поспѣшилъ поцѣловать. Затѣмъ почтительно раскланялся съ Изабеллой, сидѣвшей рядомъ съ матерью. Молодая невѣста въ это время слушала музыку, а потому и не обратила вниманія на представленнаго ей кавалера, отвѣтивъ лишь легкимъ наклоненіемъ головы на его почтительный поклонъ.

Троило Орсини, обмѣнявшись съ герцогиней Элеонорой нѣсколькими незначительными фразами, возвратился съ своимъ кузеномъ въ залъ.

Хотя принцесса Изабелла почти не обратила никакого вниманія на вновь представленнаго ея матери молодого человѣка, тѣмъ не менѣе она произвела глубокое впечатлѣніе на мечтательнаго Троило Орсини. Молодой, красивый, благородный, богатый, онъ еще не испыталъ любви. Подъ идеалъ, созданный его воображеніемъ, не подходила ни одна женщина изъ всѣхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ. Онъ весь погрузился въ свой поэтическій культъ. Изабелла Медичи подходила подъ этотъ идеалъ; онъ встрѣтилъ въ ней женщину съ благородной наружностью, страстными, выразительными глазами—именно такими глазами, о которыхъ онъ давно мечталъ и которые онъ любилъ уже прежде, чѣмъ встрѣтить ихъ въ живомъ существѣ. Эти глаза выражали разумъ, сильное чувство и женскую натуру, преобладающую надъ всѣмъ. И именно этотъ олицетворившійся наконецъ идеалъ была невѣста его кузена, на свадьбѣ котораго онъ долженъ присутствовать. Впрочемъ, для него, Троило, никогда не могло быть даже отдаленной надежды обладать Изабеллой. Если герцогъ Козимо Медичи рѣшился отдать свое сокровище всемогущему главѣ дома Орсини, то на это были политическія причины; ему-то, не особенно знатному и совсѣмъ не всемогущему, Троило Орсини, Изабеллу никогда бы не отдали, слѣдовательно, еслибы она не была женою Браччіано, то ее бы отдали за другого, тоже изъ-за политическихъ цѣлей, но никакъ уже не за него. Но, впрочемъ—разсуждалъ Троило,—почему бы этому обожаемому существу не полюбить кого-нибудь и кромѣ мужа? Кто первый заставитъ биться это дѣвственное сердце, конечно, будетъ одинъ изъ счастливѣйшихъ смертныхъ. Занятый такими мыслями, Троило

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

едва отвѣчалъ на вопросы своего кузена. Между тѣмъ, они вышли въ садъ, гдѣ могли бесѣдовать болѣе свободно, чѣмъ въ залѣ.

— Ну, что же ты скажешь о моей невѣстѣ?—спросилъ герцогъ Брачціано.

— Я только могу тебя поздравить.

— Откровенно?

— Наиоткровеннѣйшимъ образомъ.

— Дѣйствительно, она очень хороша, имѣетъ благородную осанку и, какъ говорятъ, очень развита. Значитъ, она съумѣетъ поддержать достойнымъ образомъ имя герцогини Брачціано, а это для меня главное. Ты вѣдь знаешь, что сердце мое не здѣсь, а въ Римѣ.

Троило дѣйствительно было извѣстно, что Паоло Джіордано былъ въ связи съ Викторіей Аккорамбони женою Франциско Каретти, но онъ думалъ, что женившись на Изабеллѣ Медичи, Джіордано порветъ эту незаконную связь. Но какъ оказалось слова герцога показывали совершенно противное.

— Ты понимаешь хорошо,—началъ опять Джіордано,—что эта свадьба совершилась вслѣдствіе политическихъ соображеній. Могущество нашего дома всегда зависитъ отъ случайнаго выбора папы. При каждомъ конклавѣ мы рискуемъ, что будетъ избранъ на папскій престолъ кто-нибудь изъ нашихъ враговъ. Нынѣ царствующій папа Юлій живъ и слава Богу, пусть живетъ, а что если онъ умретъ? Могутъ вспыхнуть страсти, а этого надо ждать со дня на день. Слѣдовательно необходимо приготовиться. Вотъ почему я и рѣшилъ войти въ союзъ съ флорентійскимъ синьоромъ, въ которомъ я всегда найду сильную опору, на случай моей размолвки съ новымъ папой. Узелъ нашего союза это свадьба.

— А твоя любовь къ Каретти?

— Все еще живетъ въ моемъ сердцѣ. Въ свѣтѣ нѣтъ ни женщины, ни дѣвицы, которая бы могла уничтожить во мнѣ это чувство, составляющее мою жизнь.

— Ну, а когда ты привезешь Изабеллу въ Римъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Троило, вотъ тутъ-то именно для меня и совершилась самая счастливѣйшая комбинація. Сказать тебѣ откровенно, я былъ въ страшномъ безпокойствѣ относительно этого обстоятельства, потому что Викторія мнѣ уже запретила жениться и это было бы для нея страшнымъ оскорбленіемъ и съ ея взбалмошнымъ характеромъ Богъ знаетъ чѣмъ бы могло кончиться? Но Козимо меня выручилъ. Любя страстно свою дочь, онъ поставилъ условіемъ, чтобы послѣ нашей свадьбы я ее оставилъ въ Флоренціи, пока будетъ рѣшено: долженъ ли я Изабеллу везти въ Римъ или самъ переѣхать во Флоренцію.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Теперь я еще не знаю; будущность моя неизвѣстна. Пока я оставляю жену во Флоренціи, а самъ вернусь въ Римъ къ моей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Викторіи, постараюсь успокоить ея гнѣвъ и сохранить ея любовь.

Здѣсь Паоло Джіордано началъ распространяться о множествѣ доказательствъ привязанности къ нему Аккорамбони и силѣ ея пламенной страсти. Но Троило его уже не слушалъ, весь погруженный въ размышленіе о томъ, какъ иногда бываетъ несправедлива судьба къ людямъ.

При входѣ въ залъ они встрѣтили герцогиню Элеонору съ дочерью, шедшихъ прогуляться въ садъ. Молодые люди почтительно остановились, желая пропустить герцогиню и ея свиту. Троило посмотрѣлъ на Изабеллу и ихъ взгляды встрѣтились. Теперь, какъ и въ первый разъ, мечтательный молодой человѣкъ почувствовалъ, что невѣста его кузена произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Изабелла съ сестрами прогуливалась между цвѣтами и фонтанами подъ наблюденіемъ придворныхъ фрейлинъ. Между тѣмъ, сестра невѣсты, Марія Медичи, нѣсколько отдалившись отъ группы дамъ нашла возможнымъ вести слѣдующій разговоръ съ пажомъ Гуальтьеро Малатеста.

— О, Марія,—говорилъ молодой человѣкъ,—сегодня я испыталъ адскія мученія!

— Это почему?

— Разнесся слухъ, что герцогъ Брачціано женится не на Изабеллѣ, а на васъ, какъ на старшей. Я былъ въ страшной неизвѣстности до самаго вечера.

— Ну, а теперь вы успокоились, довольны?

— Мнѣ успокоиться и быть довольнымъ?! Теперь выдаютъ замужъ вашу сестру Изабеллу, но черезъ годъ, что я говорю, черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, дойдетъ очередь и до васъ. Это ужасно!..

— Нѣтъ, Гуальтьеро, я клянусь вамъ, если не буду ваша, то никому не буду принадлежать.

— Марія, прелестная Марія и это правда, вы будете всегда меня любить,—вскричалъ восторженно влюбленный и, увлекшись, взялъ принцессу за руку.

— Гуальтьеро,—сказала Марія, освобождая свою руку,—вы забываете, что за нами наблюдаютъ.

— Неужели вы будете въ состояніи бороться съ вашимъ отцомъ,—продолжалъ пажъ,—передъ которымъ все приклоняется?

— Да, потому что я рѣшилась на все, хотя бы мнѣ пришлось запереться въ монастырь.

— Это обѣщаніе, Марія, воспламеняетъ мои чувства до такой степени, что я хочу осмѣлиться попробовать счастья. Я сброшу костюмъ пажа, надѣну военный мундиръ и кто знаетъ, быть можетъ, буду достоинъ васъ. Быть можетъ, въ одинъ день я представлюсь вашему отцу и буду у него просить вашей руки въ на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

граду за мои заслуги. Одно ваше слово, прелестная Марія, только одно, и я готовъ идти на самые смѣлые подвиги.

— Если это внушаетъ вамъ ваше благородное сердце, слѣдуйте ему, Гуальтьеро, что же касается до меня, то я мало надѣюсь на успѣхъ.

— Марія! Марія!—кричала младшая сестра Лукреція.

Принцессы возвратились въ апартаменты. Праздникъ уже кончался.

Приглашенные гости почтительно откланивались и благодарили за честь, доставленную имъ.

Троило Орсини и Паоло Джіордано уѣхали послѣдніе. Откланиваясь Изабеллѣ, Троило страстно взглянулъ на нее; онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали и на этотъ разъ невѣста Джіордано не могла не обратить на него вниманія. Его выразительная наружность произвела впечатлѣніе на молодую дѣвушку.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

Въ домѣ Валори.

Въ РОСКОШНОЙ спальнѣ-будуарѣ, куда сквозь тяжелыя драпри не могъ проникнуть лучъ утренняго свѣта, на пышной кровати, лежала молодая женщина, только-что пробудившаяся отъ крѣпкаго сна. Она была прелестна. Густые, черные волосы ея косы, небрежно выбившіеся изъ-подъ ночнаго чепца, оттѣняли блѣдно-матовый цвѣтъ лица, улыбка еще не совсѣмъ исчезла съ полуоткрытыхъ губъ, обнаруживавшихъ рядъ бѣлыхъ маленькихъ зубовъ и длинныя рѣсницы прикрывали будто легкой дымкой глаза черные, какъ уголь; бѣлая грудь колебала кружева ночной рубашки, руки, точно выточенныя изъ мрамора, были граціозно закинуты подъ голову. Красавица находилась подъ вліяніемъ только-что прерванныхъ радужныхъ сновидѣній, въ полудремотѣ. Она еще не могла дать себѣ отчета, проснулась ли совсѣмъ, или мечтала, или продолжается ея сонъ? Эта молодая красавица, сирена, которую такъ восторженно воспѣвали современные поэты, обитавшая среди роскоши флорентійскаго двора, была Жиневра Валори, пріятельница Юліи Вителли.

Ея утренняя сладкая дремота была прервана нѣсколькими легкими ударами въ маленькую дверь и появленіемъ преданной ей камеристки.

— Онъ?—спросила Жиневра.

— Да онъ,—отвѣчала хитро улыбаясь камеристка.

— Проси его скорѣе.

— Пожалуйте, синьоръ,—сказала камеристка, отворяя дверь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Молодой элегантный кавалеръ поспѣшно вошелъ въ спальню. Камеристка удалилась, плотно закрывъ дверь.

Удостоенный проникнуть въ роскошный будуаръ прелестной Жиневры, былъ одинъ изъ сыновей флорентійскаго герцога, кардиналъ Джіованни де-Медичи, счастливый любовникъ Жиневры Валори.

Въ тѣ времена титулъ кардинала не стѣснялъ галантныхъ привычекъ молодыхъ князей. Напротивъ, чистокровныя аристократки съ особеннымъ удовольствіемъ заводили любовныя интриги съ лицами высшей духовной іерархіи. Кардиналы: Фарнезе Медичи, Гонзаго, Эсте Савойскій, въ особенности отличались своими романическими похожденіями. Католическая Франція также служила не малымъ соблазномъ для всѣхъ. Кардиналы: Роганъ, Ретцъ, Ришильё, Лорены, Бурбоне, открыто жили съ своими любовницами.

Жиневра, какъ и ея пріятельница Юлія, были истинныя жрицы сладострастья. Частое и продолжительное отсутствіе капитана Валори, занимавшаго постъ посланника при иностранныхъ дворахъ, давало красавицѣ полную возможность удовлетворять своимъ галантнымъ капризамъ.

Обладая красотою и всѣми женскими прелестями, Жиневра безъ особеннаго труда покорила сердце молодого Джіованни де-Медичи, который сдѣлался ея любовникомъ и самымъ покорнѣйшимъ слугою, при полномъ отсутствіи собственной воли. Страстныя объятія красавицы и огонь ея черныхъ глазъ превратили въ пепелъ волю и умственную способность молодого кардинала.

Такимъ образомъ, двѣ пріятельницы, Жиневра и Юлія, завладѣли обоими сыновьями флорентійскаго герцога: кардиналомъ Джіованни и донъ Гарціа.

— Знаешь, Джіованни,— говорила соблазнительная Жиневра, разглаживая волосы своего молодого любовника, — я приготовила тебѣ сюрпризъ?

— Какой, моя богиня? — спрашивалъ Джіованни, покрывая страстными поцѣлуями роскошное тѣло красавицы.

— Ты ни въ какомъ случаѣ не можешь догадаться, кого у меня встрѣтишь.

— Кого?

— Твоего брата, Гарціа.

— Онъ у тебя въ домѣ? — вскричалъ Джіованни, мѣняясь въ лицѣ.

— Да, у меня въ домѣ и не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

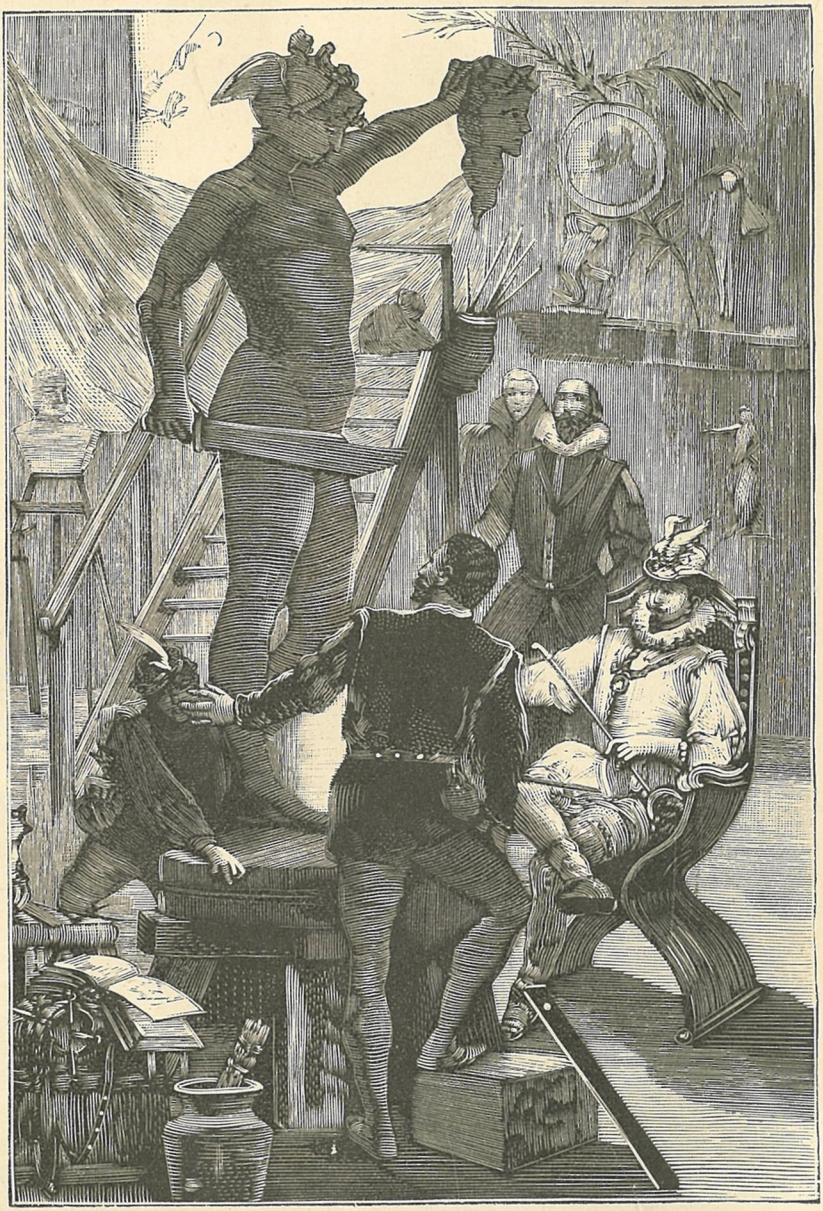
— Съ моимъ лучшимъ другомъ Юліей Вителли.

— Съ нею?!

— Да, они любятъ другъ друга также, какъ и мы...

Въ это время послышался стукъ въ дверь и появившаяся ка-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Мастерская Бенвенуто Челлини.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мериcтка объявила, что достойнѣйшая синьора Юлія пожаловала и хочетъ представиться знаменитой синьорѣ Жиневрѣ Валори.

При видѣ кардинала Джіованни, появившагося въ залъ въ сопровожденіи Жиневры, Юлія сконфузилась и встала, желая уйти.

— Полно, милая,—сказала улыбаясь ея пріятельница,—мы въ своей семьѣ.

Затѣмъ не замедлилъ прибыть и донъ Гарціа и также крайне удивился, встрѣтивъ брата. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ о любовной интригѣ другого.

Вскорѣ конечно все обошлось, какъ нельзя лучше. Обѣ пары отправились въ тѣнистый садъ. Началась веселая, оживленная бесѣда о любовныхъ похожденіяхъ, столь любимая обществомъ въ то время распущенности нравовъ, потомъ мало-по-малу каждая пара стала искать уединенія. Разговоры сдѣлались еще интимнѣе. И когда спустилась ночь, влюбленные дали свободу своимъ чувствамъ. Страстный шопотъ, нѣжные поцѣлуи, восторженныя клятвы, нарушали тишину уединенныхъ гротовъ, покрытыхъ вьющимися растеніями. Слугъ нигдѣ не было видно; двери заперты и все являлось будто по волшебству. Время отъ времени парочки сходились въ нейтральномъ пунктѣ. Здѣсь было все, что даетъ роскошь и богатство. Золотые кубки наполнялись виномъ, предлагались разные тосты, сыпались веселыя остроты, и т. д. и д. Всѣхъ болѣе былъ счастливъ донъ Гарціа. Онъ первый разъ вкушалъ истинное блаженство любви. Его Юлія была очаровательна и кардиналъ Джіованни въ душѣ рѣшилъ, что она красивѣе и милѣе его любовницы, хотя Жиневра нетолько ни въ чемъ не уступала Юліи, но, напротивъ, была соблазнительнѣе своей подруги. Для молодого кардинала главная прелесть Юліи заключалась въ томъ, что она была запрещенный плодъ, между тѣмъ какъ Жиневрой онъ уже обладалъ. Завистливый кардиналъ въ одинъ мигъ возненавидѣлъ брата и въ груди его шевельнулось къ нему злое чувство.

Послѣ этого дня, донъ Джіованни рѣзко перемѣнился, онъ уже не былъ такъ нѣженъ съ своей Жиневрой, какъ прежде. Хотя это обстоятельство и не укрылось отъ наблюденія красавицы, но причина его была ею перетолкована совершенно иначе, чѣмъ слѣдовало. Отсутствіе пламенныхъ восторговъ въ своемъ любовникѣ Жиневра отнесла къ истощенію его молодого организма. Красавица изъ опыта знала, что влюбленные юноши первоначально горятъ жаркимъ пламенемъ, но скоро превращаются въ пепелъ. Напротивъ, она даже была довольна, получила бо̀льшую свободу, что давало ей возможность осмотрѣться и пріискивать новую побѣду. Ей и въ голову не могло прійти, чтобы Юлія, ея пріятельница и подруга, зажгла огонь страсти въ сердцѣ молодого кардинала.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ, донъ Джіованни вездѣ искалъ случая встрѣтить очаровательную Юлію и увивался около нея, какъ бабочка около огня. Онъ не пропускалъ ни одного праздника, ни гулянья, ни бала. Глаза его повсюду искали только Юлію и со страстью останавливались на ней, когда ее находили. Донъ Гарціа сначала ничего не замѣчалъ, но опытная кокетка тотчасъ поняла какое впечатлѣніе она произвела на брата своего любовника. Юлія Вителли принадлежала къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя, гордясь своей красотой, стремятся увеличить число поклонниковъ и чтобы достигнуть этой цѣли употребляютъ все искусство кокетства. Каждый поклонникъ, отбитый отъ соперницы, доставляетъ большое удовольствіе подобнымъ женщинамъ, какъ Юлія Вителли, потому-что такая побѣда унижаетъ ту, отъ которой отсталъ ухаживатель. Торжество еще болѣе увеличивается, когда кокеткѣ удается отбить любовника отъ другой красавицы. Именно въ этомъ послѣднемъ она видитъ свою силу, преимущество и никакъ не хочетъ понять, что иногда это дѣлается мужчинами, отличающимися своимъ непостоянствомъ и положившими себѣ цѣлью жизни ухаживать за красавицами и соблазнять ихъ.

Юлія Вителли въ душѣ торжествовала, видя съ какой небрежностью относится кардиналъ дома Медичи къ красавицѣ Валори и ждетъ, какъ милостыни, взгляда, улыбки, или привѣтливаго слова ея, Юліи. Обладая способностью самого утонченнаго кокетства, эта соблазнительная женщина умѣла изъ искры сдѣлать цѣлый пожаръ, едва зародившееся чувство развить до степени безумной страсти. Она прекрасно соразмѣряла томные взгляды, пожатіе руки, вздохи, полуслова; не удовлетворяя вполнѣ влюбленнаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно давала ему надежду. Такая система кокетства при красотѣ очаровательной блондинки всегда ей удавалась—изъ новорожденнаго быстро образовывался гигантъ.

Эта игра въ концѣ концевъ вскружила голову молодому кардиналу и можно было назвать чудомъ, какимъ образомъ молодой человѣкъ въ его положеніи могъ скрывать свою страсть.

Ненавидя всѣми силами души своего брата Гарціа, счастливаго обладателя Юліи, Джіованни умѣлъ себя такъ держать, что видѣвшіе ихъ вмѣстѣ говорили:

— Какъ искренно любятъ другъ друга эти два брата!

Кардиналъ постоянно искалъ случая сдѣлать признаніе своему обожаемому кумиру и изъ собственныхъ устъ Юліи услышать приговоръ свой: жить или умереть. Но говорить съ Юліей безъ свидѣтелей было въ высшей степени трудно. Если около нея не было мужа, то непремѣнно стоялъ Гарціа. Въ домѣ Юліи также было очень трудно уловить счастливый моментъ, потому что капитанъ Вителли, убѣдившись въ душѣ въ невѣрности своей вѣтренной супруги, старался по крайней мѣрѣ спасти приличіе. Свиданія его брата съ Юліей въ домѣ Валори, хотя и продожались, но тѣмъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь молодой кардиналъ могъ высказать свои пламенныя чувства, потому что около Юліи былъ постоянно Гарціа. При томъ же, въ такихъ случаяхъ, донъ Джіованни приходилось играть роль влюбленнаго въ Жиневру и быть свидѣтелемъ нѣжностей, расточаемыхъ Юліей ея счастливому любовнику. И то и другое для влюбленнаго кардинала было равносильно пыткѣ.

Но, наконецъ, судьба сжалилась надъ Джіованни: случай быть вдвоемъ съ Юліей представился. Мужъ Юліи былъ далеко отъ Флоренціи, а донъ Гарціа получилъ какое-то порученіе отъ отца и также отсутствовалъ. Влюбленный молодой человѣкъ бросился въ домъ предмета своего обожанія и былъ принятъ. Въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ онъ объяснился ей въ любви, говорилъ о своихъ страданіяхъ, о томъ какъ долго скрывалъ чувство любви.

— Участь моя,—сказалъ въ заключеніе влюбленный,—зависитъ отъ васъ, я жду вашего рѣшенія: жить мнѣ или умереть.

При этомъ кардиналъ упалъ на колѣни и страстно цѣловалъ руки красавицы.

— Несчастная я!—вскричала Юлія съ притворнымъ удивленіемъ, достойнымъ самой талантливой актрисы,—но вы развѣ не знаете, что я люблю вашего брата, донъ Гарціа? Какъ же я могу раздѣлять ваши чувства, не нарушая клятвы, данной Гарціа?

— Вы уже достаточно сдѣлали его счастливымъ,—продолжалъ донъ Джіованни, цѣлуя руки Юліи,—удѣлите и мнѣ хотя каплю этого блаженства, сжальтесь надо мной!

Благородная синьора съ достоинствомъ встала, выпрямилась во весь ростъ, высвободила свои красивыя, изящныя руки и холодно-гордо сказала:

— Джіованни! вы сами не знаете, что говорите; вы меня оскорбляете... Не думайте обо мнѣ такъ дурно, не осуждайте меня за мой поступокъ. Я не способна по капризу мѣнять мои чувства. Выданная замужъ за человѣка, котораго не любила, я первый разъ услыхала изъ устъ Гарціа страстную исповѣдь божественной любви... слова его эхомъ отозвались въ моей тоскующей душѣ... я безсознательно отдалась ему... не думая ни о чемъ, не понимая, что я дѣлала... Если бы вы, Джіованни, первый заговорили со мной такимъ языкомъ, все равно я была бы ваша... можетъ быть... потому что и вы также... красивы, милы, добры, какъ и Гарціа.

— Юлія!

— Но теперь мое сердце занято... слово мною дано... На что же вы можете надѣяться? Что я для васъ могу сдѣлать?..

— Но дайте мнѣ по крайней мѣрѣ надежду въ будущемъ, умоляю васъ!

— Развѣ я могу въ вашей душѣ уничтожить надежду? Она нераздѣльный спутникъ истинной любви.

— О нѣтъ! иногда надежда покидаетъ влюбленнаго и тогда онъ умираетъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Значитъ, вы хотите меня увѣрить, что только надежда на мою взаимность заставляетъ васъ жить, да?—спросила Юлія, кокетливо улыбаясь.

— И вы сомнѣваетесь? Въ такомъ случаѣ посмотрите на мои впалыя щеки, на глаза, въ которыхъ уже потухаетъ огонь молодости. Развѣ это не есть доказательства моей смертельной грусти? Что же меня можетъ поддерживать, кромѣ надежды, отнимите у меня ее—и я умру.

— Да сохранитъ меня небо, чтобы я была причиною такого страшнаго горя вашей матери-герцогини. Я вовсе не желаю вашей смерти,—отвѣчала Юлія, продолжая улыбаться.

— Значитъ, вы мнѣ позволяете надѣяться, Юлія?

— Я не могу запретить вамъ надѣяться,—отвѣчала тѣмъ же тономъ красавица.

— Но вы мнѣ ничего не обѣщаете?

— Да развѣ я могу вамъ что-нибудь обѣщать?

— Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, если Гарціа перестанетъ быть милъ вашему сердцу...

— Но это невозможно...

— Но допустимъ это предположеніе хотя на одинъ моментъ.

— Хорошо допустимъ.

— Въ такомъ случаѣ могу ли я быть такъ счастливъ...

— Быть его преемникомъ?

— Именно.

— Знаете, Джіованни, любовь это есть святая книга, которую можно читать разъ въ жизни. Когда дойдешь до послѣдней страницы, книгу обыкновенно закрываютъ... и... настаетъ сонъ.

— Но и отъ сна пробуждаются... и любятъ другой разъ.

— Да для такого непостояннаго, какъ вы—это вѣрно. Развѣ вы не любите Жиневру, мою пріятельницу?

— Да я ее любилъ до тѣхъ поръ, пока вашъ божественный образъ не запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ.

— Значитъ, можно надѣяться, что третья смѣнитъ мой образъ въ вашемъ сердцѣ?

— О нѣтъ! Любовь, которую вы мнѣ внушили проходитъ только съ жизнью.

— Всегда такъ говорятъ, но: «смѣются боги клятвамъ влюбленныхъ».

Такимъ образомъ искусная кокетка играла съ молодымъ обожателемъ, какъ кошка съ мышкой. Впадая одновременно въ грустный, меланхолическій тонъ и насмѣшливо-игривый, Джіованни ничего не добился опредѣленнаго, но и надежда не погасла въ его пламенномъ сердцѣ, и онъ вышелъ изъ палаццо Юліи Вителли болѣе влюбленнымъ, чѣмъ когда-нибудь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Свадьба.

ГЕРЦОГЪ Браччіано, согласившись съ будущимъ тестемъ, рѣшилъ немедленно отправиться въ Римъ, спустя три мѣсяца возвратиться въ Флоренцію и сыграть свадьбу.

Герцогъ Козимо де-Медичи съ своими сыновьями проводили почетнаго гостя до Римскихъ воротъ (Porta romana). Послѣ многихъ пожеланій счастливаго пути и скораго возвращенія, гостепріимные хозяева вернулись во Флоренцію, а Паоло Джіордано Орсини, окруженный свитой, отправился по римской дорогѣ. Около Джіордано ѣхалъ его кузенъ Троило Орсини. Разговаривая о роскоши флорентійскаго двора, красотѣ женщинъ и любезности Медичи, путешественники сдѣлали десять миль и уже приближались къ мѣсту, гдѣ былъ назначенъ первый отдыхъ, какъ случилось происшествіе, нарушившее хорошее расположеніе духа всѣхъ, въ особенности самого герцога Браччіано. Лошадь Троило Орсини, испугавшись дерева, сломаннаго бурей и лежавшаго поперекъ дороги, закусила удила и понесла. Тщетно удерживалъ ее всадникъ, она неслась какъ съумасшедшая и, наконецъ, сбросила сѣдока. Троило былъ поднятъ безъ чувствъ, подъѣхавшими людьми герцога и отнесенъ на рукахъ въ сосѣднюю деревню. Призванный фельдшеръ привелъ въ себя больного и, осмотрѣвъ его, объявилъ, что опасности нѣтъ, только слабо ранена голова и вывихнута ключевая кость, но что всѣ остальные органы нетронуты. Герцогъ Джіордано былъ крайне опечаленъ этимъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе, что не могъ оставаться съ своимъ больнымъ кузеномъ, такъ какъ дѣла крайне важныя требовали его присутствія въ Римѣ. Оставивъ при больномъ двухъ своихъ служащихъ, онъ отправился дальше. Между тѣмъ въ Флоренціи узнали о происшествіи съ Троило Орсини.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Герцогъ Козимо тотчасъ распорядился послать экипажъ въ деревню, гдѣ лежалъ больной, и его перевезли во Флоренцію прямо во дворецъ и поручили заботѣ придворныхъ хирурговъ.

Такимъ образомъ, случай устроилъ, что влюбленный Троило снова могъ любоваться очаровательной Изабеллой и жить съ ней подъ одной кровлей, дышать однимъ съ нею воздухомъ. Именно этого и добивался влюбленный молодой человѣкъ, продѣлывая маневръ паденія съ лошади.

Принужденный нѣкоторое время лежать въ постелѣ, Троило Орсини мало-по-малу сталъ поправляться, ключица, вправленная на мѣсто, срослась и хирурги позволили ему прогуливаться. Онъ сталъ осматривать всѣ достопримѣчательности города, любовался художественными произведеніями искусства, столь поощряемыми герцогомъ де-Медичи. Въ сообществѣ послѣдняго онъ посѣтилъ мастерскую знаменитаго Бенвенуто Челлини, который въ то время приготовлялъ модель Персео, по заказу герцога Козимо; осматривалъ большія историческія картины, работанныя Вазари, также по приказанію герцога въ Palazzo Vecchio. Химическія лабораторіи, школы, шерстяныя заведенія, пользовавшіяся въ то время такой громкой славой, не мало привлекали любопытство выздоравливающаго; онъ всѣ ихъ желалъ осмотрѣть; между тѣмъ время шло незамѣтно и близился срокъ возвращенія изъ Рима жениха для свадьбы, уѣзжать не стоило; Троило рѣшилъ остаться. Не желая злоупотреблять любезнымъ гостепріимствомъ герцога, онъ изъявилъ желаніе перейти изъ дворца на частную квартиру. Какъ и надо было ожидать, герцогъ Козимо возталъ противъ такого рѣшенія и не позволилъ Троило уѣзжать изъ дворца.

Троило повиновался и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить своего кузена Браччіано. Въ длинномъ письмѣ онъ сообщалъ свои впечатлѣнія, видѣнныхъ имъ научныхъ и художественныхъ диковинокъ столицы Тосканы, необыкновенно любезное обращеніе съ нимъ гостепріимнаго хозяина, герцога Козимо, и прибавлялъ, что ввиду краткости срока рѣшился ждать въ Флоренціи пріѣзда его, Браччіано.

Живя въ дворцѣ Питти, Троило имѣлъ случай ежедневно встрѣчать прелестную Изабеллу. Ея необыкновенная красота, чудное пѣніе и артистическая игра на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, существовавшихъ въ ту эпоху—покорили окончательно сердце молодого человѣка; онъ страстно, беззумно полюбилъ невѣсту своего кузена. Видѣть Изабеллу, слышать ея голосъ, сдѣлалось душевною потребностью для Троило. Мысль, что это дивное созданіе, о которомъ онъ едва смѣлъ мечтать, предназначено другому, заставляла невыносимо страдать влюбленнаго молодого человѣка. Между тѣмъ эту адскую пытку Троило не промѣнялъ бы на райскія наслажденія, потому что онъ ежедневно могъ любоваться идеальной красотой Изабеллы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Само собой разумѣется, Троило Орсини, какъ хорошо воспитанный дворянинъ, никогда не смѣлъ себѣ позволить нарушать придворный этикетъ: заводить разговоръ съ Изабеллой, или оставаться съ ней вдвоемъ; онъ довольствовался любоваться ею издали и именно такъ, что, кромѣ ея, никто изъ окружающихъ этого не замѣчалъ.

Троило Орсини, какъ мы сказали выше, былъ молодъ и хорошъ собой, кромѣ всего этого, онъ обладалъ многими качествами, привлекавшими къ нему вниманіе женщинъ. Увлекательно-краснорѣчивый, онъ никогда не доводилъ до утомленія слушателя. Память имѣлъ весьма обширную и могъ продекламировать стихи многихъ извѣстныхъ поэтовъ. Прекрасно пѣлъ, акомпанируя себѣ на арфѣ, съ удивительнымъ искусствомъ извлекая изъ этого инструмента прелестныя мелодіи. Въ присутствіи всего двора онъ нерѣдко мѣрился силами артистическаго таланта съ старшимъ сыномъ герцога донъ Франческо. Прекрасно держался на лошади и замѣчательно искусно умѣлъ управлять ею.

Кавалеристы Тосканы, видя, какъ Троило заставляетъ себѣ покоряться самыхъ горячихъ лошадей, удивлялись, какимъ образомъ такой знаменитый ѣздокъ, могъ позволить себя сбросить лошади?

Съ дамами Троило былъ чрезвычайно любезенъ и разнообразенъ, объяснялъ имъ достоинство каждаго растенія, значеніе фигуръ изъ геральдики, указывалъ разницу въ характерахъ школъ живописи и прекрасно умѣлъ разсуждать о дѣлѣ искусства. Образованная и талантливая Изабелла не могла не обратить вниманія на молодого оратора, глаза котораго метали искры страсти, лицо дышало энергіей и вся фигура была такъ граціозно-изящна. Въ ту эпоху придворная молодежь занималась лишь интригами и жалкой местью. Въ глазахъ умной Изабеллы Троило Орсини являлся исключеніемъ.

Мало сказать, что онъ понравился Изабеллѣ, мы будемъ ближе къ правдѣ если замѣтимъ, что впечатлѣніе, произведенное на нея молодымъ красивымъ кавалеромъ, было болѣе чѣмъ простое вниманіе; въ ея дѣвственное сердце онъ бросилъ зерно нѣжной страсти.

Когда Троило читалъ ей стихи Данте или Петрарки и она пристально смотрѣла на него, мелодичный, застѣнчивый голосъ чтеца отзывался эхомъ въ ея молодой груди, вызывая въ ней очаровательный трепетъ.

Стихи, выражавшіе любовь, Троило декламировалъ особенно выразительно и нѣжно, желая ими высказать свои собственныя чувства. Словами Данте Алигери, онъ говорилъ Изабеллѣ, что она прелестна [1]). Читая «Освобожденный Іерусалимъ», (Gerusaleme

---

[2]) Tanto gentile e tanto onesta pare
La donna mia... (Dante).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

liberata), только-что появившійся въ свѣтъ, дойдя до стиховъ:

«Она такъ скромна и такъ прекрасна,
«Я много желаю, мало надѣюсь и ничего не прошу [1])».

Троило прекращалъ чтеніе и глядѣлъ на Изабеллу, страстно сверкая глазами. Изъ присутствовавшихъ никто не замѣчалъ этого маневра влюбленнаго, потому что чтеніе прерывалось на одну секунду, но Изабелла видѣла взглядъ и прочла въ немъ, что Троило Орсини ее любитъ.

Когда мы видимъ, что симпатичной намъ личности мы внушаемъ любовь, наше чувство симпатіи къ ней увеличивается и наконецъ переходитъ въ нѣжную страсть. Дѣвственное сердце Изабеллы сказало ей, что она любима и молодая дѣвушка уже не могла скрыть отъ себя, что и она любитъ Троило Орсини. Въ головѣ ея, съ того момента, возникъ рядъ вопросовъ: почему не онъ, Троило, назначенъ ей въ женихи, а Паоло Джіордано, котораго она совсѣмъ не знаетъ. И тотъ и другой носятъ фамилію Орсини. Между тѣмъ перваго она полюбила, ко второму равнодушна, какъ къ постороннему, совершенно чуждому ей человѣку. Первый ее понимаетъ, сочувствуетъ ей во всемъ, страстно ее любитъ, второму неизвѣстны ни ея умъ, ни образованіе, ни таланты, онъ женится на ней единственно изъ политическихъ разсчетовъ. «Какъ жаль— думала Изабелла, что я не предназначена Троило, съ нимъ моя жизнь была бы полна блаженства».

А если бы попробовать тронуть сердце отца? Онъ такъ ее любитъ. Здѣсь дѣло идетъ о счастьи всей ея жизни. Кто знаетъ, быть можетъ, отецъ и перемѣнилъ бы свое рѣшеніе. И молодая дѣвушка попробовала. Но съ первыхъ же словъ она увидала, что бракъ ея съ герцогомъ Браччіано, главою дома Орсини—рѣшенъ окончательно; что отецъ ее хотя и любитъ, но честолюбивые его замыслы дороже ему счастья дочери.

Такимъ образомъ надежда подѣйствовать на чувства отца была окончательно потеряна; Изабелла должна покориться судьбѣ, ожидавшей ее. Она мечтала лишь объ одномъ, чтобы эти блаженные дни никогда не кончались, чтобы долго, долго, не пріѣзжалъ ея женихъ, Паоло Джіордано Орсини. Мысль, что это счастливое время пролетитъ быстро, что наконецъ пріѣдетъ ея женихъ, приводила въ отчаяніе Изабеллу. Постоянная сердечная тревога, долгія безсонныя ночи, наконецъ, положили свою печать на прелестную наружность молодой дѣвушки, щеки ея поблѣднѣли и въ прекрасныхъ глазахъ отражалась тоска истерзанной души.

Каждый день Изабелла читала пламенную исповѣдь любви въ глазахъ Троило, звуки его голоса вызывали въ ней страстный трепетъ и смущали ея дѣвственный сонъ.

---

[1]) Ei che modesto e si coméssa e bella,
Brama assai, poco spera, e nulla chiede.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ день, назначенный для свадьбы, приближался. Герцогъ Браччіано уже сообщалъ о своемъ прибытіи въ Терни, Перуджіо и Ареццо, находящіеся въ весьма близкомъ растояніи отъ Флоренціи.

Въ городѣ и при дворѣ уже начали дѣлать приготовленія къ предстоящему празднеству. Повсюду кипѣла работа. Устроивали арки, цирки для борьбы и охоты. Дѣлали приготовленія для иллюминаціи и фейерверковъ и т. д.

День въѣзда жениха въ Флоренцію былъ торжественно отпразднованъ. Герцогское семейство, дворъ, городскіе судьи, начальники войскъ и дворянство, встрѣтили его у воротъ города. Двоюродный братъ жениха, Троило Орсини, съ двумя сыновьями герцога Флоренціи и знатной свитой выѣхали къ нему на встрѣчу за три версты отъ города. Во дворцѣ Питти его ждали герцогъ Козимо, герцогиня Элеонора и принцесса Изабелла съ сестрами. Три дня спустя, съ большой торжественностью было совершено бракосочетаніе епископомъ Флоренціи во дворцѣ Питти. Затѣмъ послѣдовали три дня непрерывныхъ празднествъ.

Залпы артиллеріи и звонъ колоколовъ призывали народъ принять участіе въ ликованіи своихъ государей. На площадяхъ угощали гражданъ и сжигали разноцвѣтные фейерверки. Въ балаганахъ, выстроенныхъ по случаю празднества, давались даровыя представленія. Вечеромъ на всѣхъ мостахъ трещали, шипѣли и разрывались искуственные огни и ракеты.

Въ то время населеніе Флоренціи раздѣлялось на отдѣльныя группы, соотвѣтствовавшія различнымъ національностямъ города. Эти общества, въ случаяхъ торжественныхъ событій, щедро награждаемыя дворомъ, принимали участіе въ публичныхъ торжествахъ и назывались Potenze festeggianti. Эти группы, одѣтыя одинаково, ходили по городу, каждая имѣла свое знамя и предводителя, называвшагося королемъ или императоромъ. Комичныя фигуры императора дель-Прато и вице-императора Камальдоли выступали въ сопровожденіи длинной свиты придворныхъ, а также и короли Биліеме и Батилапи съ грансиньорами Тинтори и Ботилапи. Всѣ они были одѣты въ оригинальныхъ костюмахъ. Обыкновенно торжество начиналось фехтованіемъ, потомъ совершались разныя представленія, схватки и пиршества.

При дворѣ увеселенія были конечно болѣе утонченнаго характера. Въ первый вечеръ было дано театральное представленіе, въ которомъ Аполлонъ и Музы восхваляли въ своихъ пѣсняхъ достоинства супруговъ. Затѣмъ появились одинъ за другимъ города, управляемые Медичи, окруженные нимфами, и каждая изъ нихъ посвящала одинъ куплетъ тѣмъ же супругамъ. Во второй вечеръ, въ герцогскіе аппартаменты вереницей вошли пять богато замаскированныхъ компаній, первая состояла изъ шести паръ полуна-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гихъ индѣйцевъ, вторая—изъ другихъ шести паръ въ древне-флорентійскомъ одѣяніи изъ лукко и парчи, затѣмъ греческіе герои, двѣнадцать императоровъ въ мантіяхъ и со скипетрами, украшенными драгоцѣнными камнями и, наконецъ, двѣнадцать пилигримовъ въ плащахъ изъ легкой золотой ткани, съ серебряными чашами въ рукахъ.

На парадномъ обѣдѣ третьяго дня, на которомъ присутствовало болѣе ста важныхъ флорентійскихъ дамъ, славившихся знатностью и красотою, и еще бо̀льшее количество кавалеровъ, разносили кушанья въ продолженіе четырехъ часовъ. Передавалась изъ рукъ въ руки розовая вода, разносились блюда съ фазанами, куропатками, павлинами. За паштетомъ, миндальнымъ пирожнымъ и другими сластями, на столѣ появлялись каплуны, голуби съ сосиськами и ветчиной, засахаренные цыплята, цѣлые бараны съ соусомъ изъ вишень, поросята кислые и сладкіе, телячьи головы, раззолоченыя и посеребряныя, голуби жареные съ подливкой изъ оливокъ, торты и всѣхъ возможныхъ сортовъ варенья. Три раза мѣняли скатерти и убирали столъ цвѣтами и ароматами.

Подъ конецъ обѣда дамамъ поднесли браслеты и другія украшенія изъ золота, усыпанные драгоцѣнными камнями.

Танцы продолжались до утра.

Среди всѣхъ этихъ увеселеній молодая была грустна.

Незадолго передъ свадьбой, герцогъ Козимо купилъ великолѣпную виллу Барончелли, получившую впослѣдствіи названіе Поджіо Имперіале, роскошно убралъ ее и презентовалъ въ видѣ свадебнаго подарка своей любимой дочери Изабеллѣ. Въ эту виллу по окончаніи торжества и удалились августѣйшіе молодые супруги.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Мужъ и жена.

ПАОЛО Джіордано Орсини оставался лишь короткое время въ Поджіо Имперіале. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Римъ, повидимому, призываемый туда важными семейными дѣлами, на самомъ же дѣлѣ любовью къ Викторіи Аккорамбони. Герцогъ покинулъ жену, сорвавъ цвѣтокъ ея стыдливой юности.

Онъ стремился къ инымъ привязанностямъ, къ инымъ болѣе для него дорогимъ наслажденіямъ. Прощаясь съ женой, онъ не просилъ ее помнить о немъ, сохранить ему любовь, а только сберечь неприкосновеннымъ и незапятнаннымъ его имя.

Можно себѣ представить съ какими чувствами Изабелла осталась одна. Супружескія объятія Орсини не оставили въ ней другого воспоминанія, кромѣ грубаго нападенія, похожаго на дерзкое насиліе. Ни малѣйшее чувство деликатности не скрасило неприглядной реальности факта. Изъ сношеній съ молодымъ супругомъ Изабелла вынесла только одно оскорбленіе и была покинута самымъ унизительнымъ образомъ, спустя нѣсколько дней, когда дикій звѣрь удовлетворилъ свои животныя страсти. Образованная, деликатная Изабелла болѣе не могла быть унижена. Въ ней страдала гордость принцессы и достоинство женщины.

Спѣши Паоло Джіордано, спѣши въ объятія Аккорамбони, но помни, что въ Флоренціи ты оставилъ прекраснѣйшую изъ женщинъ, оскорбленную тобою до глубины души и ненавидящую тебя какъ заклятаго врага! Но молодой супругъ, весь охваченный силою

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страсти къ своей любовницѣ, не видалъ и не подозрѣвалъ ничего подобнаго.

Между тѣмъ, двоюродный братъ его, Троило, нашелъ новый предлогъ для продленія своего пребыванія во Флоренціи и герцогъ Браччіано нимало неподозрѣвавшій настоящей причины, задерживавшей кузена, передъ отъѣздомъ въ разговорѣ наединѣ обратился къ нему съ слѣдующей просьбой:

— Въ короткое пребываніе мое въ Флоренціи я успѣлъ убѣдиться въ распущенности нравовъ этого города. Ни дворъ, ни даже само семейство герцога, не остались не запятнанными. Эти братья Изабеллы разнузданные мальчишки и я сильно сомнѣваюсь, чтобы и самъ герцогъ, отличался святостью. Жена моя, окруженная всѣми ими, остается здѣсь. Мнѣ было бы весьма не желательно, чтобы ихъ дурные примѣры сбили ее съ пути. Поэтому прошу тебя, добрый братъ, такъ какъ ты остаешься здѣсь, если дорожишь связующимъ насъ звеномъ родства и считаешь священнымъ честь нашего имени, наблюди за герцогиней Браччіано. Въ случаѣ, чего не дай Богъ, ты замѣтишь какой-нибудь, даже самый отдаленный признакъ, заставившій тебя сомнѣваться въ добродѣтели Изабеллы, немедленно меня объ этомъ увѣдомь. Я вполнѣ на тебя полагаюсь.

Троило ничего не отвѣчалъ, боясь себя выдать и только въ знакъ согласія пожалъ руку брата.

Послѣ этого разговора Паоло Джіордано и Троило подошли къ Изабеллѣ.

— Во время моего отсутствія,—сказалъ торжественно супругъ,— я поручаю заботу о васъ моему двоюродному брату. Обращайтесь къ нему, чтобы не случилось и повинуйтесь ему, какъ бы вы повиновались мнѣ.

Послѣ отъѣзда мужа, Изабелла осталась одна въ Поджіо Имперіале. Она могла бы отправиться въ палаццо Питти и въ родной семьѣ развлекаться среди праздниковъ и увеселеній, но она чувствовала себя утомленной, подавленной и избѣгала всякаго рода развлеченій. Ей необходимо было уединиться, сосредоточиться, чтобы обдумать всѣ обстоятельства, сдѣлавшія ее несчастною.

Она, которая, какъ и всѣ дѣвушки, мечтала о замужествѣ, конечно, счастливомъ, теперь чувствовала себя одинокой, покинутой, какъ никогда. Юная Изабелла точно была оглушена чѣмъ-то, сбита съ толку, потеряна; сколько она не размышляла, никакъ не могла дать себѣ отчета въ своемъ душевномъ состояніи. Съ отвращеніемъ, доходившмъ до ужаса, думала она о своемъ мужѣ и трепетала при мысли снова увидѣть его, снова переносить его близость и ласки, такъ глубоко оскорбившія ее. Изабеллѣ казалось, будто она попала въ страшную пропасть, изъ которой уже никто не въ силахъ ее спасти. Она проводила время въ уединенныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КОНКУРСЪ

ОТЪ МОСКОВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

I.

Комиссія назначаетъ конкурсъ на составленіе брошюры для публичнаго чтенія въ народныхъ читальняхъ на тему **„Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“.**

II.

Разъясненіе конкурсной темы „Ученье свѣтъ, а неученье—тьма“.

Тема должна быть развита никакъ не въ формѣ отвлеченнаго разсужденія, а въ формѣ живого разсказа, на основаніи котораго дѣлается выводъ о томъ, что ученье есть свѣтъ, а неученье—тьма.

Желательно, чтобы понятіе—«ученье», было представлено не въ узкомъ матеріальномъ смыслѣ, т. е. не какъ средство, служащее къ улучшенію личнаго существованія, а какъ самое могущественное орудіе, улучшающее духовную сторону человѣка; при такомъ только развитіи онъ дѣлается болѣе всего способнымъ понять, какъ должно свои обязанности къ Богу, Царю, Отечеству и собственной семьѣ.

III.

Условія конкурса.

1) Брошюра должна быть не болѣе двухъ и не мнѣе одного печатнаго листа.

2) Къ чтенію требуется возможно больше картинъ (не менѣе десяти), съ указаніемъ въ текстѣ для нихъ мѣста. Картины по мысли автора будутъ исполнены художникомъ, состоящимъ при Комиссіи.

3) Авторъ брошюры, признанной вполнѣ удовлетворяющею условіямъ конкурса, получаетъ **двѣсти рублей:** сто рублей по одобреніи рукописи Комиссіею и сто рублей по одобреніи ея Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4) Первое изданіе чтенія, оплаченнаго конкурсною премією, составляетъ собственность Комиссіи, а послѣдующія изданія — автора.

5) Срокъ для представленія рукописей не позжѣ 1-го декабря 1890 года.

и 6) Рукописи съ девизомъ и фамиліей авторовъ въ отдѣльныхъ запечатанныхъ конвертахъ адресуются на имя Предсѣдателя Комиссіи А. И. Святскаго, Москва, почтамтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

по образцу послѣдняго (XIII) изданія

БРОКГАУЗА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЪ И РИСУНКОВЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

И. Е. АНДРЕЕВСКАГО.

(Въ XVI—XVIII томахъ) поступитъ въ продажу съ сего 1890 года. Въ первый годъ выйдетъ пять полутомовъ, каждый въ 30 печатныхъ листовъ убористой печати; все же изданіе предполагается окончить въ **пять** лѣтъ. Первый полутомъ будетъ выпущенъ въ февралѣ сего 1890 года.

Цѣна за полутомъ въ изящномъ переплетѣ—**три** руб; за доставку по почтѣ—согласно тарифу. Книги по выходѣ изъ печати, будутъ высылаться съ наложеннымъ платежомъ. Желающіе получить означенное изданіе соблаговалятъ сообщить свой адресъ Конторѣ Редакціи, при Семеновской типографіи, С.-Петербургъ, Фонтанка, 84.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

А. Б. Отчего? зачѣмъ? и почему? Оскудѣніе и искаженіе русской рѣчи. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.

Абрамовъ, Я. В. Новѣйшіе успѣхи знанія. Популярные очерки. Спб. Ц. 2 р.

Альбрехтъ, В. Ф. Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Выпускъ III. Новгородъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Альманахъ „Сѣверъ“ на 1890 г. Изданіе Вс. С. Соловьева. Спб. Ц. 2 р.

Андерсенъ. Сказки. Съ портретомъ автора и 117 рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Андерсенъ, Г. Х. Избранныя сказки въ пересказѣ для дѣтей О. И. Роговой. Съ рисунками. Спб. Ц. 3 р.

Анучинъ, Д. Н. проф. О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ. (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ.), т. VII, вып. 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

„Артистъ“. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Кн. III. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Архивъ князя Воронцова. Книга 36-я. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Ахтомеркіанъ. Ножичекъ. Разсказъ водовоза. Перев. съ армянскаго. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 30 к.

Балашевъ, В. и В. Маркевичъ. Судебный календарь на 1890 г. Спб. Ц. за 2 ч. 1 р.

Бѣлелюбскій, А. Очеркъ постройки обходной линіи Веребьинскаго моста Николаевской желѣзной дороги. Съ чертежами. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Бобчевъ, С. С. Письма о Македоніи и македонскомъ вопросѣ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Борткевичъ, І. Прямолинейная тригонометрія съ примѣрами и задачами. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. I. Молчалинъ („Горе отъ ума“). М. Ц. 1 р.

Вернъ, Жюль. Матіасъ Сандорфъ. Романъ съ рисунками Беннета. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Викела, Д. Лука Ларасъ. Разсказъ изъ эпохи греческаго возстанія 1821 г. Переводъ съ греческаго. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р.

Война грибовъ. Народная сказка въ рисункахъ Е. Полѣновой. М. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гейне, Генрихъ. Книга пѣсенъ. Вып. I „Лирическое интермеццо“. М. 1890 г Ц. 50 к.

Гекеръ, О. Робинзонъ Крузоэ. Его странствованія и приключенія на морѣ и на сушѣ. По разсказу Дефоэ. Со ста раскрашенными рисунками. Спб. Ц. 3 р.

*) **Гете.** Его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 30-ю рисунками. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Спб. Ц. 1 р.

Глазуновъ, Н. Л. Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра. Съ 3-мя рисунками. Спб. Ц. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Григоровичъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Т. II. Спб. Ц. за 10 т. 15 р.

Гюго, Викторъ. Человѣкъ, который смѣется (L'homme qui rit). Съ портретомъ автора. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Данилевскій, Н. Я. Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Диккенсъ, Ч. Иллюстр. романы въ сокращенномъ переводѣ. Л. Шелгуновой. Давидъ Копперфильдъ. — Большія наде-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жды. — Лавка древностей. — Оливеръ Твистъ.—Нашъ общій другъ.—Домби и сынъ. Спб. Ц. за каждый романъ по 40 к.

Диккенсъ, Ч. Барнаби Рёджъ. Романъ въ 2-хъ томахъ. М. 1889 г. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Желиховская, В. Розанчикъ. Волшебная сказка для дѣтей. Спб. Ц. 3 р.

Желиховская, В. Изъ тьмы къ свѣту. Исторія мальчика-молокана. Повѣсть для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Спб. Ц. 35 к.

Захарьинъ, Г. А. проф. Клиническія лекціи. Вып. I-й. М. 1889 г. Ц. 60 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Люди темные. Очерки и картинки изъ народнаго быта. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Ильинскій, А. И. Женщины. Возможность долгаго неувяданія и борьба за здоровье, красоту, самобытность и существованіе. Издан. 2-е. М. 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

*) **Историческая** портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г. Съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXI. Ц. 2 р.

Исторія литературы фортепіанной музыки. Курсъ А. Г. Рубинштейна. 1888—1889. Спб. Ц. 1 р. Продается въ пользу фонда, подносимаго въ распоряженіе А. Г. Рубинштейна по случаю 50-ти-лѣтія его музыкально-художественной дѣятельности.

Калмыковъ, Н. А. Таблицы для вычисленія емкости круглой цилиндрической посуды въ ведрахъ. Ирбитъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каразинъ, Н. Изъ русской жизни. Альбомъ рисунковъ. Вып. II. Спб. Ц. 3 р.

Каренинъ, В. Сказка про маленькую рыбку и про великаго человѣка. Рис. Елиз. Бемъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Kaulbars, N. Baron. Aperçu des travaux géographiques en Russie (Société Imp. russe de Géographie). St.-Petersb. 1889. Prix. 1 r. 50 c.

Кенисаринъ, Ахметъ Султанъ. Султаны Кенисары и Садыкъ. Біографическіе очерки. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями Е. Т. Смирновымъ. Съ портретомъ и рисунками. Ташкентъ. 1889 г. Ц. 2 р.

Коренблитъ, А. И. Химическіе реактивы, ихъ приготовленіе, свойства, испытаніе и употребленіе. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котляревскій, Н. Очерки новѣйшей русской литературы. I. Поэзія гнѣва и скорби. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Котъ-Мурлыка. Темный путь. Романъ-хроника (въ 4-хъ частяхъ). Спб. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Коховскій, Вс. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1888 — 1889 учебномъ году. XXVI годъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Кошелевъ, А. И. Біографія. Т. I. Молодые годы Александра Ивановича. Кн. I и II. М. 1889 г. Ц. за двѣ кн. 6 р.

Крапоткинъ, К. С., кн. Историческій очеркъ производства охмѣляющихъ напитковъ. Винокуреніе по новѣйшимъ способамъ. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.

Круксъ, У. Лучистая матерія или четвертое состояніе тѣлъ. Новгородъ. 1889 г. Ц. 75 к.

Крыловъ, Викторъ (Александровъ). Драматическія сочиненія. Т. V. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. Въ царствѣ глины и огня. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Liesegang, P. E. Dr. Печатаніе серебряными солями (Позитивный процессъ). Съ рисунками. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 40 к.

Липяжанинъ. Стихотворенія. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Лонгфелло, Г. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. Ц. 2 р.

Л—ъ, К. А. (Псевдонимъ: Валяй-Прямо). Искорки и блестки. Повѣсти, очерки и разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Майковъ, Л. Н. Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературномъ поприщѣ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Горное гнѣздо. Романъ. М. Ц. 1. р. 50 к.

Мантегацца, П. Больная любовь. Гигіеническій романъ. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Маркеловъ, А. И. Глухарный токъ, тяга и чучелиная охота. (По поводу очерка „Законы объ охотѣ“ Н. В. Туркина). Спб. 1889 г. Ц. 10 к.

Масальскій, В. И., кн. Вѣсовое качество зерна главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи по даннымъ за восьмилѣтіе 1881—1888 гг. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Мещерскій, Н. И. Совѣты леченія животныхъ. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 20 к.

Михайловичъ, А. Карманная книжка фотографа практика и любителя. Спб. 1890 г. Ц. 2. р.

Mauriac, Ch. Сифилисъ гортани, дыха-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тельнаго горла и бронховъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Незвановъ, П. Дѣтскіе разсказы. Съ рисунками. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Нотовичъ, Н. А. Гдѣ дорога въ Индію? М. 1889 г. Ц. 50 к.

Ординъ, К. Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ. 2. т. Спб. 1889 г. Ц. за 2 т. 7 р.

Отъ Парижа до предѣловъ Индіи. Закаспійская желѣзная дорога, русскія среднеазіятскія владѣнія и краткій очеркъ Индіи. Составлено по гр. Шолле, Эдг. Буланже, Бонвалло и др. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Популярная медицина. Указатель лучшихъ, общепонятныхъ медицинск. книгъ для публики, фельдшеровъ, сельскихъ учителей и т. п. лицъ. Спб. 1889 г. Ц. 15 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. М. Ц. 2 р.

Проказы шалуна. Юмористическій романъ въ стихахъ и каррикатурахъ. По рисункамъ В. Буше. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Путеренъ-Ванъ, М. Д-ръ. Матеріалы для физіологіи и патологіи грудныхъ дѣтей. Спб. Ц. 40 к.

Пушкинъ, А. С. Капитанская дочка. Историческій романъ. Съ 188 рис. М. Малышева. Спб. 1889 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

Радивановскій, В. Курсъ строительнаго искусства. Часть I. Строительные матеріалы. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Раффи. Биби-Шарабани. Этюдъ изъ жизни огнепоклонниковъ въ Персіи. Переводъ съ армянскаго. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 15 к.

Реформа мѣстнаго управленія. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Рубецъ, А. Сборникъ школьныхъ хоровыхъ пѣсенъ для однородныхъ двухъ голосовъ. Вып. 1-й. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Рубинштейнъ, А. Г. Автобіографическія воспоминанія. 1829—1889 г. Съ портретами А. Г. Рубинштейна. Издан. 2. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Выпускъ 10-й. Періодъ царствованія Императоровъ Николая I и Александра II—до всеобщей воинской повинности. М. 1889 г. Ц. 60 к.

*) **Русскій календарь** на 1890 г. А. Суворина. Спб. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Рыкачевъ, М. Результаты метеорологическихъ наблюденій первой международной полярной экспедиціи 1882—1883 г. Спб. 1889 г. Ц. 70 к.

Рыловъ, М. А. Наставленіе къ выдѣлкѣ конины на гамбургскій товаръ, къ раскройкѣ ея на товаръ сапожный и башмачный. Изд. 2-е. Казань 1889 г. Ц. 30 к.

Самаринъ, Ю. Ѳ. Сочиненія. Т. VII. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 69. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Серафимовъ, В., свящ. Описаніе Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ. Съ рисунками и планомъ. Изд. 2-е, сокращенное. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.

Силичъ, Л., д-ръ. Камни (ринолиты) и постороннія тѣла въ носу. Монографія. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Силичъ, Л., д-ръ. Насморкъ и его виды: острый, хроническій, нервный и проч. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Скабичевскій, А. Сочиненія. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Скоутъ Россель. Дж. Теорія волнъ. Волны, перемѣщенія въ океанахъ воды, воздуха и эѳира. Спб. Ц. 1 р.

Скрипицынъ, В. А. Подсудимые. Очерки и разсказы. Воспоминанія и наблюденія изъ области русскаго современнаго уголовнаго правосудія. Спб. 1890 г. Ц 2 р.

Случевскій, К. Стихотворенія. Кн. 4-я. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Историческіе очерки и картинки для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1. р. 75 к.

Соболевъ, М. В. Къ елкѣ. Указатель книгъ, одобренныхъ педагогической критикой для дѣтскаго чтенія. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Стебутъ, И. А. Сельско-хозяйственное знаніе и сельско-хозяйственное образованіе. Сборникъ статей. Изданіе 2-е, дополн. М. 1889 г. Ц. 80 к.

Танѣевъ, С. Театральныя мелочи изъ прошлаго Императорскихъ театровъ. Вып. 5-й. Спб. Ц. 1 р.

Тиме, Г. Руководство къ рудничному нивеллированію и къ съемкѣ рудниковъ градусникомъ и компасомъ. Издан. 2-е, измѣн. и дополн. Съ рисунками. Спб. Ц. 2 р.

Толычева, Т. Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница. Изд. 3-е. М. 1889. Ц. 40 к.

Толычева, Т. Бабушкино благословеніе. Повѣсть. Съ 3-мя рис. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ. Со статью академика А. Веселовскаго. Съ 95-ю рис. Т. II. Ц. 2 р. 75 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

*) **Флоринскій, В. М.** Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хандриковъ, М. Теорія движенія планетъ и кометъ около солнца по коническимъ сѣченіямъ. Кіевъ. Ц. 5 р.

Хвольсонъ, Анна. Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. Съ рисунками. Спб. Ц. 2 р,

Цертелевъ, Д., князь. Эстетика Шопенгауэра. Изд. 2-е. Спб. Ц. 50 к.

Шамиссо, Ад. Чудесная исторія Петра Шлемиля. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Шапиръ, О. Безъ любви. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Швачка, К. И. Математическія замѣтки. Четыре выпуска. Кіевъ. 1889 г. Ц. каждаго выпуска 1 р.

Шведовъ, Н. Чудесное спасеніе Ихъ Имп. Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей 17-го окт. 1888 года. Чтеніе для войскъ и народа. Съ картинами. Издан. 3-е. Ц. 15 к.

Шевляковскій, М. Коммерческія игры: винтъ, безикъ и др. Съ приложеніемъ „Карточной терминологіи". Спб. Ц. 1 р.

Шимкевичъ, П. Электрическая желѣзнодорожная сигнализація. Вып. I-й. Спб. Ц. 80 к.

Шляпкинъ, И. А. Слово Даніила Заточника. По всѣмъ извѣстнымъ спискамъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Шостакъ, И. Н. Производство турецкаго табака и огневая сушка табака по американскому способу, рекомендованному г. Щербачовымъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Щукаревъ, А. Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Х. 300—265 до Р. Х. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эварницкій, Д. И. Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эйхельманъ, О., проф. Замѣтки изъ лекцій по международному праву. Кіевъ. 1889 г. Ц. 80 к.

Эйхельманъ, О., проф. Введеніе въ систему международнаго права. Вып. I-й. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Энгельтардтъ, Ник. Стихотворенія. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Эргардъ, Ф., проф. Экспертиза о насильственной смерти капитана Гиждсу (Убійство или самоубійство). Съ рисункомъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 35 к.

Эртель, А. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 3 р.

Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, сост. при Московск. Университетѣ. Книга II, подъ ред. секрет. Этногр. Отдѣла Н. Янчука. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ новѣйшихъ русскихъ писателей. Вып. 4 й. Писатели, умершіе въ 1886 г. Ц. 80 к.

Яковлевъ, В. Къ исторіи заселенія Хаджибея. 1789—1795 г. Къ исторіи завоеванія Хаджибея. Одесса. 1889 г. Ц. 30 к.

Якунинъ, Ев. Грезы и пѣсни. Стихотворенія. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 50 коп.

Ярковскій, И. О. Всемірное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія вѣсомой матеріи внутри небесныхъ тѣлъ. Кинетическая гипотеза. М. 1889 г. Ц. 2 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій, 37) и въ эстампномъ магазинѣ Фельтена (Спб., Невскій, 20).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

новое художественно иллюстрированное изданіе

Ѳ. И. БУЛГАКОВА

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“

(ЖИВОПИСЦЫ, СКУЛЬПТОРЫ, МОЗАИЧИСТЫ, ГРАВЕРЫ И МЕДАЛЬЕРЫ)

НА АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ВЫСТАВКАХЪ ПОСЛѢДНЯГО 25-ТИЛѢТІЯ

Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній.

Съ 750 фототипическими и автотипическими снимками.

Изданіе „Наши Художники“, состоящее изъ двухъ томовъ, печатается **въ ограниченномъ числѣ** экземпляровъ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ I-й ТОМЪ

Цѣна **за оба тома только по подпискѣ 15** р., съ пересылкой **17** р.
Томъ I-й отдѣльно **10** р., съ перес. **11** р.

Роскошные экземпляры (напечатано всего 50 экз.) по 25 р. за оба тома съ пер. 28 р.

При подпискѣ вмѣстѣ съ I-мъ томомъ выдается билетъ на полученіе II-го тома, который выйдетъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1890 г.

По выходѣ II-го тома подписка прекратится и цѣна будетъ возвышена.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Открыта подписка на литературно-политическій журналъ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1890 году (годъ девятый).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, Д. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. Р. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Сгахѣевъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

„Наблюдатель“ *возвращается къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и будетъ выходить ежемѣсячно, *1-го числа,* книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб. . . .	13 »	Съ доставкою въ Спб. .	6 » 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 »	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 »
Съ пересылкою за границу .	17 »	Съ пересылкою за границу	9 »

Годовые подписчики „Наблюдателя“, желающіе получить второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 16 р. 50 к. (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 »	4 »	3 »
Съ пересылкою	6 »	5 »	3 »
Съ перес. за границу . .	8 »	5 »	4 »

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ), пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые, подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель ***А. П. Пятковскій.***

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
Въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ жел. дорогъ
ПРОДАЕТСЯ
„Русскій Календарь“ на 1890 г.
А. С. СУВОРИНА.
(19-й годъ изданія).
Цѣна въ бумажной оберткѣ—1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к.; въ папкѣ—1 р. 25 к., съ пересылкой—1 р. 60 к. и въ изящномъ переплетѣ—1 р. 60 к., съ пересылкой—2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ИГРУШЕЧКА“
XI годъ. Цѣна за 12 книгъ съ двумя даровыми преміями съ доставкой и пересылкой 1890 г.
3 р. за границу **5 р.**
Съ 1888 г. въ журналѣ „Игрушечка“ введенъ отдѣлъ **французскаго языка съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.**
„ИГРУШЕЧКА“
съ отдѣломъ
„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
5 рублей. За границу **7** рублей.
II годъ. Отдѣлъ „Для Малютокъ“ печатается крупнымъ шрифтомъ со многими соотвѣтствующими разсказамъ картинками. II годъ.
Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются: **пѣсенки съ нотами,** сказки, загадки и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.
Задача этого отдѣла дать **МАЛЮТКАМЪ** едва начинающимъ **читать** занимательное чтеніе въ то время когда они скучаютъ, **играя въ безотвѣтныя игрушки.**
Отдѣльной подписки на отдѣлъ „**Для малютокъ**“ **нѣтъ.**
Требованія адресовать: въ редакцію журнала «Игрушечка», С.-Петербургъ, Сергіевская, д. № 24.
Редакторъ-издательница *А. Тюфяева-Толивѣрова.*

У всѣхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія книги:
НЕВѢСТКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО (ЦАРЕВНА ШАРЛОТА). Изящно изданный историческій романъ **М. Хованскаго.** 300 стран. съ 10 портретами и шестью политипажами. Ц. 1 р. 50 к.
ЖЕНИТЬСЯ и все-таки быть счастливымъ, съ приложеніемъ двухъ разсказовъ. Ц. 1 р.
ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО, разсказъ М. Хованскаго, по поводу женскаго вопроса и соч. гр. **Толстого** «Ma Religion». Ц. 50 к.
СОНЪ, БЕЗСОННИЦА и предупрежденіе ея. Ц. 30 к.
СТРАДАНІЯ ЖЕЛУДКА, діэта и леченіе. Ц. 35 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I Ма 139
1890, Т. 39,
Антирелигиозное отдел
Гос. Публичной Б-ки в